к 10-летию основания

Воспоминания о Сретенской духовной семинарии

1999-2009

УДК 271.22(470-25)-754(084.1)
ББК 86.372
В77

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Кирилла

Воспоминания о Сретенской духовной семинарии — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2009. — 282 с.
Книга посвящена 15-летию возрождения монашеской жизни в московском ставропигиальном Сретенском монастыре и 10-летию открытия Сретенской духовной семинарии. Своими воспоминаниями делятся преподаватели, студенты и выпускники семинарии, братия обители.

© Издательство Сретенского монастыря
Москва, 2009 год

ISBN 978-5-7533-0322-6

Содержание

Воспоминания преподавателей 3

4 **Архимандрит Тихон (Шевкунов)** «Благодарность возвышает человека, облагораживает его, защищает от пошлости осуждения и самопревозношения»

12 **Протоиерей Владислав Цыпин** «Духовное горение надо всегда в себе поддерживать»

20 **Профессор Алексей Константинович Светозарский** «Главное – радеть о стяжании веры, о ее сохранении, а остальное приложится»

29 **Протоиерей Максим Козлов** «Гореть желанием послужить Богу и Церкви»

34 **Профессор Ольга Юрьевна Васильева** «Для историка нет готовых рецептов»

39 **Профессор Александр Николаевич Ужанков** «Служение слову»

53 **Профессор Лариса Ивановна Маршева** «Использование церковнославянского языка наиболее тесно соприкасается с этимологическим, исконным пониманием литургии как общественного служения»

56 **Профессор Алексей Иванович Сидоров** «Священник должен понимать, что он служит всем»

60 **Профессор Михаил Олегович Шахов** «Правовые знания необходимы каждому выпускнику семинарии»

64 **Протоиерей Николай Агафонов** «Выбирая жизненный путь»

72 **Доцент Надежда Касимовна Малинаускене** «Не стыдно чего-то не знать, стыдно – не хотеть знать»

80 **Доцент Наталья Николаевна Трухина** «Островок надежды на будущее»

83 **Священник Вадим Леонов** «В семинарии человек получает закваску, которая животворит его всю последующую жизнь»

88 **Преподаватель Галина Ивановна Трубицына** «Многое сейчас зависит от синергии священника и учителя»

92 **Преподаватель Игорь Петрович Шаповалов** «Некая изолированность от мира иногда просто необходима»

95 **Протоиерей Николай Скурат** «Знание вероучительных истин должно быть не только прочным, но и активным»

105 **Доцент Олег Викторович Стародубцев** «Если человек учился в духовной школе, он обязан приносить пользу Церкви»

110 **Священник Александр Задорнов** «При всех искушениях не теряйте веры!»

114 **Преподаватель Дмитрий Владимирович Сафонов** «История – это не только даты и события, но и мудрые уроки»

119 **Священник Александр Тимофеев** «Богословское образование — это разъяснение для себя серьезных вероучительных вопросов, оно помогает жизнью познавать глубокие истины веры»

124 **Диакон Павел Бобров** «Наше богослужение надо любить, чтить и хранить»

127 **Священник Алексий Лымарев** «Постоянное развитие духовных школ – это наша общая задача»

131 **Священник Игорь Якимчук** «Без осознания призвания к служению Церкви учиться в духовной школе нет смысла»

134 **Протоиерей Стефан Жила** «Семинаристы должны научиться жить православно»

137 **Иеромонах Иов (Гумеров)** «Семинария должна быть школой благочестия»

144 **Священник Андрей Рахновский** «Многое зависит от педагогов и воспитателей, которые трудятся в семинарии»

Воспоминания дежурных помощников 147

148 **Монах Николай (Муромцев)** «Опыт внутренней дисциплины»
153 **Дмитрий Дементьев** «Я отчетливо замечаю, как ребята взрослеют и постепенно вырастают в достойных служителей Церкви»
159 **Диакон Антоний Новиков** «Семинария дала нам большой пастырский опыт, который мы надеемся использовать в дальнейшем служении»
165 **Игорь Максимов** «Вспоминая духовную школу»

Воспоминания студентов 5-го курса 171

172 **Алексей Васильев** «Осознание того, что ты непосредственно участвуешь в совершении богослужения, дает особую духовную радость»
176 **Георгий Бабаян** «Священник должен иметь широкий научно-богословский кругозор и чуткое сердце»
186 **Георгий Битбунов** «Семинария – важный этап духовного взросления»
191 **Алексей Хомутов** «Семинарское домоправление»
200 **Евгений Романцов** «Правильное направление духовных ориентиров»
202 **Алексей Власов** «Пять лет, проведенные в семинарии, останутся в моей памяти на всю жизнь»
206 **Священник Александр Косых** «Нет ничего выше, чем стоять у престола Самого Бога!»
209 **Андрей Шаров** «В Сретенском монастыре, в семинарии мы выросли»
213 **Илья Косых** «Мы живем вместе с монахами, общаемся с ними, что придает нашей жизни особенный дух»
217 **Илья Матвеев** «В семинарии учатся быть священником»
223 **Священник Евгений Игнатов** «Дерзайте выступать инициаторами ответственных послушаний»
225 **Роман Родионов** «Годы, проведенные в семинарии, позволили мне понять, для чего я пришел в Церковь»

Воспоминания выпускников прежних лет 229

230 **Иеромонах Лука (Ауле)** «Знания – прочный фундамент для строительства спасения души»
237 **Священник Петр Украинцев** «В храме стояще славы Твоея, на небеси стояти мним», или «Семинарские уроки»
239 **Диакон Павел Миронов** «Благодатные плоды семинарского воспитания»
241 **Священник Владимир Щетинин** «Семинария поспособствовала возрастанию моей веры в Бога»

Пожелания выпускников 2009 года студентам Сретенской семинарии 247

Фотогалерея 255

Воспоминания преподавателей

«Благодарность возвышает человека, облагораживает его, защищает от пошлости осуждения и самопревозношения»

Архимандрит Тихон (Шевкунов)

Отец Тихон, вы по благословению приснопамятного святейшего патриарха Алексия II несете послушание ректора Сретенской духовной семинарии и постоянно общаетесь со своими воспитанниками. А как вам вспоминаются ваши студенческие годы?

– Мои студенческие годы — это конец 70-х — начало 80-х годов. Прекрасное, замечательное время. Я был студентом сценарного факультета ВГИКа. Это был особый институт, в первую очередь потому, что там была удивительно домашняя, семейная атмосфера, очень дружеская обстановка. Могу сказать, рассказы о богемности ВГИКа далеки от реальности. Мы жили обычной студенческой радостной, полной открытий жизнью, которая, впрочем, была очень напряженной: мы много и с охотой учились.

У нас были замечательные преподаватели. Многих из тех, кто учил нас тогда во ВГИКе, по идеологическим соображениям не брали в большие ВУЗы, например в Университет. Такие преподаватели считались неблагонадежными, например Мераб Константинович Мамардашвили, выдающийся философ, хотя сам себя он философом никогда не называл. Говорил, что философы — это Платон, Гегель, Кант, а он занимается философией. Наше институтское начальство на удивление как-то решало проблему с преподаванием у нас «неблагонадежных» профессоров. Может быть, этому способствовало то, что училось во ВГИКе совсем немного студентов. Наш, например, курс, в 1982 году окончило всего восемь человек. Но зато к нам приезжало множество студентов из МГУ и других институтов, на лекции к тому же Мерабу Мамардашвили, так что аудитория была битком забита, ребята сидели на полу между партами, перед кафедрой. Это давало нам иногда удобную возможность, оставаясь незамеченными, прогуливать такие лекции, нежась где-нибудь на соседней ВДНХ, на лужайке. До сих пор жалею об этом. А расплачиваться за это мое запоздалое покаяние

приходится нашим студентам: у нас в семинарии меры по отношению к прогульщикам просто драконовские.

Не могу не вспомнить Владимира Яковлевича Бахмутского, преподавателя зарубежной литературы. Он очень глубоко и серьезно прививал нам навыки литературного анализа. Историю русского искусства, живописи, иконописи нам читал такой замечательный человек и подвижник, как Николай Николаевич Третьяков. Потом он частенько вместе со своим сыном приходил к нам в монастырь. Но в первую очередь нашими воспитателями и преподавателями были Евгений Александрович Григорьев и Вера Владимировна Тулякова, сценаристы, писатели. Евгений Александрович был, с моей точки зрения, выдающимся русским писателем, хотя его мало знают, но талант его был по-настоящему уникален. Когда-нибудь, думаю, его произведения прочтут и оценят.

Свободного времени, несмотря на напряженную учебу, как это ни удивительно сейчас кажется, все равно было достаточно. За исключением сессии, конечно. Мы очень много читали, ездили по стране. А еще любили гулять по Москве, по Замоскворечью. Все-таки Москва тридцать лет назад была во многом другая, чем сейчас: более спокойная, доброжелательная, хранящая еще красоту старинных улиц. Эти прогулки, наши бесконечные юношеские разговоры и споры, столь важные тогда для становления личности, запомнились на всю жизнь как очень светлое ощущение. Мы любили свою страну, но относительно власти и системы не питали никаких иллюзий. Наше поколение, отторгая навязчивый, лживый идеологический официоз, училось находить духовную опору сначала в русской и мировой культуре, литературе, а уже они постепенно подвели нас к самому великому и главному — к вере, к упованию и надежде на Господа Бога.

– Чем, по-вашему, студенты вашего поколения отличались от современной молодежи?

– Я не думаю, что можно найти большую разницу. Молодые люди всегда, во все времена — ищущие, искренние, открывающие для себя мир. Но одно меня сейчас по-настоящему тревожит. Мы, будучи студентами, очень любили читать — это был для нас главный канал

Мераб Мамардашвили

информации, притом что нынешнего книжного изобилия и в помине не было. Найти сборник произведений Андрея Платонова было огромной удачей. Конечно, сегодня молодежь получает информацию из Интернета, с экранов телевизоров. Но нельзя не видеть, насколько обедняет молодое поколение отсутствие любви к книге. Мы в Сретенской духовной семинарии стараемся приучить студентов к чтению. Именно поэтому у нас читаются дополнительные курсы русской и западноевропейской литературы. И в основном все студенты понимают, насколько для них будет необходим опыт, собранный русской и мировой классической литературой. Хотя, конечно, главное в их учебе — это Священное Писание, святые отцы, история Церкви.

А самое главное воспоминание студенческих лет — то, что в эти годы мы обретали веру. Помню, бывало, комиссия во главе с проректором инспектировала жизнь студентов в общежитии. Обходили комнаты, и в одной стоял дым коромыслом — шла студенческая пирушка, гулянка, а мы, в соседней, стояли перед иконой и, не обращая никакого внимания на высокую комиссию, читали акафист. А администрация ВГИКа, привыкшая ко всему, равнодушно взирала и на то и на другое.

– Когда произошла ваша встреча с отцом Иоанном (Крестьянкиным)?

– Я встретился с отцом Иоанном уже после окончания института. Это история отдельная, особенная. Я, может быть, расскажу ее в другой

В келье архимандрита Иоанна (Крестьянкина)

раз, ведь сейчас мы говорим о нашей семинарии.

– Какие священники оказали наибольшее влияние на ваше духовное становление в студенческие годы?

– Рядом со ВГИКом, на Горке, как мы называли это место, у метро «Щербаковская», стоит Тихвинская церковь. В нее мы частенько ходили, иногда нас туда водил Николай Николаевич Третьяков — тайком от институтского начальства. Время было непростое, и за посещение храма и он, и мы могли серьезно поплатиться. В этой церкви служил замечательный священник, который и сегодня для меня является безупречным примером, — отец Владимир Чувикин (сейчас он настоятель храма Перервинского монастыря и ректор тамошней семинарии). Я помню, как поражали нас тогда его проповеди. Важным для меня было знакомство с отцом Николаем Смирновым. В то время он служил в Новодевичьем монастыре, а ныне настоятельствует в храме Иоанна Воина. Я писал дипломную работу о патриархе Никоне, личность этого церковного иерарха и государственного деятеля произвела на меня тогда большое впечатление. Я даже ездил на Соловки, поскольку патриарх Никон был пострижеником соловецкого Анзерского скита. Так вот: отец Николай, который является блестящим специалистом по истории Русской Православной Церкви, уделил мне тогда, еще совсем мальчишке, очень много времени. Отвечал на мои наивные вопросы, рассказывал о патриархе Никоне, советовал, какой литературой пользоваться, — в общем, отнесся ко мне очень по-доброму и снисходительно. Еще я много общался с отцом Александром Шаргуновым. Он был в те годы недавно рукоположен и служил в Скорбященском храме на Ордынке. Но нам приходилось беседовать не в церкви, где за ним следили, а в метро: там он ждал меня, уже в светской одежде. Мы выходили из метро и бродили по улицам. Отец Александр отвечал на любые мои многочисленные вопросы, что внушало уважение и доверие. Нужно понимать, что тогда встреча со священником была целым событием.

– Отец Тихон, как возникла идея создания Сретенской духовной школы?

– Пятнадцать лет назад началось возрождение иноческой жизни в Сретенской обители, которая некоторое время была подворьем Псково-Печерского монастыря. Постепенно собирались насельники, в основном молодые люди. Конечно же, им необходимо было дать образование. Вначале братия попробовали заниматься на заочном секторе в Московских духовных школах, но толку от этого вышло мало, поскольку все насельники были заняты на многочисленных послушаниях и времени на самостоятельную учебу не хватало. Все осознавали, что очное образование нельзя сравнить с заочным. Так постепенно родилась мысль, подсказанная отцом Владимиром Чувикиным, — создать монастырскую духовную школу. Мы оценили свои возможности, в том числе и финансовые, и я обратился за благословением к отцу Иоанну. Он очень обрадовался, что у нас есть такое желание и возможность, и благословил создавать учебное заведение в стенах Сретенского монастыря. Конечно, главное благословение в данном случае было за настоятелем нашей обители — почившим святейшим патриархом Алексием. Он тоже очень тепло напутствовал нас на этот труд. И все прошедшие годы живо интересовался жизнью студентов, их обучением и воспитанием. Откликался святейший и на семинарские проблемы, прискорбные неудачи, радовался нашим маленьким победам.

– Расскажите, пожалуйста, о том, как была сформирована преподавательская корпорация руководимой вами духовной школы.

– Это был живой, активный процесс, довольно длительный. Вначале в нем участвовали Александр Михайлович Камчатнов и Василий Георгиевич Моров. Мы вместе с ними стали привлекать преподавателей. Через год — в 2000-м — к нам пришел из Московской духовной академии нынешний владыка Амвросий (Ермаков), тогда иеромонах. Его деятельность стала для нас большим подспорьем, потому что из насельников Сретенского монастыря никто «очно» в духовной школе не учился. У многих было светское высшее образование, а

Первые учащиеся Сретенской семинарии

вот специфику внутреннего устройства семинарии мы знали недостаточно. Отец Амвросий много потрудился, привнес в наше совсем юное тогда учебное заведение все самое лучшее, что накопил за годы жизни в духовных школах.

Наша семинария вначале называлась Сретенским высшим православным училищем, и мне это название очень нравилось. И слово «училище», и «православное», и «высшее» — все мне казалось правильным и уместным для церковного воспитания молодежи. Но отец Амвросий был категорически против такого наименования. Училище, оказывается, в табеле о рангах духовного образования стоит ниже, чем семинария. Я уступил, и так мы стали Сретенской духовной семинарией. Говорят, что она сейчас одна из лучших высших православных школ в России. Если это и так, то в первую очередь заслуга в этом нашего педагогического состава. Нам повезло, что мы находимся в центре Москвы и можем приглашать к себе преподавателей и из Московской духовной академии, и из МГУ, и из Свято-Тихоновского университета, из многих других учебных заведений. Наши преподаватели вызывают у меня настоящее восхищение — это талантливые самоотверженные труженики, любящие науку, которой они посвятили жизнь. И самое главное, они любят и очень трогательно заботятся о наших воспитанниках. Я не помню ни одного случая за последние девять лет, чтобы мы вступили в конфликт, чтобы было какое-то недопонимание. По всем вопросам, которые неизбежно возникают в духовной школе, мы всегда находим верное и единодушное решение. И надеюсь, по милости Божией, такое прекрасное единство сохранится и в дальнейшем.

– Как строится учебный процесс в Сретенской духовной семинарии? Какие дисциплины являются приоритетными при подготовке будущих священников? Не задумываетесь ли вы о введении новых курсов в программу духовной школы?

– У нас есть обязательные предметы, которые предусмотрены единой семинарской программой. Но помимо этого, студенты у нас изучают ряд дополнительных дисциплин — прежде всего гуманитарных. Здесь, в первую очередь, важна не только сама дисциплина, но и преподаватель. В любой сфере знаний можно талантливо, глубоко и ярко раскрыть предмет. Мы стараемся сделать все, чтобы в Сретенской духовной школе не было ситуаций, когда дисциплина читается скучно и непознавательно.

Что касается приоритетных предметов, то это, конечно, богословские и пастырские дисциплины. Когда-то в духовном обучении придавалось большое значение знанию наизусть Святого Евангелия, Псалтири. Думаю, это было бы замечательной практикой и сегодня. Наши семинаристы-сретенцы регулярно

читают неусыпаемую Псалтирь, и некоторые действительно почти наизусть знают Псалтирь к пятому курсу. Кроме того, мы ввели для наших воспитанников небольшое молитвенное правило, куда включено чтение Нового Завета, Псалтири, Иисусова молитва. Мне представляется это совершенно необходимым. Так же как и преподавание предмета, который, как ни парадоксально, не включен в обязательную программу семинарий, — «Православной аскетики». Помню, когда я был послушником в Псково-Печерском монастыре, а было это в начале восьмидесятых годов, приехало несколько семинаристов из ленинградской семинарии. Они казались для нас чем-то недосягаемым — семинаристы, богословы! Но каково же было наше изумление, когда в разговоре выяснилось, что они, учащиеся духовных школ, студенты четвертого курса, не читали ни «Лествицу», ни авву Дорофея. Это было для нас просто сокрушительным потрясением: мы даже представить себе не могли, что такое может быть. А чем же они вообще там занимались? В Сретенской семинарии изучаются труды святых отцов-аскетов, их богатейшее наследие. Мы ставим себе задачей, чтобы святоотеческие творения вошли в жизнь будущих пастырей как нечто совершенно органичное, живое и необычайно важное.

– Батюшка, вы несколько лет преподавали семинаристам пастырское богословие. В чем вы видите задачи данного курса?

– Приучение будущего священника к молитве, непрестанному предстоянию пред Богом и твердой надежде на Промысл Божий — главные задачи духовного воспитания в семинарии. Молитва, жизнь, во всем основанная на вере в Господа нашего Иисуса Христа, — вот главные инструменты, невидимые, не до конца порой осознаваемые, но самые сильные и действенные в духовном труде священника.

– Какие изменения, произошедшие в семинарии за эти годы, вы считаете наиболее важными?

– Естественно, за десять лет, с того дня, как мы начинали все с нуля, изменений произошло немало. У нас уже шестой выпуск в этом году. Конечно, в первое время было множество всяких «детских» болезней, да и сейчас мы, наверное, «хвораем» время от времени. Но нам удалось, как мне представляется, войти в некое стабильное русло. Особенно хочется сказать про тех наших выпускников, которые руководят повседневной жизнью и сложным учебным процессом в нашей школе. Это проректор и благочинный монастыря иеромонах Иоанн, его помощники монах Николай, диакон Антоний, дежурные помощники Игорь Максимов, Дмитрий Дементьев. Без них, без их огромного труда, сердечной заботы о студентах и о деле, им порученном, без их молитв наша семинария попросту бы не существовала.

У нас особое учебное заведение, так как студенты пока живут бок о бок с братией монастыря: сорок монахов и сто пятьдесят студентов располагаются на сравнительно небольшой территории. Вся братия — и казначей, и эконом, и келарь, ризничий, и труженики издательства — да все без исключения заботятся о наших воспитанниках и о самой семинарии. Сретенская обитель — это наш дом, здесь у нас и библиотека, и трапеза, и учебные аудитории. Мы надеемся, что через какое-то время наши возможности расширятся, и мы получим новые просторные помещения и для аудиторий, и для жизни семинаристов. Тогда и братии будет немного полегче. Ведь когда в келье над головой монаха, этажом выше, пробегает веселая толпа наших юных воспитанников, непросто сосредоточиться на молитве. Хотя все, конечно, понимают, что надо потерпеть, что это временно, и никто, или почти никто, не жалуется. Я считаю очень важным, что наши студенты живут в монастыре, имеют возможность общаться с братией, посещать монастырские службы, полунощницы, братские молебны. Послушания мы тоже выполняем вместе, хотя, разумеется, братия занимается, скажем так, более квалифицированными делами: написанием и изданием книг, воспитанием тех же студентов, пастырским послушанием, хозяйством и т. д. А главное послушание для студентов — это учеба. Однако и обязательные трудовые послушания у них тоже есть. Но они занимают, наверное, в день не больше часа. Что же касается главного — то в первую очередь мы требуем от наших воспитанников ответственной и заинтересованной учебы. Когда мы видим их старание, то всячески поощряем таких студентов; когда замечаем лень и равнодушие, то

вынуждены предпринимать стимулирующие меры. Сейчас мы ввели любопытную практику, которая дала отличные результаты. Наши воспитанники нередко опаздывали на занятия. Мы, конечно, увещевали их, ставили на дополнительные послушания, но все было неэффективно, и я, посоветовавшись с преподавателями, ввел следующую систему взысканий: если кто-то опоздает на занятие, даже на минуту, преподаватель поручает ему написать реферат — страниц этак на пять. Без представления такого реферата семинарист не будет допущен к экзаменационной сессии. Такой же реферат требуется написать, если студент пропустил занятие, в том числе и по болезни. Это справедливо: пропустил тему — восполни ее самостоятельным изучением и представь соответствующую письменную работу. И знаете, произошло чудо: многие исцелились, заболеваемость резко снизилась, а опоздания совершенно прекратились.

– Отец Тихон, какими критериями вы руководствуетесь при приеме вступительных экзаменов? Как определить среди большого числа абитуриентов будущего семинариста, а затем и священнослужителя?

– В первую очередь это благочестие и искреннее стремление быть священником, служить Церкви Христовой. Если даже на старших курсах мы видим отсутствие желания служить Богу, то с таким студентом мы расстаемся. Раньше в духовную школу поступали, отслужив в армии. Сейчас многие наши абитуриенты — в основном семнадцатилетние выпускники школ, которые, конечно же, не смогли еще до конца определиться, и мы учитываем это обстоятельство. Если мы видим, что юноша по-настоящему благочестивый, хочет учиться, мечтает служить Церкви, мы зачисляем его в семинарию. Даже не очень сильных учащихся мы всячески поддерживаем, тем более что есть множество способов не заставить, а заинтересовать студентов тем или иным учебным предметом. Но если мы видим кощунство или грубость, если человек не добрый, обижает кого-то, не любит своих сокурсников, не хочет смириться перед ними, если для него исполнение евангельских заповедей не является самым главным в жизни, с таким студентом мы расстаемся.

– Из чего складывается духовная жизнь в семинарии?

– Духовная жизнь наших студентов строится совершенно определенным образом. Каждую неделю все должны обязательно приступить к исповеди. Первые лет семь исповедовал их я, а сегодня студентов исповедуют специально поставленные иеромонахи-духовники. Убежден, навык постоянного наблюдения за собой, через призму евангельских заповедей, необходим для будущих священников. Примерно раз в две недели студенты причащаются. И мы за этим внимательно следим. Если наш воспитанник уклоняется от Причастия, то это тревожный признак духовных проблем. Семинаристы, как я уже отмечал, имеют небольшое молитвенное правило. Все без исключения проходят практику чтения неусыпаемой Псалтири, когда на молитву встают даже ночью. На трапезе читаются святые отцы, жития святых, книги о подвижниках благочестия. Немаловажной составляющей воспитания в семинарии мы считаем овладение общей культурой поведения. Она, к несчастью, утрачивается, многие ее нормы нивелируются, размываются. Приходится объяснять элементарные вещи, которые для нашего поколения были почти автоматичны, например то, что при встрече надо здороваться, и, к сожалению, многое, многое другое.

– По вашему мнению, какие этапы проходит молодой человек, обучаясь в семинарии?

– Мы вывели шуточную градацию, основанную на партийном принципе. Итак, на первом курсе наши студенты наивные, тихие, еще ничего не понимающие, «беспартийные» — с ними легче всего. На втором курсе в них вселяется какой-то особый дух самоуверенности и противоречия; это уже совсем освоившиеся молодые люди, которые совершенно не замечают своей наивности и малоопытности, но всеми силами стремятся к внешней свободе, — этакие либералы из партий «Яблоко», СПС. На третьем курсе большинство «перекидывается» в ЛДПР. Могут и похулиганить, и поэпатировать. На четвертом курсе — это КПРФ — начинают понимать смысл порядка, системы, но предпочитают ворчать в оппозиции. А на пятом курсе — это такая «Единая Россия» — послушные, ко всему привычные, исполнительные, все понимающие и т. д. Конечно, это шутка. А если говорить серьезно, ребята, конечно, становятся мудрее. Студенты со

временем начинают понимать нас как руководителей. Начинают понимать то, чего раньше они просто не могли осмыслить. Они становятся нашими настоящими помощниками. И поэтому-то всегда, с одной стороны, печально расставаться с выпускным курсом, но, с другой, понимаешь: это уже состоявшиеся люди, которые начинают свою новую жизнь, ради которой мы, собственно говоря, их и воспитывали.

– В связи с этим такой вопрос: что должна воспитывать семинария в своих учащихся?

– В семинарию приходят люди с настоящей Христовой верой, пусть детской, юношеской, но настоящей, со стремлением стать священниками, получить знания, спастись... Казалось бы, что нам еще надо делать, как не приумножать эти прекрасные качества? Конечно же, это так. Но кроме этого, важнейшую задачу духовного воспитания я вижу в формировании чувства внутренней свободы о Господе, то есть полной и свободной преданности воле Божией, и всежизненном познании этой Божественной воли. Как определил для себя святитель Филарет Московский: «Свобода есть способность и невозбранность разумно избирать и делать лучшее». И еще — чрезвычайно важно воспитать в семинаристах благодарность. Причем, конечно, не к нам, хотя, разумеется, приятно, когда наши выпускники приезжают в обитель на праздники, служат вместе с братией, поздравляют с памятными датами. Благодарность — это необычайно важное и высокое духовное состояние человека, благодарность Богу, благодарность в жизни вообще. Только грубые души не способны к благодарности. И мы стараемся привить нашим воспитанникам понимание этой деликатной материи, привить благодарность к Господу, к Церкви, к жизни, к людям, которых Господь посылает им на жизненном пути. Это чувство возвышает человека, облагораживает его, защищает от пошлости отупляющего себялюбия, от грехов осуждения и самопревознощения.

– Каково будущее семинарии, ее перспективы?

– Что касается чисто внешних целей, то, еще раз повторю, мы надеемся на расширение нашей территории. Разумеется, мы будем развивать и совершенствовать воспитательную и учебную работу. Так, например, в этом году вводится новая миссионерская практика для всех наших студентов. О ее результатах, я думаю, мы отдельно расскажем на страницах нашего сайта: Pravoslavie.ru.

– Что можно пожелать учащим и учащимся в связи с юбилеем Сретенской духовной семинарии?

– Наша школа вступает в новое десятилетие своей истории с тем, чтобы мы все вместе — и воспитанники и преподаватели — с радостью и благодарностью служили Богу и несли послушание, на которое призвал каждого из нас Господь.

«Духовное горение надо всегда в себе поддерживать»

Протоиерей Владислав Цыпин

Отец Владислав, какое образование вы получили? Как в советское время вы пришли к вере? Расскажите про ваши студенческие годы.

– Высшее образование я получил на филологическом факультете МГУ. Учился там в 60-е годы. Думаю, что уровень образования, которое мы тогда получали, был достаточно высок. По крайней мере, до сих пор оно остается фундаментом моих гуманитарных знаний.

Я родился не в атеистической семье, хотя слишком приукрасил бы, если бы сказал, что семья была чересчур церковная. Но, во всяком случае, иконы дома были, несколько молитв я знал с детства, крещен был в младенчестве. Однако полноценного религиозного воспитания не получил. И у меня потом был постепенный процесс воцерковления. Если в студенческие годы я в храм приходил время от времени, только по большим праздникам, то в более поздние годы, взрослея, стал регулярнее посещать богослужения, исповедоваться и причащаться.

– А что этому способствовало?

– Не могу сказать, что были какие-то толчки, хотя я много прочитал христианской литературы. Но не в школьные годы. А вот на первом курсе университета прочитал Новый Завет. Ко времени окончания университетского обучения я прочитал всю Библию; может, даже несколько раз. А затем читал больше религиозных философов, чем святых отцов. Читал труды славянофилов — Хомякова, Киреевского, затем — священника Павла Флоренского, философа Бердяева... Мне были известны тогда лишь имена святых отцов, а читать их я стал позже. Тогда же я стал участвовать в церковной жизни. С внешней стороны — как подобает православному христианину, а о внутренней стороне мне судить трудно.

– Вы были просто прихожанином?

– Да, никаких приходских обязанностей я не имел. А что касается профессиональной церковной деятельности, то первый опыт мой связан с тем, что я делал переводы для

Издательского отдела Московской Патриархии. Это были переводы статей. Но тогда же я перевел и две книги. Одна из них опубликована как приложение к «Истории Русской Церкви» митрополита Макария — это «История русских монастырей» Игоря Смолича. Но тогда эти переводы предназначались не для публикации, а для внутреннего пользования, ими пользовались митрополит Питирим и издательские сотрудники. Это было начало 80-х годов. А с 1984 года я начал преподавать в Московских духовных академии и семинарии.

– А когда и почему вы решили пойти учиться в семинарию?

– Здесь надо уточнить: сначала я стал там преподавать. Путем самообразования я тогда уже сумел получить некоторые знания по истории Русской Православной Церкви, особенно XX столетия. Тогда я и начал преподавать историю РПЦ синодального периода и XX века. Правда, в первом семестре я еще преподавал и русский язык. Впрочем, это не моя специальность, хотя я и окончил филологический факультет, но по специальности «Германистика».

– Расскажите про ваши семинарские годы.

– У меня не было студенческих годов в семинарии, я просто в течение года сдал экзамены экстерном за полный курс семинарии и за два года — академии. После этого состоялась защита моей кандидатской диссертации.

– То есть вы за три года получили семинарское и академическое образование?

– Да. Но тем не менее у меня остались хорошие воспоминания о семинарии тех лет. Самое главное отличие семинаристов того времени от современных в том, что абитуриенты тех лет, когда поступали в семинарию, делали гораздо более ответственный выбор. Говоря метафорически, они сжигали за собой мосты, чего не происходит в наше время, когда поступают в семинарию. Они были постарше: средний возраст абитуриента был за двадцать, почти все служили в армии, и они делали сознательный выбор. Безусловно, они были людьми более зрелыми и ответственными, но уровень их общего образования был низок, хотя среди абитуриентов встречались талантливые личности, обладающие большой эрудицией. Приходили в духовные школы и люди с высшим образованием, и даже с учеными степенями, основательно начитанные в святоотеческой литературе. Но средний уровень их образования был ниже теперешнего. Вероятно, это связано с тем, что большинство абитуриентов были выпускниками сельских школ Украины.

– Батюшка, а почему был такой большой процент поступающих с Украины?

– Это связано с тем, что в послевоенные годы церковная жизнь на Украине не была разрушена до такой степени, как в России. Там и в худшие времена во многих селах оставались действующие храмы. И во многих семьях дети получали христианское воспитание. Другое дело, что многие семьи были обращены из униатства.

– А пользовались ли вы шпаргалками?

– Возможно, но уж точно не систематически, и особых навыков в их изготовлении у меня нет.

– А как вы относитесь к тому, что ваши студенты пользуются шпаргалками?

– Я отношусь к этому, конечно, негативно. Но, с другой стороны, понимаю, что человек, изготавливая шпаргалку, может чему-то и научиться.

– Почему для преподавания вы выбрали именно каноническое право и историю РПЦ?

– Историю РПЦ я не выбирал, просто выяснилось, что в этой церковной дисциплине я наиболее сведущ. А преподавание канонического права мне было поручено ректором МДАиС архиепископом Александром. Он не объяснил мне причину своего решения, но у меня есть предположение. Моей кандидатской работой была большая статья о границах Церкви, которая писалась для юбилейного сборника «Богословских трудов». А потом она уже защищалась как кандидатская работа. В догматической части этой статьи я опирался гораздо больше на каноны, чем на богословские работы. Именно в них я увидел солидную опору для рассуждений о границах Церкви. Возможно, такой мой подход и подтолкнул руководство академии к мысли поручить мне преподавание канонического права, когда образовалась вакансия.

– А вы готовились к этому предмету?

– Да, я основательно готовился, отчасти до начала семестра, а потом тщательно готовил лекции весь первый год преподавания.

– Были ли у вас наставники по каноническому праву?

– В академии не было, потому что эта кафедра была вакантной. Но тем не менее у меня был предшественник, с которым я беседовал

На катехизических курсах в Политехническом музее

по поводу канонического права, — это профессор протоиерей Валентин Радугин. Но ведь и преподаватели других дисциплин тоже ориентируются в каноническом праве. Это ведущие профессора академии Михаил Степанович Иванов, Константин Ефимович Скурат, Алексей Ильич Осипов, их советами и рекомендациями я активно пользовался. Конечно же, я пользовался еще и литературой. Это и дореволюционная литература, но также и лекции профессора С.В.Троицкого, которые издавались в Сербии на сербском языке, когда он был в эмиграции. Но в послевоенные годы он приезжал в Москву и читал здесь курс лекций.

– А как вы стали преподавателем духовных школ? Может, что-то или кто-то способствовал этому?

– Я сам не искал преподавания в духовных школах. Но был там один студент последнего курса академии, который уже преподавал. Тогда было принято, чтобы более способные академисты-выпускники читали лекции в семинарии. И он меня порекомендовал. Но я думаю, сказалось и то, что я уже делал переводы как внештатный сотрудник Издательского отдела Московской Патриархии.

– А как вы попали в Сретенскую духовную семинарию?

– По просьбе ректора семинарии архимандрита Тихона (Шевкунова), с которым я был знаком задолго до того, как пришел в Сретенскую семинарию.

– Расскажите поподробнее о знакомстве с отцом Тихоном.

– Впервые я его увидел на одной богословской конференции в 80-х годах. Тогда он был еще мирянином Георгием Шевкуновым, еще молодым человеком. Но его выступление было твердым, компетентным, он уверенно отстаивал свои тезисы. Я не помню содержания его выступления, помню только его характер. Затем я с ним встречался в различных ситуациях, потому что духовенство Москвы — это круг лиц, хорошо знающих друг друга. Отец Тихон принадлежит к тому кругу московского духовенства, с которым и я соприкасаюсь в разных обстоятельствах.

– А когда вы пришли в Сретенскую семинарию? С момента ее открытия?

– Нет, я пришел не сразу, а только через несколько лет после открытия семинарии.

– Расскажите про ваши первые впечатления о семинарии.

– Мое первое впечатление о Сретенской духовной семинарии было весьма положительным. Это хорошо благоустроенная школа, в которой о студентах хорошо заботятся. И здесь гораздо больше возможностей, чем в Московской духовной семинарии, где семинаристов больше и они не такие ухоженные. Еще я обратил внимание на преподавательский состав. Радикальных отличий в образовательном процессе я не заметил, ведь преподавание дело сугубо индивидуальное, тут многое зависит от самого преподавателя, многие преподносят даже одинаковый материал по-разному.

– Расскажите про первый выпуск, чем он вам запомнился?

– Здесь выпускники намного раньше, чем в МДС, стали защищать свои дипломные работы. Защита проходит обстоятельно, с предзащитой. Это мне показалось опытом, заслуживающим заимствования другими духовными школами.

– Что вы можете сказать о наших студентах, какие вы замечаете плюсы и минусы? Чего им не хватает?

– Об этом нелегко говорить, потому что студенты разные. Хотя средний уровень студента СДС сопоставим со средним уровнем учащихся МДС. Но поскольку здесь студентов меньше, то и диапазон различий у́же. Это в МДС, где на каждом курсе по 100 человек, способных и малоспособных насчитывается большое количество, но там больше и студентов, склонных к подвижничеству.

– Если сравнивать МДС и СДС, какие различия вы видите?

– В СДС учиться легче, здесь нет такой перегруженности аудиторий, библиотечного зала, общежития. Здесь более комфортные и благоприятные условия.

– Некоторые утверждают, что это плохо сказывается на наших студентах.

– Возможно. Некий элемент избалованности присутствует. Хотя я не берусь быть строгим судьей, мне сложно непредвзято судить об этом.

– А то, что ученики МДС живут в более суровых условиях, как-то влияет на их успеваемость?

– Им труднее учиться. В помещении, где они живут, одновременно присутствует около двадцати человек, поэтому им труднее сосредоточиться на чтении, кто-то в это время разговаривает, поет или молится вслух. Но, с другой стороны, такие суровые условия закаляют личность.

– Чего не хватает нашим студентам?

– Не могу обобщенно сказать. Не хватает всем разного. Я мог бы только сопоставить нынешних студентов со студентами советской эпохи. Повторяю, тогда в семинарии учились более сложившиеся личности, с более твердыми и ясными убеждениями. Но это не значит, что я сторонник отодвинуть время поступления и поднять возрастной ценз. Есть сейчас такая точка зрения, что принимать в семинарию надо только отслуживших в армии или имеющих иной практический жизненный опыт. Я лично думаю, что это не совсем правильно, потому что с точки зрения образовательного процесса учиться лучше без перерыва, переходя со школьной скамьи на студенческую. Это более естественный и правильный путь.

– Почему?

– Это с точки зрения обучения, получения знаний. Но что касается формирования личности, то тут могут быть другие подходы, и жизненная школа делает человека сильнее. Хотя она все равно неизбежно у каждого человека бывает. В любом случае житейские трудности у каждого студента еще будут.

– Каким критерием надо руководствоваться при рукоположении — зрелостью личности? А кто эту зрелость должен оценивать?

– Здесь ничего нового сказать невозможно, потому что самые важные вещи очевидны. Твердая сознательная православная вера, отсутствие канонических препятствий, положительные нравственные качества... Ведь бывает, что у ставленника канонических препятствий нет, но и высокой христианской жизнью он не отличается. Кроме того, должно быть пастырское призвание, которое по-разному проявляется. Но именно для приходского священника исключительно важной особенностью является умение общаться с людьми. Потому что бывают образованные батюшки-молитвенники, которые не умеют общаться с людьми. И, на мой взгляд, таким людям более уместно другое служение в Церкви — монашеское, например, или в мирянском звании.

– А что вы скажете о современной системе духовного образования? Как, на ваш взгляд, все ли предметы уместны для будущего пастыря? Может, какие-то дисциплины надо убрать, а иным уделить больше внимания?

– Круг предметов все-таки на данный момент соответствует задачам современной духовной школы. Приоритет имеют богословские и церковно-исторические дисциплины, хотя есть и место для широкого гуманитарного образования. Так что все, что требуется, имеется, а вот о деталях с ходу говорить труднее. Наверное, у меня могли бы быть частные рекомендации и предложения, просто их надо более основательно продумать. Мне представляется, что гораздо больше внимания нужно уделять чтению текстов, хотя, возможно, на мое мнение оказало влияние мое первое, филологическое, образование. Мне бы хотелось, например, чтобы догматическое богословие изучалось не только по учебникам и лекциям, но и по тем творениям святых отцов, в которых догматы содержатся. Вот тогда образование будет носить более фундаментальный характер и даст неплохую опору преподавателям для подачи материала, так как студенты будут более эрудированны. Дело в том, что в богословии сами тексты святых отцов и соборные определения намного важнее учебников. Однако чтение не должно быть, как в средней школе, с контролем прочитанного, но должна быть позитивная настройка на чтение. И на экзаменах, например по догматическому богословию, недостаточно просто правильное изложение догматов, надо ориентировать учащегося на знание того, где эти догматы содержатся и утверждаются, в каких именно святоотеческих текстах.

– То есть надо ввести отдельный предмет по изучению наследия святых отцов?

– Нет, я не говорю об отдельной дисциплине. Просто чтение текстов должно присутствовать практически во всех дисциплинах, и нужно стараться, чтобы оно носило систематический характер. Преподаватель в своих лекциях должен ссылаться на материал, который студенты обязаны осилить.

– Что вы можете сказать о возрастании студентов в семинарии от 1-го курса к 5-му? Многие наблюдают

разительные перемены в студентах. Расскажите об этом поподробнее. По вашим наблюдениям, что происходит с человеком?

– Взросление — вещь неизбежная, и это не просто физиологический процесс, а еще и процесс духовного возрастания, формирования личности. Другое дело, что с прискорбием приходится наблюдать, что чем более студенты укореняются в семинарской системе, тем больше они утрачивают первоначальную христианскую ревность, которая наблюдается у абитуриентов при поступлении.

– Чем это обусловлено?

– С одной стороны, появляется некое равнодушие, которое является следствием привыкания. Я помню, как покойный ректор МДАиС владыка Александр часто говорил о поступивших студентах, что когда они впервые входили в алтарь, то для них это был шок, сопоставимый с последним днем Помпеи. И владыка говорил, что студента надо так обучить, чтобы в алтаре он был как у себя дома. Я считаю, что в целом это хорошо, когда, входя впервые в алтарь, юноша испытывает благоговейные чувства. Но это духовное горение надо всегда в себе поддерживать. И на преподавателях, воспитателях и духовниках лежит ответственность: не позволить угасать огню ревности в студентах.

– Какими способами и методами?

– Они разнообразны, хотя просто надо уделять больше внимания духовной жизни студента. Однако лучше воспитывать своим примером, поэтому сами воспитатели должны производить духовно благоприятное впечатление и побуждать учащихся к подражанию.

– Каким образом вы заинтересовываете студентов своим предметом?

– Я преподаю, не согласовываясь с дидактическими приемами, достаточно импровизированно. Стараюсь излагать церковные каноны, согласуясь с реалиями современной церковной жизни, чтобы это было актуально. Живые примеры способствуют лучшему пониманию материала. Студент понимает, что речь идет не об отвлеченных от жизни правилах, которые где-то существуют, но никак не соприкасаются с реальной жизнью, нет, эти каноны действительно регулируют нашу церковную жизнь и ее правовые нормы.

Торонто.
В Троицком соборе

– Какие качества, на ваш взгляд, в человеке воспитывает семинария?

– Семинария призвана воспитывать кандидата священства, так что совершенно ясно, чему должно служить семинарское образование. Воспитание христианской личности, качеств будущего пастыря, богословское образование... А как это семинариям удается — это другой вопрос, где всегда есть место для критического взгляда. Многое еще надо сделать, чтобы приблизиться к совершенству.

– Поступая в семинарию, молодой человек попадает в некий замкнутый мир. И когда он выпускается и принимает сан, то он не может найти общего языка со своей паствой. Как вы считаете, такая проблема имеет место?

– В некотором роде — да. Но я бы не сказал, что решением проблемы является создание иных условий. Где и когда семинарист, обучаясь в духовной школе, полностью присутствовал в миру? Все-таки для духовной школы закрытый статус более адекватен, как и для военных училищ. А с миром и без того соприкасаться приходится. И когда человек выйдет на поприще открытого служения на приходе, я не думаю, что у него возникают большие сложности в адаптации. Конечно, есть разные личности, но все-таки полумонастырский уклад должен присутствовать в жизни духовных школ. А решение сделать духовную школу открытой, как обычное светское заведение, я думаю, было бы неправильно. Могут, конечно, в университетах быть теологические факультеты открытого характера, но они не могут быть нацелены на подготовку кандидатов священства, они должны готовить преподавателей религии и ученых специалистов.

– Как вы принимаете экзамены? Бывают ли при этом какие-нибудь курьезы?

– Мне сейчас трудно говорить о курьезных случаях, хотя они многочисленны и многообразны. Я не использую билеты, а просто даю темы заранее и даю время подготовиться, потому что темы обширные. А в МДС я задаю вопрос узкого характера, конкретный и тут же ожидаю от студента ответа. Потому что в жизненных ситуациях именно так и решаются проблемы. В своей профессиональной деятельности человек должен быть готов моментально давать ответы на предлагаемые вопросы. И священник в своей приходской практике должен сразу же отвечать на вопросы своих прихожан.

– Расскажите о ваших поездках, паломничествах вместе со студентами семинарии.

– У меня вместе с семинаристами была только одна поездка — по приходам Русской Православной Церкви за границей в Америке, Канаде, Австралии и западноевропейских странах, то есть кругосветное путешествие. Мы на самолете обогнули земной шар и повидали много интересного. Службы с зарубежными клириками, встречи с мирянами — прихожанами этих

приходов, концерты великолепного хора Сретенского монастыря... И с нами была чудотворная икона Божией Матери «Державная», которой поклонялись десятки тысяч православных христиан.

– А что больше всего запомнилось из этой поездки?

– Меня поразило, как много русских в Америке приходило на концерты — это были как верующие люди, так и нерелигиозные. И значительная часть из них была эмигрантами третьей волны, уехавшими из СССР без любви к историческому прошлому своей родины. Но они с невероятным энтузиазмом слушали хор, включая даже некоторые песни советской эпохи. И это меня удивило. То есть русская душа все равно скучает по своей культуре. Вот одно из впечатлений. Но и Ниагарский водопад тоже произвел сильное впечатление. Но, конечно же, прежде всего, люди: священники, миряне, с отличающимся от нашего опытом жизни, оказывались такими же православными людьми, как и люди в России, живущие совершенно подругому. Это впечатление от сохранившейся, несмотря на разделения, принадлежности к одному и тому же русскому народу.

– Что вы можете вспомнить о владыке Амвросии, который долгое время был проректором СДС?

– Он был еще моим студентом в МДС. Я поражался его административным талантам, которые здесь, в Сретенской семинарии, особо проявились. Это проявлялось и в его отношениях с хором. Я бы сказал, это большая удача для питерских духовных школ, что они пребывают теперь под его мудрым руководством. Но рассказать о его каких-то конкретных делах в СДС затрудняюсь, так как с административными хлопотами я не знаком. Скорее, как и студенты, я тоже состою под опекой администрации. Я просто наблюдал его умение руководить, без силовых нажимов делать то, что нужно. И это касалось не только студентов, но и преподавателей.

«Главное – радеть о стяжании веры, о ее сохранении, а остальное приложится»

Профессор Алексей Константинович Светозарский

Алексей Константинович, расскажите, пожалуйста, о своем образовании.

– В 1985 году я окончил филологический факультет Московского государственного университета, специализируясь по древнерусской литературе. И вскоре — в 1990 году — начал сотрудничать с Московскими духовными школами. Сначала в качестве экскурсовода. Вообще ознакомительные поездки, паломничества занимали большое место в нашей тогдашней жизни: все время хотелось узнать что-то новое... А затем был принят в профессорско-преподавательскую корпорацию.

– А как это произошло?

– В те времена, как известно, в духовные учебные заведения попасть на работу было крайне трудно. Для этого прежде всего требовалась рекомендация духовника, причем достаточно неформальная. Как правило, этого священнослужителя должны были знать в академии. И вот с тех пор я уже 18 лет там. И надо сказать: корпорация очень оберегала новичков и хотела, чтобы человек органично вписывался в коллектив, был родственным его духу. Параллельно я получил духовное образование: покойный владыка Александр (Тимофеев), ректор МДАиС, тогда всех благословлял учиться. Я с радостью воспринял его благословение. И, кстати говоря, шпаргалками в этот период не пользовался, и вообще они полезны только при подготовке к экзаменам. Я убежден, что получать образование, в том числе и духовное, нужно в более позднем возрасте. Поскольку в 17 лет человек еще не может взять всего того, что ему предлагают. И я это чрезвычайно остро ощущал во время обучения в университете.

– А с чем, по вашему мнению, это связано?

– Может, с какими-нибудь индивидуальными особенностями характера. А может, и с общей спецификой современного юношества. Когда я пришел в духовную школу, там обучались люди,

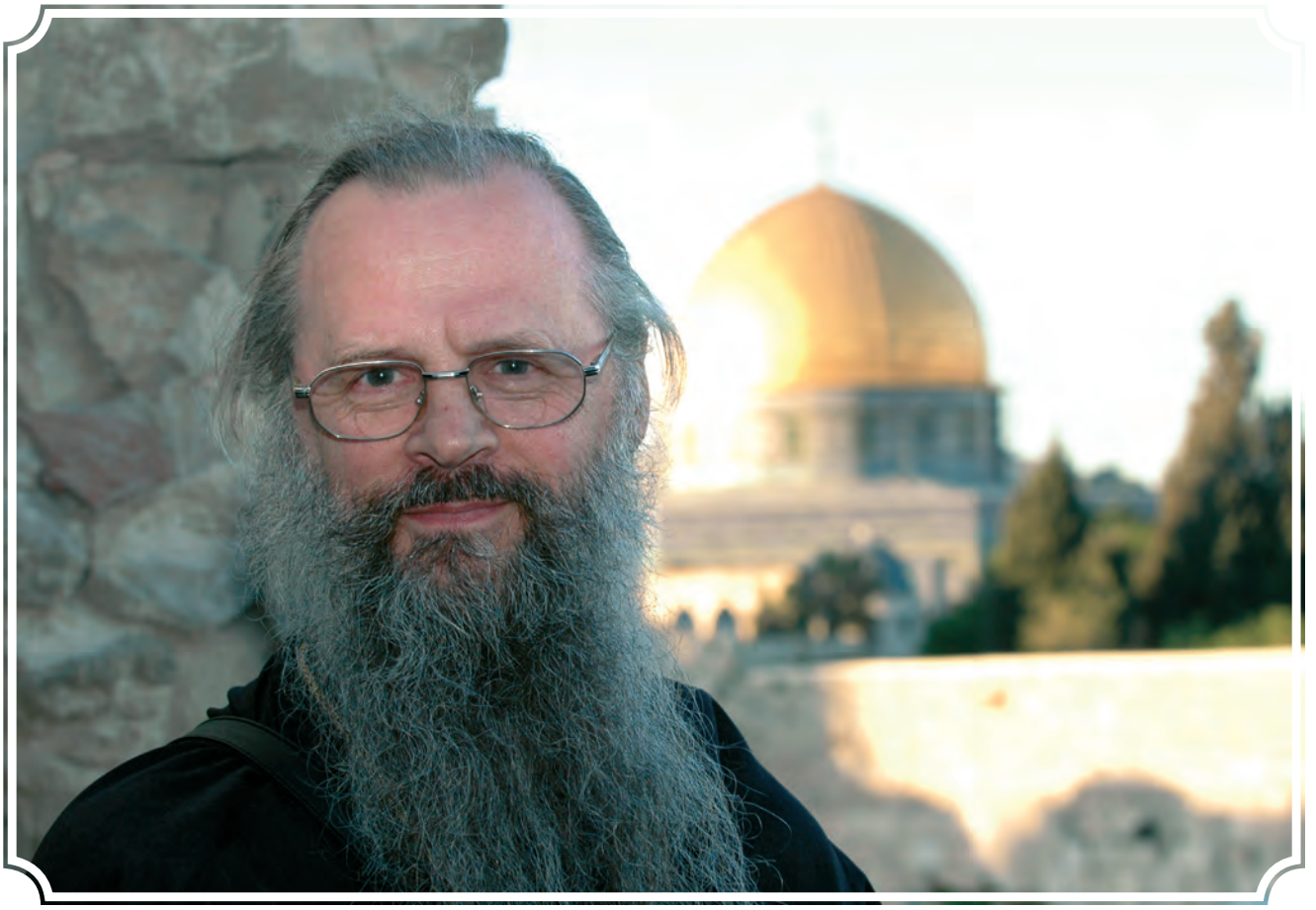
которые поступали в семинарию после армии. Это было некое негласное требование, которое устраивало священноначалие. Набирались серьезные люди, которые никуда не спешили и чьи намерения и помыслы были абсолютно осознанными. То есть свой долг перед Родиной они выполнили, прошли определенную школу, научились дисциплине и сполна испытали глубину своего намерения. Потому что в советское время такой человек достаточно резко порывал с привычной средой, в любом случае для общества он становился не таким, как все. И принять подобное отчуждение было под силу далеко не каждому.

– А когда вы стали сотрудничать со Сретенской духовной школой?

– В Сретенской школе я преподаю с самого ее открытия в 1999 году. Сначала это были курсы, которые архимандрит Тихон (Шевкунов), наместник Сретенского монастыря, организовал для братии. Я считаю, что это мудрейшее решение, абсолютно обоснованное: насельники монастыря должны получить богословское образование. Хотя есть, конечно, люди подвижнического склада, духовно опытные, которые знают больше всех нас. Но, к сожалению, встречается и превозношение невежеством. И вот это неприемлемо. Конечно, курсы не предусматривают серьезного, систематического образования, и поначалу это был метод проб и ошибок. Я приходил после вечернего богослужения в нижнюю братскую трапезную, и там мы занимались. А потом отец Тихон совершенно логично пришел к мысли о создании духовного училища, которое быстро получило статус семинарии.

– Алексей Константинович, теперь пришло время поподробнее рассказать об истории вашего знакомства с архимандритом Тихоном.

– Мы с отцом Тихоном уже давно знакомы. Когда-то он, еще послушником, работал в Издательском отделе Московского Патриархата. Там в то время работал мой отец, это был поздний советский период — 1982–1984 годы. В качестве неофициального сотрудника выполнял там некоторые задания и я. Хотя больше все же пользовался возможностью общения с интереснейшими людьми, знакомства со многими — недоступными тогда — изданиями, с механизмами издательской работы. Кстати сказать, отец Тихон очень бережно относился к сотрудникам издательства того времени, с которыми лично работал при митрополите Питириме (Нечаеве; †2003). Потом у нас была целая эпопея с организацией подворья Псково-Печерского монастыря, с возобновлением монашеской жизни в Сретенской обители. На память сейчас приходит крестный ход 1995 года — в юбилей перенесения Владимирской иконы Божией Матери в Москву. Тогда не было даже и подворья. Но все менялось и быстро приобрело свой изначальный вид. Особенно меня всегда привлекала та роль, которую Сретенский монастырь играет в общественной жизни. В частности, мне памятны события первой чеченской войны, когда отец Тихон обратился с призывом помочь нашим воинам. Не будем забывать, что́ тогда с телевизионных экранов показывали, что́ за омерзительная пропагандистская кампания велась, как стреляли в спину нашим солдатам. И меня поразило: люди откликнулись, бескорыстно помогали, несмотря на нашу всегдашнюю инертность. Из памяти извлекается такая картина: закончились занятия, я иду домой и вижу: на площади собирают вещи, семинаристы упаковывают их, грузят коробки. И ведь шли не прихожане (точнее, в большинстве своем не прихожанки), активно участвующие в церковной жизни, — это были люди, изредка бывающие в храме. То есть у них осталась связь с Церковью. Примечательно и то, что это очень недоверчивое поколение, — такие люди всегда борются со всем внешним миром за свое существование и мало кому доверяют (если доверяют вообще). А тогда они сами несли свои немудрящие дары. Я уверен: главное чудо христианства заключается в его благодатной способности изменить человека, воздействовать на его душу. Передавая вещи и продукты солдатам, находящимся в Чечне, люди на мгновение изменились. Они были не такими, как всегда, как в своей будничной, повседневной, серой жизни. Разумеется, подобные акции, часто организуемые Сретенским монастырем, чрезвычайно важны для нашего общества. Больше всего мне симпатична внутренняя жизнь, связь, которая поддерживается Сретенским монастырем с Псково-Печерской обителью. Хочется помянуть схиархимандрита Анастасия (Попова; †2005), который сыграл значительную роль в направлении моей научной деятельности и благословил меня на работу

Архимандрит Анастасий

с трудами митрополита Вениамина (Федченкова). Встретился я с отцом Анастасием в Печорах, где тогда было много паломников. Он там заведовал хозяйством и всем помогал; студентам после трудовых послушаний давал деньги. Еще батюшка дарил Библии, что тогда было большой редкостью — даже в церковной среде. Оказалось, что у нас с отцом Анастасием есть общие друзья, через которых я с ним поближе познакомился. Мы с ним душевно общались, он был очень приветлив, никогда не повышал голос. Он деловито решал все вопросы, связанные с кухней, с келарским послушанием. Отец Анастасий благословил меня заниматься наследием митрополита Вениамина и мудро отвел от других исследований.

– Хотелось бы побольше узнать о ваших научно-богословских разысканиях.

– В моих планах — выпустить очередную книгу, посвященную митрополиту Вениамину, ярчайшему представителю церковной и общественной жизни конца XIX–XX века. Сейчас с прилавков постепенно исчезают его труды, а новые издания не появляются. То, что мне уже удалось опубликовать, находилось в машинописном варианте. Это очень интересные дневниковые записи, богословские заметки. Наследие владыки нам еще предстоит осмыслить.

– Вы преподаете историю Русской Церкви. Почему выбрали именно эту дисциплину?

– В свое время, когда человек поступал в духовную школу на работу, он сжигал за собой все мосты. А потом наступало время томительного ожидания: являться туда без приглашения было не принято. Дальше ждали, какой предмет благословят преподавать. Когда я пришел в Московскую семинарию, меня сначала благословили преподавать церковнославянский язык, что было совершенно неожиданно. Но возникла такая необходимость. Затем получил благословение на ведение истории Русской Православной Церкви и общецерковной истории.

– Наверное, вам пришлось тщательно готовиться к преподаванию новых курсов?

– Естественно, хотя история всегда была моим любимым предметом и я проявлял к ней постоянный интерес.

– Алексей Константинович, как вы, начиная преподавание истории Русской Церкви на новом курсе, мотивируете своих студентов? Каково место данной дисциплины в подготовке будущих пастырей?

– Прежде всего, это должно быть естественное желание знать историю, жизнь наших предков. Чтобы избежать хотя бы каких-то ошибок и извлечь некий опыт. Будущим священнослужителям важно понять процессы современной церковной жизни на широком историческом фоне, взрастить в себе чувство истинного патриотизма. И, наконец, не знать своей истории — это просто позор. Я считаю, от этого происходит много бед, будь то история светская или церковная. Для меня история Церкви — универсальный предмет, включающий в себя литургику в историческом контексте, догматику в историческом аспекте, развитие искусства, в том числе и словесного. Такой вот уникальный синтез.

– Алексей Константинович, как бы вы оценили становление Сретенской духовной школы? Какие она прошла этапы в своем формировании?

– Прежде всего, духовная школа довольно быстро приобрела системный характер. Собран уникальный профессорско-преподавательский коллектив высококлассных профессионалов, среди которых есть ученые с мировыми именами, известные и в церковной, и в светской среде. Отец Тихон и остальные руководители сумели заинтересовать людей, создать им все условия для работы — это огромная заслуга. Кроме того, хорошо организована воспитательная работа.

– На ваш взгляд, как изменилась братия монастыря за время обучения в духовной школе — тем более это был первый семинаристский выпуск?

– Да, первый набор, как я говорил, был по преимуществу монашеский. Все люди с биографией, но они росли вместе с духовной школой, и духовная школа росла вместе с ними. Насельникам монастыря учиться было непросто, давал о себе знать возраст. Но надеюсь, они что-то вынесли из этого процесса. И мне они очень запомнились, с этими людьми я до сих пор общаюсь, испытывая самые положительные эмоции. То же могу сказать и о выпускниках других курсов. Двое моих студентов служат в храмах, куда я часто хожу. Так вот, есть ощущение их профессиональной подготовленности, а также неподдельной благоговейности.

– Алексей Константинович, что вы можете еще сказать о студентах Сретенской семинарии? Можно ли сравнить выпуски разных лет?

– Стоит признать, что старшие поколения всегда выглядят более выигрышно, поскольку они уже выучились и сформировались, а нынешние студенты здесь, в мастерской, еще складываются. Поэтому мы все находимся в динамическом процессе, и ежедневно у нас возникают какие-то конфликты, взаимное неудовольствие. Но все служит единому благу. Хотя бывают, к сожалению, крайне сложные ситуации: человек проходит, как водомерка, по самой поверхности духовной школы и не понимает, зачем это все. Потом сильно страдает, поскольку не только не получил знаний, но остался без воспитания, без какого-то внутреннего становления. Самое обидное, что это уже не может компенсироваться — по объективным причинам. И таких людей жалко.

– С какими трудностями приходилось сталкиваться в вашей преподавательской деятельности в Сретенской семинарии?

– В первую очередь, у нас есть студенты из соседних государств. У них имеются проблемы с языком, конечно же не на уровне понимания и восприятия — сильно хромает уровень грамотности. Это очень печально и особенно видно по письменным работам.

– В этом вы замечаете некоторую тенденцию?

– Я думаю, трудно найти отчетливую закономерность, но в целом тенденция пугающая. Пугающая не потому, что плохо учат в школе (на данную причину ссылались всегда), а потому, что люди перестали читать. Все стали пользоваться другими источниками информации, которые, несомненно, полезны. Но при этом они не формируют грамотности.

– Как, на ваш взгляд, должен быть построен учебный процесс в семинарии? Какие здесь есть проблемы?

– Вот, например, история Русской Православной Церкви. Первые два курса мы ориентируемся на школьную систему, а именно: урок, объяснение и опрос. С третьего курса нам предписано заниматься по образцу светских вузов, где предусмотрены семинарские занятия, а значит, и списки литературы для подготовки к ним. И все это нужно делать, преодолевая

студенческую, да и преподавательскую инертность. Но тут возникает еще и другая сложность: литература должна быть доступной. И еще: несомненно, все студенты должны усвоить некий минимум знаний, умений и навыков. Однако нельзя забывать о специфике нашей школы, ибо семинария в первую очередь ориентирована на подготовку будущих пастырей. Поэтому богословские дисциплины должны всеми усваиваться в полном объеме, и на них экономить нельзя категорически, поскольку это важнейшие профессиональные предметы. И ссылки на нехватку времени и сил здесь неуместны. К тому же не могу не сказать: в настоящее время, когда много говорится о государственной аккредитации духовных учебных заведений, для нас очень важно сохранить преимущественное изучение дисциплин богословского цикла, которые не должны раствориться в системе гуманитарных предметов.

– Какими должны быть стимулы для хорошей учебы?

– Убежден, жесткие прещения здесь не помогут. В данном случае нужна система поощрений. Например, паломнические поездки, в том числе и зарубежные, должны быть только для тех, кто хорошо учится. Это прекрасный воспитательный стимул. Потому что если успевающий студент что-то пропустит, он всегда наверстает. И наверстает, сознавая: его труд замечен и поощрен. Вместе с тем необходимы и разумные прещения: серьезные требования к соблюдению учебного графика, планомерный контроль за успеваемостью, дополнительные занятия. Данные действия довольно слаженно предпринимаются нашими руководителями и их помощниками.

– А как быть с дисциплинарными нарушениями?

– Слава Богу, обходится без них. Конечно, какие-то случаи бывают, и приходится корректировать поведение учащихся, но серьезных конфликтов не возникает. Это свидетельствует — повторю еще раз — о том, что воспитательная работа хорошо продумана. Но в связи с ней хотелось бы обратиться к опыту московских духовных школ и заметить: сретенским семинаристам не хватает трудностей.

– Каких трудностей, по-вашему, не хватает нашей семинарии?

– Обычных житейских трудностей. Здесь комфортные условия проживания. С одной стороны, это хорошо, с другой — сказывается и отрицательно: человек становится немного избалованным и, к несчастью, иногда перестает уважать и ценить все то, что его окружает. Все-таки минимальные трудности необходимы. Именно поэтому, возможно, в студентах мало внутренней дисциплинированности, собранности, которые складываются во многом благодаря постоянной сосредоточенности и даже, если хотите, напряженности.

– Но все-таки есть и определенные плюсы, когда, не заботясь о внешних, бытовых условиях, можно больше времени уделять учебе.

– Вопрос в том, все ли пользуются этой возможностью. Хотя я, конечно, не отрицаю, что есть студенты, которые серьезно занимаются учебой, научно-богословской деятельностью. И хорошие бытовые условия им помогают. Таких людей, как и везде, немного. Потому что любая образовательная система все-таки рассчитана на некоего среднего человека, и не будем на этот счет строить иллюзий. Если человек вынес из семинарии крепкие знания и воспитательная система повлияла на него положительно, то это уже очень хорошо. Я думаю, именно такие студенты и должны по окончании семинарии, написав сильные дипломные работы, продолжать обучение в академии. Надо отметить, что Сретенская семинария в МДА представлена достойными личностями, которые хорошо учились в семинарии и продолжают проявлять свои исследовательские навыки — в первую очередь в церковно-исторической области.

– Продолжая чрезвычайно актуальную воспитательную тему, ответьте, пожалуйста, какова роль семинарии в процессе становления личности?

– Опять-таки оговорюсь: в любом случае опыт воспитания личности в рамках духовных школ накоплен немалый. И Сретенская семинария, безусловно, действует в этом направлении по отработанной схеме. Самое главное, как это ни банально, мы знаем, что у нас есть первый курс, который в будущем году станет вторым, и ему на смену придет новый. При этом никаких прогнозов сделать практически невозможно. Конечно, на начальном этапе семинаристы все делают с энтузиазмом, потом идет этап привыкания, далее — усталости, а в финале, как и положено, последний рывок. Это внешний взгляд. А внутреннее состояние невозможно со стороны постичь, просто видишь: человек стал другим. У меня был студент, который делал

бумажных голубков, он был младше остальных, ему было 16 лет. А по завершении учебы это уже был зрелый юноша, занимающийся научными исследованиями. Вот на его примере я увидел, как к концу семинарии заканчивается детство. В духовной школе человек меняется — об этом можно смело говорить. Кроме того, семинария взяла на себя воспитательные функции, избавляя людей от их недостатков, мудро советуя им, что делать, как поступить в тех или иных жизненных ситуациях.

– Вы говорили о том, какие сложности сопровождали выбор духовного образования в советское время. Как вам кажется, насколько осознанно люди приходят в семинарию сейчас?

– Непростой вопрос и очень индивидуальный. К сожалению, все больше появляется людей, которые просто проводят время в духовном учебном заведении. В одной региональной семинарии, когда я там был, меня поразили биографии студентов. Они все были из неполных семей, как правило, у всех родители — безработные, страдающие алкоголизмом. Поэтому я думаю, что такие ребята не приходят в семинарию искренне, а потому, что им больше некуда идти. Обучаются в семинариях и представители потомственного духовенства. И здесь отмечаются и позитивные и негативные стороны. Иногда такие ребята выделяются вызывающим поведением, недопустимым привыканием к святыне, опасным автоматизмом в вере. Бывает часто, что эти люди слишком обмирщенные, недостаточно воцерковленные. Я убежден: нельзя быть священником в силу рождения в семье клирика. Священником можно стать только по призванию.

– Как же распознать при зачислении абитуриентов в семинарию искренность и осознанность их намерений?

– Этот вопрос требует серьезных, разноплановых разъяснений. В советское время давали человеку читать 50-й псалом, и сразу было видно, в первый раз ли он его читает. Как он ставит ударения, привычны ли для него эти слова. И все становилось понятно...

– Алексей Константинович, вы сейчас подняли ряд острейших проблем. Значит ли это, что наша духовная школа нуждается в реформах?

– Мы уже провели одну реформу, чтобы подтянуть семинарии до уровня светских учебных

Паломничество со студентами Сретенской семинарии на Святую Землю. Вифлеем

заведений. Жить в постоянном ожидании перемен нельзя. Хотя беда в том, что светская школа, несмотря на какие-то позитивные изменения, постепенно деградирует. И мы должны чутко реагировать на то, что происходит, чтобы не было пропасти, отчуждения. С точки зрения организации в семинарии заложена нормальная вузовская система, хотя могут быть какие-то улучшения определенных сторон — причем не только и не столько образовательных, но и общекультурных. Я думаю, реформа духовной школы прошла испытание временем, появились новые выпуски, новые научные работы, которые отличаются гораздо более высоким уровнем, чем это было в 80–90-х годах. Положительные сдвиги имеются.

– Вы долгие годы трудитесь в МДАиС, инспектировали по линии Учебного комитета многие другие духовные школы. Могли бы вы их сопоставить со Сретенской семинарией?

– Я сразу же отмечу, что все духовные школы априори должны быть похожи типологически. Сходны даже теплая атмосфера, бытовые условия, учебный план. Но, конечно, везде есть свои особенности. И в Сретенской семинарии — тоже. В первую очередь это ряд предметов, которые не предусмотрены классической семинаристской программой. Такие уникальные курсы читают известные специалисты с большим опытом. Потом: мало кто из семинаристов Русской Православной Церкви так много путешествует, что дает, помимо богатейших впечатлений, возможность сравнения разных стран и городов. Я был в двух поездках с семинарией. Несколько лет назад ездили в Бари, к святителю Николаю, и совсем недавно в Иерусалим. Стоит добавить, что в паломничествах студенты общаются друг с другом в очень необычной обстановке, учатся реагировать на разные ситуации, в том числе и экстремальные, приобретают навыки комфортного ощущения себя в незнакомом пространстве. Во всем этом видно явное стремление священноначалия, помимо духовного образования, привить воспитанникам вкус к высокой культуре — вот это очень важный момент. Нельзя допустить, чтобы студенты погрузились в пучину пошлости, попсы, понимаемой мной сейчас в самом широком смысле, — нужно дать какие-то правильные ориентиры. В Сретенской семинарии очень силен культурологический аспект. Наконец отношение к студентам со стороны руководства — прежде всего о. Тихона — пронизано неформальной теплотой и заботой, что сказывается в постоянном попечении о быте учащихся, о чем я уже говорил. Следовательно, можно утверждать: формируется особенная традиция Сретенской духовной школы.

– Что вы можете сказать о взаимоотношениях сретенских студентов по сравнению со студентами других духовных учебных заведений?

– Взаимоотношения трудные, но это объективно для молодого возраста. Дает о себе знать юношеский задор, который нередко оборачивается конфликтными ситуациями. Хотя я не вижу, чтобы поведение сретенских семинаристов выходило за рамки общепринятых в духовной школе норм.

– А как складываются отношения преподавателей и студентов?

– Здесь опять же сказывается уютный, домашний характер Сретенской семинарии. И общение — учебное и внеучебное — здесь более раскованное, нежели в МДАиС.

– Алексей Константинович, не могли бы вы рассказать о своем общении с другими преподавателями?

– Я их вижу не часто, только раз в неделю. Конечно, мы разговариваем о студентах, о возникающих проблемах. Это обычное дело для всех учебных заведений. Однако мы обсуждаем специфические темы и если и говорим о недостатках семинаристов, то, поверьте, и достоинствам отдаем должное.

– А бывают какие-нибудь споры, дискуссии?

– Естественно, бывают. Учащие и учащиеся семинарии — живые люди с разными взглядами на те или иные проблемы.

– Какие курьезы и непредвиденные ситуации случались в вашей преподавательской работе?

– Очень много бывает курьезов. Скучать со сретенскими семинаристами мне не приходится. Что-нибудь они всегда придумают интересное. В этом смысле студенты везде одинаковые, и нам известны все приемы по увлечению преподавателя в какую-нибудь безопасную тему. Но знаете, иногда поддаваясь их нехитрой уловке, начинаешь думать, что такие разговоры — разумеется, в ограниченном объеме, — могут быть полезны для расширения студенческого кругозора. Курьезы часто случаются тогда, когда система взаимопомощи между студентами дает сбой, — и вот рождается смешная подсказка. Анекдотичные случаи как-то забываются, хотя если их фиксировать, получится внушительная коллекция. Может, все-таки стоит начать собирать истории про экзамены и опросы?

– В чем же тогда особенность небольших семинарий — таких, как Сретенская?

В монастыре прп. Герасима Иорданского

– Я бы уже не сказал, что сейчас Сретенская семинария — маленькая. Я помню времена, когда у меня было по пять-десять человек на курсе. Сейчас это полноценные группы. И в данном случае я разницы с другими школами не вижу. И слава Богу, что есть тенденция к ощутимому росту. Так, например, появляются новые помещения. Хотя в данный период жизнь семинарии и жизнь Сретенского монастыря тесно переплетены. Тем более что многие насельники — это наши вчерашние выпускники. Так что Сретенка — уже не маленькая. Она, без сомнения, камерная. Но нельзя забывать, что это столичная семинария — с разных точек зрения. За монастырской стеной шумный город во всем многообразии его проявлений. Понятно, что в этом есть и плюсы и минусы. В Сергиевом Посаде, где расположена МДАиС, внешних искушений все-таки поменьше.

– Алексей Константинович, вы абсолютно верно отметили: сретенские семинаристы имеют счастливую

возможность жить в монастыре. Но ведь и в других духовных школах, например в Московской, студенты тесно соприкасаются с братией.

– Да, это так. Прежде всего, это духовники, как правило, они из лавры. Это еще и друзья, старшие товарищи, вчерашние сокурсники. Это и участие в богослужении, спевки, отдельные послушания, где люди знакомятся, привыкают друг к другу, возникает взаимное общение...

– Алексей Константинович, как вы пришли к вере в советское время?

– Это очень трудный вопрос, и с ходу на него не ответишь. Была крепкая семейная традиция, хотя она пресеклась в силу разных причин. У меня в роду есть новомученики, люди, пострадавшие за веру, прошедшие достойно свой жизненный путь. И меня никогда не питали глупыми сказками, иллюзиями: смотри — какой красивый теремок, а сразу говорили, что это церковь. Знаете, по дороге в детский сад я проезжал пять храмов...

– У вас в роду были священники?

– Да, с XVIII века, со времен Екатерины II, была целая плеяда священно- и церковнослужителей. Это священники, диаконы, псаломщики. Да, моя семья принадлежала к духовному сословию, но из нее вышло много людей, посвятивших себя и другим профессиям. У нас в роду было много военных, особенно в начале XX века, есть участники русско-японской и Первой мировой войн. Это дяди моего отца, то есть мои двоюродные дедушки. Мой дед после окончания духовного училища всю жизнь работал учителем, на ниве просвещения. И после того, как он умер, в селе, у всех на виду, двоюродные братья пели панихиду, а это был 1965 год — времена, страшные для Церкви и верующих. Мои родственники жили и живут в Нижегородской, Рязанской и Пензенской областях, Москве. Один из них долгое время занимается изучением генеалогии нашей семьи. Видите, история — это не только наука, пусть и универсальная, а судьбы конкретных людей, полные драматических перипетий...

– Алексей Константинович, что бы вы пожелали учащимся Сретенской духовной семинарии по случаю ее десятилетия?

– Я желаю нашим семинаристам стяжать дар пастырства. Есть такая авторская притча о батюшке, который ничего не умел. Не умел ладить с архиереем, договориться со спонсором, организовать воскресную школу, то есть ничего не умел. А когда он умер, на отпевание пришло огромное число людей, и свечи в их руках зажглись сами собой. Главное — радеть о стяжании веры, о ее сохранении, а остальное приложится. С Богом человек не пропадет.

«Гореть желанием послужить Богу и Церкви»

Протоиерей Максим Козлов

Отец Максим, где учились вы?

– Сначала я учился в средней школе, затем на филологическом факультете МГУ, где специализировался на изучении древних классических языков, а именно латинского и греческого. Благодарен духовнику, который, вопреки моему желанию, благословил меня сначала идти в университет, а не порываться сразу в духовную школу. Тогда мне было непросто принять его решение... Учеба в университете мне много дала, и для духовной жизни тоже: навык интенсивного труда, понимание своей ответственности, необходимость ограничений. На первых курсах я спал не более пяти-шести часов в сутки. И это было к лучшему, поскольку помогло избежать многих юношеских искушений. По милости Божией в те годы я не знал других дорог, кроме как в храм, университет, библиотеку и к немногочисленным, но добрым друзьям. На другое просто времени не оставалось.

– Как в советское время вы пришли к вере?

– Об этом можно рассказывать или очень пространно, или очень кратко. В 14 лет принял крещение в храме Илии Обыденного. Это был период моих внутренних исканий, которые связаны с жесточайшим духовным голодом. Сильно помогла мне тогда русская классическая литература. На свой страх и риск слушал я и передачи радио ВВС, которые вели митрополит Антоний Сурожский и священник Владимир Родзянко, впоследствии епископ Василий. И я им очень благодарен, до сих пор молюсь за них. И конечно, бесконечно много мне дало общение с хорошими, интересными, образованными людьми, которые, как я позже узнал, были православными. Если по-человечески рассуждать, то именно эти три обстоятельства подвигнули меня к ограде церковной.

– Как созрело ваше решение учиться в духовной семинарии?

– После крещения я сразу хотел идти в семинарию. Будучи, как и все мальчишки,

задиристым максималистом, тотчас захотел подвига, хотя и очень плохо ориентировался в церковной жизни. Хорошо, что тогда мои юношеские устремления духовник мудро корректировал и благословил, как я уже говорил, по окончании школы поступать в университет. Я искренне надеялся провалиться, придти к батюшке и сказать: «Видите, я пробовал, и не получилось, что теперь будем делать?» Но я все-таки поступил. Университет я окончил в 1985 году, когда неотвратимо наступало время больших перемен. И по отношению к Церкви стали возникать некоторые послабления. Так, человек с высшим образованием мог поступать в духовную семинарию, что раньше было невозможно. Но когда я подал документы, скончался ректор Московской духовной академии владыка Александр, архиепископ Саратовский. Незадолго до своей кончины он долго разговаривал со мной, спрашивал, как и чему я учился. И сказал, что семинарии нужен преподаватель немецкого языка. Я владыке ответил, что немецкий изучал, но знаю его недостаточно. Но он благословил получить семинарское образование экстерном, совмещая это с преподавательской деятельностью.

– Батюшка, чем запомнились вам ваши семинаристские и академические годы? Можете ли вы сравнить их с нынешним состоянием духовных школ?

– Я могу сказать, что тогда был один, как теперь многие понимают, положительный момент, который сейчас утрачен. И не потому, что семинарии стали хуже, а потому, что время — другое. Тогда поступление в духовную школу для молодого человека означало поступок, причем не только духовный, но и гражданский. И зачастую, принимая такое решение, человек автоматически противопоставлял себя родным, друзьям, сослуживцам и попадал в социальный вакуум. И это было своего рода «предварительным» отбором, делало поступление в семинарию более осознанным. Еще: в начале 1990-х годов в духовных школах получили возможность учиться люди, которым раньше это запрещалось различными властными структурами. Это были блестящие наборы, из которых вышли яркие, известные ныне священнослужители. Таких семинаристов было интересно учить. Они буквально горели желанием послужить Богу и Церкви. И, что немаловажно, у них можно было многому научиться.

На катехизических курсах в Политехническом музее

– А кто преподавал тогда в духовной школе?

– Я безгранично благодарен тем, кто встретил нас, молодых студентов, в стенах лавры. Могу назвать Ивана Васильевича Воробьева, который учил семинаристов латинскому языку. Он очень помог мне, оказавшемуся вдруг в статусе преподавателя, своим добрым отеческим отношением и профессиональными советами. Все мои семинаристские и академические учителя отличались истинным благочестием и являются для меня примером того, как глубокие знания не надмевают и человек не становится рационализирующим богословом с холодным сердцем.

– Как произошло ваше знакомство с ректором Сретенской духовной семинарии — архимандритом Тихоном (Шевкуновым)?

– Наше знакомство сложилось, когда мы оба были еще мирянами и сотрудничали с Издательским отделом Русской Православной Церкви. Деловое общение, переросшее в дружеское, началось в Донском монастыре. Тогда у нас были свои скорби и радости, свои отношения со священноначалием. Тогда же церковная общественность стала резко колебаться в оценках поступков некоторых священнослужителей. И здесь обнаружилось наше — очень отрадное — единство взглядов.

– В качестве заместителя председателя Учебного комитета Русской Православной Церкви и его главного инспектора вы принимали участие в инспектировании Сретенской духовной школы. Как по прошествии лет вы оцениваете ее развитие?

– Я стоял за инспектированием Сретенской духовной школы, когда встал вопрос о ее преобразовании из духовного училища в семинарию. И могу сказать, что тогда были все основания для повышения статуса. И это положительно характеризует отца ректора, который в известном смысле перфекционист. Он, если за что берется, доводит качество до предельных степеней.

– Но ведь в Московской епархии к тому времени были и другие семинарии.

– Да, это так. Но в случае со Сретенской школой все начиналось с намерения наместника образовать братию, добиться, чтобы насельники могли грамотно отвечать на все вопросы своих пасомых, среди которых большое число высокоинтеллектуальных людей. И параллельно с этим стали подбираться другие учащиеся, монастырские трудники, ребята, которые узнавали об училище от своих знакомых. Такое вот возрастание семинарии, когда ее сверху никто не учреждал, а одно хорошее начинание перешло в другое. Примечательно, что подобным образом формировалось большинство ныне действующих церковных просветительско-образовательных учреждений. Так образовалась фундаментальная «Православная энциклопедия» — из небольшого издательства, планирующего выпустить лишь несколько книжек. Так возник Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, где я тоже преподавал. Сотрудничал я и с Димитриевским училищем сестер милосердия, несколькими православными гимназиями. Наше духовное образование постепенно укрепляется по неизреченной воле Божией.

– В связи с этим хочется задать вам вопрос общего характера. Какие трудности в становлении современной системы духовного образования и воспитания представляются вам наиболее существенными?

– Общеизвестно, что долгие годы процесс духовного образования был жестко лимитирован советскими органами и преподавание богословских дисциплин безжалостно сокращалось. Учебный комитет являлся номинально существовавшей структурой. Теперь же мы направляем учебный процесс и вводим стандарты духовного образования, следя за его унификацией, готовим пособия, распределяем

преподавателей в семинарии и училища. Кроме того, произошло увеличение срока обучения — с четырех до пяти лет, что приравняло духовные школы к вузам. Однако определенные сложности, конечно, имеются. Есть внутренние трудности, связанные с недостатком кадров, неудовлетворительным материальным обеспечением, низкой оплатой преподавательского труда. Остро стоит проблема контроля за выпускниками семинарий, за их целесообразным распределением на приходы, ведь хорошо учившийся студент должен быть уверен: его знания и навыки будут востребованы.

– Отец Максим, какие предметы вы преподаете в Сретенской семинарии?

– Я стал сразу же читать сравнительное богословие, поскольку много лет преподавал в Московской духовной академии дисциплину «Западные вероисповедания». Чуть позже в Сретенской семинарии мне поручили курс пастырского богословия — важнейший для духовного образования.

– Как, с вашей точки зрения, необходимо преподавать пастырское богословие сегодня?

– Чрезвычайно важно данную дисциплину не сводить к истории предмета, как это, к сожалению, до сих пор делается. Необходимо четко осознать: с одной стороны, у пастырского богословия есть твердые библейские и святоотеческие обоснования. С другой стороны, это принципиально практический предмет, который вечные принципы нашей веры учит применять к конкретным случаям. И я всегда обращаю внимание своих студентов именно на прикладные аспекты пастырского богословия.

– А чему еще нужно обязательно учить семинаристов?

– Еще раз повторю: нужно уделять больше внимания церковно-практической деятельности, чтобы она не превращалась в некую абстракцию. Сейчас чрезвычайно востребованы знания по пастырской психиатрии, поскольку велико число людей с психологическими патологиями, и в основном они ищут поддержки

в Церкви. Не помешают семинаристам и знания хотя бы одного нового иностранного языка, а также начальный курс языков древних.

– В продолжение темы позвольте задать еще один «практический» вопрос. Поступая в семинарию, молодой человек попадает в достаточно замкнутый и во многом специфичный мир. А когда он, получив большой объем серьезных знаний, завершает свое обучение и принимает сан, то не может найти общего языка со своей паствой. В чем, на ваш взгляд, все-таки суть этой проблемы? И каковы пути ее решения?

– Это сейчас действительно крайне актуальная проблема, и связана она с оторванностью научно-богословской теории от приходской практики, о чем я не раз упоминал. Я думаю, что одним из путей решения могло бы стать введение обязательных практик для студентов старших курсов, которых бы прикрепляли к конкретным приходам для полноценного знакомства с церковной повседневностью.

– Батюшка, расскажите, пожалуйста, о том, как вы проводите экзамены.

– Надо хорошо понимать: экзамены существуют для того, чтобы избежать минимизации в подаче материала и случайности в его освоении. И поэтому экзамен я провожу в форме беседы. Думаю, это помогает студентам показать свои знания полнее. К тому же подобная форма сразу же выявляет несостоятельность попыток при плохом знании предмета говорить бодро и ни о чем.

– Что вы можете сказать о студентах Сретенской духовной семинарии? Наверняка они отличаются от воспитанников других духовных школ.

– Благодаря некоему семейному типу Сретенской духовной семинарии, в ней удается избегать сухого контроля, который неизбежен в крупных духовных заведениях. Особенность Сретенской школы заключается в ее домашнем характере, что связано с ее малыми размерами и, безусловно, с мудрым руководством ректора и неустанной заботой всего начальства. И студенты, чувствуя эту атмосферу, и сами теплее относятся друг к другу, считая семинарию не временным пристанищем, а домом. Хотя желаю сретенским семинаристам неустанно взращивать в себе ответственность. И помнить, что больше такой возможности учиться, жить, участвовать в духовной жизни старейшего русского монастыря не будет.

– Отец Максим, что вы можете сказать о первом выпуске в Сретенской духовной семинарии?

– Тогда учились по преимуществу монахи Сретенской обители. И было ощущение единства — прежде всего духовного. И у всех преподавателей остались только самые светлые воспоминания. Особенно радовало послушание, которое неизменно проявляли не юные уже учащиеся. Этим они вдохновляли последующие поколения студентов.

– Батюшка, вы являлись научным руководителем многих дипломных работ. Какие из них вам запомнились особенно?

– Удачную работу написал диакон Антоний Новиков. Она посвящена чрезвычайно насущной теме — теме католического интернета. Работа самостоятельная, серьезная, имеющая безусловные перспективы. Еще я рецензировал дипломное сочинение иеромонаха Арсения (Писарева), который сумел найти правильную — церковную, богословскую — интонацию в интерпретации греха и его оправдания.

– В каких миссионерских и издательских проектах Сретенской обители и семинарии вы участвовали?

– Храм мученицы Татианы, где я настоятельствую, и Сретенский монастырь осуществили несколько совместных проектов, связанных с широким православным просвещением. Сейчас к изданию готовится несколько учебных пособий, которые, стоит надеяться, станут хорошим подспорьем для наших семинаристов. Помимо этого я неоднократно читал лекции на миссионерско-катехизаторские темы, в том числе в рамках проекта «Непознанный мир веры» (в Политехническом музее).

– Что вы можете сказать в качестве напутствия учащим и учащимся по случаю 10-летнего юбилея Сретенской духовной семинарии?

– Я хочу вспомнить святителя Филарета Московского, который часто говорил о проявлении милосердия. Это, без сомнения, как никогда актуально для нашего времени.

«Для историка нет готовых рецептов»

Профессор Ольга Юрьевна Васильева

Ольга Юрьевна, какое образование вы получили? Как вы пришли к вере?

– У меня три института за плечами. По первому образованию я дирижер-хоровик: окончила дирижерско-хоровое отделение Московского государственного института культуры, который сейчас называется Московским университетом искусств. Второе мое образование — историческое. Два года назад я окончила Дипломатическую академию по специальности «Международные отношения». Понятно, что мои студенческие воспоминания связаны с моим первым вузом, потому что все мы были молоды, дружны. И свои отношения мы поддерживаем по сей день. Жили мы очень интересно, в том смысле, что были любознательны, интересовались самиздатовской литературой, пытались попасть на те театральные постановки, на которые было трудно попасть. Я вспоминаю, например, спектакль театра на Таганке «Мастер и Маргарита»: мы прошли со своими друзьями через трубу на генеральную репетицию. Студенческие годы для любого человека — самое лучшее время его жизни. На вопрос о вере... Я из семьи верующих людей. У меня верующие бабушки. В раннем детстве меня воспитывала мамина мама. Бабушка пела на клиросе, и она крестила меня в далеком шестидесятом году, когда любая информация о крещении, венчании, отпевании подавалась в исполком. Тем не менее мой папа, занимавший определенное положение, пошел на то, чтобы его дети были крещены. И у меня даже есть справка о крещении, которой я очень горжусь. Она была выдана ныне покойным протоиереем, настоятелем храма в южном городе Георгиевске, который находится в Ставропольском крае, недалеко от Пятигорска.

– Почему вы стали заниматься историей?

– Дело в том, что я очень рано окончила школу — в четырнадцать с половиной лет, почему и поступила на музыкальное отделение. Я не знала, что я хочу. И после окончания первого института я поняла, что меня очень интересуют

проблемы нашего прошлого, проблемы настоящего, проблемы будущего. И еще: несмотря на то, что мой отец всю жизнь занимается математикой, он привил нам, мне и моей сестре, любовь к истории, к литературе. И сейчас, в очень почтенном возрасте (в июле ему будет семьдесят восемь), он пишет книгу о первых христианах Рима. О ней он мечтал всю жизнь. Поэтому заниматься историей для меня было вполне естественным делом. По складу ума я все-таки гуманитарий.

– Кто были ваши учителя? И почему вы занялись именно исследовательской работой?

– Я поступила в 1986 году в аспирантуру Института истории СССР Академии наук. Это заведение особого типа: его сотрудники ходят на работу лишь по присутственным дням — два раза в неделю, а остальное время занимаются научной деятельностью. Поначалу мне очень хотелось заниматься темой голода 1933 года и писать работу под руководством ныне покойного Виктора Петровича Данилова. Но в его отделе не было квоты на очного аспиранта. Зато ее имел мой будущий руководитель — Георгий Александрович Куманев, работающий в Центре истории Великой Отечественной войны. И начались разговоры между мной, Виктором Петровичем, Георгием Александровичем. Им обоим нужна аспирантка, а я совершенно не хотела заниматься историей войны. Большую роль тогда сыграла моя семья. Отец мне подсказал такой ход: нужно предложить тему, которую Ученый совет заведомо не утвердит. Это даст возможность заниматься проблематикой голода. Мы долго думали и пришли к выводу, что в истории Великой Отечественной войны многие темы раскрыты, кроме темы Церкви в годы войны. Ее-то я и предложила. Было самое начало перестройки, но все-таки Ученый совет ее утвердил. И я в 1990-м защитила кандидатскую диссертацию «Патриотическая деятельность Церкви в годы Великой Отечественной войны», которая стала первой работой в стране, освещающей место Церкви в Отечественной войне 1941–1945 годов, первой, посвященной церковной проблематике. Я преклоняюсь перед всеми, с кем столкнула меня жизнь, перед Георгием Александровичем Куманевым, Виктором Петровичем Даниловым, Ярославом Николаевичем Щаповым, в чьем центре я стала работать и которым позже руководила. В Академии наук я встретилась с людьми, которые заслуживают глубочайшего уважения и любви, это люди удивительной чуткости души, интеллигенты. Я считаю, что девятнадцать лет в институте были одними из самых счастливых в моей жизни. Хотя до этого я почти двенадцать лет работала в школе и тоже очень ценю данный биографический отрезок, так как учительский труд чрезвычайно ответствен.

– Менялись ли со временем ваши взгляды на те или иные исторические факты, жизненные ситуации?

– Менялись, конечно, поскольку они меняются в зависимости от того опыта, внутреннего прежде всего, который ты приобретаешь со временем. Вот я почти двенадцать лет беспрерывно работала в архивах. Это как бы поглощение, узнавание, впитывание в себя, позже начинается постепенное осмысление. Со временем я научилась понимать учителей знаменитой школы Анналов, которые говорили своим юным ученикам: если вы не можете объяснить и проанализировать какое-то явление, если оно кажется вам необыкновенным, способным взорвать ситуацию, лучше абстрагироваться от него, подождать, пока не созреет правильное решение. Считаю, что для историка нет готовых рецептов, потому что каждый историк проходит свой путь. И этот путь связан, как и в любой профессии, прежде всего с профессионализмом и с опытом — чисто человеческим, духовным, внутренним. Я часто вспоминаю свой очень давний разговор с профессором Ливерием Вороновым. Этот мудрейший человек сказал мне: «Нужно все-таки голову держать в холоде и помнить о мудрости». Тогда я его не очень поняла. А теперь поняла, почти поняла...

– Ольга Юрьевна, расскажите немного о своих научных работах.

– Я занимаюсь историей Церкви XX века. У меня восемь монографий. Но самой ценной для меня является все же кандидатская диссертация. Вообще я люблю то, чем занимаюсь. Хотя с возрастом многие суждения и выводы стала оценивать очень критично.

– Что в ваших научно-исследовательских планах?

– Я очень хочу написать книгу о митрополите Никодиме (Ротове). Некоторые вопросы я осветила в монографии о Втором Ватиканском Соборе, но полной картины тогда не получилось.

Награждение за лучший книгоиздательский проект года

– Расскажите о вашем знакомстве с архимандритом Тихоном.

– Наше знакомство с отцом Тихоном — ректором Сретенской духовной семинарии — состоялось в 2001 году, в Сентендре (Венгрия), на конференции по наиболее сложным вопросам церковной истории, которую решил провести Архиерейский Собор Русской Зарубежной Церкви. Безусловно, для меня эта встреча очень важна, поскольку в отце Тихоне я увидела многое из того, что хотелось увидеть в русском священстве. Тогда отец Тихон предложил мне прочитать в руководимой им духовной школе курс по истории Русской Церкви XX века.

– Что вы можете сказать о семинарии, о ее воспитанниках, о коллегах?

– Знаете, все преподаватели вызывают у меня исключительно уважение и восхищение, так как это люди, которые всё отдают семинаристам. Они живут жизнью семинарии. Что касается учащихся, они должны научиться ценить те великолепные условия, которые им предоставлены для образования. Я, конечно, не сторонница бурсы, но иногда задумываюсь о необходимости «неких ограничений» для семинаристов-сретенцев, чтобы они смогли сравнить свое учебное заведение с другими...

– Как, по-вашему, необходимо преподавать историю в настоящее время?

– Я считаю, что каждый историк должен стараться передать знания объективно. Да, есть ученые с консервативными, либеральными взглядами. Но все равно хочется, чтобы субъективность не «выпячивалась» в преподавании истории. При этом в абсолютно объективную историю я не верю. Ведь каждый документ, каждая оценка событий проходит через человека. И еще: мое глубочайшее убеждение — ничего из нашего прошлого не должно быть убрано. Я считаю, что мы допустили почти непоправимые ошибки, когда в 90-е годы выкорчевывали такие понятия, как патриотизм, любовь к Отечеству, героизм. Сейчас мы уже пожинаем горькие плоды: молодые люди с большим трудом понимают, что каждый трагический эпизод в жизни страны должен вызывать отклик

С выпускниками

в душе ее граждан. Если говорить о чисто педагогических задачах, здесь все просто: преподаватель должен любить и знать свой предмет. Если педагог сумеет донести до учащихся не только знания, но и свое неравнодушное отношение, это — я уверена — не сможет не заинтересовать.

– Ольга Юрьевна, в каких учебных заведениях вы еще преподаете?

– Я заведую кафедрой государственно-конфессиональных отношений Российской академии государственной службы. Также пятнадцать лет преподаю в гуманитарном университете при Президиуме Академии наук. Это учебное заведение было создано в крайне драматичное время. Мы столкнулись с печальной ситуацией: выпускники вузов не желали продолжать обучение в аспирантуре — особенно по гуманитарным специальностям, ведь не платили почти ничего. И университет был создан для того, чтобы воспитывать кадры для научной работы. Сейчас из 20 выпускников треть поступает в аспирантуру.

– И чем же отличаются воспитанники Сретенской семинарии от студентов светских вузов?

– У большинства семинаристов есть внутреннее наполнение. Я не говорю, что у студентов светских вузов его нет. Но мотивация, в том числе и учебная, разнится. Семинаристы сделали свой выбор осознанно. А светские студенты во многом спонтанны: пришли учиться, а чему, как, зачем — время покажет.

– Что вы можете вспомнить о выпускниках Сретенской духовной школы? Как запечатлелся в вашей памяти первый выпуск?

– Первый — монашеский — выпуск, безусловно, особенный, потому что он был, как мне кажется, очень смиренный. Я никогда не забуду ответы отца Клеопы: он закрывал глаза, и у меня было ощущение, что он зрительно воспринимает текст и отвечает. А самое главное — мы оба были рады. На каждом курсе есть студенты, которые очень хотят учиться, есть ребята способные, но не слишком усидчивые. А есть и такие, которые не имеют больших способностей, но они чрезвычайно трудолюбивы.

Таких учеников я люблю больше всего. Я считаю, что оценки получают не за то, что дано тебе от рождения, а за то, что ты делаешь сам.

– Расскажите поподробнее о дипломных работах, которые были посвящены истории Русской Церкви XX века.

– Прежде всего назову дипломную работу Сергея Архипова, посвященную служению патриарха Пимена. Вспоминаю исследование отца Александра (Колногорова), хотя он не был моим дипломником. Вообще мне нравится, что те дипломники, которые работают у меня, както поневоле втягиваются в архивную работу. И она им нравится.

– Как у вас проходит экзамен? Приходилось ли вам сталкиваться с неординарными ситуациями во время их проведения?

– Я могу экзамен проводить как угодно — и студенты это знают. Могу разрешить готовить супершпаргалки, по которым и ставлю оценки. Убеждена, составление супершпаргалок — колоссальная, кропотливая работа, в ходе которой человек запоминает материал. Так в свое время работала и я, поскольку историкам приходится очень много запоминать. А анекдотичные ситуации бывают на каждом курсе. Знаете, я сталкиваюсь с тем, что даже великовозрастные слушатели РАГСа могут придумать на экзамене все, что угодно.

– Проректором Сретенской духовной школы долгое время был отец Амвросий (Ермаков) — ныне епископ Гатчинский. Расскажите о нем.

– Я с большим чувством вспоминаю о епископе Амвросии, я встречалась с ним уже тогда, когда он стал ректором Санкт-Петербургских духовных школ. Считаю, что владыка — человек, который сам любит учиться и очень уважает людей, которые могут научить студентов. И он очень строгий, требовательный, замечательный администратор. Кроме этого, меня всегда поражал его музыкальный талант.

– Ольга Юрьевна, что вы можете пожелать студентам в связи с юбилеем их духовной школы?

– Я хочу, чтобы воспитанники Сретенской духовной семинарии стали хорошими священниками. Это, конечно, главное. Хочется, чтобы они занимались самообразованием, потому что сейчас нужно разговаривать с паствой на понятном языке и разбираться в ситуациях, складывающихся в стране и мире. Пусть наши студенты будут счастливы и пусть никогда не забывают свою семинарию!

«Служение слову»

Профессор Александр Николаевич Ужанков

Учебный процесс в Сретенской духовной семинарии начался с лекции по древнерусской словесности

– Александр Николаевич, в Сретенской духовной семинарии вы преподаете с самого ее основания. Расскажите, пожалуйста, о первых годах семинарии, начиная с момента, как вас пригласили.

– В жизни человека не бывает случайностей. Небольшой жизненный эпизод спустя время осмысливается как предсказание будущего. Как-то однажды, еще задолго до открытия семинарии, я зашел за своим племянником в школу, которая находится рядом со Сретенской обителью. Поскольку уроки еще не закончились, я прошелся по территории монастыря. Время было атеистическим, старинный храм Владимирской иконы Божией Матери был закрыт, но я знал, что в нем находится удивительный деревянный резной крест — высочайший памятник деревянного искусства. Оставалось только сожалеть, что такой шедевр сокрыт от людей, а храм не доступен для молитвы. Тогда, конечно, я и не мог предположить, что спустя 20 лет со службы в этом самом храме начнется моя преподавательская деятельность в Сретенской семинарии.

Читать лекции по русской литературе в семинарии меня пригласил мой коллега профессор А.М.Камчатнов. Летом 1999 года под руководством наместника монастыря архимандрита Тихона создавался учебный план тогда еще Сретенского высшего православного училища. Нужно было разработать и программу по «Истории русской литературы XI–XX вв.».

С интересом взялся за составление программы курса литературы для православного вуза. Ведь если смотреть на русскую литературу только со светских позиций, как на художественные сочинения, то мы очень многого не увидим. Прежде всего, мы не увидим духовный смысл древнерусской словесности. А он

Первые студенты Сретенской семинарии

был когда-то определяющим. И конечно же, в таких учебных заведениях, как МДС и МДА или Сретенское высшее православное училище, можно и нужно было говорить об истинной сути древнерусской словесности, да и всей русской литературы в целом, о ее духовной составляющей, о тех идеях, которые заложены в словесных произведениях. К тому времени у меня уже был накоплен определенный опыт преподавания: я читал несколько авторских курсов в Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ, бывшем Институте иностранных языков им. М.Тореза) и в Государственной академии славянской культуры (ГАСК).

– Не могли бы вы припомнить вашу первую лекцию в СДС, ваши первые впечатления?

– В первый день первого учебного года, утром, перед началом занятий, мы собрались в монастырском храме. Была литургия, затем о. Тихон благословил весь преподавательский состав и семинаристов, пожелав успехов в новом делании. Он поинтересовался, кто будет читать первую лекцию. Оказалось, что с лекции по древнерусской словесности начинался учебный процесс в СДС.

Самое сильное впечатление за все годы моего преподавания — это встреча с непривычными для меня студентами: ведь я, светский человек, пришел в монастырь читать лекции монахам. Впервые войдя в семинарскую аудиторию, я увидел особых слушателей. Некоторые были даже старше меня по возрасту, большинство — с жизненным и духовным опытом. Многие уже имели высшее образование, были даже кандидаты наук! И у меня возникал естественный вопрос: чему же их можно научить?

Образование — это восстановление образа Божия. Конечно, древнерусские творения особенно этому способствуют. Однако нужно было так преподавать этот предмет, чтобы вместе, сообща, находить то, что нам всем шло бы на пользу. Главный посыл был в том, что мы обучались учиться. Мы — трудились. Были трудниками слова, точнее — со-трудниками. Я учил живому русскому слову и учился сам, и это было важно для меня, потому что я тоже мог кое-что позаимствовать у своих учеников-монахов. К тому же само по себе преподавание в семинарии, сама монастырская среда ко многому обязывает. Мне всегда нравилось, что в духовных школах каждая лекция начинается с молитвы. Древнерусские творения писались монахами по благодати, поэтому и читать их, и постигать их духовный смысл можно тоже только по благодати. Когда с молитвенного стояния начинается занятие, то оно совершенно по-другому и проходит, чем в любом

другом светском вузе. Возникает та благодатная почва, на которую падают слова духовных писателей.

– Александр Николаевич, одно время вы занимали пост проректора семинарии, отвечающего за научную деятельность семинарии и учебный процесс. Расскажите об этом периоде вашей деятельности.

– Предложение стать проректором училища было тогда для меня неожиданным, поскольку в ту пору я был деканом филологического факультета и проректором по науке ГАСК и эти должности не покинул. Почему о. Тихон сделал это предложение? Наверное, потому, что нужно было выстраивать учебный процесс и структурировать семинарию. Нужно было создавать кафедры по дисциплинам, организовать работу самих кафедр, создать учебную часть, курирующую учебный процесс. Этой организационной работой я и занялся. Очень мне тогда помог, за что я ему искренне признателен, о. Амвросий (Ермаков), в ту бытность — проректор СДС, вскоре рукоположенный в епископы. И сейчас семинария функционирует по заложенной тогда модели.

В то время, когда я пребывал здесь проректором, не столько стояла задача привлечь компетентных преподавателей: философов, историков, богословов, лингвистов и т.д., — сколько организовывать и направлять их работу. Костяк преподавателей был привлечен из МДА, МГУ, других ведущих московских вузов. Уровень преподавания был задан довольно высокий: стараниями о. Тихона в Сретенском высшем православном училище собрались лучшие профессорские силы Москвы — профессора А.А.Волков, Г.Г.Майоров, А.М.Камчатнов, А.И.Сидоров, А.Ф.Смирнов и другие. Периодически читали лекции академик И.Р.Шафаревич, проф. Н.А.Нарочницкая, проф. Н.С.Леонов, проф. А.И.Осипов.

– Насколько вы могли бы оценить уровень защищаемых в семинарии дипломных работ? Степень их серьезности и сложность защиты?

– Уровень дипломных работ первого выпуска был довольно высок. Это были глубокие, можно сказать — основательные научно-богословские сочинения. Как показывает опыт, результат итоговой работы студента зависит не только от качества преподавания и научного руководства, но и от самих студентов, от их подхода к дипломному сочинению. И в дальнейшем уровень тех работ, что мне пришлось рецензировать, в целом оказывался достаточно высоким.

Преподавая в Сретенской духовной семинарии, я обращаю внимание на духовный смысл и богословский аспект всей русской словесности

– Александр Николаевич, вы преподаете в нескольких светских вузах, читая тот же курс, что и в семинарии. Расставляете ли вы какие-либо отдельные акценты при подаче материала для светской аудитории и аудитории духовной школы?

– Конечно, хотя курсы похожие. Я сейчас продолжаю преподавать и в МГЛУ, и в Литературном институте им. А.М.Горького, и в Академии живописи, ваяния и зодчества. В конечном итоге направленность лекций зависит от слушателей, которым их читаешь. Если в светских вузах упор делается на научный аспект подачи материала, на исследования формы и жанра, на поэтику произведений и в особенности рассматривается художественная сторона сочинений, то в семинарии можно больше внимания уделять духовной составляющей. Собственно изучать то, чего ради и писалось произведение.

Программы высшего образования заданы стандартами государственного образования, и преподаватели не должны выходить за рамки этих стандартов. В семинарии же есть возможность читать авторский курс, естественно с привязкой к общепринятой программе, но при этом делать упор на более скрупулезное рассмотрение вопросов, интересующих семинаристов. Большинство из них выйдут отсюда священнослужителями, и к ним будут обращаться с вопросами о тех или иных произведениях художественной литературы. И мне надлежит вооружить их методикой анализа текста, рассмотрев в учебном процессе возможный максимум произведений.

– В связи с этим вопрос: можно ли сравнивать ваш курс, читаемый в семинарии, с агиографией как дисциплиной, занимающейся изучением житий святых, богословскими и историко-церковными аспектами святости?

– Можно, и при этом нужно, исходить из православного понимания древнерусской словесности. В светских вузах этот курс обычно называется историей древнерусской литературы,

тем самым как бы подчеркивается ее светскость; делается упор на термине «литература», на художественном вымысле, на субъективном видении автора. В творении словом в Древней Руси подразумевалось сотворчество с Богом. Подавляющее большинство древнерусских авторов были монахами, многие из них позднее причислены к лику святых, начиная со святителя Илариона Киевского, автора «Слова о Законе и Благодати». И преподобный Нестор — первый агиограф, написавший жития св. князей Бориса и Глеба и прп. Феодосия Печерского, один из родоначальников летописания — составитель знаменитой «Повести временных лет», и сам прп. Феодосий — автор слов и поучений, и даже князь Владимир Мономах — автор «Поучения к детям», и многие другие внесены в синодик православных святых.

Древнерусскую словесность следовало бы изучать, как нашу святоотеческую литературу, как мы изучаем творения святых отцов Церкви. Здесь нельзя ограничиваться только теми приемами, которые используются при исследовании светской художественной литературы. Духовные творения писались по послушанию, но желание сотворить что-то полезное для души читателя тоже присутствовало. Вот почему, на мой взгляд, на агиографию и на древнерусскую словесность следует смотреть как на боговдохновенные книги. То есть все жанры, присущие древнерусской словесности: жития, поучения, торжественное красноречие, «слова на освящение церкви» и так далее, — содержат в себе духовные наставления, поскольку основная тема всех древнерусских творений — спасение души. И в них, как и в житиях святых, есть наставления и примеры для подражания, которым должен следовать православный человек.

– Вы отдаете особое предпочтение богословской стороне произведения или же, как филолог, пытаетесь охватить весь процесс вкупе и с исторической, социально-культурной?..

– Жития святых следует рассматривать, прежде всего, с учетом их основного предназначения: повествуют они о духовном подвиге святого, который может стать образцом для читателя. В житии есть генеральная тема. Святой подражает Христу, следует «царским путем», т.е. путем Спасителя. Когда Господь пришел в мир, то сказал, что пришел не нарушить десять заповедей, но исполнить их. Он принимает Крещение, хотя как Богочеловек в нем не нуждался. Он даровал миру еще девять заповедей блаженства и Сам, первым, исполняет все 19 заповедей, указывая этот генеральный путь ко спасению. Это путь русских святых, начиная со страстотерпцев Бориса и Глеба. Они исполнили все 19 заповедей и приняли мученическую смерть, то есть уподобили свой духовный подвиг Христу. И не случайно, что именно Борис и Глеб являются первыми русскими святыми, ибо Церковь строится на мученичестве.

В каждом житии тема спасения души и индивидуального духовного подвига максимально раскрывается агиографом. В Русской Православной Церкви много святых и создано много житий — образцов для подражания. И хотя у каждого праведника был свой духовный подвиг, но общим для них было стремление исполнить все заповеди.

Для более глубокого понимания духовного смысла важно найти параллели между Священным Писанием и агиографией, изучить ретроспективную аналогию поступков праведников и святых и определить их богословский смысл. Например, агиограф сравнивает святого благоверного князя Александра Невского с Иосифом Прекрасным: второго по значимости после Батыя князя на Руси со вторым по значимости после царя сановником в Египте. По мудрости — с Соломоном, по храбрости — с Титом Флавием Веспасианом, ставшим римским императором после подавления восстания в Иудее; так и Александр Ярославич власть возымел после подавления восстания в Новгороде. Параллели с библейскими персонажами важны для того, чтобы глубже усвоить ратный и духовный подвиг святого, обосновать его поступки. В случае с Александром Невским — это дело защиты Отечества и православной веры. Он препятствует распространению католицизма и продвижению ордена крестоносцев на Русь. Другой его подвиг — подвиг смирения во имя спасения большого количества русских людей, которых ему удалось «отмолить» от совместных военных походов с монголо-татарами. Он сам ездил в Орду ходатайствовать за них и положил «живот свой за други своя» — ценой собственной жизни спасая жизнь своих подданных. Так что эти параллели между житием Александра Ярославича и Библией обусловлены типологией поведения святого.

Библиотека Сретенского монастыря

Как филолог я не обязан их рассматривать, я могу лишь указать на источники, на возможные аллюзии. Но в данном случае, преподавая в СДС, я обращаю внимание на духовный смысл того или иного творения, на богословский аспект всей словесности. Этим и отличается преподавание в СДС от преподавания в светском вузе.

– В чем вы видите главную задачу своего предмета и лично вашу?

– Русская литература всегда занималась воспитанием высоконравственной личности. Лучшие русские писатели никогда не были просто беллетристами, то есть сочинителями занимательных историй на забаву публики или ради гонорара. Русская литература XIX века — это глубочайшее философское достояние. Мы можем говорить о религиозных исканиях Гоголя, философии Толстого, Достоевского. Уже русская религиозная философия конца XIX — начала XX века не обошлась без глубокого философского осмысления «Легенды о великом инквизиторе» Достоевского. Нет такого русского религиозного мыслителя, который не написал хотя бы несколько строчек о ней.

Следует заметить, что в XIX веке в России не было «чистых философов», но были писатели-мыслители, и они заставляли глубоко задуматься читателей о предназначении жизни и смысле человеческого бытия. Они пытались вместе со своими героями найти «оправдание» жизни, не всегда, правда, у них это получалось. Но, по крайней мере, они указывали на путь нравственного самосовершенствования. Если мы возьмем творчество Достоевского, его романы от «Преступления и наказания» до «Братьев Карамазовых», то увидим возможные пути нравственного перерождения человека. По сути, это романы о духовном преображении личности. Поэтому на лекциях для меня гораздо важнее говорить о содержании произведения, чем о внешней его форме. О ней и без меня уже много написано и сказано.

К сожалению, меня самого учили по-другому. Больше внимания уделялось композиции, сюжету, художественным образам, но не смыслу, который вкладывали писатели в свои произведения. И если говорить о тех задачах, которые стоят перед нами, преподавателями, то мы должны научить студентов самостоятельно работать с текстами, постигать их глубокий смысл. Если они овладеют такой методикой, а на семинарских занятиях мы пытаемся ее освоить, то тогда им самим будет интересно читать классику и за сюжетной канвой романа распознавать его духовный смысл. Стало заметным, что от курса к курсу у ребят растет не просто увлеченность классической литературой, но и уровень ее постижения, и это не может не радовать.

– Помимо памятников древнерусской словесности, какие произведения привлекают ваше внимание? Что вы рекомендуете читать семинаристам из русской литературы?

– Если говорить об учебном курсе, то в каждую эпоху можно выделить знаковые произведения. Например, для поэзии XVIII века это, безусловно, два «Размышления о Божием величии...» М.Ломоносова, ода «Бог» Г.Державина, которую можно назвать вершиной духовной поэзии XVIII века. В оде «Бог» отражена вся Библия и православный Символ веры, и не знать это произведение православному человеку должно быть стыдно! Такие творения можно комментировать, очень долго разбирать, поскольку чем значимей произведение, тем больше в нем открывается разных смыслов. Важное значение имеет знакомство с «Бедной Лизой» Н.Карамзина, в которой можно разглядеть первую реализацию в русской литературе «теории прилога». Переход от духовности к душевности наблюдается в «Душеньке» И.Богдановича.

Что же касается XIX века, — золотого века русской литературы, то в творчестве каждого писателя можно выделить вершинное сочинение. Если говорить о прозе Пушкина, то это, несомненно, «Капитанская дочка», которую не случайно называют его духовным завещанием. Это повесть о любви и милосердии. В ней выражен смысл служения Богу через служение Отечеству, служение ближнему своему через милосердие, основанное на любви. Это удивительное по своему замыслу произведение.

У Достоевского я особо выделил бы роман «Преступление и наказание», в котором наличествуют три уровня понимания: мирской, духовно-нравственный и библейский. И в каждом из них свой смысл. На духовно-нравственном уровне прослеживается развитие греха у Раскольникова от зарождения помысла до его воплощения (та же «теория прилога»). Библейский уровень — это сравнение Каина и Раскольникова, несущего на себе каинову печать убийцы уже в новое время. Без понимания разных духовных уровней мы до конца не сможем постичь смысл этого произведения. Немаловажен роман «Идиот» с его глубочайшей мыслью о спасении человека. Иисус Христос пришел в мир, чтобы самопожертвованием, основанным на любви, спасти все человечество. В романе же показано, что один, практически идеальный человек, не способен спасти другого, поскольку нельзя совершить этот подвиг, не имея любви в сердце и веры в Бога. Одного сострадания мало. Без любви нет спасения.

Можно рассматривать творчество писателей и в динамике развития. Скажем, раннее творчество Пушкина и позднее, после осознанного принятия им Православия. У Достоевского — путь от социально-революционных идей до христианского смиренномудрия. Интересно проследить духовную эволюцию Гоголя. У Гоголя очень сильные повести о бездуховном «маленьком человеке»: «Шинель» и «Портрет», в которых он исследует проблему подобия человека Богу в умении творить и выстраивать свою духовную жизнь. Если Акакий Акакиевич превратился в человека, собирающего вместо небесных земные богатства, то и описан он как тварь бессловесная, не умеющая даже выразить свои мысли, ибо в нем нет духовного развития. В «Портрете» персонажи показаны уже не только в процессе грехопадения, то есть соблазна материального, но и в момент осмысления собственного греха и раскаяния. Нет человека без греха. Однако велика сила покаяния. В его результате автор портрета ростовщика так напишет Рождество Христово, что благолепие изображенного поразит игумена монастыря с братией. По мнению настоятеля, не смог бы художник только своим человеческим естеством воспроизвести образ Божий. Это неведомая ангельская сила водила его кистью. В новом

творении художника — сила преобразившегося человека. В духовном возрождении личности и заключается смысл человеческого бытия.

Фактически у каждого писателя можно найти произведение, в котором бы рассматривалась духовно-нравственная тема. Возьмем роман «Анна Каренина» Л.Толстого. В нем мы тоже увидим развитие грехопадения Анны в соответствии с «теорией прилога». Но центральное место в романе занимает все же история двух семей: когда одна семья (Каренина) разрушается страстью, то другая (Левина) созидается любовью. Семья же — малая церковь, ковчег спасения в мирской жизни.

То есть писатели не только давали читателям возможность посмотреть на самих себя через призму художественного произведения и провести параллель между своей жизнью и жизнью литературных героев, но и сделать соответствующие выводы, уберегающие от неблаговидных поступков.

– В учебном процессе духовной школы важнейшим является воспитательный момент. Как вы его осуществляете на своих лекциях?

– Нынешние студенты, по сути, подростки. Характеры у них все еще формируются, а по своей натуре они, как правило, максималисты. Говорить с ними нужно только откровенно. Если говоришь одно, а делаешь другое, то они, заметив фальшь, тебе больше не поверят. Им можно говорить только то, в чем сам глубоко убежден и чего сам придерживаешься. Соответственно, что-то рекомендуя студентам, можно руководствоваться только тем, что сам делаешь. Если говорить о своем житейском опыте, лучше говорить о своих ошибках, чтобы они их не повторяли.

Я настоятельно рекомендую ребятам вести дневник. Практически все писатели, в той или иной степени, вели дневники. Зачем это надо? Дневник важен для наблюдения за собой и для оценки своего развития. И писать в нем все честно, как это делал Толстой. Если человек действительно хочет развиваться нравственно и духовно, то должен вести дневник не просто описывая прожитый день и имевшиеся диалоги, но и давать критический анализ прожитому, своим поступкам и мыслям. Должна быть усердная работа над собой, и дневник этому способствует. Еще дневник воспитывает в человеке трудолюбие, потому что ежедневное ведение дневника, если войдет в привычку, учит регулярной работе, способствует наблюдательности, выработке слога, умению писать. Почему Акакий Акакиевич не мог переделать всего лишь одну бумагу? Да потому, что он не умел работать со словом, управлять им. «Переменить заглавный титул да переменить кое-где глаголы из первого лица в третье» для него оказалось непосильным трудом.

Работа над стилем — важный аспект ведения дневника. При нынешнем упрощении лексики, появлении молодежного сленга, который мы наблюдаем на форумах в Интернете, в электронной переписке, sms-сообщениях, происходит существенное обнищание словарного запаса современных молодых людей. А вот ведение дневника способствует расширению лексического запаса. Вспомним, что Пушкин-лицеист плохо знал русский язык, но прекрасно владел французским. Увлекшись литературным трудом, он постигает русский язык. Мало кто знает, что в его произведениях самый большой запас русских слов: в несколько раз больше, чем у Достоевского или Толстого! И его пример должен быть для нас наукой. В повседневном обиходе мы используем 5-7 тысяч слов — это словарный запас средне образованного человека. У Пушкина же в его произведениях более двадцати тысяч различных слов*.

Наш жизненный опыт состоит в осмыслении ценностных ориентиров и духовном рассуждении о них

– Александр Николаевич, расскажите, пожалуйста, о себе, о вашем жизненном пути, студенческих годах.

– Наш жизненный опыт носит аксиологический характер и состоит в осмыслении ценностных ориентиров и духовном рассуждении о них. В своей жизни нужно находить некие ключевые моменты, необходимые для ее понимания, почему жизнь устроилась так, а не по-другому и что, если нужно, исправить.

В семь лет я серьезно заболел перед тем, как надо было идти в школу. Болезнь протекала тяжело, почти два месяца температура была

* «Словарь языка Пушкина» в 4-х томах (М., 1956–1961) рассматривает 21290 слов, но в него не включен лексический ряд вариантов «Истории Петра» и дополнительных материалов к произведениям А.С.Пушкина, хотя, ясное дело, он владел помещенной в них лексикой

Вид на Сретенский монастырь

под сорок. Конечно, о школе не могло быть и речи. А я очень хотел! Ведь все друзья мои уже учились в школе. Родители очень переживали, врачи не знали, что со мной делать. Тогда моя бабушка-молитвенница и говорит моей маме: «Вези его к святому Феодосию Черниговскому»**. Мощи святителя Феодосия покоились в женском Свято-Троицком Черниговском монастыре, где монахиней была ее двоюродная сестра. К ней мы и поехали.

В Чернигове первым делом меня положили в детскую клинику — под присмотр врачей. Чтобы взять меня оттуда всего на одну ночь, маме пришлось писать расписку. Врачи нас отпускали с нескрываемым опасением, потому что температура у меня не уменьшалась. Поскольку из-за высокой температуры я не мог спать, то все очень хорошо запомнил.

В субботу вечером мы приехали в монастырь, чтобы наутро, перед воскресной службой, приложиться к святым мощам, пребывавшим в алтаре храма. Бабушка моя, уступив мне свою кровать, всю ночь молилась, и мама была рядом. А рано утром бабушка повела меня в алтарь. Я подошел, не без страха, к мощам святого и приложился к его открытым рукам. Тотчас я почувствовал теплоту, исходившую от них. Когда я об этом рассказал взрослым, они с недоверием отнеслись к моим словам: какое еще тепло? Мы вернулись в больницу, где я проспал сутки. Когда же проснулся, мне измерили температуру, и она оказалась нормальной!

Позже я узнал, что святитель Феодосий Черниговский — покровитель учащих и учащихся, а у меня, надо отметить, тогда было большое желание пойти в школу, но врачи меня не пускали.

По-видимому, детская молитва была столь сильна, что я получил заступничество и помощь св. Феодосия в исцелении. Видя перемену в моем здоровье, главврач спросил мою маму: «Вы были у св. Феодосия?» Она призналась. — «Ну, тогда понятно, это уже не первый случай».

На протяжении долгого времени я собирался съездить в Чернигов, но все как-то не получалось. И вот спустя сорок лет, в августе, мне позвонили знакомые, сказав, что они едут на машине в Чернигов, и предложили поехать вместе с ними. Я взял с собой иконку св. Феодосия, которую мне подарила одна прихожанка нашего храма после моего рассказа об исцелении, и мы поехали.

По моей просьбе в Троицком соборе у мощей святителя Феодосия Черниговского отслужили благодарственный молебен с акафистом святому. Священник открыл раку и дал мне возможность вновь приложиться к мощам. С дерзновением и духовным трепетом я подошел к раке святого, и все всплыло в памяти: как когда-то я в первый раз подходил к этим святым мощам. Было такое ощущение, будто бы я вновь встретился с дорогим и близким мне человеком спустя 40 лет, даже, подозреваю, день в день. И я вновь ощутил его любовь и милость ко мне. Напоследок я попросил священника приложить к мощам иконку святителя, привезенную из Москвы.

В состоянии радости и духовного подъема я направился из монастыря к ждавшей меня машине. По дороге домой, в какой-то момент,

** О святителе Феодосии Черниговском см.: *http://www.orthodox.com.ua/index.php?go=Pages&in=view&id=102&page=3*

мы ощутили в машине особый аромат. Я сразу сообразил, в чем дело и, достав иконку, обнаружил, что это она благоухает. Все прониклись чудом, произошедшим на наших глазах…

В этой истории поражает еще одно обстоятельство: буквально на следующий день после моего отроческого исцеления женскую обитель закрыли по указу Н.С.Хрущева (это был 1962 год — время гонения на Церковь), а монахинь выселили. Несомненно, в том, что Господь явил через Своего угодника Феодосия Черниговского чудо исцеления отрока в последний день существования монастыря, и в том, что, по милости Божией, этим отроком оказался я, видится особый Божественный Промысл…

Затем у меня были школа и Львовский университет. Мне посчастливилось получить хорошее светское образование благодаря разным людям. Известно, что Господь творит Свою волю через людей, вот почему многое в нашей жизни как бы «определяется» людьми: они могут подсказать, что делать в жизни дальше.

Очень важной для меня была встреча еще в школьную пору с Павлом Павловичем Охрименко — специалистом по древнерусской словесности. Именно тогда я для себя решил, что буду заниматься древнерусской литературой.

Другим человеком, определившим мой жизненный путь, был Александр Серафимович Енько. Я заговорил с ним «случайно» в московском метро, а через несколько дней мы «случайно» оказались рядом в самолете, летящем из Ленинграда в Москву. Тогда и познакомились, удивленные этой «случайностью». С ним мы пребывали в дружбе более 30 лет — до его кончины. И когда я не поступил в МГУ, он подсказал мне поступать на филологический факультет Львовского университета, и благодаря ему я там и оказался. В университете был прекрасный преподавательский состав. Большое значение для формирования специалиста имеет его окружение. Все преподаватели знали, что я с первого курса занимаюсь древнерусской словесностью, и в деканате мне предоставили просто фантастическую возможность — ездить по вузам и слушать лекции по древнерусской литературе! До сих пор с благодарностью вспоминаю декана проф. И.И.Дорошенко. Так я прослушал лекции в Ленинградском и Минском университетах. Но у меня не было научного руководителя.

Тогда, будучи студентом 3-го курса, я написал письмо профессору МГУ В.В.Кускову, автору учебника по древнерусской литературе. Я сообщил, что увлекаюсь апокрифами, древнерусской словесностью, но не имею в этом деле наставника. И Владимир Владимирович ответил мне — незнакомому студенту: «Приезжайте в Москву на зимние каникулы с вашими наработками». Таким образом, я познакомился с ним и считаю его своим учителем. Под его руководством написал не только курсовую, но и дипломную работу. Удалось послушать и его лекции в МГУ.

В Ленинграде я познакомился с Н.Н.Розовым — зав. отделом рукописей Публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Он обратил мое внимание на духовную прозу Н.В.Гоголя, указал на его «Размышление о Божественной литургии». Благодаря Николаю Николаевичу я открыл для себя в атеистическую эпоху религиозного писателя Гоголя. В Ленинградском университете имел беседы с Н.С.Демковой и М.В.Рождественской. В Минском — с Л.Л.Короткой.

Богатство моего светского образования — в отзывчивости тех людей, которые делились со мной своими знаниями. Все, кого я назвал, были специалистами по древнерусской литературе. Но я всегда ощущал поддержку и от других своих педагогов. Видя мою увлеченность, они мне всячески помогали.

Учителя были не только в прошлом, они есть и в настоящем.

Для меня примером служения Богу и делу является протоиерей Павел Фазан — настоятель церкви Свт. Николая Чудотворца в г. Щорсе. Поражает уже то, что в их большой семье четыре брата, да еще и два зятя — священники!

Когда-то в моем родном г. Щорсе был великолепный храм, но немцы, отступая в 1943 году, взорвали его. Отец Павел взялся за строительство нового храма Свт. Николая, имея в казне всего 43 гривны (около 200 рублей) и непреложную веру в помощь Божию. За 4 года возведен двухуровневый каменный красавец-храм, в нижней церкви уже идут службы, а в верхней — отделочные работы. И Сретенский монастырь, по благословению настоятеля о. Тихона, поделился с ним книгами из библиотеки, а о. Иоанн пожертвовал новые издания. Такому подвижнику нельзя не помогать. Больше всего поразило его ежедневное расписание.

В 5–6 часов утра он уже причащает немощных и больных, в 8 — служба, в 11–12 — требы. В 16 — акафист, потом — вечерняя служба. Да еще в Чернигов на ночь нужно съездить — постоять за Екатерининскую церковь, которую пытаются отобрать раскольники. Потом — по приходам. Он — благочинный Щорского округа. К схимонахине Екатерине заехать в с. Локнистое для духовной беседы и Домницкий монастырь с чудотворной Богородичной иконой посетить, а на обратном пути к святому источнику заехать. Я наблюдал о. Павла после двух насыщенных дней и бессонной ночи. Это он меня везде возил, а Господь давал ему силы. Я увидел это у источника…

– Александр Николаевич, скажите, методику преподавания вы выработали сами или все же вы переняли чей-то опыт?

– Мне очень повезло, потому что моими замечательными наставниками были люди, родившиеся в начале XX века и воспитанные на дореволюционных традициях. Они передали нам то, что переняли от своих учителей. Учитель, прежде всего, реализуется в своих учениках. Очень важно, как ученики воспринимают данное им учителем знание и продолжают ли его дело. Так создаются научные школы.

Со словами благодарности я могу вспомнить профессора А.В.Чичерина, водившего знакомство с Сергеем Толстым, Есениным, Блоком, Белым… Встречался он и с Горьким, Маяковским, Булгаковым…

Алексей Владимирович привил нам навыки литературоведческого труда, рассказывал, что в классической гимназии его учили пользоваться «методом пристального чтения». Когда читаешь быстро, только следя за сюжетом, то многого не замечаешь. Когда же читаешь медленно и вдумчиво, обращая внимание на мельчайшие детали и подробности, то тогда начинаешь понимать, что через детали раскрывается идея произведения. Не заметив существенных деталей, можно неправильно истолковать художественное сочинение.

Это касается и той методики, которую мы сейчас используем, по сути, она — хорошо забытое старое. Прежде всего, студенты сами должны постараться вникнуть в смысл произведения, читая его. Не просто глазами бегать и соединять буквы в слова, а читать — видеть смысл, заложенный автором, делая акцент не на сюжетной канве, а на идее. Нужно в каждом случае найти ответ на вопрос, зачем писатель написал это произведение и почему оно именно таким получилось? Это воля автора или его неспособность написать по-другому? Бывает, что идейный замысел и его реальное воплощение могут быть совершенно разными.

К слову сказать, этот прием был описан еще в XI веке, в поучении некоего монаха «О чтении книг». Он говорил, что чтение должно приносить пользу душе, что не надо перелистывать страницу, не приняв все в сердце свое. Поскольку каждая книга написана по благодати Божией, то читатель должен проникнуться духовным словом и не торопиться прерывать беседу с Богом. Вот это и есть метод медленного и пристального чтения. Нам ведь не хочется прерывать приятную беседу с другом, вот и здесь не следует прерывать беседу с Богом. И тогда боговдохновенные слова ложатся в сердце и укрепляют человека.

«Всякий дар свыше есть», то есть от Бога, в том числе и писательский талант. Если писатель понимал, что его талант — дар Божий, то и всю свою жизнь посвящал служению Богу через литературу, как и древнерусский книжник. По сути, истинный писательский труд — это синергетическая связь писателя и Творца, но это бывает, когда писатель не самовластен. Когда же пробует творить по собственной воле, то начинается его личное художество: изначально хотел написать одно, а получилось совершенно иное. А в ответе — сам писатель: как его слово отзовется в душах читателей?!

Последние исследования творчества Гоголя как раз об этом и свидетельствуют. Свой писательский труд он осмысливал как духовный. Не так давно были открыты и опубликованы тетради с выписками Гоголя из святых отцов. И мы можем увидеть, насколько духовно велика была работа писателя над собой. Тогда и многое в его творчестве начинает видеться иначе. Соответственно, чтобы постигнуть смысл его произведения, надо бы быть немного и богословом.

– Семинария — учебное заведение закрытого типа, день построен по определенному распорядку. Помимо учебы, большое количество времени отводится и на выполнение различных послушаний. Что вы можете сказать о нагрузке, которую несут семинаристы, и как было в годы вашей учебы?

– Я могу сказать, исходя из своего личного опыта: чем больше я загружен, тем больше получается сделать. В мое время студентов загружали максимально, свободного времени практически не оставалось. И мы в свои студенческие годы учились рационально использовать время. Мы много читали, намного больше, чем читают сейчас. Может, вина тому — Интернет, где можно легко получить нужную информацию.

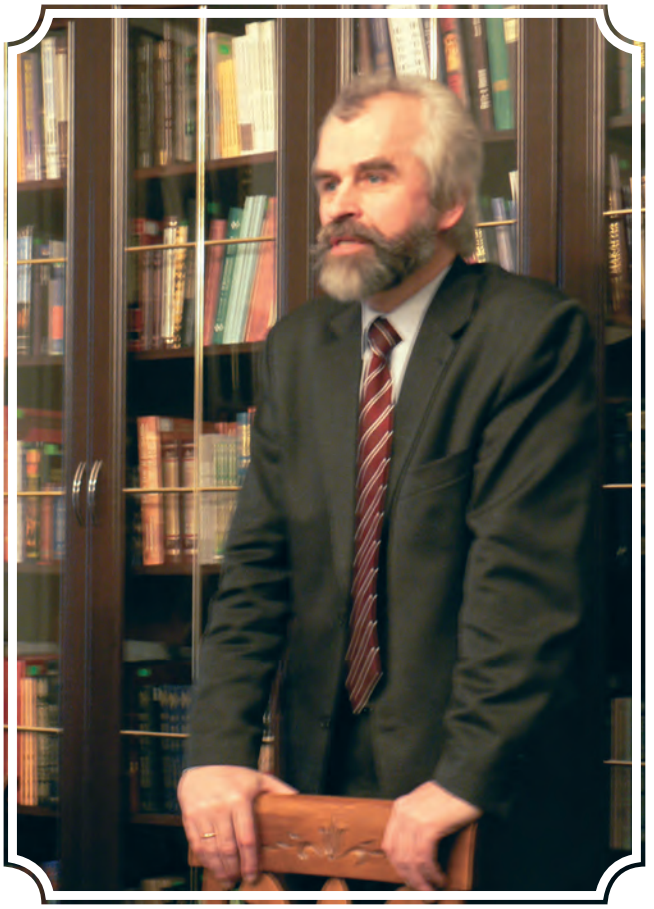
У нас были предметы, забиравшие много драгоценного времени. Достаточно вспомнить историю КПСС, научный коммунизм и атеизм. Ежедневно по 2–3 часа нужно было конспектировать классиков марксизма-ленинизма. Сейчас, слава Богу, этого нет, и за это время можно многое успеть сделать. С утра и приблизительно до 3-х часов дня мы пропадали на лекциях, а после них шли в библиотеку читать до позднего вечера. Нынешние студенты не привыкли работать в библиотеках. В наше время читальные залы были забиты молодежью, сейчас же они полупустые, и этот факт удручает. Большая загруженность мне бывает только на пользу. Сейчас, например, будучи проректором Литературного института и ответственным редактором «Вестника Литературного института», преподаю в 4-х вузах. Еще у меня 2 докторанта, 5 аспирантов и как минимум 5 дипломников ежегодно. О курсовых работах уже не говорю. Каждому нужно уделить время, по нескольку раз читать студенческие работы, и при этом надо и свои научные исследования проводить. Поэтому отговорка, что не хватает времени, — от лукавого; время, при желании, всегда найдется.

– Вы часто публикуетесь в различных журналах и, в частности, на сайте Pravoslavie.ru, который, кстати сказать, вы также курировали одно время. Расскажите, какие ваши труды вышли в последнее время и над чем вы работаете сейчас.

– Год назад вышла очень важная монография «Стадиальное развитие русской литературы XI — первой трети XVIII века. Теория

литературных формаций» (М., 2008) — итог многолетних размышлений. В ней выдвинута новая теория развития русской словесности. Ее дополняет недавно вышедшая монография «О специфике развития русской литературы XI — первой трети XVIII века. Стадии и формации» (М., 2009), в которой теоретические вопросы находят уже практическое воплощение. Обе книги продаются в магазине «Сретение» при Сретенском монастыре. Недавно вышла в моем переводе и с моим послесловием «Повесть о житии Петра и Февронии Муромских» (М., 2009). Наконец-то выполнил давнее свое обещание — написал статью о романе М.Булгакова «Мастер и Маргарита» для сайта Pravoslavie.ru. Вышел ряд статей в журналах. Принимал участие в научных конференциях, Рождественских чтениях. Сейчас с Божией помощью завершаю работу над книгой по «Слову о Законе и Благодати».

В библиотеке Сретенского монастыря

Важно не только изучение древнерусской словесности, но и собственный духовный рост, и я не могу отделить одно от другого

– Александр Николаевич, ваши лекции пользуются особой популярностью у студентов семинарии. Церковная аудитория по духу все же ближе к преподаваемому вами предмету. Насколько светская аудитория заинтересована в древнерусской литературе и что больше всего ее в ней привлекает?

– У меня есть счастливая возможность начинать работать со студентами и в семинарии, и в светских вузах с 1-го курса. Это очень важно для их духовного воспитания. Молодые люди только пришли со школьной скамьи, с еще не сформировавшимся мировоззрением, полные интереса к жизни, пребывающие в поиске своего места в обществе. Можно не только в течение нескольких лет наблюдать эволюцию данного человека, как он развивается и к чему приходит, но и помочь ему в его становлении. Роль наставника здесь велика и ответственна.

На 1-м курсе студент ищет себя и возможность испытать и проявить свои силы. Чаще всего ориентируется на любимые предметы или преподавателей, хотя пристрастия могут меняться с возрастом. Не может не радовать, что интерес к древнерусской литературе постоянно высокий. Скажем, в Государственной академии славянской культуры писали в год по 5–6 дипломов, а это значит, что студенты начинали заниматься древнерусской словесностью с 1-го курса плюс на 2–4-м курсах писали курсовые работы. Здесь важно было не только изучение ими древнерусской словесности, но и их собственный духовный рост: нельзя отделять одно от другого.

Для меня самым большим счастьем было, когда одна выпускница на защите дипломной работы призналась, что две недели назад крестилась. К такому ее решению привела работа над дипломом. Если бы она не занималась древнерусской словесностью, то, возможно, и не сделала бы такой важный шаг в своей жизни или сделала бы его гораздо позднее, но тогда ее жизнь сложилась бы по-другому. Важно, что это был ее осознанный выбор. Мне неоднократно приходится наблюдать, что не родители, а, наоборот, дети приводят в Церковь своих родителей. Это, кстати сказать, к вопросу о духовно-нравственном воспитании и о роли литературы в нем. Если такие случаи хоть иногда присутствуют в нашей практике,

то наша преподавательская работа обретает смысл.

Понятно, что в семинарии немного по-другому. Но у меня еще есть студенты-теологи из Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ). В прошлом году среди них тоже было пять моих дипломников, и все они защитились на «отлично». Для меня это была не меньшая радость, чем для них. Во-первых, это был первый выпуск. Во-вторых, темы дипломов были сложные, но они справились с поставленной задачей и раскрыли их. Две прошлогодние выпускницы стали моими коллегами по вузу и сейчас работают над кандидатскими диссертациями.

– Рассматривая жития святых в светских вузах, вы наверняка также обращали внимание аудитории и на их богословский смысл. Воспринимается ли это светской аудиторией в целом?

– Аудитории бывают разные. Отрадно отметить, что сейчас в светских аудиториях становится все больше православных воцерковленных людей. Одно дело называть себя православным, другое дело быть воцерковленным — жить по церковным законам. Тогда и восприятие духовного смысла литературных произведений происходит совершенно на другом уровне.

В упоминаемой уже мной Академии славянской культуры было много православных студентов, и там было легче говорить о духовном, поскольку они воспитаны в традициях русской православной культуры. Они и воспринимали все иначе, чем те, кто был воспитан на «западноевропейских ценностях». В 90-е годы было тяжело преподавать в МГЛУ, потому что студентами в основном были дети русских, которые последние десять лет жили за границей. Жизнь вне своей родной культуры, когда происходит формирование личности, не проходит бесследно. Дети, хотя по национальности и считались русскими, но по складу мышления уже были европейцами. И для них было сложно многое воспринимать из своей культуры. В Европе и Америке им прививали материальные ценности и приоритеты. Приехав в Россию, они породнились с той частью общества, которая тянется к «общеевропейским ценностям», но разошлись с другой, не менее значительной частью, стремящейся возродить исконно русские традиции, основанные на Православии.

Когда начинаешь разбирать с «русскими иностранцами», скажем, образ Евгения Онегина, то он легко ими воспринимается, поскольку понятен своими гедонистскими стремлениями и желаниями. Если говорить о православной среде, то ей ближе образ способного на самопожертвование Петра Гринева из «Капитанской дочки» — полной противоположности Онегина. Но если раньше «иностранцы» не задумывались, почему Пушкин в своих поздних произведениях полемизирует сам с собой, то теперь, живя в России, они постепенно проникаются традиционной русской культурой и уже по-другому воспринимают эти литературные образы. А главное, дают им верную оценку.

В 90-е годы было сложно преподавать в силу того, что была разнонаправленность аудитории. Когда я спрашивал молодых людей, кто из них хочет уехать из России, только 2–3 человека не поднимали руки. Сейчас ситуация обратная. Значит, изменилось мировоззрение молодежи, ценностная ориентация, и теперь смею надеяться, что у России есть будущее.

– Александр Николаевич, известно, что в стенах семинарии вы проводили семинар по фильму режиссера Павла Лунгина «Остров» для семинаристов и студентов отделения журналистики МГЛУ. Расскажите подробнее об этой встрече, какова была ее цель?

– Цель одна — чтобы студенты могли сами, размышляя и рассуждая с незначительной моей помощью, открыть духовный смысл этого фильма.

Фильм — это, прежде всего, зрелищная, т.е. образная сторона. Но этот фильм глубоко символичен, стало быть — многозначен. Здесь важно и увидеть символы, и их истолковать, а это значит — проникнуть в духовный смысл произведения. Так получилось, что эту тему мы затронули на лекции и в семинарии, и в Лингвистическом университете. И мы пришли к коллективному решению собраться и сообща обсудить этот фильм. Показалось интересным сопоставить и светский взгляд на эти вещи, и духовное видение вопроса ребятами одного возраста.

На самом деле оказалось, что собрались единомышленники, которые в значительной степени дополняли друг друга своими тонкими наблюдениями и помогали сообща проникнуть в духовное содержание фильма. Проводились параллели и с классической литературой, и с духовным становлением личности.

В агиографической литературе этот мотив спасения часто присутствует. Фильм показывает силу покаяния и смирения человека, которые приводят его к духовному совершенству. По сути дела, мы видим пример преображения личности уже на современном этапе.

Самое сильное ощущение для меня здесь — это ощущение молитвы за преподавателей

– Александр Николаевич, вы начинали преподавание в семинарии с самого первого набора, с тех пор минуло уже десятилетие. Чем отличается нынешний студент от предыдущего? Видна ли какая-либо динамика? И что, на ваш взгляд, отличает семинариста от светского учащегося, что его выделяет?

– Практически ничего, студенты везде одинаковые: и труженики, и ленивые, и с хитрецой. Отличаются только наборы студентов разных лет. Например, в семинарии первый набор состоял из монахов и людей зрелого возраста, имевших высшее образование, причем не только гуманитарное, но и техническое. Эти взрослые люди сделали осознанный выбор: из светской жизни пришли в монастырь, и этот выбор лично во мне вызывает уважение. К тому же у нас была небольшая разница в возрасте, и это снимало возрастные барьеры.

Часто после лекций у нас завязывались долгие разговоры. Это были довольно откровенные беседы, многие раскрывали причины своего ухода в монастырь. Разговаривали на разные темы, говорили о политике, науке и вообще обо всем. Эти студенты знали, чего они хотят, и стремились получить столько знаний, сколько это было возможно. Мне нравилась их работоспособность, целеустремленность. Их не нужно было подгонять, достаточно было посоветовать что-то почитать, и они читали. А потом вместе обсуждали. Они хотели учиться, и они учились. Заметным было их возрастание, многие из них приняли священнический сан, теперь уже сами имеют духовных чад (я и сам подсылаю к ним своих знакомых и студентов), произносят замечательные проповеди, принимают исповеди. Они уже ведут духовную работу в монастыре. Когда я их встречаю, я искренне радуюсь за них. До сих пор у нас остались дружеские отношения с о. Адрианом, о. Амвросием, о. Арсением, о. Лукой, о. Клеопой, о. Иоанном, нынешним проректором семинарии, и многими другими. Я рад, что они нашли свое место в жизни и ощущают свою необходимость, свою востребованность среди мирян и студентов. И я вижу, с каким уважением к ним относятся прихожане...

– И в заключение скажите, что для вас значит преподавание в СДС?

– Самое главное — мое духовное образование. Самое ощутимое — братская монастырская молитва за преподавателей и лично за меня, грешного. Эту молитву я стал ощущать с первых же дней пребывания в семинарии. Она удерживает в жизни. Самое полезное — это духовные беседы. Самое радостное — видеть успехи учеников. Самое важное — труд во славу Божию, на пользу людям и во спасение души.

«Использование церковнославянского языка наиболее тесно соприкасается с этимологическим, исконным пониманием литургии как общественного служения»

Профессор Лариса Ивановна Маршева

В 1999 году в московском Сретенском монастыре была открыта духовная школа — Сретенское высшее православное училище, преобразованное затем в духовную семинарию. О выборе жизненного пути и о годах, проведенных в стенах семинарии, рассказывают преподаватели и студенты СДС.

Очевидно, что все воспоминания порождаются событиями. Их за время моего преподавания в Сретенской духовной семинарии было много: рабочих и приватных, весомых и незначительных, драматических и курьезных. И очень отрадно, что для каждого — без исключения — учебного года (а именно в таких единицах измеряет время преподаватель) память со щедрой услужливостью предлагает свои яркие, характерные эпизоды.

Итак, 2000/2001-й стал первым годом моей работы в духовной школе. Он принес мне, новоиспеченному кандидату филологических наук, много радостей и немало печалей. Но самое главное — я осознала (достаточно быстро и как-то очень просто), что церковнославянский язык, который мне было поручено преподавать, займет ведущее место в моих дальнейших методико-педагогических и научно-исследовательских изысканиях. И станет неотъемлемой частью моей жизни (фраза, может, и пафосная, но точная).

В связи с этим в памяти возникает такой эпизод, случившийся в мае 2001 года: мы с Владиславом Томачинским, будущим иеромонахом Симеоном, получившие филологическое образование и кандидатские степени уже в новейшее время, но учившие историю языка по советским учебникам (надо сказать, что и сейчас ситуация почти не изменилась), на глазах изумленных студентов горячо обсуждаем содержательные и хронологические границы старославянского и церковнославянского языков.

А вот весьма эффектный финал второго учебного года. Все преподавательницы древних

и новых языков, расположившись в нашей уютной преподавательской, без устали потчуют друг друга снедью собственного приготовления. Помню, был там даже салат «Оливье», в котором, дабы не нарушить монастырский устав, мясо заменили… на маслины.

После того как моя первая семинарская группа одолела двухгодичный курс церковнославянского языка, я задумала пособие, которое бы содержало комплексные лингвистические комментарии к текстам, используемым в современной богослужебной практике и вызывающим заинтересованные вопросы не только у неспециалистов, но и у филологов-славистов. Так в издательстве Сретенского монастыря появилась на свет книга «Шестопсалмие: лингвистический анализ». Во многом благодаря именно этому пособию, которое выдержало уже три издания и прижилось в учебной практике, мною получено ученое звание доцента.

Свой скромный преподавательский опыт я обобщила в серии заметок, ключевые идеи которых неустанно довожу до своих студентов — будущих пастырей и богословов. Использование церковнославянского языка наиболее тесно соприкасается с этимологическим, исконным пониманием литургии как общественного служения. И в настоящее время он должен стать едва ли не главным мерилом соборности в Церкви. А значит, каждому человеку, приходящему в храм и искренне верующему, что его молитва дойдет до Господа, необходимо приложить максимум усилий для познания богослужебного языка.

А теперь о несерьезном: ноябрь 2003 года, аудитория второго курса, мы с семинаристами во внеурочное время читаем по ролям «Сказ про Федота-стрельца, удалого молодца» Л.Филатова: «Верьте аль не верьте, а жил на белом свете Федот-стрелец, удалой молодец. Был Федот ни красавец, ни урод, ни румян, ни бледен, ни богат, ни беден, ни в парше, ни в парче, а так, вообче».

Очень хорошо запомнилось мне первое знакомство с курсом, который в этом, юбилейном, году станет выпускным. Жаркий августовский день, абитуриенты после литургии направляются в семинарский корпус. Начинается вступительный экзамен по русскому языку — изложение. Я читаю из «Афона» Б.Зайцева: «Я жил в своей комнате, окруженный необыкновенно благожелательным и ласковым воздухом. На столе моем часто стояли розы… Между мною и морем старинный решетчатый балкон, перила его увиты виноградом, и сквозь лапчатую зелень море еще синей. Внизу плоская крыша библиотеки, далее корпус келий и направо купола собора. Комната всегда полна света и радостности».

В 2005 году во епископы хиротонисали проректора Сретенской духовной семинарии. Сейчас владыка Амвросий (Ермаков) назначен уже ректором Санкт-Петербургских духовных школ. А у нас по сей день проректорствует отец Иоанн (Лудищев) — помоги ему Господи!

2005/2006 учебный год был необыкновенно богат на различные события. В самом его начале ко мне подошел студент, которого зачислили сразу на второй курс, и попросил о дополнительных занятиях по церковнославянскому языку для себя и своих товарищей. Это меня очень тронуло и вдохновило.

В процессе занятий возникла мысль о создании у нас — по образцу Московской семинарии — гимнографического кружка. За время его существования нами проделано много конкретной работы, главным образом корректурно-орфографической и редакторско-текстологической. Но более всего я ценю наше крепкое единомыслие и теплую дружбу.

Серьезным и ответственным моментом для меня стало представление Сретенской духовной школы на церковнославянском семинаре, который проводился в ноябре 2006 года в Московской духовной академии. Там результаты нашей работы оценили самым положительным образом.

Конечно, не могу не сказать о деятельнейшем участии Сретенского монастыря и семинарии в мероприятиях по восстановлению единства Русской Православной Церкви. Масштабность и значимость событий мая 2007 года, непосредственными свидетелями которых нам довелось стать, послужат предметом наших размышлений и чаяний на долгое время.

2007/2008 учебный год ознаменовал некий поворот в моих преподавательских пристрастиях. Безусловно, церковнославянский язык так и остался в эпицентре моих интересов. Однако много внимания я стала уделять развитию связной речи у студентов. Считаю, что данное учебно-методическое направление в условиях

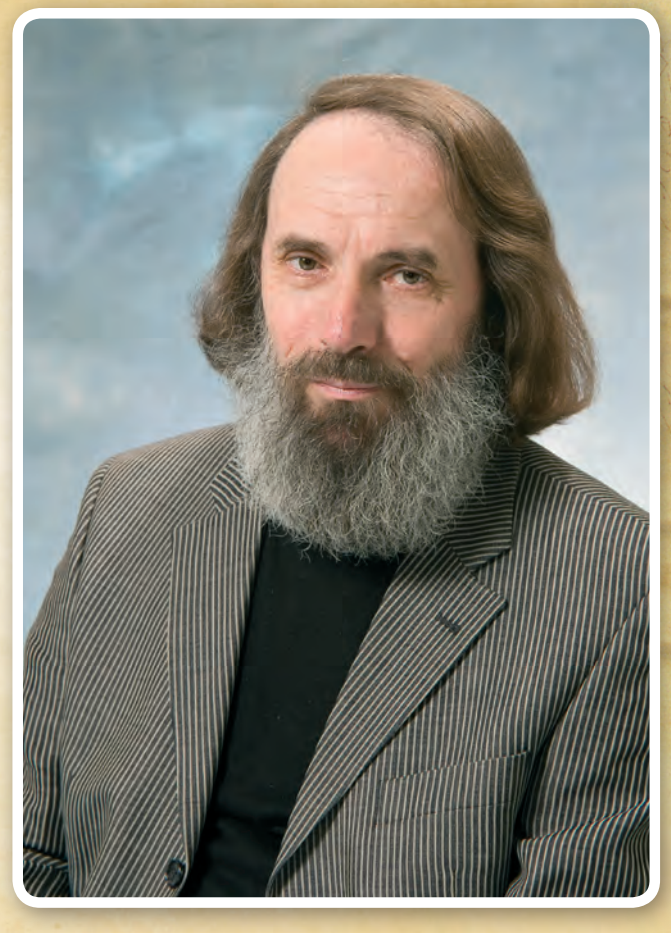
стремительного снижения языковой культуры все больше и больше актуализируется. Мною подготовлено пособие, которое включает в себя отрывки из произведений русской художественной и мемуарной литературы XIX–XXI веков и содержит материал для обучающих, развивающих и контрольных упражнений.

И, наконец, этот учебный год. Он уже одарил меня замечательными впечатлениями, запоминающимися эпизодами, волнительными ожиданиями: проделана интереснейшая работа по редактуре сербо-русско-церковнославянского текста акафиста преподобному Сисою, возникла насущная необходимость в овладении методикой преподавания русского языка как иностранного, в ноябре состоялась защита моей докторской диссертации…

Поневоле задумаешься, а что же объединяет все эти события? Конечно, упование на то, что делаешь дело, угодное Богу. Дело, которое не состоялось бы, если бы не духовное попечение, неустанные молитвы и каждодневные заботы нашего ректора — архимандрита Тихона. Поэтому напоследок позволю себе такое воспоминание.

4 сентября 2000 года. В тот день я впервые присутствовала на заседании Ученого совета нашей духовной школы. Мы, преподаватели, собрались у трапезной и ждем прихода отца Тихона. Идет дождь — осенний дождь стеной. И вот отец ректор под огромным зонтом спешит к нам. Чтобы выслушать, подбодрить, поделиться своими грандиозно трезвыми планами о будущем семинарии, ее учащих и учащихся.

«Священник должен понимать, что он служит всем»

Профессор Алексей Иванович Сидоров

– Алексей Иванович, какое образование вы получили?

– Естественно, сначала я получил среднее образование, но уже примерно с четырнадцати лет начал самостоятельно заниматься философией. Поступал в университет довольно поздно — после трехлетней службы в армии. А потом учился на историческом факультете МГУ — сразу на двух кафедрах: древнего мира и древних языков. Так что я получил и историческое, и филологическое образование. Тема моего диплома звучала так: «Трактат Плотина как источник по истории гностицизма». Я тогда перевел этот трактат в качестве приложения к диплому. После МГУ я поступил в Институт истории СССР АН СССР и одновременно в аспирантуру Института всеобщей истории.

– А как в советское время вы пришли к вере?

– Я стал верующим вслед за женой, она пришла первой и справедливо решила, что жить в невенчанном браке невозможно, хотя мы любили друг друга и наш брак, разумеется, был зарегистрирован. Жена поехала в Псково-Печерский монастырь, виделась там с отцом Иоанном (Крестьянкиным). Батюшка сказал ей, чтобы она привезла мужа, то есть меня. Сначала я не очень обрадовался, но у меня тогда был отпуск, и я подумал: «Ну ладно, похожу по лесу, грибы пособираю и заодно посмотрю на монастырь». По приезде мы сразу пошли к отцу Иоанну, он долго с нами говорил и благословил на венчание. Общались мы и с отцом Адрианом (Кирсановым). Там же, в Печорах, и обвенчались, ведь в советское время сделать в Москве это было совсем непросто. Таинство совершил отец Евгений, а свидетелями были две рабы Божии, которые собирали милостыню у монастырского храма, где мы с ними и познакомились. Я думал, что на этом все и закончится, но когда я вышел из храма, вдруг неожиданно для себя сказал жене: «Ты думаешь, нас священник венчал? Нет, нас Сам Бог венчал». До сих пор помню слова отца Адриана:

«Алексеюшка, я буду за тебя молиться». Тогда я впервые пережил этот чудесный и для меня еще не изведанный опыт: когда знаешь, что за тебя молятся — как бы на руках носят. Потом много чего еще было; например, трудно было причащаться, исповедоваться. Сложность была и в том, что я был заядлый курильщик, борьба с этой привычкой доставляла мне много мучений... Сейчас отец Иоанн уже почил, а отец Адриан, слава Богу, жив. Я их считаю своими первыми наставниками в вере. А когда я уже начал воцерковляться, моим духовником стал один лаврский батюшка. Вообще я убежден, что без окормления, без духовничества христианская жизнь является неполной.

– А как вы стали заниматься патрологическими исследованиями, в частности переводами?

– Это тоже непростая история и нескорая. Сначала я занимался исследованиями в области истории гностицизма и манихейства; в частности, защитил кандидатскую диссертацию по гностицизму и собирался защищать докторскую диссертацию по генезису манихейства. Но однажды мой духовник сказал мне: «Что это ты еретиками занимаешься? Лучше займись переводами святых отцов». И знаете, меня это возмутило. То есть как это «займись переводами святых отцов»? Это же все с нуля начинать! Мне было в то время около сорока лет, и я уже состоялся как ученый. И вдруг — заниматься совершенно новой темой. Но вот таков был Промысл Божий обо мне: я начал читать святых отцов и пришел к мысли, что это действительно мое. Так произошла «метанойя», то есть покаяние — изменение ума и всего внутреннего настроя, хотя переосмысление длилось еще достаточно долго — где-то лет пять.

– А когда вы начали преподавать в Московских духовных школах?

– Это случилось тогда, когда я начал заниматься своим первым автором — преподобным Максимом Исповедником. Сначала свои переводы я публиковал под псевдонимом Венедиктов. В связи с их изданием познакомился с сотрудниками из издательства Московской Патриархии. Вскоре мои статьи и переводы заметили, и меня по рекомендации Николая Константиновича Гаврюшина пригласили в МДА, это было еще при владыке Александре. Мы с Николаем Константиновичем были «варягами» — светскими учеными и преподавателями, которые не оканчивали духовную семинарию и академию. Годом раньше в Московские духовные школы пришел молодой выпускник МГУ Максим Евгеньевич Козлов (сейчас — протоиерей Максим Козлов). Мы с Николаем Константиновичем Гаврюшиным работали в Академии наук, то есть в среде, которая существенно отличалась от духовных заведений. Именно с приходом в МДА я начал по-настоящему воцерковляться — до этого были лишь первые шаги. И опять-таки все было непросто, не без искушений. Вскоре я экстерном окончил семинарию, а затем и академию.

– Менялись ли со временем ваши взгляды ученого-патролога?

– Конечно. И я как человек менялся, и мои взгляды, естественно, тоже менялись. Это неизбежно. Я никогда не смотрел на науку как на нечто профессиональное, как на средство зарабатывания денег — это всегда было чуждо для меня. Я просто старался добросовестно делать свое дело, которое любил. Был убежден, что занятие наукой — это поиск истины, без этого поиска наука не существует. И когда я, хотя и в мучениях, обрел единственную и высшую Истину в Православии, наука стала для меня глубинным и объемным познанием ее. Сказать честно, когда я только начал общаться со святыми отцами, я слишком поверхностно подходил к их творениям, как бы скользил по поверхности и мало что понимал. Отцов Церкви я поначалу воспринимал как философов, мыслителей. И это вроде бы и так. Вот, например, преподобный Максим Исповедник — действительно глубочайший мыслитель, редкого склада любомудр. И я видел только эту важную, но внешнюю сторону его творений, не замечая того, что́ ставит его в ряд именно святых отцов. Я не видел святости, от меня была закрыта его духовность и молитвенный опыт. Не видел я удивительного многообразия этого опыта и у других святых отцов, не осознавая также принципиальной разницы, отделяющей меня от них. И только со временем все начало вставать на свои места. Но я не могу сказать, что данный процесс уже закончен. Ведь духовное возрастание продолжается всю жизнь, и не только в этом, но и в будущем веке.

– Какие ваши труды наиболее дороги для вас?

– Безусловно, переводы святых отцов. Особенно мне дорог преподобный Максим Исповедник, так как это была первая и самая

сильная привязанность. Очень ценны для меня и другие аскетические писатели — их творениями я занимался всегда и до сих пор занимаюсь. Во мне уже достаточно давно созрело внутреннее убеждение, что именно в аскетических творениях святых отцов обретается средоточие всего духовного опыта Православия, а следовательно, и целостность догматического веросознания нашей Церкви.

– Какие проекты вы хотели бы воплотить в жизнь?

– Очень хочу издать творения Феолипта Филадельфийского, наверное на три четверти уже подготовленные. Сейчас продолжаю переводить преподобного Анастасия Синаита, его «Вопросы и ответы». В свое время я переводил произведения отцов, живших в период становления монашеской письменности, и у меня есть желание продолжить данные занятия. Это для меня очень важно.

– Алексей Иванович, планируете ли вы подготовить собрание своих научно-богословских исследований и переводов?

– У меня около десяти книг и сотня работ, которые напечатаны, как правило, в труднодоступных изданиях. Общий объем получается солидный — приблизительно пять томов по триста страниц (оговорюсь, без переводов). Это уже, согласитесь, проблематично. Но, конечно, главная трудность — внутренняя. Не со всем, о чем я писал когда-то, я могу согласиться сегодня. Например, работы об Оригене требуют серьезной переоценки с православной точки зрения. Такое исследование у меня запланировано.

– Вы являетесь преподавателем патрологии в семинарии. Как вы считаете необходимым преподавать этот предмет в наше время?

– У каждого времени своя специфика. Современные люди почти перестали читать и думать. А потому процесс преподавания патрологии в настоящее время связан прежде всего с некой популяризацией. Падает уровень среднего образования, приходят очень хорошие ребята, но им не хватает необходимых общекультурных знаний. И эти историко-культурные лакуны приходится заполнять. И еще что важно: о святых отцах нельзя рассказывать вне контекста той или иной эпохи. Всегда очень тяжело воспринимается та часть патрологии, которая изучает собственно богословие. Жизнь и труды отцов Церкви усваиваются сравнительно легко, а богословские воззрения их требуют определенной культуры мышления и сердечного настроя, гармонирующего со святоотеческим богословием.

– Чем, по-вашему, современное поколение семинаристов отлично от тех, кто учился в духовных школах 15–20 лет назад?

– В МДАиС я начал преподавать более двадцати лет назад. И знаете, что меня тогда поражало? Я немного преподавал в МГУ, и с точки зрения интеллектуальной культуры тогдашние студенты МДА того времени были менее подготовлены, чем студенты университета. Но тогда была совершенно другая ситуация: студенты приходили из атеистического мира, где было сильнейшее внешнее давление на Церковь. Зато в ней самой было больше внутреннего единства. Сейчас это внешнее давление снято, но вместо этого, как всегда бывало в истории христианства, возрастают внутренние нестроения. Я бы это сформулировал так: сейчас ярко представлено расщепленное видение Православия. То есть внешняя свобода дает разброс мнений, который чувствуется даже среди семинаристов. И надо уметь видеть это и пытаться данный плюрализм привести к единству православной «акривии», без которой бытие нашей Церкви немыслимо. И еще раз повторюсь: пусть студенты 80–90-х годов были и менее интеллектуальны, но они получали хорошее среднее образование...

– Как бы вы оценили существующий семинарский учебный план? Возможно, он нуждается в какой-то коррекции?

– Насколько я могу судить, лишних предметов для пастыря никогда не бывает. К священнику обращаются по самым разным вопросам, и он должен уметь реагировать даже на самые узкопрофильные проблемы. Наша программа достаточно органично сбалансирована. Но обучение — даже самое продуманное и успешное — не может ко всему подготовить. Оно дает некую матрицу, только общее моделирование будущей деятельности, а всему остальному придется учиться самостоятельно. Образование немыслимо без самообразования. А священнослужителю надо всю жизнь самообразовываться, он просто перестанет быть пастырем, если не будет постоянно учиться.

– Алексей Иванович, какие выпуски Сретенской духовной семинарии вам более всего запомнились?

– У меня здесь небольшой стаж — только три года. Но вспоминается выпуск 2008 года: Антон Новиков, ныне диакон, Паша Карев, Володя Хажомия и другие. Много было хороших ребят...

– А что вы можете сказать о дипломных работах, написанных под вашим руководством?

– В целом этими работами я доволен. Вспоминается серьезная работа иеромонаха Иринея (Пиковского).

– Как вам вспоминается епископ Гатчинский Амвросий — в недавнем прошлом проректор Сретенской духовной школы?

– Он был моим студентом в МДАиС. И я его вспоминаю как одного из своих лучших учеников. Энергичный, деятельный, как студент очень хваткий, быстро усваивал информацию и в то же время умел ее внутренне осмыслить. Вообще хороших студентов я часто вспоминаю. Многие из них теперь епископы.

– Расскажите, пожалуйста, о том, как вы заинтересовываете студентов своим предметом?

– Студенты — молодые ребята, и у них большие нагрузки. И они устают. Отсюда проблемы, в том числе и со сном на занятиях. Борюсь с этим по мере своих сил, стараюсь задать какой-нибудь вопрос, разбудить. Я понимаю, что спящему студенту очень не нравится вторжение в его благостное состояние, но что поделаешь. Приходится довольно часто играть в популярную игру: «Мы писали, мы писали, наши пальчики устали»....

– Что вы можете сказать по поводу экзаменов? Связаны ли с ними какие-то курьезные истории?

– Я стараюсь проводить экзамены в форме живой беседы — это мой принцип. Я люблю повторять слова одного немецкого философа, который сказал: «Я не учу философии, я учу мыслить». Главная задача преподавания — не просто дать информацию, ведь ее можно получить сейчас где угодно (книги, Интернет), а научить этой информацией пользоваться: вычленять какие-то смысловые блоки, размышлять над ними. Я стараюсь показать парадигму святоотеческого мышления, которое дает возможность правильно оценить действительность. Мне хочется, чтобы студенты стремились увидеть мир глазами святых отцов. Вот это моя основная цель.

– Каким вы видите будущее выпускников Сретенской духовной семинарии? На ваш взгляд, все ли они должны становиться священниками?

– Есть три вида деятельности, которые требуют особого призвания: священник, врач и учитель. Понятно, что не каждый выпускник семинарии сможет быть священником — это несомненно. Но при этом безусловно и другое: все мы должны работать в Церкви и по мере сил служить ей. Одни могут быть преподавателями, другие — регентами... Подчеркну особо: пожалуй, главное свойство пастыря заключается в том, чтобы он понимал, что он служит всем. Это он должен хорошо усвоить. Подобное осознание требует огромных усилий, постоянного подвига. И могу свидетельствовать, как педагог, что среди наших выпускников людей с таким пониманием немало. Конечно, в любом деле неизбежны трудности, но если служить Церкви по-настоящему, все проблемы с Божией помощью решаются.

«Правовые знания необходимы каждому выпускнику семинарии»

Профессор
Михаил Олегович Шахов

Михаил Олегович, в Сретенской духовной семинарии вы преподаете дисциплину «Правовые основы деятельности прихода». Расскажите, пожалуйста, подробнее об этом курсе.

– Этот курс призван познакомить учащихся семинарии с основами светского законодательства, которое регулирует вопросы свободы совести, деятельность религиозных объединений, в частности православных приходов, в современном Российском государстве. Дисциплина имеет в основном практическое направление и помогает будущему священнослужителю ориентироваться в законах, в соответствии с которыми осуществляется деятельность православного прихода: раскрывает основные возможности, рассказывает о необходимых правилах и ограничениях, а иногда и запретах. Данный курс, конечно, не ставит задачей сделать из семинариста квалифицированного юриста, но некий минимум правовых знаний, которые способствуют правильному ориентированию в жизненных ситуациях, осознанному выбору того или иного варианта решения при управлении приходом, разрешению различных ситуаций приходской жизни, необходим каждому выпускнику семинарии — будущему пастырю.

– В каких учебных заведениях вы еще читаете данный курс?

– В течение почти десяти лет я читаю курс «Конституционно-правовые основы государственно-конфессиональных отношений» в Российской академии государственной службы при Президенте РФ, несколько лет этот курс читался в Российском государственном гуманитарном университете. Со следующего учебного года я также приглашен преподавать в один из крупных российских экономических университетов, где для студентов разных специальностей я разработал целый ряд спецкурсов. Таким образом, мне приходилось преподавать данную дисциплину и религиоведам, и государственным служащим,

которые по роду своей деятельности взаимодействуют с религиозными организациями, и сотрудникам различных хозяйственных, коммерческих и предпринимательских структур. Они, безусловно, должны знать специфику работы с религиозными объединениями разного уровня.

– Михаил Олегович, расставляете ли вы какие-либо особые акценты при подаче материала в светских вузах по сравнению с духовной семинарией?

– Предмет, который я преподаю — светское российское законодательство, — в соответствии с нашими конституционными нормами один и тот же и для православных семинаристов, и для государственных служащих, и для предпринимателей, и для представителей гуманитарных профессий и т.д. И не может существовать, на мой взгляд, особой православной юриспруденции, так же как не может существовать особой православной физики или православной арифметики. (Хотя, конечно, существует нравственная оценка светских законов с христианской точки зрения.)

Но при этом нужно понимать: характер деятельности моих слушателей в разных учебных заведениях существенно различается. И, естественно, для будущих пастырей я подробно излагаю те правовые нормы, которые будут регулировать их служение на приходе. Скажем, трудовые, земельные, налоговые отношения, которые весьма специфичны. Когда те же самые курсы читаются чиновникам, безусловно, акценты расставляются иначе. Я стараюсь больше рассказать о том, что необходимо государственному служащему, который от лица государства взаимодействует с православной организацией. При разработке новых спецкурсов для будущих руководителей и сотрудников коммерческих структур в центр внимания я поместил знания, необходимые для специалиста, для которого православная организация может стать деловым партнером или заказчиком каких-то услуг.

– И все-таки как бы вы очертили круг вопросов, которые освещаются в вашем семинарском курсе?

– Я бы сказал, что семинарский курс, в сравнении с другими, носит универсальный характер, затрагивая более широкий круг вопросов. К примеру, не каждому предпринимателю или госчиновнику обязательно знать все тонкости трудовых отношений в приходе или особенности содержания гражданского устава прихода. А вот священнослужителю приходится со всеми этими проблемами сталкиваться. Иными словами, тот курс, который я читаю в семинарии, характеризуется самым большим содержательным объемом.

– Скажите, как воспринимается материал, носящий сугубо юридический характер, учащимися духовной семинарии?

– В семинарии студенты всех выпусков, которым я читал правовые основы деятельности прихода, встречали курс с большим интересом, так как понимали, что я рассказываю о проблемах, которые они будут решать в ближайшем будущем. И здесь я не вижу никакой разницы в восприятии материала семинаристами и слушателями РАГСа.

– Что, на ваш взгляд, отличает воспитанников духовных школ от светских студентов?

– Семинаристы более дисциплинированны, сдержанны и внимательны, ведь они собираются вступить на стезю духовного служения. Но и в Академии госслужбы учится специфичный контингент — взрослые состоявшиеся серьезные люди. Поэтому контраст не слишком разителен.

– Михаил Олегович, расскажите немного о своем образовании и профессиональной биографии.

– Я окончил Московский химико-технологический институт, но во время учебы там отчетливо понял, что меня более влечет проблематика, связанная с религией. В середине 1990-х годов я окончил аспирантуру в Институте философии РАН и защитил кандидатскую диссертацию «Философские аспекты старообрядческой литературы». Около десяти лет я проработал научным сотрудником отдела рукописей Российской государственной библиотеки, что дало мне реальную возможность непосредственно исследовать первоисточники, в том числе и церковные. Мне довелось соприкоснуться с книжными собраниями Троице-Сергиевой лавры, Иосифо-Волоколамского монастыря, Оптиной пустыни, со всеми крупнейшими старообрядческими книжными собраниями, которые в годы советской власти были национализированы и переданы в библиотеку. Я держал в руках рукописи Гоголя, Есенина и других наших выдающихся писателей, поэтов, деятелей культуры.

В 2000 году я защитил докторскую диссертацию по историко-философской проблематике. И тогда же меня пригласили в Академию госслужбы.

Параллельно, благодаря определенной юридической подготовке, в 1990-х годах я помогал освободить от сторонних организаций и закрепить за верующими права на комплекс Преображенского единоверческого монастыря в Москве. Это, пожалуй, уникальный случай исключительно добрососедского сосуществования прихода святителя Николая Чудотворца и трех старообрядческих религиозных организаций, которые сообща на протяжении пятнадцати лет восстанавливают из руин обитель. В 1992–1993 годах монастырь хотели превратить в музей. Обстановка сложилась непростая. И все прихожане, мало-мальски разбирающиеся в юридических вопросах, должны были помочь решать конкретные проблемы. В ходе этой работы я приобрел достаточно большой юридический опыт, связанный с регулированием земельно-имущественных отношений между государством и конфессиональными структурами. И вообще в какой-то мере тогдашняя практика была решающим толчком, который меня направил на освоение государственно-конфессиональной проблематики. А потом, я из семьи юристов… Возможно, данное обстоятельство тоже повлияло на мои научно-прикладные интересы.

Несколько последних лет я являюсь членом Экспертного совета Комитета Госдумы по делам общественных объединений и религиозных организаций и членом рабочей группы по совершенствованию законодательства о свободе совести, по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации. Кроме того, работаю в тесном контакте с французскими коллегами, тоже юристами, специализирующимися в области отношений между государством и религиозными конфессиями. Это очень интересный обмен уникальным опытом. В ноябре 2008 года в университете г. Экс-ан-Прованс, на юге Франции, я прочитал курс лекций о российском законодательстве о свободе совести. Таким образом, в своей деятельности приходится сочетать знание теории и практические навыки.

– Расскажите, пожалуйста, о ваших научных трудах. Над чем вы работаете в настоящее время?

– Прежде всего, хотелось бы упомянуть монографию, которая написана по итогам моей докторской диссертации. В этой книге проблемы старообрядческого мировоззрения освещены с философской точки зрения. Несколько работ у меня посвящено проблемам правового регулирования государственно-конфессиональных отношений. Длительное время я занимаюсь вопросами взаимосвязи между наукой и религией, участвую в крупном международном проекте под эгидой Института философии РАН. Статьи по этой тематике опубликованы в журнале «Вопросы философии» и на интернет-сайте «Богослов.ru». Сейчас я завершаю подготовку работы по взаимодействию между государством и конфессиями во Франции. Кроме того, в течение года планирую закончить книгу о государственно-религиозных отношениях в современной России.

– Как началось ваше сотрудничество со Сретенской духовной семинарией?

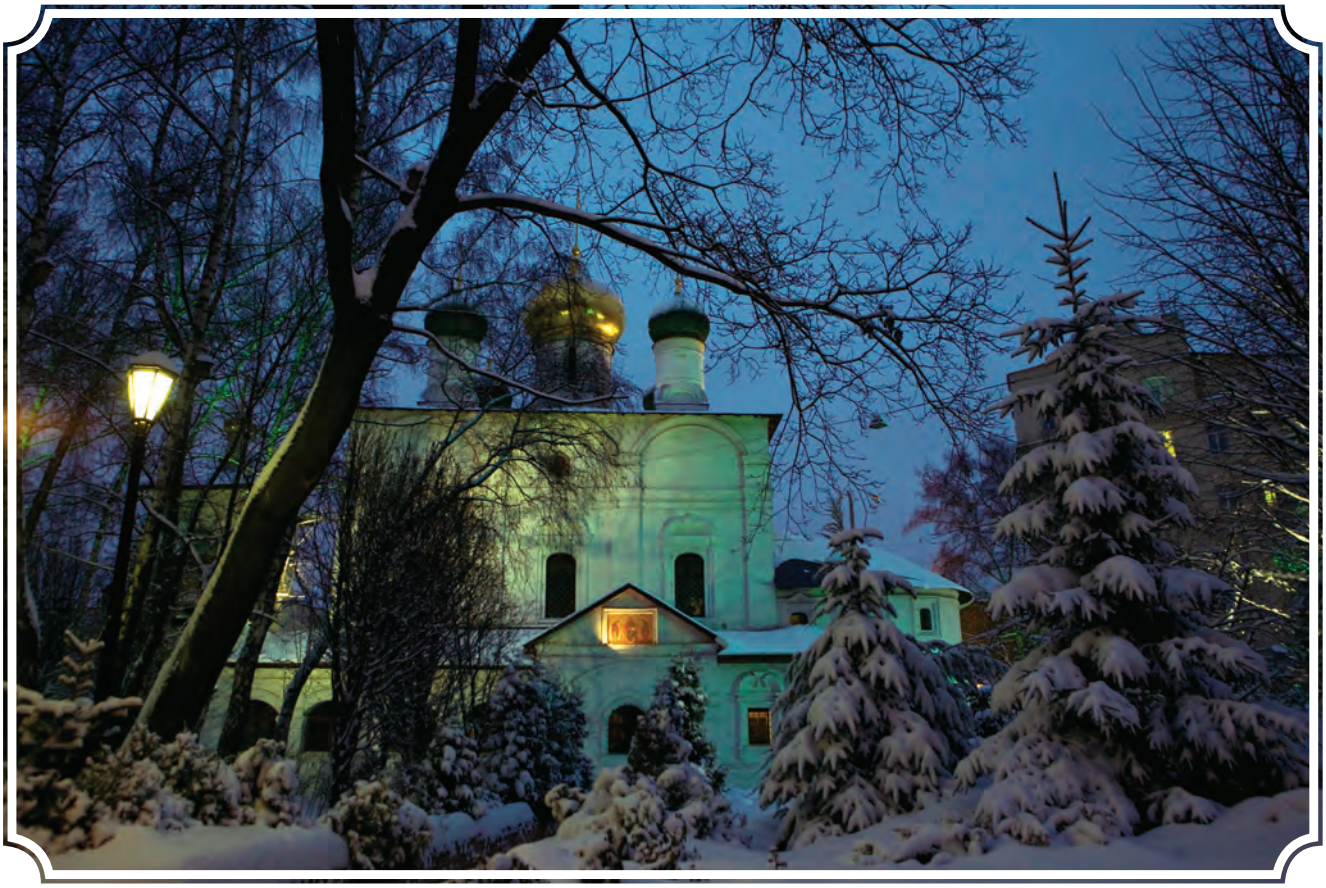
– Несколько лет назад архимандрит Тихон (Шевкунов) — ректор Сретенской духовной семинарии счел необходимым ввести для своих воспитанников курс «Правовые основы деятельности прихода». Разумеется, в Сретенском монастыре я бывал и раньше. Отец Тихон показывал мне корпуса обители, трапезную, храм…

– Как давно вы знакомы с архимандритом Тихоном?

– Это очень давняя история. Мы познакомились где-то в конце 1980-х годов, когда он еще трудился в Издательском отделе Московской Патриархии. Тогда у нас был небольшой кружок исследователей историко-богословских проблем. Мы изучали проблемы истории Церкви, канонического права. Это было время, когда у людей впервые появилась возможность открытого обсуждения богословских тем, и все чувствовали необходимость возрождения и развития религиозно-философской мысли и церковно-исторической науки.

– Как бы вы оценили уровень образования, получаемого в Сретенской семинарии?

– Судя по именам профессоров и преподавателей семинарии, можно с уверенностью говорить, что отцу Тихону удалось сплотить вокруг себя достойных, выдающихся специалистов в

различных научных областях. Отсюда и высокий уровень преподавания. Немаловажно также, что общение между педагогами, администрацией и студентами исключительно дружелюбное, бесконфликтное.

– Михаил Олегович, в чем вы видите основную задачу своего курса в рамках семинарской программы?

– Как я уже не раз говорил, для меня принципиально важны прикладные аспекты. Если мои учащиеся смогут грамотно отстаивать законные права и интересы приходов, других православных организаций, то свою преподавательскую задачу я буду считать выполненной.

«Выбирая жизненный путь»

Протоиерей Николай Агафонов

Отец Николай, вы окончили Московскую духовную семинарию, в 1992 году были ректором вновь открывшейся тогда Саратовской семинарии. Преподавали в Самарской семинарии, сейчас читаете лекции по основному богословию в Сретенской семинарии. Семинарская тема вам хорошо знакома и как бывшему студенту, и как ректору, и как преподавателю. И как писателю тоже: семинарской жизни посвящены некоторые из ваших рассказов. Не думаете выделить их в отдельный цикл?

– Нет, для отдельного цикла у меня рассказов о семинарской жизни пока недостаточно. Семинарской теме посвящены рассказы «Выбор невесты», «Как я поступал в духовную семинарию», «Я отпускаю его с миром», кое-что есть в «Друзьях», немного в рассказе «Соборный чтец»: я имею в виду эпизод, где семинаристы сидят в соборной ризнице накануне Великого праздника. Еще в рассказе «Штрих к портрету архиепископа Пимена» — о том времени, когда я был ректором Саратовской семинарии. Вот и всё.

– В рассказе «Как я поступал в духовную семинарию» вы говорите о том горении, которое у вас было при поступлении в семинарию. Но иногда ко 2–3-му курсам у студентов наступает некоторое охлаждение к учебе. Были ли в вашей семинарской жизни какие-то периоды охлаждения в учебе и духовной жизни? И с чем, с вашей точки зрения, это связано?

– Видите ли, я поступил сразу на 2-й курс семинарии, минуя 1-й, а когда окончил 2-й курс, женился, и меня рукоположили в сан диакона, после чего я перешел на заочное отделение. Позднее я очень жалел, что перешел на заочное. Я тосковал по семинарии, мне было радостно видеть размеренный, нацеленный на учебу быт семинаристов — я часто приезжал в семинарию, навещал ребят, а про себя думал: «И почему я не продолжил учиться на очном?» Все-таки заочное совсем не то обучение: две сессии в году — вот и все знания. Я завидовал тем ребятам, которые учились в семинарии. Но вскоре моя мечта исполнилась: я во второй раз сел на студенческую скамью — это было,

когда я поступил на очное отделение в Санкт-Петербургскую духовную академию. Впоследствии я написал об этом в рассказе «Я отпускаю его с миром».

В академию я пришел уже довольно-таки взрослым человеком: мне было 33 года, у меня было уже четверо детей. Правда, в академии все примерно такого же возраста или немного моложе. Конечно, в этих летах учиться непросто, но я помнил, что учусь по благословению митрополита Алексия, будущего Святейшего Патриарха Алексия II. В свободное от учебы время я восстанавливал храм. Был студентом и одновременно исполняющим обязанности настоятеля. Помню, когда я пришел на курс в сентябре, студентов очень удивило, что с ними будет учиться протоиерей. У меня тогда спросил Сергей Попов, ныне архиепископ Белгородский Иоанн: «Протоиерей, а ты-то чего пришел учиться?» Я говорю: «Ректором хочу стать». Со временем меня и назначили ректором, еще до окончания академии. Но жил я со студентами и на лекции ходил. Вот так и прошли мои студенческие годы.

А то охлаждение, о котором вы спрашиваете, связано, в первую очередь, с привыканием. Оно может возникнуть ко всему, не только к учебе. Все зависит от того, как человек относится к делу, которым занимается. Если дело любишь, то будет и горение. Вот человек пришел в монастырь, дал обет. Разве вдруг у него наступило охлаждение? Но монашество — это призвание, в монашество нельзя идти оттого, что ты разочаровался в жизни. Монашество — это то, что ты любишь, то, что тебе нравится, то, чем ты живешь со своей братией: ходишь на службу, выполняешь послушания; именно этот образ жизни тебе нравится, тебе он никогда не надоест. Также и семинария: ты идешь в нее, чтобы получить знания, чтобы послужить Церкви священником, поэтому это призвание. Если это по призванию происходит, то ты все время себя концентрируешь на том, что за годы учебы ты должен как можно больше постичь того, что пригодится тебе потом на практике. Как правило, у священника уже нет тех возможностей, какие есть в семинарии: уже не можешь много времени уделять постижению нового, ходить в библиотеки. Священникам даже, бывает, книгу некогда почитать. Священник настолько занят, что за все, что он получил в семинарии, он потом благодарит своих преподавателей; ему все это помогает в его жизни и служении. Изученные в семинарии церковный Устав, литургика, богословие помогают отвечать на богословские вопросы, которые так часто ставят перед священником прихожане. Поэтому если студент воспринимает учебу как то, что будет нужно ему всю жизнь, то он сможет миновать период охлаждения. Если охлаждение от неусидчивости, значит, человек пришел в семинарию необдуманно. Давайте будем говорить не об охлаждении — охлаждения не должно быть, — а о некоем привыкании. Оно может и человека благочестивого охватить. Ему кажется, что все уже привычно, он уже ни перед чем не робеет, как бы ушло то благоговейное чувство, что было прежде. В таком случае очень полезно, когда семинария находится на территории монастыря: здесь есть монастырский служебный круг, в котором участвуют семинаристы. И это им помогает не расслабляться. Они рано встают, ходят на братские молебны. Это очень большая духовная помощь.

Раньше семинаристов называли воспитанниками. Я против того, чтобы семинаристов называли студентами: ну какой это студент — он ходит в школу; в академии — там студент. Конечно, сейчас мы идем к тому, чтобы семинария давала высшее образование, поэтому семинаристов и называют студентами. Но в стенах духовной школы человек должен, прежде всего, воспитываться. Если у семинариста наступает привыкание, он почувствовал это в себе, то он должен пойти к духовнику и в этом покаяться; от этого привыкания он избавится именно через покаяние. Бывает охлаждение ведь и к молитве. Почему, спросите вы? Потому что нет молитвы сердечной, потому что появилась рассеянность мыслей. Напомню вам такой случай. Однажды, кажется к митрополиту Антонию, пришла некая женщина и пожаловалась: «Владыка, я не могу молиться; стою, а сосредоточенности нет, и я чувствую, что нет молитвы». Он и говорит: «А вы не молитесь, вы зажгите лампадку, сядьте поудобнее и смотрите на иконы. Минут пятнадцать так сидите». Через некоторое время женщина прибегает радостная: «Владыка, ко мне вернулась молитва». Он увидел, что у нее рассеянность мысли, и, чтобы ей сосредоточиться, посоветовал ничего не делать, но именно через это молчание,

через это созерцание икон, горящих лампадок к женщине и вернулось молитвенное настроение.

Семинаристу, если у него происходит привыкание, надо подумать, отчего это происходит, отчего у него рассеянность мыслей. Может быть, как-то его соблазняет мир; может, он часто уходит в город, тянется к светской жизни. На это надо обратить внимание с точки зрения покаяния. Значит, что-то в жизни происходит не так, потому что, в принципе, семинарист должен понимать и все время помнить, что жизнь в семинарии — это драгоценнейшее время. У вас эти четыре-пять лет в семинарии, да еще расположенной в центре Москвы, в таком старинном монастыре, останутся в памяти как самые лучшие годы в жизни. Здесь созданы все условия, и это тоже нужно уметь ценить, ведь не надо заботиться ни о пище, ни о крове, ни об одежде, а нужно только учиться.

Семинарист должен знать три самых главных места: храм, аудитория и библиотека. А развеять скуку можно чтением духовных книг. Конечно, во время учебного года семинарист то к сочинению готовится, то к занятиям, у него мало времени для чтения книг не «по программе», но он должен делать это в летние каникулы, обязательно прочитывать несколько хороших художественных или богословских книг: семинарист должен развиваться.

– Вы рассказали о своем пути в семинарию. А какие еще жизненные дороги приводили в духовное учебное заведение?

– Эти дороги могут быть самые разные. Помню, при мне поступал юноша из номенклатурной советской семьи: его мать работала в горисполкоме, то есть в администрации города, отец — подполковник. Так родители буквально на коленях умоляли сына, чтобы он не поступал в семинарию. Но юноша все-таки исполнил заповедь: «Кто полюбит отца и мать более, не достоин Меня». Он сказал: «Мама, папа, я вас очень люблю, но я все равно пойду в семинарию, потому что это мой путь!» Его родители тогда написали отказ от сына, чтобы его шаг не повлиял на их карьеру. Вот такие бывали в советское время истории. А одного семинариста из диссидентских кругов, который все экзамены хорошо сдавал, не принимали. Он при мне поступал уже в пятый или в шестой раз и очень обижался, что его не принимают. А его отсеивали по анкетным данным. Много было разных судеб. Дети священников бывали уже какие-то охлажденные. Помню, у нас на занятиях сын протоиерея музыку слушал: у него был небольшой приемник с наушниками. Меня это поражало: мне, пареньку из рабочей среды, настолько было все интересно, а ему — безразлично. Вероятно, он поступил в семинарию по настоянию отца, не мог ослушаться. Я заметил, что в советское время семинаристы из семей священников иногда ко всему относились немножко с прохладцей.

– А как священнику оградить своего ребенка от такого состояния души? В чем тут его ошибка как воспитателя?

– Тут не его ошибка как воспитателя, а нечто иное: надо было священнику правильно жену выбирать. Это очень важно, какая матушка, потому что священник не может детям уделять много внимания, хотя есть священники, которые посвящают детям большую долю своего времени.

А ребенка с самых первых дней жизни воспитывает пример родителей. Молится отец-священник, значит, и ребенок будет молиться. Если он не видит, как папа читает правило, едва ли можно с него что-либо требовать. Если в детей еще с младенческого возраста — и это касается не только семей священников, но любой семьи — заложены семена истинной религиозности, то они рано или поздно взойдут, даже если потом, в юности, этот человек не будет проявлять особого религиозного рвения. Бывает, в переходный подростковый период у детей возникает некий протест: они не хотят ходить в церковь, причащаться; но если благочестивое зерно посеяно было в них в младенчестве, то оно потом взойдет. Пройдет период этакого борения, и они все равно будут в Бога верить и в церковь ходить.

Вот почему очень важно в младенческие годы чаще причащать ребенка, вместе с ним становиться на молитву, в храм его приводить: он запомнит это благоговейное состояние души. Конечно, когда ребенок еще очень маленький, ради него необходимо сокращать молитву: читать две-три молитвы, поклон — и всё. Что касается посещения храма, то обязательно надо ребенка брать на службу. Не надо «жалеть» и оставаться дома; можно ведь в храм захватить маленький стульчик или табуретку,

пускай посидит, когда ему нужно будет. Главный принцип: где родители, там должен быть и ребенок. Во-вторых, ребенок усваивает всякие домашние обычаи: празднование религиозных праздников, дня Ангела, Рождества, Пасхи. Традиции воспитывают православную религиозность, поэтому очень важно показывать, что жизнь вся пронизана христианской идеей. Дети запоминают на всю жизнь, как они пели колядки, когда ходили вокруг елки, как они день Ангела справляли, что разыгрывали перед родителями. Мы, например, показывали детям, что день Ангела более важен в сравнении с днем рождения. Конечно, в день рождения тоже поздравляли, но в день рождения был один общий подарок для ребенка, а в день Ангела каждый член семьи поздравлял и дарил — и братики, и сестренки, и папа, и мама, так что ребенок получал в день Ангела по пять-шесть и больше подарков. И ребенок так запоминал: день Ангела выше в духовном значении. Причем в большой семье легче воспитывать детей: они друг от друга учатся.

Священник должен часто служить дома молебны по разным событиям, чтобы детей приучать к молитве и благодарности Богу. Вот все садятся за стол в праздник, хотя бы в чей-то день рождения — прекрасный повод отслужить краткий, минут 10–15, благодарственный молебен, а в день Ангела молебен с запевами тому святому, в честь которого ребенок крещен, и поздравление с многолетием дому можно присовокупить. Я помню, мой тесть, протоиерей Иоанн Державин, всегда кадил дома, окроплял водой — это тоже для детей впечатлительно. Благодаря подобным семейным обычаям дети видят, что семья — это домашняя церковь. Воспитывать вообще можно только примером.

Моя супруга всегда читала нашим детям на ночь жития святых. Когда они, помолившись, лежали в кроватках, она садилась рядом и прочитывала какое-нибудь житие.

Так что, как видите, советы воспитания очень простые: самим в храм ходить, детей своих водить и вместе с ними молиться. Ребенок на всю

Презентация книги протоиерея Николая Агафонова в магазине Сретенского монастыря

жизнь запомнит, как он вместе с папой молился, вместе в храм ходил, то и то делал.

– Каким образом вы отбираете сюжеты для своих рассказов?

– Я не отбираю из какого-то множества сюжетов один или другой для рассказа, просто ко мне приходит какая-то мысль, и я ее развиваю. Литературное творчество — это своего рода лаборатория, в которой я смотрю, как действовать будет герой в той или иной обстановке. Вот рассказ «Победа над смертью». С чего он возник? Я вспомнил, как ко мне подошла однажды женщина и посетовала: «Батюшка, вот собираюсь я в храм, а меня муж — он военный — так ругает, так ругает. И каждый раз, как я в храм, так у нас — скандал. А вообще-то живем хорошо, он меня любит». Я вспомнил об этом и думаю, как же так: в семье два любящих человека, а ссорятся из-за церкви? А как им примириться? Задумался я над этим и написал рассказ «Победа над смертью». Вот так иногда всплывают воспоминания, появляется некая потребность о чем-то рассказать, и рождается сюжет. Захотелось о юродивых рассказать — появился сюжет «Юродивый Гришка». Иногда беру из жизни какие-то разные элементы, соединяю их в один рассказ.

Бывают ли прототипы у моих героев? Бывают. У героя рассказа «Юродивый Гришка» есть прототип. А иногда в один образ собираются черты нескольких реальных людей. Так было с рассказом «Погиб при исполнении».

– А насколько случай, описанный в рассказе «Друзья», реален?

– Рассказ, естественно, выдуман. Я задумался вот о чем: жили семинаристы, дружили, как три мушкетера, а потом их пути разошлись. Реальность рассказа в том, что многие, «вырастая», забывают своих друзей, как бы стесняются их. Это сочиненная вещь, которая имеет жизненное основание именно в той проблеме, которую я поставил.

– А что помогает укреплять дружбу и взаимовыручку среди семинаристов?

– Вообще-то дружба не может быть на огромный коллектив. Обычно дружат между собой один, два, три человека. И друзей не может быть много, потому что дружба объединяет по

каким-то общим интересам или общему духовному потенциалу, когда мной именно этот человек востребован, мне именно с ним интересно. Дружеское общение приносит ощущение удовлетворенности духовной. Не все люди сходятся. Ведь перед тем как космонавтов на несколько месяцев отправить на орбиту, их проверяют на психологическую совместимость. Так и семинаристы — не все психологически совместимы. Нельзя требовать, чтобы была дружба всего класса между собой, обязательно в нем будут отдельные группы. Это не плохо. Другое дело — взаимовыручка, но это проблема не только семинарии, это проблема вообще нашей страны. У нас нет узелочка, как у других малых народов, с помощью которого мы друг друга поддерживали бы. Наверное, у русских такая беда, потому что нас много.

Ну а чтобы как-то всем друг с другом сблизиться, надо какое-то общее дело иметь. Может быть, полезно было бы какие-то вечера устраивать, чтобы посидеть вместе, поговорить, вместе песни попеть под гитару. Можно устраивать какие-то совместные походы, пойти вместе поработать. А чтобы курс был дружнее, я бы советовал начальству в каникулы находить время, чтобы семинаристы вместе со старшим наставником в поход к какой-нибудь святыне отправились, с палатками, с костром, чтобы пожить вот так вот, без всяких удобств, на природе. Это очень помогает сплочению. Не на автобусе, с комфортом, а наоборот: вместе пройти долгий и сложный путь. И не надо собирать большую группу, лучше взять 10–15 человек. К тому же походы укрепляют здоровье, которому семинаристы мало уделяют времени. И каждый после похода пусть напишет очерк о своем путешествии. Это запомнится на всю жизнь. Можно, конечно, и в музей пойти всем вместе. Или в театр — я считаю, это тоже неплохо. Надо, чтоб священник был культурным человеком, так что почему бы семинаристам и не ходить на спектакли? Повторюсь: для укрепления дружбы необходимы какие-то совместные дела, проекты. Можно избрать, к примеру, и такой тип, как студенческий стройотряд. Они очень объединяют. У нас есть сельские приходы, которые с удовольствием приняли бы студентов, приезжающих для оказания хозяйственной помощи. На таких приходах часто не хватает рук. А узнать о подобных приходах можно в Интернете или через прессу; информацию заранее, до лета, собрать. Наметить приход, списаться с батюшкой. Совместный труд очень объединяет, а ощущение того, что ты кому-то помог, приносит много радости душе.

– Отец Николай, в рассказе «Выбор невесты» вы предупреждаете читателя о возможных ошибках на этом пути. Как сделать так, чтобы семья была крепкой?

– Первое — это молитва. Очень важно молиться о достойной супруге. Идите в храм, просите: «Святителю отче Иларионе, помоги мне хорошую жену найти». Во-вторых, выбирая жену, учитывайте, из какой она семьи, какова ее мать. Потому что рано или поздно «вылезет» в вашей жене ваша теща. Если видите, что мать девушки — золотой человек, в доме порядок, вот такой же и у вас будет порядок: ведь девушка — дочка своей матери, ею воспитана. Посмотрите, какие отношения в семье девушки, как ее мать относится к мужу, вашему будущему тестю. Потому что и в том, как относиться к мужу, девушка будет брать пример со своей матери. И главное: не надо семинаристу испытывать судьбу — брать в жены девушку из светской семьи. Это проверено уже многократно, и это причина того, что так много сейчас батюшек разведенных. Это так же, как не имеет права император, царь выбирать жену, не соответствующую политическим целям государства. Будущий священник должен помнить, что его матушка — это его опора. Она должна знать многое, она должна знать всю жизнь священника. Так что внимательно приглядывайтесь к девушке, к ее семье, не стесняйтесь ходить в гости. Походы в гости вас ни в коей мере не обязывают непременно жениться. Смотрите, приучили ли родители дочку к клиросной жизни, умеет ли она читать по-славянски, знает ли гласы пения, ведь без этого очень трудно священнику. Матушка — она и псаломщица, и просфорки организует, и многое на приходе будет делать.

И, повторюсь, девушка должна быть церковна, благочестива. Ведь она потом будет воспитывать ваших детей. Посмотрите, как она в церкви стоит, как ее духовная жизнь налажена. И не думайте, если девушка нецерковная, что вы ее потом переделаете: она вас, скорее, переделает. В Церкви очень много хороших девушек, просто они стесняются себя напоказ

выставлять. Некоторые девушки специально идут в регентский класс, чтобы иметь возможность познакомиться с семинаристами. И в этом ничего плохого, кстати, нет. Хотя говорят об этом иногда с насмешкой.

Расскажу, как было в моей семье. С дочерью моей дружил семинарист. Вдруг мне супруга говорит, что он сделал дочери предложение. А у нее относительно молодого человека сомнения были: мол, приехал он из Узбекистана, и неизвестно, как он там воспитан был. Я стал расспрашивать про него, попросил в семинарии посмотреть его дело, а он, оказывается, дерется с семинаристами. И вот я сел с дочкой попить чайку и потолковать. Говорю ей: если он других бьет, он и тебя будет бить. Потом, у него восточное воспитание, будешь у него как рабыня. Убедил ее. Ухаживал за ней другой семинарист, которого она почему-то отвергала. Я посоветовал все-таки к нему присмотреться, узнать его получше. Она так и сделала. Повенчались. Он сейчас настоятель, у них четверо детей, из них трое — мальчишки. Он отец очень заботливый. Они каждое воскресенье после службы сразу в лес ходят, а зимой — на санках кататься. Мальчишки — где он, там и они с ним. Наверное, такое счастье дочери моей, потому что послушалась родителей. И он хорошую матушку приобрел, потому что у нас все дети службу знают с младенчества, гласы поют хорошо. Они у меня по-церковному воспитанные. Почему? Потому что у меня матушка смиренная. Вторая дочка не из церковной среды мужа выбрала; так получилось: любовь. А третья дочка после 9-го класса школы поступила в колледж кулинарный, а когда его окончила, в регентский пошла: с женихом познакомиться. Вот и вам таких нужно искать, тех, которые поставили себе целью служить храму.

Влюбленность — это всего лишь первый порыв. Но влюбленность не любовь. Это просто взаимное такое притяжение полов. А потом, когда начнутся будни, вся влюбленность может рассыпаться. Рассыпаться оттого, что нет жертвенной любви, не умеют уступать друг другу. Ведь семья — это огромный труд. Вы ведь становитесь плоть едина. И вы из разных семей, вам друг к другу притереться надо. Сколько тут трений, сколько слез. Это труд огромный — учиться уступать друг другу, жертвовать. Вот тогда любовь и рождается, и она только с годами настоящей становится. Когда чувствуешь, что без этого человека не можешь жить.

Меня всегда очень трогает рассказ Н.В.Гоголя «Старосветские помещики». Какая там любовь! Вот чем ценна жизнь семейная: ты через много лет чувствуешь, что ты любишь свою жену намного больше, чем когда с ней соединялся. Любовь или растет, или увядает и рассыпается. Она не может быть в статическом состоянии. А чтобы любовь возрастала, нужно уметь отказаться от себя и все время помнить, что и твоя супруга несовершенна, и ты несовершенен. И нужно уметь прощать, нужно уметь не быть эгоистом. Семья — это противопоставление твоему эгоизму, его стирание, уничтожение эгоистического начала в самом себе.

Любовь возрождает настоящие христианские чувства, и именно любовь в семье, поэтому семью и называют прообразом Церкви, как сказал апостол Павел.

Многое о своей супруге вы узнаете уже в браке, но побольше о ней надо стараться узнать еще до брака. Поэтому, естественно, нужно присматриваться к девушкам, дружить, вместе ходить куда-нибудь, да хоть на каток. Интересоваться, какие книги читает, что любит, какую музыку слушает, как мыслит свою будущую семью. И обязательно, повторюсь, присматриваться к ее семье. Это, конечно, великое счастье — иметь жену, которая тебя поймет, простит, пожалеет и разделит с тобой всю жизнь. Она — самый близкий человек в жизни.

– Когда вы были ректором Саратовской семинарии, как вы старались помочь своим семинаристам находить невест?

– Нет, я этим не занимался. Хотя я подумывал открыть при семинарии какие-то педагогические курсы, куда принимают девушек. Здесь нужно семинаристу каникулы использовать. Надо знакомиться. Смотреть, кто на клиросе стоит. Надо из своей среды искать. И к этому интерес проявлять именно целенаправленный. Присматриваться, а вдруг вот тот человек — твой единственный, а ты мимо него можешь пройти.

Семинаристам я не помогал, но когда ко мне обращались — а раньше писали прошение на имя ректора, то я, естественно, расспрашивал и, если была возможность, просил прийти ко мне вдвоем.

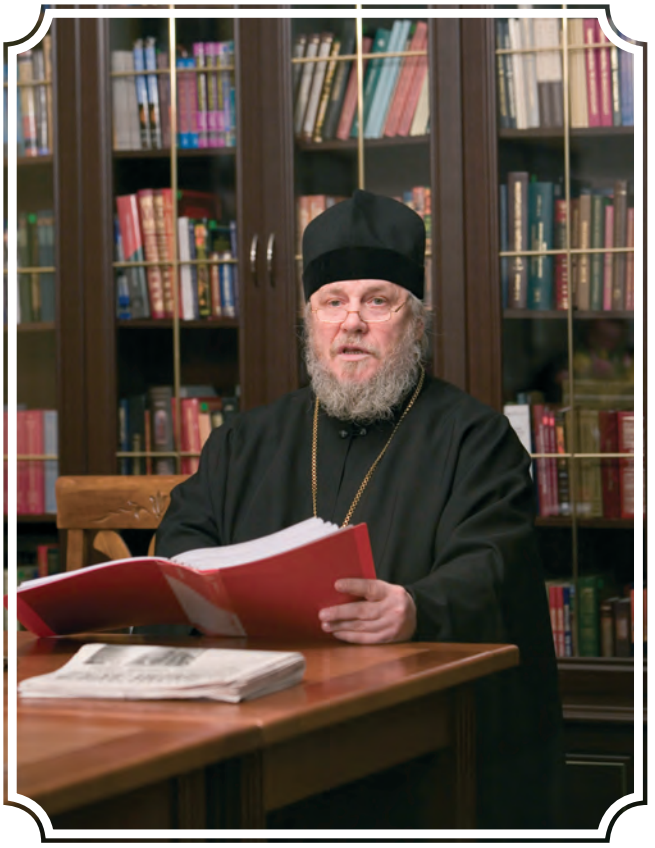
– Отец Николай, расскажите, пожалуйста, о тех трудностях и испытаниях, которые вы встретили, будучи ректором Саратовской семинарии.

– Я был ректором в самые страшные годы, когда ничего не было: в начале 1990-х годов. Мы начинали с нуля. Тогда было всего три семинарии: Московская, Ленинградская и Одесская. А у нас, в Саратове, одна из первых вновь открывалась. И не было ничего. Поэтому я год посвятил тому, что собирал библиотеку, конспекты в Москве ксерокопировал, составлял учебные программы и выискивал преподавателей — из саратовских священников и светских. Самыми большими трудностями были кадры и материальная база. Бывало так, что я приходил к матушке и говорил, что масло сливочное заберу. А забирал из дома масло, чтобы было чем ребятам позавтракать. Их тогда еще мало было, первый курс — человек 30 всего, но дух был хороший. Мы постарались настроить семинаристов на учебу. Я настраивал их на самоподготовку. Да, была бедность, примитивность, но дух был добрым. Семинаристы приходили на чай к преподавателям домой, вместе мы с ними выезжали картошку заготавливать. Проводили праздники, вместе устраивали концерты. Конечно, всякие эксцессы были, как в любом учебном заведении. Теперь бывшие семинаристы вспоминают с теплом те неустроенные годы. Из того выпуска, который при мне прошел, семь человек в академию поступили, сейчас уже и преподавателями являются, и кандидатами богословских наук.

– По какому принципу вы старались строить свои отношения со студентами?

– По принципу отношения отца к детям. Но без некоторой «бюрократии» обойтись было нельзя, и у меня семинаристы за провинности объяснительные писали. Если проходил месяц и не было нареканий, я все объяснительные отправлял в мусорную корзину: значит, человек понял, исправился.

Один из семинаристов болел все время. Я его вызвал и сказал: «Я тебе, конечно, очень

сочувствую, но как же ты, такой больной, будешь литургию служить?» Перестал болеть сразу.

Отчисления бывали, но редко.

На вечерних молитвах я старался присутствовать сам, старался послушать проповедь. Все было дружно, была семейная обстановка, я с семинаристами был как отец. Строг был, как строг был со своими детьми.

Мог зайти и в келью к семинаристам, поговорить с ними. Может быть, у кого настроение плохое, с семьей проблемы? Нужно было быть в курсе всех событий в семинарии. У нас в каждом классе был свой наставник, он знал отлично всех в своем классе, у кого какая семья, какие проблемы.

Обязательно нужно поздравлять с днем Ангела, с днем рождения. Чтобы был пирог или торт. Семинарист должен чувствовать себя в семинарии как дома.

«Не стыдно чего-то не знать, стыдно – не хотеть знать»

Доцент Надежда Касимовна Малинаускене

Какое образование вы получили? Расскажите немного про ваши студенческие годы. Кто из преподавателей вам особенно запомнился?

– Я окончила классическое отделение филологического факультета МГУ, где работали в основном люди с серьезной профессиональной подготовкой и высокими душевными качествами. О каждом из них я могу говорить часами. Со многими дружу по сей день. Наш курс еще застал преподавателей старшего поколения, получивших образование в дореволюционной России: филологов-классиков Сергея Ивановича Радцига, прочитавшего нам курсы «Введение в классическую филологию» и «Древнегреческая литература», и Александра Николаевича Попова, занимавшегося с нами греческой грамматикой и чтением Гомера, Геродота, Ксенофонта. Николай Николаевич Пикус читал историю Греции так, как будто сам тогда там жил, а античную философию преподавал мудрый и снисходительный Валентин Фердинандович Асмус. Все они были серьезными учеными и авторами учебников.

Основы латинского языка вложил в нас зажигающий и сейчас своей увлеченностью Николай Алексеевич Федоров, легенда классического отделения, с которым уже в конце 1-го семестра мы читали Цезаря, а позднее играли в организованном им латинском театре сцены из комедий Плавта. Блестящий знаток латыни, в том числе и поздней, специалист по Цицерону, переводчик, составитель хрестоматии латинских текстов Средних веков и эпохи Возрождения, участник конгрессов «Latinum vivum», способный сам рассказать и написать о них по-латыни. Людмила Павловна Поняева спокойно и стойко боролась с нашими грамматическими ошибками и неправильной постановкой ударения, прочитала нам очень содержательный курс истории латинского языка, материалы которого отражены в ее совместной с К.П.Полонской «Хрестоматии по ранней римской литературе». Она стала нашим

заботливым куратором, ездила с нами на музейно-библиотечную практику в Ленинград, возила в Троице-Сергиеву лавру, каталась с нами на лыжах. Азы древнегреческого языка преподавала Валентина Иосифовна Мирошенкова, прививавшая интерес к сравнительно-историческому взгляду на язык. Вместе с Н.А.Федоровым она автор учебника латинского языка, ставшего уже классическим.

На старших курсах мы уже не просто читали древних авторов, но получали представление об их изданиях, основной научной литературе. Гомером и лириками мы занимались с Мариной Николаевной Славятинской, ныне известной во всей России (и не только) как автор самого сложного и современного учебника древнегреческого языка и руководитель Учебно-методического объединения по классической филологии. У Клары Петровны Полонской мы прослушали подробный курс истории римской литературы, с ней же читали Цицерона, Тацита. Заведующая кафедрой классической филологии, ученый мирового масштаба в области античной литературы и мифологии А.А.Тахо-Годи вводила нас в мир греческой трагедии и философии, читала нам курс истории греческого языка. Она редактор и соавтор учебника по античной литературе А.Ф.Лосева, вместе с ним написаны ею книги о Платоне и Аристотеле в серии ЖЗЛ. Там же появилась и ее книга о Лосеве, подготовке к печати и осмыслению трудов которого она посвятила многие годы. Незабываемы лекции по античному искусству обаятельнейшего Г.И.Соколова, походы с ним в Музей изобразительных искусств им. Пушкина, общение на раскопках в Фанагории, изданные им альбомы по античному искусству.

Были яркие преподаватели и не по античным дисциплинам. Увлекал своей заинтересованностью и экскурсами в смежные области Юрий Сергеевич Степанов на лекциях по введению в языкознание. Навсегда запомнились лекции Владимира Владимировича Кускова по древнерусской литературе, поездка с ним по Золотому кольцу. Блестяще вела литовский язык в сравнительно-историческом плане Марина Григорьевна Нецецкая. Необычный подход к подаче материала одновременно с контролем его усвоения применялся на лекциях по математической логике (в конце лекции решали задачи) и педагогике (в конце лекции письменно отвечали на заковыристые вопросы). Преподавательница физкультуры Анна Цезаревна не только привела девочек-филологов к командному первенству по художественной гимнастике, но и воспитала привычку к утренней зарядке на всю жизнь.

Для меня университетские годы — это и годы аспирантуры, самые, наверное, интересные и плодотворные. Низкий поклон Олегу Сергеевичу Широкову, профессору кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания, моему научному руководителю, который никогда ни к чему не относился формально, очень помогал консультациями и своими возможностями читателя профессорского зала Ленинки выписать научную литературу по международному абонементу. Его учебник «Введение в науку о языках» вышел уже после его кончины. Когда же Аза Алибековна предложила мне работать секретарем у Алексея Федоровича Лосева, но сначала согласовать с научным руководителем, то Олег Сергеевич сказал: «Не раздумывайте ни минуты. Я бы сам побежал, но меня уже не позовут. Там Вы получите то, чего не даст никакая аспирантура».

Для меня была большой честью и прекрасной школой возможность увидеть лабораторию мысли выдающегося ученого изнутри. Главный труд его жизни — это «История античной эстетики» в 10 книгах, по сути являющаяся историей античной философии; не создал ни один научный институт в мире. Когда говорят, что он филолог и философ, это даже не половина правды. Алексей Федорович занимался цельным знанием, поэтому у него есть ученики и продолжатели во всем мире среди лингвистов и литературоведов, философов и логиков, историков и искусствоведов, математиков и музыкантов, психологов и т.д. Но все мы лишь осколки рядом с ним — монолитом. Еще в юные годы он написал работу «Высший синтез как счастье и ведение» и шел к этому синтезу всю жизнь.

– Почему вы решили посвятить себя изучению древних языков, — языков, уже давно отзвучавших? Может быть, какие-либо люди или события повлияли на ваш выбор?

– Я уже в школе знала, что буду поступать на филологический факультет МГУ. Думала, что на русское отделение и что буду заниматься

русской литературой. Посещала воскресные лекции по русской литературе в лектории при МГУ на Моховой. Пошла на день открытых дверей, где представители разных кафедр филологического факультета рассказывали о своих специальностях. Там я впервые увидела Азу Алибековну Тахо-Годи. Ее слова о том, что именно выпускники этой кафедры способны прочитать древние надписи, которые находят на раскопках в Причерноморье, запали в душу. Повеяло романтикой.

После выпускного сочинения учительница литературы (не моего класса) спросила меня в дверях школы, куда я буду поступать. А потом посоветовала выбрать классическое отделение, потому что обратиться к русской литературе можно будет всегда, а древних языков самостоятельно не выучишь. В справочнике для поступающих в МГУ я прочитала все, что говорилось об этом отделении, и все очень понравилось. Особенно же подзадорило то, что принимают туда пять человек. Я никогда не пожалела о выбранной специальности, хотя сначала и представить себе не могла, к чему она меня приведет. Моя работа в семинарии — это дар Божий на склоне лет.

– Есть ли у вас особые симпатии к какому-нибудь одному из преподаваемых вами языков?

– Греческий язык при условном делении на латинистов и эллинистов я выбрала интуитивно, не задумываясь почему. Хотя меня с самого начала больше привлекала история Греции, греческое искусство. Теперь могу объяснить это более сознательно. Воспользуюсь сравнением математики с физикой, вычитанным у одного мудрого физика-академика: математику преподавать легче, чем физику, потому что там нужно сначала знать, потом понимать. В физике мало знать, чтобы понимать, нужна еще и интуиция. Так вот, древнегреческий язык — это моя «физика». У кого-то может быть иначе.

– Ваше кандидатское исследование называется «Цветообозначения у Гомера». Что побудило вас заняться столь специфической темой? Почему именно Гомер?

– Гомера мы начали читать на 3-м курсе с Александром Николаевичем Поповым. Это было освоение гомеровской грамматики для понимания смысла текста и способов его передачи на русский язык. Продолжили же изучение Гомера с Мариной Николаевной Славятинской, которая свою диссертацию посвятила очень трудной теме — гомеровскому глаголу. На эпический текст она смотрела глазами лингвиста, причем не только с точки зрения морфологии, но и лексики, и стилистики. Она выделяла разные лексические группы, показывала развитие значения слова. Меня всегда привлекала история языка, проблема связи языка и мышления. Эпос Гомера же — это самый ранний художественный памятник древнегреческого языка, в котором отразился архаический этап развития человеческого мышления. К тому времени я уже прочитала книгу Алексея Федоровича Лосева «Гомер» и поняла, что это мой автор. Цветообозначения, не всегда совпадающие с современным пониманием цвета и отражением его в новых языках, привлекли меня своей необычностью. С Мариной Николаевной мы начали работать над этой темой сначала на уровне курсовых работ, под ее руководством я защитила диплом на гомеровском материале. Позже в работе над диссертацией под руководством О.С.Широкова я все больше и больше углублялась в индоевропейские истоки этого слоя лексики.

– Зачем, по вашему мнению, современному человеку необходимо изучать классические языки? Чем это может оказаться для него полезным? Не должно ли быть это уделом узкого круга специалистов? Каково предназначение древних языков в системе духовного образования?

– Начну с последнего вопроса. Для семинаристов древние языки — это языки Священного Писания и Священного Предания. Никакой, даже самый лучший перевод, никогда не заменит оригинала, потому что нет ни одного языка, система смыслов которого полностью совпадала бы с системой смыслов другого. Этого уже достаточно. Но для семинаристов, как и для любого современного человека, важно взять из этого курса и другое. Прежде всего это расширение общего гуманитарного образования на основе учебных, а потом и оригинальных текстов светского характера. Знакомство с ними необходимо для понимания не только европейской культуры вообще, но также и святоотеческой традиции. Знание истоков нашей культуры «из первых рук», а порой и умение процитировать наизусть того или иного автора на языке оригинала дает уверенность в аргументации в любой дискуссии.

В процессе изучения древнегреческого языка и латыни появляется более глубокое осмысление родного языка и его истории, становятся очевидными общности, влияния и прямые заимствования из языков классических, повышается грамотность, формируется также умение видеть аналогии и заимствования в современных западных языках. Усвоение грамматической структуры древнего языка, необходимость учитывать комплекс факторов при определении той или иной грамматической формы, навыки анализа древнего текста, умение выбрать нужный именно в данном контексте вариант или предложить несколько возможных вариантов развивает логическое мышление, «структурирует мозги». Заучивание слов и словоформ в письменном виде, тщательность при анализе текста вырабатывает внимательность, тренирует память. Такая «гимнастика ума» требует немалых усилий, формируя «привычку к труду благородную».

И, наконец, точные науки ориентируют, как правило, на однозначное решение задач, работа же с древними текстами готовит к жизни среди людей, где тоже нужно учитывать множество разных обстоятельств и далеко не каждая ситуация имеет единственное решение. По мысли Ф.Ф.Зелинского, изучение древних языков воспитывает способность к переубеждению. Общегуманитарное значение классического образования не всегда можно оценить словами о пользе, прагматическом его применении. Оно может проявиться незаметно, подспудно, через много лет: в умении использовать выработанные мыслительные навыки в другой области или в любознательности, стремлении к неутилитарному знанию, что вообще отличает человека и приводит его к открытиям в фундаментальных науках, или просто в чувстве причастности к человеческой истории и к ее вечным проблемам.

– Занимаетесь ли вы в настоящее время научной работой? Что составляет предмет ваших исследований?

– Любовь к Гомеру осталась на всю жизнь, после защиты диссертации я занималась его лексикой и дальше: обозначениями запаха, вкуса, тепла и холода, общими понятиями чувственного восприятия. Лежат в столе материалы по звуковым и световым обозначениям. Не знаю, дождутся ли они своего часа, потому что накопилось много долгов в связи с другими областями, в которых начинала что-то делать. Нужно подготовить исправленное и дополненное переиздание учебника древнегреческого языка, закончить «Введение в историю латинского языка» (остался не подготовленным к печати послеклассический период), привести в порядок для Бюллетеня Библиотеки «Дом Лосева» информацию о первых лосевских конференциях. Есть желание полнее раскрыть принципы филологического анализа термина в работах Лосева, намеченные в общем виде в одной из статей (пока это сделано более подробно только в отношении анализа термина в его развитии). Накапливаются соображения по методике преподавания, в частности о комплексном подходе к анализу текста, о воспитании научного мышления и творческом отношении к изучаемому материалу на занятиях по древним языкам; лежат материалы спецкурса о греческих и латинских заимствованиях в русском языке, в том числе и связанных с христианской традицией. Есть еще и неопубликованные статьи, требующие пересмотра и доработки, если они кому-то понадобятся: о Лермонтове и античности, о латинской

рукописи дневника Вильнюсского университета за 1710–1723 годы.

– Как в советское время вы пришли к вере?

– Я выросла в семье с православными корнями, крещена в младенчестве, моими крестными родителями были дедушка и сестра бабушки, тетя Варя, которая была репрессирована за свои религиозные убеждения, отбыла лагерный срок в Казахстане и последующую ссылку в Иванове, а выжила там, ее словами, только благодаря вере. В детстве тетя Варя читала нам с сестрой детскую Библию с картинками, учила молитвам, приглашала в дом для нашей парализованной бабушки священника, на исповедь к которому шли и мы, дети. К сожалению, она рано ушла из жизни из-за подорванного в заключении здоровья. Но в доме были иконы, Священное Писание, молитвенник. Воспитывал меня в основном дедушка, который и был моим другом до конца своих дней. На его похоронах один сосед сказал, что в Фирсановке таких людей больше не осталось. Настоящего церковного воспитания я не получила, но жили мы, как я теперь понимаю, по-христиански, естественно соблюдая Божьи заповеди, в уважении к вере, к Церкви и ее представителям. Тем более что через жену дедушкиного брата наша семья породнилась с семьей о. Бориса Старка, в начале 50-х годов вернувшегося из Парижа, где он был настоятелем церкви на Русском кладбище, а закончил свою жизнь протоиереем в Ярославле. Он переписывался с членами нашей семьи, к нему в Ярославль ездила и мама, и я. Я всегда знала, что я православная христианка, со мной был мой крестильный крестик, подаренный дедушкой.

Для более сознательного отношения к вере много значило общение с Алексеем Федоровичем Лосевым. В частности, он говорил со мной о единстве веры и знания. Знаю его ответ на вопрос, зачем нужно знание, если есть вера: «Чтобы понимать веру». За начало моего воцерковления я благодарна своей университетской подруге из Иванова Наташе, к которой я приехала в гости, чтобы пройти по местам памяти тети Вари. Она отвела меня к своему духовнику, иеромонаху Августину, опытному пастырю, который впервые исповедовал меня

неформально. И потом я ездила к нему не один раз в Иваново на исповедь. Он рассказывал, что ему довелось участвовать в богослужении в Сретенском монастыре, всегда интересовался моей работой здесь.

– С чего началось ваше преподавание в духовных школах?

– Когда Юрий Анатольевич Шичалин пригласил меня сотрудничать с Греко-латинским кабинетом и вести занятия для студентов и преподавателей МДАиС, желающих специализироваться в области классических языков, он спросил меня, не смущает ли меня такая аудитория. Меня этот вопрос даже удивил. К тому времени я уже несколько лет имела опыт занятий древними языками с о. Онисимом (Дубровиным), у которого, в свою очередь, сама училась и учусь до сих пор смирению. С группой, душой которой был о. Дионисий (Шленов), я занималась историей латинского языка, читала Гомера, Геродота, Григория Богослова. До сих пор помню каждого из них: о. Дионисия с горящими глазами, прирожденного лингвиста Федора Шульгу, обстоятельного о. Вассиана, о. Илариона, поразительно тонко чувствовавшего текст и умевшего передать его стиль в переводе, пытливого Алешу, молчаливого и все впитывающего в себя Андрея, скромнейшего Вадика, целеустремленного труженика о. Лаврентия, присоединившихся к нам аспиранта-слависта Федора Людоговского и классика Александра из Санкт-Петербурга, аспиранта Юрия Анатольевича из Института философии, приходившего на занятия с французским комментарием к тексту. Занимались на одном дыхании, не могли расстаться, когда в дверях уже стоял Николай Алексеевич Федоров, пришедший читать с ними Цицерона, Горация, Сенеку. А мы всё обсуждаем значение гомеровского эпитета или глагольную форму. Когда через несколько лет я приехала в Троице-Сергиеву лавру и зашла в Греческий кабинет, была счастлива застать там о. Дионисия и Федора. Мы почти хором выдохнули: «Как мы занимались!» Этой группе я отдала, наверное, все, что могла, и многому у нее научилась. Теперь я учусь в стенах Сретенского монастыря и у монахов, и у коллег по семинарии, и у студентов.

– Расскажите о вашем знакомстве с отцом Тихоном. Как вы стали преподавать в СДС? Где вы преподаете еще, кроме СДС?

– Отца Тихона я увидела впервые на заседании Совета семинарии, когда только начала здесь работать. Это заседание произвело на меня большое впечатление, я осознала, что буду работать в учебном заведении, где для студента важно не только приобретение знаний, но и формирование нравственного стержня. Потом я поняла, что с отцом Тихоном я познакомилась заочно гораздо раньше по книге «Начала Православия». Теперь мое знакомство с ним углубляется не только в семинарии или в храме, но и когда я смотрю его фильмы или вижу передачи с его участием, слушаю его записи, читаю о его делах и достижениях в печати, сама вижу результаты его веры, мысли, труда, энергии и таланта.

Привела меня в семинарию Наталья Николаевна Трухина по рекомендации моей однокурсницы Любови Игоревны Грацианской, коллеги и подруги в третьем поколении: дружили наши бабушки, а наши мамы учились в одном классе. Некоторое время мы работали с ней вместе на кафедре компаративистики и древних языков РГГУ. Вообще я несколько раз меняла место работы по семейным обстоятельствам, сейчас преподаю латинский язык в Высшей школе культурологии при Московском государственном университете культуры и искусств.

– Чем, на ваш взгляд, отличаются студенты духовных школ от своих нецерковных сверстников? Поведение, интерес к предмету, усвояемость материала?

– Интерес к предмету, усвояемость материала зависят от человека, они у всех разные, как в светских, так и в духовных учебных заведениях. В целом прилежание в семинарии выше, чем в обычном вузе. Вопроса дисциплины в моих группах вообще не возникало. Случайные люди в семинарии долго не задерживаются. Радостно видеть, как меняются наши студенты в процессе обучения и жизни при монастыре, становятся не только более знающими и опытными, но и более ответственными, внимательными, внутренне сосредоточенными. Это видно уже в начале второго семестра, когда они появляются в аудитории в подрясниках: у них даже лица другие. К таким проявлениям молодости, как желание поговорить с соседом, подремать, почитать постороннюю литературу, я отношусь спокойно. Если человек способен быстрее других воспринимать учебный

материал, а я не успела его озаботить дополнительным заданием, ничего страшного, что он делает в это время что-то другое, может быть в данный момент для него более полезное (сама читала книжки под партой). Лишь бы другим не мешал. Если же он отвлекается во вред себе, то поймет это уже после первой контрольной работы. Отдельные случаи недостойного поведения настолько редки, что и вспоминать не имеет смысла. Я изначально уважаю каждого студента семинарии уже за его выбор. Один мой коллега сказал: «Они лучше нас», — и я полностью с этим согласна.

– Каковы принципы построения ваших занятий и особенности их реализации?

– Мне кажется, что важно любить свой предмет, самому быть в нем заинтересованным и компетентным. Все остальное делается в зависимости от аудитории и от ситуации. Я хочу научить каждого тому, что он может и хочет взять по своим способностям и интересам.

Преподавание письменного языка имеет свои особенности по сравнению с методиками современных языков. Здесь не место говорить о них подробно, это дело специальных разработок. Студенты должны понять, что классические языки не мертвые, как иногда их называют, а живее живых. Новые языки актуальны, наши языки — вечны. Обязательно надо произносить формы и читать тексты вслух и в классической, и в византийской традиции, желательно по нескольку раз. Нигде больше мы этого звучания не слышим. Обязательно объяснять новый материал и обсуждать его на следующем занятии, чтобы привыкнуть к грамотным формулировкам и лингвистической терминологии. Тщательно анализировать любой текст с вниманием к каждой форме. Скрупулезно заучивать слова со всеми диакритиками. По возможности больше заучивать наизусть. Это «школа», это трудоемкое и даже утомительное, но обязательное для качественного обучения дело. И все это принесет свои плоды.

Надо приучить студентов, что не стыдно чего-то не знать, стыдно — не хотеть знать. Настроить аудиторию на диалог, без вопросов слушателей скучно работать. Задавать им вопросы по ходу объяснения нового материала, чтобы хоть частично они сами доходили до его понимания, а не все разжевывать. Учить думать, иногда вместе размышлять вслух. Люблю вопросы не совсем по теме занятия, но и общечеловеческого, общекультурного, иногда совсем неожиданного характера. Уверена: если сегодня не знаешь ответа на какой-то вопрос, нельзя о нем забыть, необходимо ответить в следующий раз. А главное — надо любить свою аудиторию.

– Как у вас проходит экзамен? В чем состоит его цель? Как строится программа для духовных семинарий? Какими навыками должен обладать студент по окончании курса?

– Экзамен проходит традиционно: билет с теоретическими вопросами и заданиями по переводу и анализу текста (как читаного, так и неизвестного заранее). У каждого — индивидуальное задание, как и на контрольных работах по грамматике: списывать бессмысленно, по тексту могу спросить что угодно из программы. Экзамен нужен не мне (знания большинства можно оценить по работе в течение семестра), а студентам: систематизировать свои знания, повторить подзабытое, наверстать пропущенное, посмотреть новыми глазами на пройденный материал, потому что с высоты последующих знаний усвоенное ранее воспринимается под другим углом зрения и полнее. Экзамен — это еще и возможность для тех, кто по каким-то причинам не мог заниматься в течение семестра в полную силу, улучшить свою оценку.

Объем часов в программе по древнегреческому языку в семинарии менялся, поэтому навыки по окончании курса тоже могли быть разного уровня: одно дело — начальный годовой курс, другое дело — результаты одногодичных или двухлетних факультативов, совсем новое дело — изучение языка с 1-го по 5-й курс включительно. Это и разный объем пройденной грамматики, и разная степень сложности текста (учебный, богослужебный, новозаветный, оригинальный художественный или научный), и разные требования к его переводу (со словарем или без словаря), и разное количество усвоенных и заученных наизусть молитв. Конкретные вопросы программ могут интересовать только специалистов, они имеются в семинарии и в печатном, и в электронном виде.

– Что вы можете вспомнить о владыке Амвросии, который долгое время был проректором СДС?

– Владыка Амвросий всегда проявлял заботу не только о преподавателях, но и о каждом

студенте, знал обстоятельства его жизни, его внутренний потенциал, думал о его будущем.

– Что вспоминается о первом, «монашеском», и последующих выпусках?

– У первого выпуска я вела только факультативные занятия. Запомнилось благоговейное отношение к тексту, особенно у о. Арсения (Писарева). Последующие выпуски занимались у меня по годичной программе, и в каждой группе были люди, на которых я всегда могла опереться и которые помогали мне иногда «вытягивать» занятие. До сих пор помню, какой курс в какой аудитории занимался, кто с кем сидел, кому помогал, кого опекал, кто работал быстро и четко, кому нужно было подумать подольше, кто всегда был безукоризненно честен, кто пытался списывать, а кто мучился, но не мог себе этого позволить, кто какие вопросы задавал. С некоторыми нашими выпускниками иногда видимся в семинарии, они ее не забывают, приходят и даже приезжают издалека на день выпуска, на другие праздники. Некоторые поздравляют по телефону. Была на венчании нашего выпускника о. Антония Новикова, с его женой Верой знакома еще по паломнической поездке, недавно в монастыре крестили их дочь Дарью.

Бывает, что по благословению студенты приезжают ко мне домой: проконсультироваться по переводам с древнегреческого для научной работы, дополнительно позаниматься (поступающие в Академию, экстерны или задолжники), посмотреть словари, учебники и научную литературу, которых нет в библиотеке семинарии (участники факультативов), а потом и просто погулять в живописных окрестностях Фирсановки. Приходил ко мне в гости пешком из Зеленограда наш выпускник о. Максим Массалитин с женой Верой и дочерью Ефросиньей в коляске. С ними я неоднократно встречалась и в нашей фирсановской церкви: сначала они просто стояли на службе, потом Максим поднялся на хоры (в нашем местном хоре не хватает мужского голоса), став дьяконом, прислуживал нашему замечательному фирсановскому батюшке о. Сергию, а перед переездом из Зеленограда в Москву сослужил ему уже как иерей.

Радостно видеть, как наши выпускники и студенты участвуют в богослужении в Сретенском монастыре, поют в хоре. От их голосов я просто таю. Радует, что у них есть возможность начать преподавание в семинарии, как у о. Иринея (Пиковского), с которым так легко и плодотворно сотрудничать. Это человек глубокой веры, больших познаний в разных областях, необыкновенного трудолюбия и ответственности. Огромной радостью было узнать, что он уже проводил службы на греческом языке.

Особые воспоминания о наших экстернах: казначее Сретенского монастыря о. Амвросии (Конькове), позаботившемся о том, чтобы в библиотеке были богослужебные тексты на греческом языке, а своей духовной поддержкой буквально спасшем меня в критический момент жизни, об архимандрите Филарете (Кольцове) из Псково-Печерского монастыря, о его смиренности и улыбчивости, открытости и щедрости, о целеустремленном Петре Александровиче Короткове, который сразу сказал, что он хочет не просто сдать экзамен, а знать древнегреческий язык. На вступительном экзамене в Духовную академию он его успешно сдал о. Дионисию и продолжает изучение теперь там, как и другие наши выпускники, которые готовились к поступлению на факультативах. Теперь количество часов, выделенных на древнегреческий язык, увеличено. Думаю, мы сможем делать гораздо больше уже в стенах семинарии. Надеюсь, что заложенные в семинарии основы все наши выпускники сумеют развить в дальнейшем. Помощи Божией им в их трудах!

«Островок надежды на будущее»

Доцент Наталья Николаевна Трухина

Первое мое знакомство со Сретенской семинарией — вернее, с тем местом, где она позднее возникла, — произошло в 70-х годах прошлого века, когда заведующий кафедрой древних языков исторического факультета МГУ Андрей Чеславович Козаржевский, глубоко верующий человек и любитель московской старины, водил студенческие экскурсии по московским монастырям. Словно вчера стояли мы перед остовом храма и слушали рассказ о временах давно и навсегда минувших — о когда-то бывшем здесь Сретенском монастыре, и о Владимирской иконе Божией Матери, и о датировке возвышающейся перед нами руины. Если бы в тот момент кто-нибудь предсказал нашему гиду, что храм и монастырь восстанут из пепла и что в стенах этого монастыря одна из его юных слушательниц будет преподавать греческий и латынь, он бы, наверно, рассмеялся, как ветхозаветная Сарра. А между тем всего пяти лет не хватило моему дорогому учителю дожить до нового тысячелетия и чудесного возрождения многих московских святынь.

Мой первый год в Сретенской семинарии — это несколько маленьких тесных комнаток и одна-единственная группка учащихся числом в 10–12 человек. Я не помню всех имен, потому что читала тогда только лекции по античной истории, то есть видела слушателей в отдалении. Зато с первых шагов оценила мудрый демократизм начальства: никто не воспретил мне знакомить семинаристов с греческой мифологией, а потом водить их любоваться античной скульптурой в Музей изобразительных искусств на Волхонке. Стремление поднять культурный уровень студентов принесло плоды: не забуду, с каким трогательно-сокрушенным вздохом на экзамене отец Л. признался, что языческие боги стали ему даже немножко нравиться.

Монастырь отстраивался, училище переехало в новые помещения, прибавились новые

Храм Владимирской иконы Божией Матери Сретенского монастыря в 70-е годы XX века

дисциплины. На второй год, кроме истории, я уже преподавала латынь. Первый мой латинский класс 2001/2002 года запомнила весь и навсегда. Помню и отличников, и троечников, потому что все оценки того года были заслуженными, крепкими. Как бы с подачи этих ребят нашла я основную цель годичного курса латинского языка — чтение новозаветных текстов. Тогда же зародилось в душе особенное, теплое отношение к семинаристам, живое до сих пор. Вдумываясь в него, полагаю, что питается оно неким нравственным ореолом, окружающим студентов в подрясниках. Конечно, эти ребята далеко не ангелы: они могут и озорничать, и лениться, и грешить. Но в целом есть в них какая-то сердечность и моральное начало — понимание добра и зла, почти совершенно размытое в светском студенчестве.

Восхищение вызывает не только знаменитый студенческий хор, но и общая атмосфера музыкальности в семинарии: кто-то что-то постоянно напевает, в коридорах витают церковные мотивы, кто-нибудь на переменке непременно музицирует на фортепиано, в тихие поздние часы слышны голоса спевок. А как гремит «Многая лета» в честь именинников — словно глас православного воинства! Слушаешь и радуешься: сколько еще талантов на Руси! И как хорошо, что их собирают в столице, учат, развивают. В наши дни, когда рушится светское гуманитарное образование, когда «за державу обидно», с надеждой смотришь на заведение, где стараются учить основательно. Может быть, хоть на святом месте устоим?

С самого начала было очень интересно общаться с коллегами в учительской. Учительская — особый мир с непременным чаем и разговорами. Разговоры не бытовые. Болтаем в основном о студентах: «перемываем» косточки, потому что любим своих учеников. Так, в поколении моих родителей-учителей даже дома шли вечные разговоры о школе. Но в семинарской учительской часто возникают и беседы на профессиональные темы или на темы текущей

церковной жизни. Отец Владислав Цыпин, например, увлекательно говорит, кажется, о любом предмете. Речам наших эрудированных батюшек хочется внимать и внимать — яркие и знающие люди всегда безумно интересны. Появляется даже желание посидеть за партой. Понимают ли, ценят ли студенты, каких для них собрали учителей?

Почти весь женский коллектив семинарии — это преподаватели языков; общая атмосфера в нем не по-женски доброжелательная и дружеская: воюем с одними и теми же двоечниками, любим одних и тех же отличников, вместе обедаем «на женской половине» — в галерейке, примыкающей к студенческой столовой. С первых лет мы старались и большие церковные праздники встречать вместе. В те времена, когда к храму еще не была пристроена большая галерея, это требовало известного мужества: на Пасху и Рождество давка в храме была ужасная, часами приходилось стоять либо в чудовищной духоте (вдали от окон), либо на леденящем холоде (под окнами). Ах, на собственном опыте прочувствовали мы необходимость той реконструкции, которая была проделана впоследствии для расширения внутреннего пространства храма; жаль только старой колоколенки, исчезнувшей, как в сказке, в один миг. После ночной службы нас ждала родная учительская с мягкими диванами и немудрящим угощением, на огонек заходили студенты, до самого утра длилось сердечное общение праздничной ночи.

С первого года работы в Сретенской семинарии я начала потихоньку «перебегать» из «своего» сокольнического храма в Сретенский монастырь, от Иверской иконы к Владимирской. Сретенский храм становился все более родным — наверно, потому, что связан с любимым местом работы, но притягивало и само древнее, святое пространство храма, становившееся «обжитым» и привычным. Как прекрасно, что прямо в центре огромного грязноватого города вдруг возникает белая стена с приветливыми вратами; за волшебным порогом — райский садик отца Аркадия, обещающий мир чистоты, гармонии и порядка. Кто говорит, что русский народ неряшлив? На церковных дворах всегда идеальный порядок.

Вот уже десять лет, год за годом юноши переступают порог Сретенской обители, чтобы умудряться здесь в учебе, трудах и на церковных службах. Монастырь и семинария — пятачок надежды на будущее в городе-Молохе.

«В семинарии человек получает закваску, которая животворит его всю последующую жизнь»

Священник Вадим Леонов

Отец Вадим, где вы получили образование?

– Образование я еще не получил, но очень хотел бы. Образование — это воссоздание образа Божия в человеке. Цель эта реальная, но труднодостижимая или, точнее, — достижимая в вечности с Богом. Но вы, наверное, спрашивали не об этом?

– Да, я хотел узнать, где вы учились?

– Как и все, сначала окончил среднюю школу. В 1984 году поступил сначала в Московский станкоинструментальный институт, а после 4-го курса был направлен на учебу в Будапештский технический университет, где и завершил обучение, получив дипломы обоих вузов. Я с благодарностью вспоминаю время этой учебы прежде всего потому, что помимо специальности, которую я осваивал, всегда была возможность рассматривать мир вокруг. По ходу обучения я успел отслужить на флоте три года и вернуться. После окончания этой учебы в 1993 году поступил в Московскую духовную семинарию. Потом прошел обучение в Московской духовной академии, которую окончил в 2000 году.

– А как созрело ваше желание поступать в семинарию?

– В юности об учебе в семинарии я не мог себе и подумать, поскольку рос добропорядочным безбожником, продуктом советской идеологии. Религия мне казалась отжившим плодом человеческого неразумия. Однако что-то таинственно-притягательное в ней существовало, и мне хотелось на досуге с этим разобраться. В 1988 году мы с друзьями приехали в Троице-Сергиеву лавру просто так — побродить. Помню, что тогда я подошел к забору, ограждающему Московскую духовную академию от посторонних посетителей, и долго всматривался в тех ребят, которые были не просто по другую сторону, но в другом мире. Мне очень хотелось их понять, как они там оказались? Тогда я назвал бы сумасшедшим любого, кто, подойдя, сказал бы мне,

что через пять лет я сам стану семинаристом и буду учиться здесь.

Когда я еще учился в светском вузе, у меня было много друзей, с которыми мы в общежитии часто обсуждали религиозные, философские вопросы. Мы порой тратили на это целые ночи. Я понимал, внутренне ощущал, что религиозная жизнь — не фантом, за ней что-то стоит, но это «нечто» почему-то для меня было недоступно.

А потом в моей жизни было важное событие, которое стало поворотным. В 1989 году мы с друзьями путешествовали по Вологодской земле и заехали в Ферапонтов монастырь, посмотреть на фрески Дионисия, а потом в Кирилло-Белозерский. Глядя на прекрасные древние монастыри и храмы, я поймал себя на мысли, что если бы Церковь не имела реальной связи с Богом, но основывалась на человеческих заблуждениях, то эти храмы не возникли бы через полторы тысячи лет после рождения Христа. Ложь не может существовать долго. На обмане не может созидаться долговечное и беспредельно красивое. И здесь у меня возникла простая идея: если Бог есть и Он меня слышит, как утверждают верующие, то я обращусь к Нему своими словами. Если Он как-то (но вполне осознаваемо для меня) ответит — то Он есть. А если не ответит, то, может быть, Его и нет. В Кирилло-Белозерском монастыре в первый раз я обратился к Богу в личной молитве и сказал приблизительно следующее: «Господи, если Ты есть, то я готов Тебе служить и стараться жить по Твоим заповедям, но прошу Тебя, дай мне как-то узнать, что Ты есть и чего Ты хочешь». После этой молитвы небеса не разверзлись, молнии не засверкали, голос с неба не зазвучал, но в моей жизни произошел внешне не заметный, но внутренне фундаментальный сдвиг. Мои жизненные обстоятельства стали меняться: откуда-то появились новые «продвинутые» в Православии друзья, которые начали мне объяснять, что такое церковная жизнь, исповедь, Причастие, они помогли мне раздобыть православную литературу (тогда еще она была в большинстве своем самиздатовская): Библию, Добротолюбие, дневники святого Иоанна Кронштадтского, творения преподобного Макария Египетского и других святых отцов. И я стал жадно читать. А потом появились знакомые в Троице-Сергиевой лавре, духовник, началась другая жизнь. После 4-го курса у меня возникла мысль о поступлении в семинарию, но духовник сказал: «Все в жизни надо доводить до конца, и коль ты учишься в светском учебном заведении, ты должен доучиться, а потом уже, если желание не пропадет, будешь поступать в духовную школу». Так, собственно, и произошло.

– Чем вам запомнились ваши семинарские и академические годы? Можете ли вы их сравнить с нынешним состоянием духовных школ? Что изменилось за это время?

– Учеба в Московских духовных школах для меня — это самый плодотворный период в моей жизни. Я имел абсолютно все, что хотел, а может быть, я хотел только то, что имел, и был полностью доволен? Помню лишь ощущение полноты жизни. Мне абсолютно ничего не мешало — все только содействовало моему становлению. У меня были идеальные условия, хотя и спать приходилось в спальне на 26 коек и другие условия были весьма скромные. Вокруг меня были некоторые сокурсники, которые были чем-то недовольны, но меня это как-то не беспокоило. Считаю, что все доброе, чем я сейчас пользуюсь, — это плоды моей семинарской и академической жизни. Я всегда вспоминаю этот период моей жизни с большой благодарностью Богу и с огромной радостью. Если сравнивать учебу в семинарии и в светском учебном заведении, то могу сказать, что такого глубокого самоопределения и жизненной целеустремленности, которое имелось в семинарской жизни, я не встречал НИГДЕ БОЛЕЕ. В духовной школе я познакомился с людьми, которые искренне жаждали жить со Христом. Они были и среди преподавателей, и среди сокурсников. Они меня вдохновляли своим личным примером, и, глядя на них, мне стыдно было позволить себе «немного лишнего...».

А если сравнивать обучение тогда и сейчас, то, наверно, различие есть. Тогда — в начале 90-х годов, больше было семинаристов с непростой биографией и пестрым жизненным опытом, много было с высшим образованием. С ними было о чем поговорить и что почерпнуть, но было чем и заразиться... Зачастую они проходили сложный жизненный путь, имели за плечами большой опыт разного рода отнюдь не высшей пробы. Мы помогали друг другу, была взаимовыручка. Сейчас чаще в

На катехизических курсах в Политехническом музее

семинарии приходят вчерашние школьники — и в этом есть как плюсы, так и минусы. Безусловно, юноши не испорчены сложными жизненными обстоятельствами, не наломали еще дров, как это было у нас, но, с другой стороны, их жизненный опыт объективно недостаточен, что может стать причиной ошибок. Зачастую такой молодой человек, уже получивший богословское образование, еще лишен личной зрелости. Он не готов взять ответственность за свой личный поступок и тем более за другого. И это, на мой взгляд, проблема, которую надо решать.

– Батюшка, а кто преподавал вам в духовной школе?

– Это очень уважаемые и любимые мною люди. Многие преподают и сейчас: ректор архиепископ Евгений, архимандрит Матфей (Мормыль), проф. Константин Ефимович Скурат, прот. Максим Козлов, прот. Валентин Асмус, проф. Алексей Иванович Сидоров, проф. Алексей Константинович Светозарский и многие другие. Они делились с воспитанниками своим личным духовным опытом и, конечно же, обширнейшими богословскими знаниями. И для меня они являются примером в моей преподавательской деятельности.

– Как вы познакомились с ректором Сретенской духовной семинарии — архимандритом Тихоном (Шевкуновым)?

– Об отце Тихоне я слышал, конечно же, давно. Как только началось мое воцерковление, имя его постоянно появлялось в различных СМИ: церковных и светских. Он всегда впечатлял меня своей активной и плодотворной деятельностью. А в 2003 году, по ходатайству инспектора, тогда еще иеромонаха Амвросия (Ермакова), а ныне епископа Гатчинского, ректора Санкт-Петербургских духовных школ, я был приглашен в Сретенскую духовную семинарию на должность преподавателя догматического богословия. Тогда и состоялось наше личное знакомство, и оно до сих пор продолжается. Должен сказать, что он удивительно тонкий, мудрый человек и находится на своем месте. Дай Бог ему сил, чтобы он и дальше с такой же любовью и вниманием относился к семинарии, к ее учащимся и преподавателям.

– Как, с вашей точки зрения, надо преподавать догматическое богословие?

– Догматическое богословие — это один из столпов семинарского образования, а для будущего священнослужителя — это фундамент для его духовной жизни и пастырских трудов. Повреждения в вере быстро приводят к нравственным падениям — это многократно проверенная истина. Цель, в общем, простая — сокровища православной веры должны стать

Беседа в соборном храме Сретенского монастыря

достоянием ума и сердца учащегося. Как этого достигнуть? Сложнейший вопрос. Истины веры хотя и обосновываются Священным Писанием и свидетельствами святых отцов, однако если у семинариста по какой-то причине нет минимального духовного фундамента, то все уходит как вода в песок. Восприятие бывает формальное, ибо нет внутреннего краеугольного камня веры. Необходимо искреннее и серьезное стремление к практической духовной жизни, личный духовный опыт. Тогда человек быстро понимает и чувствует, что православное вероучение — это не пустые звуки, не абстрактные формулы, но великие тайны Божьи, кристаллизованные в словах. Без личного духовного подвига догматика кажется скучной дисциплиной. В этом случае дом души основывается на песке, и в сложных жизненных обстоятельствах, когда *пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот… он упал, и было падение его великое* (Мф 7,27).

– Расскажите, пожалуйста, о том, как вы проводите экзамены.

– В проведении экзаменов я не пытаюсь быть слишком оригинальным, и в общем-то они проходят у меня по стандартной схеме: вопросы, билеты, ответы. Иногда я добавляю один, так называемый «счастливый» билет, вытянув который, семинарист, в присутствии всех своих сокурсников, должен сам себе поставить оценку, не отвечая, и я ставлю ее в экзаменационную ведомость. Это нравственный тест, который проходили с честью далеко не все. В чем здесь подвох? Сначала студенты стремятся вытянуть именно этот билет. Им кажется, что вот сейчас они вытянут его и получат пятерку даром. Но когда им этот билет попадается в руки, они оказываются в ловушке. Ведь они должны в присутствии своих товарищей сами себе выставить отметку, но при этом и преподаватель, и товарищи, находящиеся рядом, знают, каков его подлинный уровень знаний. И ему порой бывает стыдно и трудно произнести, что он знает на пятерку. Семинаристы смущаются и теряются. И поэтому часто просят ту оценку, которую заслуживают, а не ту, которую просто хотят. Был случай, когда, вытянув «счастливый» билет, студент попросил вытянуть другой — обычный. Ему я поставил пятерку сразу, поскольку он нашел достойный выход из этой сложной ситуации. Вот такой эксперимент. Но часто бывает, что на экзамене этот билет никому не попадается.

– Что вы можете сказать о воспитанниках именно Сретенской духовной семинарии? Наверняка они отличаются от студентов других духовных школ.

– Каждая семинария имеет свое лицо, поскольку везде разнится внутренняя жизнь. Бесспорно, в каких-то нюансах обстановка Сретенской духовной школы отличается от обстановки в других духовных заведениях. Специфика во многом определена личностью ректора, отца Тихона, который с огромной любовью относится ко всем семинаристам и преподавателям. Неформальная семейная обстановка сразу же создает определенную атмосферу. Должен еще сказать, что Сретенская семинария не столь велика и разнообразна по составу учащи

хся, как, к примеру, Московская. И здесь есть и положительные моменты, и отрицательные. Когда больше учащихся, тогда чаще встречаются более яркие личности, с одной стороны,

а с другой — больше и проблемных студентов. В Сретенской школе сравнительно ровный состав. И надо признать, что в этих условиях работа бывает более продуктивной: легче сориентироваться, найти некий общий путь, удобный для всех слушателей.

– Отец Вадим, вы работаете в Сретенской семинарии с 2003 года. Как она изменилась?

– Мне кажется, что серьезней стало отношение к учебной и научной работе. Год от года эта планка повышается, хотя я знаю, что такая тенденция имеется во всех духовных школах Русской Православной Церкви. Также я вижу некое общее духовное взросление студенческой среды одновременно на всех курсах. Думаю, это связано с тем, что требования при приеме семинаристов стали более высокими, поступающие, в большинстве своем, знают, чего они хотят. Это и плоды эффективной административной работы. Есть, наверно, и другие причины. Мне кажется, что и результаты, которые показывают воспитанники Сретенской семинарии, становятся год от года все лучше.

– Поделитесь, пожалуйста, вашими впечатлениями о профессорско-преподавательской корпорации Сретенской духовной школы.

– Мне кажется, что благодаря усилиям, прежде всего отца ректора архимандрита Тихона, в Сретенской семинарии одна из лучших преподавательских корпораций среди учебных заведений Русской Православной Церкви, как по уровню знаний, так и по своим педагогическим качествам. Условия для семинаристов здесь едва ли не идеальные. Но кому много дано, с того много и спросится.

– Какими вам запомнились выпускники Сретенской семинарии?

– Я всех их искренне люблю. И когда мы встречаемся, я чувствую, что они вспоминают о семинарии по-доброму. Всем выпускникам хочу пожелать успехов и помощи Божией в церковном служении. Если я кого из них обидел своей строгостью или чем-либо еще — прошу прощения. Любовь с определенной строгостью, мне кажется, дает самые ценные плоды.

– Какие качества, на ваш взгляд, в человеке воспитывает семинария?

– Семинария готовит людей к служению Церкви и воспитывает соответствующий набор качеств. Мне кажется, семинария прежде всего формирует ясное понимание, что есть церковное служение со всеми положительными сторонами и с учетом всех трудностей, которые имеются. Часто люди, поступая в духовную школу, многого еще не видят, не осознают, а погрузившись в семинарскую среду, они понимают, что здесь не только великолепное богослужение, общение в любви и единомыслии, но и свои внутренние искушения. Человек по-настоящему проверяет себя. Если он действительно проходит эту школу, то получает закваску, которая животворит его всю последующую церковную жизнь. В семинарии для человека церковная жизнь должна стать естественной и желанной средой обитания, несмотря на все возможные искушения.

– Отец Вадим, как бы вы напутствовали учащихся Сретенской духовной школы по случаю ее десятилетнего юбилея?

– Прежде всего, желаю, чтобы они сохранили все доброе, что здесь уже посеяно, и принесли плод для Церкви. А также желаю, чтобы они создали свою узнаваемую учебно-богословскую традицию. Любая духовная школа рано или поздно создает свою традицию, которая органично обогащает жизнь Православной Церкви. Я вижу, что богословское лицо Сретенской семинарии формируется, и черты его с каждым годом становятся все более конкретными, узнаваемыми. Дай Бог, чтобы выпускники Сретенской семинарии прорисовали прекрасный лик своей духовной школы своими добрыми поступками и богоугодными достижениями.

«Многое сейчас зависит от синергии священника и учителя»

Преподаватель
Галина Ивановна Трубицына

Ласковый, солнечный день в конце лета 1999 года. Мы с коллегами идем проводить вступительное сочинение в духовное училище, которое решил по благословению святейшего патриарха Алексия открыть наместник московского Сретенского монастыря архимандрит Тихон (Шевкунов). Самый центр Москвы, удушливый каменный мешок, гул огромного города. Входим за ограду монастыря — и вдруг неожиданная тишина и розы, розы... как отблеск райской красоты. Но за плечами опыт работы в Православном Свято-Тихоновском богословском институте и трезвое знание, каким трудом со стороны учащих и учащихся дается создание нового учебного заведения, тем более духовного. А потому в голове настойчиво стучит одна только мысль: какие же испытания ждут нас здесь?

Да, Церкви остро нужны служители, и служители образованные. Духовное возрождение народа без мудрого пастыря невозможно. Чтобы уничтожить любой народ, достаточно лишить его знающего свое дело врача, учителя и священника.

Сейчас уже притупилось сознание значимости открытия каждого нового храма, каждого монастыря — привыкли, видны недостатки современной религиозной жизни, и уже возникает вопрос: а произошло ли духовное возрождение, которого все так искренне чаяли в конце 80-х годов XX века? Когда меня посещают эти сомнения, я, чтобы отогнать их, вспоминаю тот день, когда узнала, что будет восстанавливаться на месте бассейна «Москва» храм Христа Спасителя. Первая мысль: как замечательно, жаль только, что я при жизни его не увижу; если на его строительство ушел почти век, сколько же надо на восстановление? Тогда открытие каждого храма воспринималось как чудо. Как Бог из ничего творил этот мир, так, казалось, из ничего, из ниоткуда приходили люди, чтобы строить, служить, петь, убирать во вновь открывшемся храме, не говоря уже о

деньгах, которые жертвовал нищающий, просто голодающий народ. В епархиях начали открываться или училища, или семинарии.

И вот мы идем, чтобы принять участие в открытии еще одного училища. Каким оно будет? Что потребуется от нас?

Архимандрит Тихон, возглавив это начинание, стал ректором духовной школы. Конечно, трудностей, проблем было немало.

В 2000 году проректором стал иеромонах Амвросий (Ермаков; ныне епископ Гатчинский, ректор Санкт-Петербургских духовных школ). Он пригласил к сотрудничеству многих преподавателей МДА. О том, что уровень образования стал неуклонно расти, говорит такой факт: в 2002 году училище получило статус семинарии, а выпускники, желающие продолжать учебу, каждый год поступают в МДА.

На людях, которые пришли к вере до перестройки, лежит особая печать — опыт глубинного внутреннего переживания своих отношений с Богом и Церковью. Но иногда это опыт переживаний замкнутых, не имеющих открытого выхода, и перестроиться, принять новые формы, привыкнуть к тому, что дозволенность может привести к легкомысленному, поверхностному отношению к вере, особенно в молодом поколении, бывает трудно. По рассказам отца Амвросия, он начал ходить в храм еще в детстве и застал тот период, когда это надо было делать тайно. Как личность, несмотря на свою молодость, он удивлял своим мудрым, спокойно-трезвым подходом ко многим новым проблемам. От природы музыкально одаренный, отец Амвросий создавал вокруг себя атмосферу гармонии. Внимательный, простой в обращении со всеми и одновременно умеющий выдерживать нужную дистанцию — как радостно было с ним работать, как неожиданно легко, как бы сами собой, разрешались им конфликты, конечно же возникающие между студентом и преподавателем, сложности женского пребывания в монастырской среде.

Зачастую отцу Амвросию помогало и удивительное чувство юмора, без которого тяжкий труд воспитателя был бы непосилен.

Помню, однажды, войдя в преподавательскую, я увидела стоящую в углу гитару. Уловив в моих глазах недоуменный вопрос, отец Амвросий рассказал, что он, заметив отсутствие некоторых семинаристов на службе, стал обходить кельи и в одной из них застал такую картину: сидя на кровати, самозабвенно уйдя в исполнение, семинарист рвал струны гитары, вкладывая всю свою мальчишескую душу в какую-то современную песню. Отец Амвросий стоял и слушал... пока музыкант вдруг не заметил, что перед ним сам проректор. Всхлип-вдох, — можно представить, какие страшные картины прещений, вплоть до исключения, проносились в этот миг в сознании певца, — и облегченный выдох. Не помню, чтобы в тот период кого-либо отчислили из семинарии. Поэтому, когда в 2005 году уже в сане епископа владыка Амвросий уехал в Новокузнецк на служение, тяжесть расставания испытали все: и преподаватели и семинаристы.

И здесь я не могу не сказать слова благодарности руководителям нашей семинарии за заботу, которую мы, женщины-преподаватели, чувствуем. Проявляется она по-разному. Как приятно бывает получить поздравление с большим церковным праздником или с днем Ангела. Требования к работе и рабочей дисциплине высокие, но при этом священноначалие печется и о нашем отдыхе: мы посещали монастырский скит, были в паломнических поездках, нас приглашают на концерты знаменитого хора Сретенского монастыря. И потому чувствуешь себя не наемником, отрабатывающим зарплату, а участником общей жизни.

Семинаристы... Прежде всего хочу сказать: «Низкий поклон всем вам, учащимся первого набора, окончившим и не окончившим семинарию». Это не только вашим трудом, но и вашим терпением создавалась семинария. Вы терпели и смену преподавателей в середине года, и сумятицу начального периода выстраивания программы. Своим вниманием и невниманием вы помогали многим преподавателям учебный материал, наработанный в течение многих лет, выстроить заново, с учетом специфики духовной школы. Многие из вас стали верными соработниками отца Тихона. Когда состоялся первый выпуск, послушники и иноки, составлявшие костяк первого набора, стали монахами, иеродиаконами, иеромонахами, многие влились в ряды преподавателей.

В советский период в духовные школы чаще всего шли люди с жизненным опытом, шли сознательно, отдавая себе отчет, что после этого шага, даже просто попытки поступить, многие

Хиротесия во чтецы студентов Сретенской семинарии

двери для них будут уже закрыты. Шли люди, впитавшие веру в детстве от своих бабушек, этих «белых платочков», на плечах которых выстояла Церковь в период гонений. Но «белые платочки» давно уже отошли ко Господу, даже «красные косыночки» первых комсомолок канули в Лету, сейчас время, когда пятилетние крохи будят своих бабушек: «Веди нас в церковь, уже звонит колокол». Сейчас многие приходят в семинарию сразу после школьной скамьи. Некоторые попадают сюда случайно, просто от растерянности в современной жизни, такие долго не задерживаются, и помоги им, Господи, найти свой путь. Другие, преодолевая сопротивление и непонимание близких, прокладывают эту новую для своей семьи дорогу.

Часто смотришь — на первокурсника — и видишь перед собой просто мальчишку, который еще не наигрался. Вот кто-то проспал братский молебен, долго не открывал на стук дежурного, пришедшего его будить, а услышав, как дверь открывают уже ключом, спрятался под кровать. Нужно сказать, первый год в семинарии — это период очень детских жалоб со стороны студентов на усталость и нехватку времени. И надо признать, многое меняет здесь не учеба, а система семинарских послушаний, которые поначалу представляются непосильными. Между тем они призваны помочь перестроиться, выработать самодисциплину, умение жить в режиме разумной экономии и траты сил, чтобы их хватило на все. И вот на твоих глазах начинает происходить взросление студентов.

Во втором семестре семинаристов благословляют на ношение подрясника. Когда после рождественских каникул переступаешь порог аудитории, ощущаешь, что перед тобой другие люди: подтянутые, сосредоточенные. Конечно, начинаешь работать и узнаешь тех же шалопаев, но что-то меняется навсегда. Серьезной формой наказания за дисциплинарные проступки является лишение права носить подрясник. По-матерински жалко такую белую ворону. Если в миру молодежная культура ориентирует юношу на то, чтобы он любой ценой выделился из общей массы, то в стенах семинарии подобное выделение — тревожный признак. И с облегчением вздыхаешь, если студент снова в подряснике: значит, проступок осознан — и воспитанник прощен.

Важным моментом является хиротесия — посвящение во чтеца, которая происходит очень торжественно и благотворно влияет не только на посвящаемого, но и на других семинаристов и даже преподавателей.

Так медленно, подчас почти незаметно для внешнего ока происходит процесс воспитания и обучения. Поэтому всегда стремишься, если позволяют обстоятельства, присутствовать на защите дипломов — это возможность порадоваться за выпускников, воочию убедиться, какой серьезный путь пройден всеми за пять лет.

И все же, когда еще помнишь, как отчитывала за небрежную контрольную, и вдруг через какое-то время подходишь к мужу в рясе: «Батюшка, благословите», — всегда испытываешь волнение. Привыкнуть к этому невозможно...

Мне кажется верной мысль, что в России ценили больше индивидуальность, чем индивидуализм — изобретение западного ума. Но дух индивидуализма сейчас проникает все глубже и глубже во все сферы нашей жизни. Что же касается индивидуальности, заботами отца ректора делается все для ее раскрытия. Это и прекрасная библиотека, в фонд которой входит литература самой широкой тематики, и регулярные встречи с духовными лицами и светскими учеными, беседы с обсуждением актуальных современных проблем.

Имеет ли семинария свое лицо? Как-то раз в разговоре о духовных учебных заведениях прозвучало: такая-то семинария готовит к поступлению в монастырь. Этого нельзя сказать о Сретенской духовной школе. Сретенцам предоставляется свободный выбор. Желающие принять монашество вливаются в ряды братии; большинство идут по пути белого духовенства; тем, кто женится, будучи еще семинаристом, оказывается поддержка, но и неженившиеся после окончания духовной школы находят себе применение в церковной работе. К чему готовит Сретенская семинария всех — это к диалогу с миром, где неверующих еще остается большинство, и, что важно, к диалогу с интеллигенцией, часть которой до сих пор находится в глухой оппозиции к Церкви.

От синергии священника и учителя (в широком смысле — и ученого, и писателя, и режиссера, и актера) зависит сейчас очень многое. Представляется, именно этой особенностью можно объяснить тенденцию, что из года в год увеличивается число тех, кто поступает в семинарию, имея за плечами светское образование, а иногда чрезвычайно богатый профессиональный и жизненный опыт.

Пять семинарских лет пролетают очень быстро, и приходит торжественный, всегда радостный и одновременно грустный день вручения дипломов. Радостный, потому что видишь, как изменились, как возмужали семинаристы; грустный, потому что надо расставаться. Последняя служба, на которой присутствуют все: и преподаватели и семинаристы. Последняя общая трапеза. Милые мальчики (я помню вас такими), досточтимые отцы (ваш сан ко многому обязывает), да хранит вас Господь! И то внимание, которое вы встретили в семинарии, пусть даст вам силы так же внимательно относиться к вашей пастве и воспитывать ее в духе любви Христовой на благо Матери-Церкви!

«Некая изолированность от мира иногда просто необходима»

Преподаватель Игорь Петрович Шаповалов

Игорь Петрович, каков ваш путь к вере?

– К вере я пришел в юном возрасте, в 13 лет. Этому способствовало открытие храма напротив моего дома, — храма Архангела Михаила в Тропареве, известного многим москвичам по фильму «Ирония судьбы, или С легким паром». Это был первый храм в Москве, открытый после 1946 года. Его передали Церкви в 1989 году. И это один из последних храмов, благословленных к освящению святейшим патриархом Пименом. Сначала я изредка заходил в церковь, потом стал появляться чаще, затем нес там послушание алтарника.

– Какое у вас образование? Расскажите, пожалуйста, о ваших студенческих годах?

– В 1992 году я поступил в Московскую духовную семинарию, которую окончил в 1996 году. И тогда же по результатам вступительных экзаменов был зачислен в МДА, которую окончил в 2000 году со степенью кандидата богословия за кандидатское сочинение «Святыни большого Успенского собора: современное местоположение, богослужебное использование и история привоза в Россию». В настоящий момент я оканчиваю Дипломатическую академию МИДа РФ. Конечно, семинарские годы прошли полезно и интересно. И здесь надо упомянуть такой факт: я, наверное, был одним из первых, кого зачислили в семинарию в шестнадцать лет, тогда как возрастной ценз составлял восемнадцать лет, но на деле принимали с двадцати. Необычно было то, что ко мне, совсем юному, взрослые, зрелые люди, архимандриты, ныне покойный епископ Сергий (Соколов), отец Венедикт (Князев), стали сразу обращаться на «вы», определяя тем самым требования и ко мне, и к другим учащимся, которые были гораздо старше меня. Уважение и строгость — вот, наверное, самые сильные впечатления от первого года обучения в МДС. Вообще вся система образования в Московской духовной школе, нахождение ее в лавре Преподобного Сергия повлияли на нас, сформировали наше мировоззрение. Поэтому, окончив

Московские духовные школы, мы пытаемся следовать примеру, которому нас научили.

– А почему вы решили идти учиться именно в семинарию?

– Вопрос, куда идти дальше учиться после школы, передо мной не стоял. Хотя, как я уже говорил, еще не было прецедента, чтобы в духовную школу поступали в столь раннем возрасте. В семье у меня не было примеров обучения в духовных школах. Но все равно я настаивал, просил отца настоятеля написать мне рекомендацию в МДС. Он мне тогда очень помог. Семинария была моей мечтой, мечтой, которая осуществилась, и я был несказанно рад на протяжении всех четырех лет. Я ни разу не разочаровался в том, что пошел туда учиться.

– Кто были вашими учителями?

– Моими наставниками в семинарии были профессора протоиереи Владислав Цыпин, Максим Козлов, профессора Алексей Константинович Светозарский, Алексей Иванович Сидоров. Это те, кто преподает воспитанникам Сретенской семинарии. Не могу не назвать покойного отца Георгия (Тертышникова), который вел у нас Священную историю Ветхого и Нового Заветов, а также недавно рукоположенного во архиереи Тихона (Зайцева).

– Чем, по вашему мнению, отличается семинария 90-х годов от современной?

– Это сложный вопрос. Каждое время уникально. И, разумеется, любое поколение всегда идеализирует свое время. Наш набор в МДС открыл собой период, когда в семинарию стали зачислять больше студентов, чем раньше. В 1992 году нас на потоке было сразу 120 человек. Нас разделили на группы — по 40 семинаристов. И это было нонсенсом — особенно для преподавателей старой корпорации.

– С чего началось ваше сотрудничество со Сретенской духовной семинарией? Какие предметы вы здесь преподаете?

– В Сретенскую семинарию я попал в 2005 году. Меня попросили провести экскурсию по Москве для новопоступивших студентов Сретенской духовной семинарии — по образцу тех паломничеств, которые мы организовывали для лаврских семинаристов. Она состоялась 3 сентября. Тогда же мне предложили преподавать историю Русской Православной Церкви на 2-м курсе. Вот так состоялось мое знакомство со Сретенской семинарией.

– Почему вы начали заниматься именно историей Русской Православной Церкви?

– В 1994 году по благословению администрации Московских духовных школ я был включен в группу по обеспечению богослужений в Кремле. Попав в древние соборы Московского Кремля, мы, естественно, стали общаться с музейными работниками, приглашали их к себе. Величественная красота, которая хранит воспоминания об исторических событиях, — это меня чрезвычайно интересовало. Наверное, данное обстоятельство и послужило толчком для моего изучения истории Русской Церкви.

– Игорь Петрович, поступая в семинарию, молодой человек попадает в достаточно замкнутый мир. Когда же он выпускается и принимает сан, он не может найти общего языка со своей паствой. Как, на ваш взгляд, можно решить эту проблему?

– Я бы не сказал, что молодой человек попадает в замкнутый мир, тем более если учитывать, что Сретенская семинария находится в центре Москвы. Я не вижу здесь никакой драматической коллизии, потому что некая изолированность от мира иногда просто необходима. Вот что по этому поводу говорил нам профессор МДА Алексей Ильич Осипов, который преподавал основное богословие: рассаде, чтобы вырасти, надо побыть некоторое время в теплице, а вот когда она уже набирает рост, ее нужно высаживать на открытый грунт. Когда студент попадает в замкнутую систему, он привыкает в первую очередь к нормированному распорядку дня, обязательному присутствию на занятиях и т.д. Но я бы не стал называть это изолированностью. Хотя, безусловно, мировосприятие семинаристов и их светских сверстников отличается. С этим мне пришлось столкнуться, когда я после окончания МДА, в 2000 году, был призван в армию. И знаете, для меня это общение было очень важным, поскольку я увидел, с каким контингентом сталкивается выпускник духовных школ. Они такие же люди, как мы, но они не оперируют теми ценностями, которые дает духовное образование. И нужно задуматься, как ты будешь нести эти ценности в невоцерковленную, неверующую аудиторию.

– Как произошло ваше знакомство с архимандритом Тихоном (Шевкуновым) — ректором Сретенской духовной школы?

– Знакомство с отцом Тихоном у меня проходило многоступенчато. Впервые я увидел

Паломничество со студентами семинарии в Псково-Печерский монастырь

его еще иеромонахом в Донском монастыре. Батюшка проводил большую часть богослужений, много беседовал с прихожанами. А я тогда только приехал из Киева (это было для меня одно из самых первых паломничеств) и привез святыни, которые хотел подарить отцу Тихону. В ответ батюшка преподнес мне частицу с гроба святителя Тихона. Потом несколько раз нам приходилось сталкиваться, и нас заново друг другу представляли. Много мы общались в 1995 году, когда праздновалось 600-летие перенесения чудотворного образа иконы Божией Матери. Я, как старший группы студентов МДС, был направлен в Московский Кремль, куда крестный ход шел из Сретенского монастыря.

– В миссионерских проектах Сретенского монастыря вы участвовали?

– Я регулярно вожу экскурсии по Москве для студентов. И это не просто прогулки — это лекции. Ведь когда преподаватель излагает материал, он говорит, что это событие произошло на Красной площади или в храме Василия Блаженного. Ребята, которые приехали из других городов и даже государств, всегда просят рассказать подробнее. Но, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать... Летом 2007 года состоялась поездка семинаристов в Санкт-Петербург. Незабываемо паломничество на Святую Землю, прошедшее в октябре прошлого года. Как правило, от путешествий остаются только самые светлые и теплые впечатления. Паломничества радуют, укрепляют духовное состояние.

– Игорь Петрович, где еще, помимо Сретенской семинарии, вы преподаете?

– Если говорить о духовных школах, то я преподаю в Перервинской семинарии. Одно время работал в Московском педагогическом государственном университете, Богословском институте апостола Иоанна Богослова.

– Вам каждый год приходится выступать рецензентом дипломных работ…

– Да, я ежегодно рецензирую две-три дипломные работы. Они посвящены либо истории Русской Православной Церкви, либо истории религии. Запомнилась работа Максима Янышевского — очень сильное исследование, посвященное Севастиану Карагандинскому. Хорошую работу написал нынешний студент МДА Алексей Жамков — об истории Вологодской епархии.

«Знание вероучительных истин должно быть не только прочным, но и активным»

Протоиерей Николай Скурат

Отец Николай, вы родились и выросли в церковной семье. С детства воспитывались как религиозный человек. Но были ли в вашей жизни моменты, когда происходил духовный поиск, перелом или переосмысление того, что было заложено родителями?

– Никаких исканий вне Православия у меня не было. Наверное, потому, что я видел: люди, которые меня окружали, были людьми хорошими. И в то же время я видел ложь общества, которое исповедовало другую систему убеждений и ценностей. Нам, верующим мирянам, приходилось свои убеждения являть делами и поступками, но не афишировать, тем более что публичные выступления допускались только с церковного амвона (и то не всегда и не везде, часто угрозами закрытия храма или лишения священника регистрации власти пытались запретить и церковную проповедь). Но, с другой стороны, свидетельство дел и поступков человека о его вере часто действует гораздо убедительнее самых красноречивых слов, и я благодарю Господа за дарование мне в окружавших людях многих примеров христианской жизни.

– Батюшка, расскажите, пожалуйста, о ваших детских годах. Всем известно, что ваш папа — Константин Ефимович, известный церковный ученый, заслуженный профессор Московской духовной академии.

– Знаете, в годы моего детства во внутрицерковной среде, которая тогда была относительно небольшой, почти все друг друга знали, тем более что папа был преподавателем МДАиС и многолетним иподиаконом у святейшего патриарха Алексия I, а его студенты, часто те, с кем он вместе на службах пел, читал, иподиаконствовал, пополняли столичный клир. В окружающем же мире Церковь представлялась светским людям чем-то неизвестным, редко кто из них правильно мог назвать даже имя предстоятеля нашей Церкви. А при культивируемом в советском обществе враждебном или пренебрежительном отношении к Церкви и вере мало кто из обычных верующих

(не диссидентского направления) желал известности.

Папа всегда очень много работал. И несмотря на то, что жилой площади нам никогда не хватало по существовавшим нормам, папе неизменно выделялась небольшая комната или ее часть, где он трудился с утра до вечера, когда был дома. В моем раннем детстве мы некоторое время снимали комнаты в Москве и в Подмосковье, так как прописаны были в густонаселенной коммуналке на Большой Спасской и отдельную комнату (тоже в коммуналке) получили не сразу. Папа любит книги, собрал свою хорошую библиотеку, благодаря которой и мы спаслись от «улицы», проводя свободное от учебы время в чтении порознь и всей семьей, — читали вслух христианскую по содержанию классику. Это был дополнительный метод воспитания и образования, исподволь нам привили навыки грамотной речи. Любовь к книгам унаследовали и мы.

Из написанного им, что можно было, папа публиковал. Но многое по понятным причинам в советское время не увидело свет — стояло на полках в машинописном или даже — в рукописном виде. Сейчас эти труды публикуются. В настоящее время папа — достаточно пожилой человек, но не оставляет своей педагогической работы — преподает уже 54 года, работает с полной отдачей, пишет и публикует новые книги и статьи. Для меня это пример отношения к жизни, к работе. Данное качество у отца семейное. Все родственники по папиной линии (родом он из Белоруссии) — трудолюбивые верующие люди.

Мама моя тоже много трудилась. Она была художником-графиком светского издательства, выполняя свою работу на дому. Одновременно она следила за всеми нами — мною, братом и сестрой и ни в какие детские советские учреждения нас не отдавала — сама воспитывала по-христиански. Работая в государственном учреждении, мама была и официальным представителем нашей семьи во всех светских инстанциях: папа, как церковный работник, не вызывал симпатии у советских чиновников — они, как люди «передовые», борющиеся с религией как «пережитком прошлого», да и своего партийного начальства боящиеся, «попам» старались «дать отпор». Так что примеров «социалистической законности» и «прав человека» я с детства имел предостаточно.

Уважительное отношение к труду в значительной степени воспитано примером родителей, бабушек, дедушек. Моя бабушка по материнской линии, Елена Владимировна Апушкина, была хорошим, добрым человеком, ее все любили, она прожила почти весь трагический и величественный подвигами людей XX век (1901–1999). Она была духовной дочерью святого праведного Алексия Мечева, потом — священномученика Сергия Мечева, была репрессирована как активный член общины, а потом «со статьей» могла работать лишь вне штата. В церковном самиздате ходило несколько составленных и написанных ею книг — многие сейчас опубликованы. Она составила в советское время и сама распространяла, перепечатывая на машинке, объемную книгу «Пастырь добрый» — об отце Алексие Мечеве, выдержавшую в последнее десятилетие несколько изданий. Впервые издана она была, когда бабушка была уже совсем слепая, но благодаря прекрасной памяти она помогла комментировать издание. Она прекрасно знала церковный Устав, общалась со священноисповедником Афанасием (Сахаровым), епископом Ковровским, научила множество людей православному богослужению и хорошему чтению на церковнославянском языке — ее уроки я использую на занятиях со взрослыми в нашей воскресной церковноприходской школе для взрослых.

В период папиного иподиаконства — до кончины святейшего патриарха Алексия I — он часто брал меня с собой на службу в Богоявленский Елоховский собор, где совершались молитвенные и торжественные богослужения, воспоминания о которых у меня живы и по прошествии многих десятилетий. Там же была совершена моя диаконская и священническая хиротония.

Но чаще всего мы ходили в храм Святого пророка Божия Илии, что в Обыденском переулке. Сюда ходили моя прабабушка, бабушка, мама. Сюда с детства ходили и мы. Здесь на протяжении всего периода гонений всегда были опытнейшие пастыри-духовники — протоиерей Виталий Лукашевич, протоиерей Александр Толгский, протоиерей Николай Тихомиров, протоиерей Владимир Смирнов, протоиерей Александр Егоров и другие.

Богослужение в день памяти священномученика Илариона

Когда мама была еще юной девушкой, моя бабушка привела ее к тогда начавшему служить у нас в храме отцу Александру Егорову, еще очень молодому, но уже много пережившему и происходившему из семьи, пострадавшей в годы репрессий за свою преданность вере и Церкви. А когда в 1966 году мне исполнилось 7 лет и мне надо было уже исповедоваться, родители подвели меня к отцу Александру Егорову, тогда уже опытному священнику, прослужившему в нашем храме полтора десятка очень нелегких лет. Так я и остался у отца Александра до его кончины (†5.03.2000), а сейчас поминаю его в нашем Обыденском храме, где он меня крестил, окормлял, венчал, рекомендовал к посвящению в священный сан и где несколько последних лет его я имел возможность служить и трудиться вместе с ним на Ниве Христовой. Отец Александр Егоров также благословлял меня учиться в светском вузе и духовных школах. Он же поддерживал меня в избегании комсомола.

– А как сложился ваш жизненный путь? Что было, когда вы окончили среднюю школу?

– В то время, когда я учился в школе, а это были 60-е и 70-е годы, верующему человеку, не комсомольцу, сыну работника церковных структур, поступить в высшую школу на гуманитарную специальность реально было невозможно. Эти области были исключительно политизированы. Из вузовского образования я мог надеяться на получение только естественно-научного или технического. Поэтому в школе я хорошо учился по физико-математическим предметам, занимался на разных курсах, успешно участвовал в олимпиадах разного уровня. Но на физфак МГУ меня не приняли — у работников приемной комиссии менялось выражение лица, когда они знакомились с моими анкетными данными. Дополнительные трудности неожиданно появились перед самыми экзаменами — перед письменным экзаменом меня с утра до вечера заставили ждать у кабинета секретаря приемной комиссии, сказав, что экзаменационный лист я получу лишь после этого. Сподобившись наконец вечерней беседы с плечистыми парнями в серых пиджаках, я еще раз узнал о «великом значении» комсомола в изучении всех наук, но долгожданный пропуск на экзамен получил. Письменный экзамен я успешно преодолел, но на устном меня отсеяли. Одновременно с этим устным экзаменом закончился прием документов и в МИФИ, куда я ходил на подготовительные курсы, и мне осталась последняя возможность поступать в другие вузы в августе. Так получилось, что пока я решал, куда пытаться поступать, времени уже до конца июля почти не оставалось, и я подал заявление в Московский институт электронного машиностроения (ныне — электроники и математики) на факультет прикладной

математики в предпоследний день, когда приемной комиссии некогда было заниматься исследованием моих документов, которые я, наученный горьким опытом, написал более лаконично и с использованием церковных аббревиатур, которые тогда мало кто знал. Вузы тогда боролись за повышение конкурса и не спешили делать доэкзаменационный отсев. Вместе с документами сдал я и свою медицинскую справку из районной поликлиники, где особо не разбирались, просто везде писали: «Здоров». А на глазах у меня были очки. И врач, который сидел в комиссии, говорит: «Как же так, у тебя же очки, хотя написано, что стопроцентное зрение». И меня отправили в поликлинику переоформлять справку. Я успел все оформить только в самый последний день, и наконец у меня приняли все документы. И в итоге я вовремя получил экзаменационный лист, успешно сдал экзамены, поступил и стал учиться. Но, конечно, мной постоянно интересовались соответствующие инстанции. На протяжении всего обучения меня пытались принять в комсомол, но, по милости Божией, я этого избежал.

– В то время вы не хотели поступить в семинарию?

– Я знал тогда, что это дело сложное и ответственное. Видел, какому давлению подвергаются священнослужители, поскольку я вырос в церковной среде. Я понимал, насколько нужно быть мудрым и в то же время сильным. Жизненного опыта у меня тогда было мало. Между тем я осознавал: служителям Церкви просто необходимо светское образование, так как они вынуждались своими прихожанами к оценке каких-то злободневных событий, хотя бы в приватных беседах. В пользу получения светского образования говорили советы и примеры конкретных знакомых мне деятельных священников, а также каноны Церкви, которые, допуская исключительные случаи, настаивают на посвящении в сан диакона не ранее 25 лет, а во иерея — не ранее 30 лет, а до этого времени человек должен приобретать жизненный опыт и утверждаться в избранном пути. Кроме того, социальная ситуация тогда была принципиально иной: это сейчас человек, окончивший семинарию, академию, может учиться в светских вузах. Раньше это было невозможно, и если ты еще не женат и не готов потому к посвящению, то на светскую работу не возьмут, как религиозного пропагандиста, а свободных «штатных» мест для трудов в церкви было мало. А не работать тоже было нельзя — действовал закон о тунеядстве, грозивший высылкой.

– А что вы делали после окончания вуза?

– После окончания института меня по распределению направили на работу в Институт точной механики и вычислительной техники Академии наук СССР им. С.А.Лебедева. Здесь я должен был по закону отработать в обязательном порядке три года — как компенсация «народному государству» за бесплатное образование. Институт занимался разработкой вычислительной техники для научно-исследовательских, промышленных и оборонных целей. Институт был старый, известный, тогда это было головное учреждение в отрасли. Там было много активно работающих, грамотных людей, в этом отношении мне повезло. Начальник моей лаборатории (впоследствии — отделения) А.А.Соколов был беспартийным, несмотря на то, что был начальником самостоятельного подразделения мощного института, главным конструктором многих выдающихся разработок, дважды

лауреатом Государственной премии СССР. Беспартийными были и многие ведущие разработчики, но мало кто из них были людьми религиозными. В коллективе работали несколько верующих людей, но это выяснилось лишь впоследствии. Многие из моих сотрудников со временем стали лучше к Церкви относиться. Еще раз повторю: там много работали, разрабатывали и воплощали в жизнь передовую отечественную вычислительную технику. Например, нами была сделана самая мощная из реально действовавших супер-ЭВМ отечественной (полностью!) разработки и производства — вычислительная система «Эльбрус 3-1» на базе модульных конвейерных процессоров (МКП). К сожалению, в перестройку она была сделана небольшой серией из пяти экземпляров. Мы долго берегли последний, пятый экземпляр, понимая его уникальность, — и передали его в Политехнический музей, где он сейчас и находится, оставаясь (увы для России, лишившейся своего былого научно-технического потенциала!) по-прежнему последней действующей супер-ЭВМ отечественной разработки и производства.

В ИТМиВТ я проработал более двадцати лет, начав еще лаборантом в студенческие годы и пройдя всю должностную лестницу до начальника Отдела программирования систем параллельной обработки.

– Получается, ваше активное церковное служение началось с момента крушения советской власти?

– Действительно активным церковное служение может быть тогда, когда вся жизнь человека подчинена участию в церковном делании и фактически это деятельность церковных работников. Ей предшествует деятельность на благо прихода, несение послушаний при храме, которые могут перерасти в активную деятельность. По благословению отца Александра Егорова и настоятеля вместе с группой приходской молодежи летом 1980 года я принимал участие в ремонте нашего храма на общественных началах. Впоследствии у меня, как у сотрудника НИИ, был свободный график, и я мог принимать участие в различных делах прихода и выполнять послушания отца Александра. Это были не только собственно приходские дела. В 1983 году Михаил Иванович Макаров, тогда последний звонарь Данилова монастыря, через наших семейных знакомых пригласил меня туда с друзьями. Там мы трудились по выходным дням, освобождая и вычищая территорию этой древней обители, ставшей колонией для малолетних преступников — помню их бритоголовые отряды, марширующие по монастырю. Трудно поверить, что в Троицком соборе в алтаре были туалеты, а в центральной части — спортзал, что храм был поделен на этажи. В относительно хорошем состоянии была церковь Семи Вселенских Соборов, там трудились реставраторы. Были и другие послушания. И вот наступил 1989 год, когда состоялся Архиерейский Собор, где были приняты определения об интенсификации приходской жизни в связи с изменившимися историческими условиями. В частности, было решено возрождать воскресные школы и библиотеки, и мы на нашем приходе создали такую библиотеку. Нам выделили маленькое помещение, метра три квадратных — кладовочка. Так началась библиотека, которая сейчас насчитывает около двадцати тысяч единиц хранения, собранных нами за эти годы. Библиотека всегда работала на общественных началах — трудившиеся в ней не получали от храма за свой труд вознаграждения — это был наш вклад и трудом, и собственными книгами в общее дело духовного просвещения, а затем и образования. Библиотека стала своеобразным духовно-просветительным и молодежным центром. Эту нашу комнатку посещал даже святейший патриарх Алексий II (†05.12.2008). В 1994 году библиотеке выделили новое помещение в подвале храма. До лета 2008 года библиотека неопустительно еженедельно обслуживала читателей (которых записалось 1400), а затем, прервав свою деятельность по причине ремонта на два месяца, так и не смогла по сию пору (уже год) возобновить ее по независящим от библиотекарей обстоятельствам. К сожалению, сейчас библиотека складирована в сыром неотапливаемом помещении, не приспособленном для круглогодичного хранения книг, пережив перепады температуры и влажности осени и весны. Боюсь, что собранное нашим трудом и средствами огромное духовное богатство погибнет.

Собственно с библиотеки и началось мое активное церковное служение. Я очень много свободного времени (практически все) посвящал ей, так и не закончив свою диссертацию

по разработанным мной подсистемам программного обеспечения МКП.

В 1992 году я женился, и отец Александр стал настойчиво призывать меня к служению в Церкви, привлек меня в храм еще в качестве чтеца. С 1991 года я уже получал духовное образование. Постепенно я завершал свои научные и практические работы в Институте, стараясь не брать новых, чтобы никого не подводить, да и времени чтобы на учебу и служение в храме оставалось больше. Так мое церковное служение перешло в активную фазу, которая, надеюсь на милость Божию, еще будет продолжаться.

– Вы с детства являетесь прихожанином храма Илии Обыденного. Там вы сейчас совершаете свое пастырское служение.

– По милости Божией, я был крещен именно в этом храме. О церковноприходской библиотеке я уже говорил. После библиотеки у нас образовалась воскресная школа — одна из первых в Москве. И я начал там преподавать. Сначала учил детей. Затем меня рукоположили во диакона, через 2 года — во священника. И сейчас уже 13 лет я преподаю для взрослых. Занимаюсь социальной деятельностью, стараюсь привлекать к церкви детей из соседних школ. Свою научную работу я также посвятил истории храма — роюсь в архиве, публикую результаты.

– У вас очень большая семья. Расскажите о ней, пожалуйста.

– Моей женой стала прихожанка нашего храма — Ольга Николаевна. Она биолог, была духовной дочерью и моего духовника — о. Александра. Мы жили на одной ветке метро, как-то, возвращаясь домой, разговорились. Потом мы вместе участвовали в организации уже упомянутой воскресной школы, в иных послушаниях. Узнали, что у нас много общих знакомых, поскольку ее тетушка знала многих людей из церковного круга... То, что Господь даровал нам семерых детей, большое счастье. По современным меркам мы действительно многодетные, но в Традиционной гимназии, где учатся наши старшие дети, есть семьи, в которых воспитывается по одиннадцать-двенадцать ребятишек. Многочадие, конечно, радует, особенно когда дети хорошо себя ведут, делают успехи — в меру талантов, которые Господь им даровал. Есть, конечно, и проблемы. Самая главная — жилищная. Перспектив на увеличение площади у нас нет. Еще: основная статья наших семейных расходов сейчас — это учеба детей... Но с голоду, конечно, не умираем — слава Богу! Дети у нас, конечно, ходят регулярно в храм, по праздничным, воскресным дням — и старшие и младшие. Старшему сыну исполнилось пятнадцать лет — сложный возраст. Но от Церкви он не отходит — слава Богу. Вот это настоящая радость в настоящее время!

– Какие бы советы вы дали молодым людям, стремящимся создать семью?

– Не надо торопиться: когда очень торопятся, то бывают и проблемы. Должен пройти минимум год. Молодому человеку нужно серьезно ко всему относиться, и если он ухаживает за какой-то девушкой, то только за ней единственной, «запасных вариантов» не должно быть, надо, чтобы все было искренно и честно. Для знакомства нужно личное общение, но в людных местах: паломничества, музеи, приличные театры. В походы в этом случае надо ходить компанией, чтобы не было искушений и кривотолков. Потом происходит представление родителям. И каждая семья при благоприятных обстоятельствах начинает привыкать к своему потенциальному новому члену. Смотрят на все: и на внутреннее и на внешнее. И это хорошо, так как юноша и девушка влюблены и не допускают критических замечаний. А родственники всё оценивают трезво. Еще: жених и невеста должны по-настоящему, без притворства постараться понравиться членам новой семьи, с которой они хотят породниться. Если это происходит, то и родственники становятся своеобразным объединяющим началом, ускорителем брачного процесса и дополнительной скрепой будущего союза. Тогда самое время и жениться. Если все эти этапы успешно пройдены, то в будущей семье не будет серьезных конфликтов, поскольку все друг друга любят и понимают. Все — не только муж с женой, но и их родственники.

– Какой должна быть жена священника?

– Главное, чтобы семья была крепкой, христианской. Все остальное вторично, потому что способности матушки, ее таланты, образование могут быть и не востребованы в той форме, как ей и ее жениху думалось до свадьбы. И эта способность пожертвовать собой и своей несостоявшейся «самореализацией» в каких-либо эффектных внешних делах для вспомогательного

соучастия в деле своего мужа и является верным признаком настоящей матушки, как, впрочем, и любой женщины-христианки, желающей создать семью. Ведь способность к жертве — верный признак любящего и доброго сердца.

– Батюшка, расскажите теперь о своем духовном образовании.

– Работая в библиотеке при храме, я читал много душеполезной литературы, да и дома у нас был собран солидный книжный фонд. Но все это было бессистемно. И я ощутил, что мне нужна система. Мой папа рекомендовал мне поступать в семинарию, а тут как раз открылись богословские курсы, из которых потом вырос Свято-Тихоновский институт. Поскольку шансы поступить в начале 1991 года (это еще был «идеологически полноценный» СССР) сотруднику АН СССР в духовную школу были не очень велики (ситуация во власти была еще неясной), я взял и поступил в оба учебных заведения. ПСТБИ я окончил раньше, а семинарию, экстерном, — несколько позже. Потом поступил в МДА. Взял тему, связанную с нашим приходом, и до сих пор продолжаю над ней работать. Но, к сожалению, за недостатком свободного времени, мое исследование продвигается не слишком быстро. Хотя ряд статей по истории нашего храма я опубликовал, работал для этого в разных архивах.

– Отец Николай, когда состоялись ваши хиротонии?

– Диаконская хиротония состоялась 10 марта 1996 года. Меня, по благословению святейшего патриарха Алексия II, рукоположил Высокопреосвященнейший Иов, ныне митрополит Челябинский и Златоустовский. А во священника меня хиротонисал святейший патриарх Алексий II, Царствие ему Небесное, 8 марта 1998 года, в Неделю Торжества Православия.

– А как вы стали преподавать в Сретенской духовной семинарии?

– По милости Божией. Администрация Сретенского высшего православного училища, как тогда именовалась Сретенская семинария, обратилась к моему отцу с просьбой преподавать катехизис. Он переадресовал их ко мне (я тогда уже окончил ПСТБИ, МДС, учился в МДА). И я, несколько робея, хотя у меня был опыт преподавания и по моей светской специальности,

и в воскресной школе, приступил к занятиям. Надеюсь, студенты-сретенцы выходят в жизнь с некоторыми знаниями катехизиса, социального учения нашей Церкви, с навыками научной работы и корректного написания сочинений.

– Вы преподавали в семинарии, когда ее проректором был отец Амвросий — ныне епископ Гатчинский, ректор Санкт-Петербургских духовных школ. Что вы можете рассказать о нем?

– Он был достаточно строгий проректор, но заботящийся об учебном процессе, о дисциплине и быте студентов. И он всегда в конфликтной ситуации выслушивал разные стороны и старался их понять.

– Есть ли у вас как у преподавателя катехизиса собственные оригинальные наработки?

– Мои наработки, может, и не очень нравятся студентам, но я стараюсь часто устраивать небольшие десятиминутные письменные опросы, которые не позволяют семинаристам расслабляться и способствуют лучшему усвоению материала, — особенно первой части катехизиса, посвященной христианской вере.

– Катехизис — предмет, довольно сложный для усвоения. Как еще вы побуждаете студентов к учебной активности?

– Конечно, на студентах лежит большая нагрузка не только по моему предмету, но и по остальным. К тому же есть сочинения, послушания, службы. Но я отвечаю за то, чтобы они что-то усвоили, чтобы из них получились грамотные люди, знающие основы веры. Кроме того, убежден: семинаристы должны уметь применять свои знания на практике. Для решения прикладных задач я использую, среди прочих, такой прием: когда я вижу, что студенты устали, я предлагаю им некоторые вопросы на сообразительность, на внимание, на применение для разрешения поставленного вопроса только что услышанного материала. И тем, кто отвечает правильно, ставлю дополнительные хорошие оценки.

– Отец Николай, каково, по-вашему, место катехизиса в системе предметов, преподаваемых в семинарии?

– Катехизис играет очень большую роль, роль не столько научную, сколько образовательную. Данная дисциплина позволяет закрепить в

С выпускниками 2008 года

сознании студентов, пришедших в семинарию из мира, возможно из абсолютно светских семей, основные богословские понятия. Катехизис — очень важный пропедевтический предмет. Почему? Потому что все темы, которые я рассматриваю в своем курсе, раскрываются с большей полнотой в рамках других предметов: в пастырском, догматическом, нравственном, сравнительном богословии. Но катехизис — начальный курс, базовый, он необходим для каждого студента, поскольку является, выражаясь языком математики, приведением семинаристов к общему знаменателю. Успешно освоив преподаваемую мною дисциплину, учащиеся будут лучше ориентироваться в других предметах, будут лучше их запоминать. Катехизические основы позволяют человеку расширять свои знания постепенно и являются тем незаметным фундаментом и несущими конструкциями, вокруг которых возникают прекрасные чертоги православного богословия.

– Отец Николай, каковы особенности проведения экзамена по катехизису?

– Есть круг основных понятий и положений, определений, некий необходимый минимум — без этого просто нельзя. Повторю еще раз: главное для меня — знание катехизиса должно быть не только прочным, но и активным и не ограничиваться вопросами и ответами, предложенными в книгах. Я считаю, что есть, условно говоря, две системы контроля за знаниями. В первом случае студент учится в течение семестра, а потом зачеты, экзамены идут шквалом, во втором — имеет возможность как следует повторить весь курс по каждому предмету, если между экзаменами несколько дней. Оба варианта имеют свои плюсы и минусы. Думаю, их надо синтезировать. То есть можно устроить шквальную систему зачетов (чтобы студенты лучше работали в течение года), но на экзамены отводить больше времени. Потом дать еще студентам время на подготовку. Что касается шпаргалок, то когда студент их пишет, это, в общем, неплохо: идет проработка материала, работают другие разделы мозга. Плохо, когда шпаргалками пользуются. Подчеркну еще раз: я стараюсь, чтобы в памяти студентов оставались прочные знания. Я присутствовал на экзаменах у старших курсов: те, кто у меня хорошо учился по катехизису, постоянно его вспоминают, этот базис им зачастую помогает.

– А что вы можете сказать о системе богословских дисциплин в целом? Возможно, она нуждается в какой-то корректировке?

– Знаете, я не сторонник необдуманных нововведений, тем более без длительных всесторонних обсуждений всеми заинтересованными сторонами. Хотя у меня есть небольшой дополнительный курс — «Практические вопросы научно-исследовательской деятельности». В его рамках студенты учатся писать научные работы, оформлять их, готовить к публикации. Думаю, эту дисциплину можно было бы расширить. Наверное, неплохо было бы ввести такую практику: при поступлении семинарист получает сборник всех программ — от первого до пятого курса. Это сразу даст ему необходимые ориентиры. К каждой программе должен прикладываться список рекомендуемой литературы. И воспитанник семинарии может собирать свою собственную библиотеку, которая будет полезна ему в дальнейшем.

– Можете ли вы сравнить воспитанников Сретенской семинарии со студентами других учебных духовных заведений?

– Безусловный плюс сретенцев — это стационарное обучение и проживание. Семинаристы погружены в монастырскую жизнь со всеми ее хлопотами, проблемами. Очень важно, что они постоянно включены в богослужебную жизнь. Еще: семинария — маленькая. И это хорошо. Поскольку каждый студент виден всем, все знают друг друга. И конечно, огромную роль играет широкая забота ректора Сретенской семинарии — архимандрита Тихона (Шевкунова) и его помощников. Благодаря его стараниям созданы хорошие условия проживания, отдыха студентов. Администрация духовной школы много сил прикладывает для привлечения к сотрудничеству лучших преподавателей светских и духовных учебных заведений Москвы. Не могу не сказать и следующее: я ведь преподаю на первом курсе. И конечно, к пятому курсу семинаристы становятся совершенно другими — серьезными и грамотными ребятами. И эти позитивные изменения очень радуют.

– Батюшка, вы являетесь ученым секретарем Сретенской духовной семинарии. Каков круг ваших обязанностей?

– Это послушание возложил на меня отец ректор в конце 2004 года. Мне бы очень хотелось, чтобы моя работа как можно более

результативно повлияла на научную и учебную деятельность нашей семинарии. Основная наша задача сейчас — повысить уровень письменных работ: семестровых сочинений, курсовых и дипломных. И успехи уже есть. Наши студенты пишут неплохие работы и могут их помещать на Интернет-сайте, в печатных изданиях. Такие примеры очень вдохновляют студентов. Выступаем мы и за совершенствование научного аппарата студенческих исследований, используем новейшие ГОСТы. Это не очень простая задача, так как подразумевает большой объем информации, которая черпается из специфических нормативных документов.

– Батюшка, а какие дипломные, курсовые работы вам запомнились более всего?

– Я, конечно, не все работы могу прочитать — объем их слишком велик. Но некоторые работы я читаю. Мне понравилось дипломное сочинение Алексея Жамкова — лучшее из выпуска 2006/2007 года. Оно основано на архивных источниках. Недаром она потом опубликована в «Вестнике церковной истории», но, к сожалению, без ссылки на СДС (как это требуется), где она была сделана. Важным фактором качества выпускных работ является, на мой взгляд, то, что им руководят известные ученые, которые сами ведут активную научно-исследовательскую деятельность. Естественно, они пробуждают интерес к ней у своих воспитанников, рассказывают о последних достижениях в научно-богословской и церковно-исторической областях. В то же время у нас есть другой контингент преподавателей. Это опытные священнослужители, пастыри, в которых мы и студенты видим примеры христианского пастырского служения. И это чрезвычайно поучительно.

– Что вы скажете о новом учебном плане, по которому увеличивается число письменных работ для учащихся семинарии?

– Проблема написания сочинений — это общая проблема нашего российского среднего образования. В старой школе, где я учился, нас учили писать сочинения и рефераты. Было непросто, потому что нужно было заниматься самостоятельной исследовательской работой. То есть писать какие-то работы, учиться излагать свои мысли — это неплохо. Еще один момент: хотя мы и говорим сейчас о всеобщей компьютерной грамотности, но это скорее идеал, нежели реальность. Следовательно, работая над сочинениями, учащиеся овладевают компьютерными азами. Но ведь бывает и так: студенты, к несчастью — за неимением времени, запросто скачивают фрагменты сочинения из Интернета, что затрудняет преподавателю определение авторства работы. Иными словами, оценить увеличение количества письменных работ однозначно я не могу. Думаю, надо просто постепенно решать возникающие вопросы, и когда уже все меры будут исчерпаны и исследованы — принимать коллегиальные решения.

– Как выпускнику семинарии правильно определить свое место после окончания духовной школы? Может он сам понять, есть ли у него призвание к пастырскому служению?

— Рекомендации универсального характера дать трудно. Я могу пожелать выпускникам духовных школ, чтобы они старались решить этот вопрос и молились Богу о его решении. Убежден, человек сам должен решить, принимать ему сан или нет. С одной стороны, он должен быть внутренне к этому готов. Он должен помнить, что он идет на жертвенное служение Богу. Если это желание крепкое, ему поможет духовник, настоятель, ректор, правящий архиерей. Все решится, но надо помнить: человек выходит на служение.

– Может ли человек уклоняться от своего пастырского призвания?

– Помните, ведь многие святители не сразу принимали священство. Они, может быть, его и желали, но понимали ответственность и свое недостоинство. Но ответ заложен в вашем вопросе — как можно уклониться от «своего пастырского призвания»?

– Отец Николай, что вы можете пожелать учащимся Сретенской духовной семинарии в связи с ее приближающимся юбилеем?

– Желаю, чтобы наши учащиеся и выпускники снисходительно относились к ошибкам других людей. Очень хочу, чтобы, даже по окончании семинарии, они не уставали учиться и продолжали церковное служение — на всех его поприщах. Со своей стороны готов принять экзамен у тех, кто захочет повысить оценку по катехизису, — пусть для студента это будет более хороший диплом, а для преподавателя — бóльшая уверенность в итоговой подготовке его студента.

«Если человек учился в духовной школе, он обязан приносить пользу Церкви»

Доцент Олег Викторович Стародубцев

Олег Викторович, расскажите, пожалуйста, о том, где вы учились.

– Я родился и вырос в городе Кирове, там и окончил школу. Получил достаточно хорошее по тем временам образование, окончив художественное училище с «красным» дипломом. В свое время я даже был рекомендован для поступления в Государственный художественный институт имени В.И. Сурикова в Москве. В 1989–1991 годах служил в армии. А затем начинается новый этап в моей жизни.

Еще до армии меня пригласили в Кировскую художественную школу, где я начал свое преподавание. Мне была выделена творческая мастерская, там я мог бы заниматься живописью. Но, пройдя определенный армейский путь, я не вернулся в художественную школу, хотя меня ждали и у меня складывались достаточно хорошие отношения с коллективом, с ребятами. Я устроился разнорабочим в кафедральный собор города Кирова, а тогда в соборе мне не могли даже трудовой книжки оформить. Со временем меня перевели на должность реставратора. Так трудился два года.

Постепенно открывались новые храмы, многое в них надо было воссоздавать. Получил реставраторскую категорию. Параллельно нес иподиаконское послушание у архиепископа. А в 1993 году я поступил в Московскую духовную семинарию, которую окончил в 1997-м. В 2001 году завершилось мое обучение в Московской духовной академии. Ее я окончил со степенью кандидата богословия, работа была защищена на кафедре библейской археологии по теме «Русское церковное искусство с X по XVI века». В том же году тогдашний проректор Сретенского высшего православного училища иеромонах Амвросий (Ермаков) — сейчас епископ Гатчинский, ректор Санкт-Петербургских духовных школ — пригласил меня читать лекции по церковному искусству в училище. Кроме того, я преподаю в МДАиС — в регентской школе, а также в Лингвистическом университете на кафедре теологии. Таким образом,

я восемь лет сотрудничаю со Сретенской духовной школой и пять лет являюсь здесь заведующим кафедрой церковной истории.

– А как вспоминается вам ваша учеба в Московских духовных школах?

– Разумеется, вспоминаю семинарию, где учился, самыми добрыми словами. Потому что это была единая, добрая, цельная семья. Училось нас очень много — тогда были большие наборы. Нас в первый класс приняли почти 120 человек. Жили очень и очень тесно, но при этом были замечательные взаимоотношения. Наш преподаватель по истории Русской Православной Церкви, удивляясь, говорил: «Я еще не успел задать вопрос и вызвать студента к доске, а со всех сторон уже сыплются подсказки». Такое вот было единение. И его я могу оценить только положительно, поскольку я прошел армейскую подготовку и было с чем сравнивать. В любой ситуации чувствовалась поддержка товарищей: если пропустишь лекцию, всегда давали конспект, помогали подсказкой; заменяли на послушаниях. При этом ребята были очень яркие, активные. У нас не было огульного веселья, но были нормальные живые радости, присущие молодым людям. Я благодарен Богу за то, что прошел эту школу.

– Можете ли вы сравнить нынешнее положение (учебный, воспитательный процесс, научная работа и проч.) в семинариях с тогдашним?

– Очень важным моментом тогда было доброе отношение наставников и преподавателей к студентам. И знаете, нас обычно называли не студентами, а воспитанниками. Действительно, мы учились не только богословию, а истинным, христианским отношениям между людьми. И это было главным. Я могу вспомнить, дай Бог ему здоровья, отца Матфея (Мормыля) — это замечательный человек, кладезь, причем не только в плане церковного пения. Он читал нам лекции по Священному Писанию Нового Завета. Отец Матфей показывал нам пример благоговейного отношения к церковной службе. Константин Ефимович Скурат, непревзойденный знаток патрологии, взращивал в нас православные идеалы. Вспоминаю покойных профессоров, которые ушли в вечность. Это Иван Васильевич Воробьев, которого даже сравнивать не с кем; когда он ушел из жизни в прошлом году, закрылась последняя страница старой академии. Это был большой, добрый ребенок, который в каждом человеке видел исключительно лучшее. И такое видение могло научать только хорошему. Покойный доцент Иван Александрович Глухов — замечательный преподаватель. Как же нам тяжело было учить его предмет — катехизис! Днем и ночью мы зубрили цитаты. За восемь лет обучения я получил единственную двойку — именно по катехизису. Но так Господь судил, что Иван

Александрович заложил в меня такую любовь к этой дисциплине, что из всех предметов, которые я сейчас преподаю, самым любимым является катехизис. Это основа основ, в нем есть все: история, богословие, догматика, литургика. Что касается Сретенской семинарии, то это молодая духовная школа, которая взяла от Московской самое главное — доброе отношение к людям. Потому что никакие богословские и гуманитарные знания, пусть даже самые твердые, никогда к Богу не приблизят, если человек будет расти без любви. Пастырское попечение, человеческая, семейная забота просто необходимы. Без них невозможно.

– Расскажите о том, как начиналось ваше преподавание в Сретенской духовной школе.

– Начиналась семинария с малого количества студентов — в основном из братии. И эта идея очень правильная. Я с особой любовью вспоминаю из первого выпуска иеромонаха Клеопу (Данеляна): если его на лекции нет, значит, праздника не будет. Потому что он со своей детской непосредственностью, простотой всегда умел внести такую остроту, живость, которая дороже всего. Конечно, Сретенская школа развивается, причем очень активно. И мне приятно, что сейчас вместе со мной работают те, кого я когда-то учил. Наши выпускники занимают и административные посты. И это тоже отрадно, поскольку духовная школа стала приносить свои плоды — и плоды достаточно убедительные. Плоды сильной семинарии. Но сила ее, повторюсь, не в одних только знаниях, а в доброй, семейной обстановке, которая неизменно сохраняется, несмотря на заметное расширение Сретенской духовной школы.

– И все же изменилась ли Сретенская духовная семинария?

– Отвечу, может быть, парадоксально: ничего не изменилось — в самом лучшем смысле. Изначально заложена верная основа, и никаких коренных переломов и неудачных решений не было. Никто никогда не ставил здесь экспериментов. Я видел, что администрация семинарии, столкнувшись с необходимостью реформирования, создания новых учебных программ, очень аккуратно шла по прямому пути. Где есть искренняя любовь, внутреннее взаимопонимание и гармония — там все стабильно. Приснопамятный патриарх Алексий II на одном из епархиальных собраний назвал Сретенскую семинарию лучшей. Значит, она достойна такой оценки. Значит, ректор — архимандрит Тихон (Шевкунов), администрация, профессорско-преподавательская корпорация, монастырская братия, технический персонал смогли создать полноценное духовное учебное заведение. И это нужно ценить и приумножать.

– Сейчас действует большое число епархиальных семинарий, училищ, курсов, институтов. Каково место Сретенской духовной семинарии в разветвленной системе богословского образования?

– На мой взгляд, духовные школы должны готовить будущих пастырей. К сожалению, сейчас богословских учебных заведений открыто столько, что их выпускники оказываются невостребованными и вынуждены переквалифицироваться. Так, к сожалению, Церковь теряет талантливых, толковых специалистов. Поэтому я считаю, что должны остаться сильнейшие семинарии (Московская, Санкт-Петербургская, Сретенская, Ставропольская и некоторые другие). И они подготовят действительно необходимое число достойных специалистов. Да, это будет жесткий отбор — как было, когда мы поступали по конкурсу четыре-пять человек на место. Но абитуриент будет точно знать, куда и зачем он идет учиться. В свою очередь, духовные учебные заведения несут ответственность за воспитание из своих студентов хороших пастырей. Это первая и единственная задача семинарий. Есть сейчас светские вузы, которые имеют кафедры теологии. Например, в Московском лингвистическом университете. Там учатся замечательные ребята, но задачи стоят другие. Они готовятся стать дипломатами, переводчиками, которые будут сотрудничать с церковными структурами. И семинарии не должны стремиться заменить эти вузы, которые выдают дипломы государственного образца. Если человек учился в духовной школе, он обязан приносить пользу Церкви, ведь он готовился стать священнослужителем. Это внутренняя суть семинарий, и ее ни в коем случае нельзя растратить!

– Олег Викторович, видите ли вы какие-то отличия нашей семинарии от других?

– Отличий я никаких не вижу — различия только в названиях. Если у кого-то возникают вопросы, то, как сказано в Библии, «по делам их узнаете их». Придите и посмотрите — вот и

всё. Я любого человека, который испытывает интерес к сравнениям, попросил бы именно это сделать. Как говорится, всяк кулик свое болото хвалит, а лучше прийти и на месте все понять и увидеть.

– Не могли бы вы подробнее рассказать о преподаваемых вами дисциплинах?

– Я уже частично ответил на этот вопрос. Я преподаю в МДС мой самый любимый предмет — катехизис. Там же мне приходится принимать экзамены на заочном секторе. Очень интересно мое сотрудничество с университетом лингвистики. Там к нам, теологам (нас так называют), отношение бережное. В нас видят хранителей старой русской культурной традиции. Это налагает большую ответственность. Работаю в Лингвистическом университете я уже не первый год, и мне постоянно предлагают читать новые дисциплины. Приходится быстренько перестраиваться, собирать материал, что-то повторять, чему-то учиться. Есть, конечно, предметы, которые я читаю без подготовки. Допустим, литургика. Ну не могу я ее читать с листа, потому что за годы своего пребывания в церковной ограде неплохо узнал богослужение. Хотя, конечно, в светском вузе я, предлагая материал в раскрытом виде, опускаю многие тонкости и нюансы, которые необходимы только семинаристам. Или, скажем, сектоведение. Крайне сложный предмет. Когда я стал его преподавать, был удивлен, с каким пониманием студенты задают вопросы. Я вижу непосредственную реакцию, значит, годы обучения в вузе прошли не зря, студенты неплохо разбираются в теологии, дают правильные оценки, трезво понимают ситуации. Кроме этого, читаю историю Русской Церкви, библеистику, каноническое право. В Сретенской семинарии преподаю библейскую историю, церковное искусство. Иными словами, предметный спектр у меня широкий. Я понимаю, что, например, для отцов-заочников МДАиС это не слишком хорошо: они приходят на очередной экзамен — и опять видят меня. Но что делать: для меня это тоже послушание, как и у любого человека, который находится в Церкви.

– Расскажите о том, как создавался ваш труд по церковному искусству.

– В определенный момент остро встал вопрос о том, что мы не имеем учебных пособий. Мы учились во времена, когда не было почти никаких книг. Я помню, когда мы были во 2-м классе семинарии, нам на всех выдавали шесть конспектов по догматике — причем машинописных. И я задумался, а не попробовать ли мне, с опорой на мое художественное образование, написать пособие по церковному искусству? Пребывая в академии, я начал собирать материалы по церковному искусству. Но к моменту выпуска этой работой никто не заинтересовался. И только тогда, когда я пришел в Сретенскую духовную школу, данный труд, дополненный и скорректированный, благодаря отцу Тихону был издан в кратчайший срок. Выпуск такой книги — великое благо для церковного образования. Почти сразу же после издания появилось много желающих покритиковать, и я с ними во многом согласен. Тираж разошелся по всем семинариям. Книгой пользуются и в светских высших учебных заведениях. Сейчас я накопил много искусствоведческого материала, связанного с Русской Православной Церковью Заграницей. Там своя культура, сохраненная множеством верующих, свои произведения искусства, огромное число артефактов, которые должны быть заключены в общецерковный круг. Думаю, я смогу опубликовать эту работу только при помощи Сретенского монастыря. Я очень рад, что отец наместник понимает исключительную важность подобных изданий.

– Как вы видите развитие науки о церковном искусстве? Насколько сейчас она разработана? Что можно сказать об осмыслении современными людьми древнерусской культуры? Понимаем ли мы ее, можем ли прочитать те мысли, которые вкладывали средневековые изографы в свои произведения?

– Вы задаете очень глубокий вопрос, и я бы переориентировал его на общую тему человека в современном обществе. Сейчас Святейший Патриарх Кирилл говорит о необходимости образования, понимания церковной жизни и, вместе с этим, внутреннего накапливания духовного опыта. Поэтому церковное искусство нужно изучать — и изучать очень серьезно, поскольку многие приходят к Богу именно через познание памятников храмовой культуры. Но здесь есть еще одна принципиальная проблема. Предмет церковного искусства чрезвычайно сложный, многоаспектный и даже противоречивый. И нельзя, как делали в советское время, изучать иконы в отрыве от истории,

богословия, церковной традиции, богослужения. Итоги таких исследований, несмотря на их безусловную значимость, все-таки поверхностны. Церковное искусство должно быть взаимосвязано с другими дисциплинами (искусствоведческими, богословскими, филологическими и прочими), а самое главное — с внутренним ростом человека. Убежден, только через постепенное внутреннее возрастание люди начнут подходить к адекватному пониманию сущности церковного искусства. Форма должна наполниться содержанием. Это приложимо и к духовному образованию. Ведь что сейчас происходит? Церковь получила свободу, открываются храмы, монастыри, семинарии, а внутренней наполненности, исчерпанности нет. Нет, потому что действительно объять необъятное сразу невозможно. Научиться постигать то, что собиралось веками, тысячелетиями, трудно. Покойный патриарх Алексий II говорил: «Духовность собирается годами». Современному человеку нужно не только видеть, а понимать древний образ, но и этого мало — надо еще и чувствовать его. А чтобы чувствовать, нужно быть глубоко верующим. А к Богу у каждого свой путь. «Да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного». Работы — непочатый край, но считаю, что современная церковная наука развивается позитивно и перспективно.

– Наверняка под вашим руководством в Сретенской школе писались курсовые работы…

– Да. Был Павел Сюсюкин, он писал работу по архитектуре, хорошее тогда получилось сочинение. Потом были работы по монастырям наших отцов экстернатчиков. Писал у меня курсовое сочинение иерей Александр Неплюев — по Сретенской обители. Я помню, когда я впервые попал на территорию монастыря, ничего не было — кроме храма. А сейчас смотрите, красота какая, с какой любовью все воссоздано за такое короткое время.

– Не так давно была закончена реставрация фресок собора Сретенского монастыря, по результатам которой выпущено научно-просветительское исследование. Вы знакомы с этим трудом?

– Я не успел детально ознакомиться с этой книгой. Но считаю, что одним из главных ее достоинств является богатое иллюстрирование. Фрески — это дар Божий. Удивительно: после того, что было сделано с храмом в разные эпохи, когда фрески переписывались масляными красками, которые уничтожают изображения, многое все же сохранилось. Вообще поражает, что в самом центре Москвы остался такой комплекс фресок. Это чудо! Соборные изображения уникальны. И восстановлены они с кропотливостью, вниманием и заботой. Хочу особо подчеркнуть, что к этому комплексу иконостаса и фресковой живописи собирается все убранство, появились хорос, дополнительные кивоты. Родилась цельная композиция, красота, гармония как неизбывное свойство Церкви.

– Олег Викторович, какие вы можете вспомнить интересные случаи, курьезы, связанные с семинаристами?

– Прежде всего, скажу: безусловно, студенты за эти годы были разные, но плохих не было никогда. И в этом смысле меня можно назвать счастливым преподавателем. Мне всегда хочется пожалеть студентов. Свое полусонное состояние они зачастую объясняют тем, что ночью писали сочинение. «По какому предмету?», — спрашиваю. Отвечают: «По вашему». По поводу письменных работ могу сказать следующее. Иногда студенты крайне путано формулируют свои мысли — до такой степени путано, что после нескольких прочтений обнаруживается совершенно противоположный смысл. Это немного удручает. Но и внушает надежду. Так как это сегодня ошибка, неловкость, скомканность, неумение раскрыться. А потом человек начинает излагать свои мысли все четче и четче, у него накапливается опыт. Он учится писать и говорить хорошо. Это значит, что человек работает. Данная ситуация нормальна, ведь духовная школа должна научить, и никто не требует на первичном этапе каких-то блестящих знаний, умений и навыков.

Могу сказать, что со сретенскими студентами скучать не приходится, они постоянно придумывают что-то новое. Работать с ними очень интересно.

«При всех искушениях не теряйте веры!»

Священник Александр Задорнов

Отец Александр, какое образование вы получили? Расскажите, пожалуйста, о ваших студенческих годах.

– До поступления в Московскую духовную семинарию я окончил философский факультет Латвийского университета. Я собирался поступать в семинарию, но митрополит Рижский и всея Латвии Александр (Кудряшов) благословил сначала окончить университет, а уже затем пойти в семинарию. Впоследствии светское образование мне очень пригодилось. Что же касается семинарии, то в ней мне не пришлось долго учиться. Семинарию я окончил за год. Учеба не была для меня особой проблемой. Специфичными были особенности семинарской учебы и условия проживания. Попав из светской системы образования в семинарскую, понимаешь, что здесь, при всей внешней регламентированности учебного процесса и внешней дисциплине, очень многое зависит от решений самого человека и его самоопределения. Внешняя обстановка на самом деле просто испытывает человека, насколько серьезно его намерение учиться в семинарии.

В академии же я учился на очном отделении – еще по старой четырехгодичной программе, когда не было разделения на направления, как сейчас. Была общая программа для всех курсов.

– Батюшка, как вы считаете, когда молодым людям лучше поступать в семинарию?

– Сейчас состав семинаристов очень изменился, поступающие в семинарию стали намного моложе, в основном это вчерашние школьники. В советские годы в семинарию старались не брать, если человек не отслужил в армии, и могли призвать с любого курса, так как отсрочки не было. А сейчас одна из наших главных проблем, проблема любой семинарии — это молодость, отсутствие жизненного опыта.

Скажем, в английской системе образования, да и вообще в европейской, после окончания школы перед поступлением в вуз принято проходить год волонтерства, когда выпускники год

работают в лагерях или при больницах. Создается буфер, промежуточные условия между получением среднего образования с проживанием в домашней обстановке и получением высшего образования, когда у молодых людей будет совершенно иная среда вне дома. Это делается именно для того, чтобы человек повзрослел за счет полученного опыта.

У нас же такого буфера нет, у нас сразу после получения аттестата о среднем образовании ребята попадают в систему духовного образования. К сожалению, в процессе преподавания возникают проблемы, когда понимаешь, что необходимо объяснять совершенно элементарные вещи, по-другому строить разговоры и лекции.

– Может, тогда стоит сначала сходить в армию, а затем поступить в семинарию?

– Армия — намного более жесткая школа, чем то же волонтерство студентов, но для некоторых армия все-таки была бы полезна, потому что человек, прошедший армию, не будет жаловаться на строгость семинарской дисциплины. От семинаристов, которые прошли армию, я никогда не слышал претензий по этому поводу.

– Кто вам особенно запомнился из преподавателей Московских духовных школ?

– Естественно, я назову те имена, которые важны именно для меня. Мне дороги те преподаватели, которые стараются передать свой опыт. Поскольку любая семинария, любое учебное заведение — это всегда традиция. И если традиция прерывается, то, конечно, это одна из самых главных проблем духовных учреждений. В Московских духовных школах есть люди, которые эту традицию сохраняют, и дай Бог им здоровья, чтобы и в дальнейшем сохраняли. Это Константин Ефимович Скурат, Владимир Дмитриевич Юдин и другие. Это те люди, которые никогда не жалеют времени для общения во время лекций, для того чтобы эту традицию людям передать. Традицию работы, традицию интереса к тому, чем ты занимаешься, чтобы не было той рутины, которая является самой страшной в научной и учебной работе.

– Чему была посвящена ваша кандидатская работа?

– Она отчасти была связана с предшествующим образованием. Диссертация называется «Религиозная философия и богословские взгляды Алексея Федоровича Лосева». Поскольку на философском факультете я защищал работу, посвященную рецепции русского платонизма, я, естественно, хотел эту тему

продолжить. Разумеется, освещая при этом прежде всего богословские проблемы творчества Алексея Федоровича, в частности имяславие, а также те аспекты, которые, несмотря на неослабевающий интерес к наследию величайшего философа, филолога и богослова, затрагиваются в малой степени. Например, его литературные произведения, которые далеко не всем известны. Но самую главную задачу для себя я видел в адекватной оценке роли Лосева в истории русской религиозной мысли.

– А когда вы начали преподавать в Сретенской духовной школе?

– Это было в 2003 году. Преподавал и преподаю основное богословие, нравственное богословие и историю русской религиозной мысли.

– Отец Александр, все ли предметы, преподаваемые в семинарии, на ваш взгляд, нужны для будущего пастыря?

– Для будущего пастыря важно быть образованным всесторонне. И знаете, я могу поддержать не удаление каких-то дисциплин, а, напротив, введение новых. Так, было бы неплохо прочитать единый курс, который можно условно назвать теорией современного мировоззрения. Я имею в виду не просто историю философии или ту ее часть, которая читается в рамках психологии и педагогики, а именно цельный, комплексный курс. Чтобы пастырь себе представлял, что его будущие прихожане, те люди, к которым он будет обращаться, требуют совершенно иного подхода, совершенно иной миссиологической стратегии, чем 20–30 лет назад.

Выпускник духовной школы должен хорошо разбираться в мировоззренческих особенностях современного человека, в его внешних и внутренних мотивах — реальных, а не теоретических.

Будущий пастырь должен уметь грамотно строить беседу со своими прихожанами. Один святой говорил по этому поводу: когда встречаешь человека, надо помолиться Богу, чтобы сказать собеседнику что-то для его пользы. Мы можем говорить человеку много — и ни одно слово он не воспримет. То есть мы будем говорить правильные слова, но все они будут проходить мимо его сердца. А можно сказать буквально два-три слова, и они упадут на добрую почву. Поэтому надо научиться тому, как это делать.

У нас все эти знания преподаются по частям, в контексте разных дисциплин, в том числе в нравственном и основном богословии. А такие важнейшие, принципиальные сведения, я уверен, должны быть системными, обобщенными.

Подобная дисциплина миссиологической направленности, на мой взгляд, чрезвычайно важна для семинаристов старших курсов, которые уже непосредственно готовятся к выпуску, к служению на приходах.

– Вы также сотрудничаете и с Московской духовной семинарией. Что отличает ее воспитанников от студентов Сретенской духовной школы?

– Могу сказать, что студенты Сретенской духовной школы находятся в более выгодном положении с точки зрения условий. Чтобы написать свою курсовую или дипломную работу, учащиеся МДС выискивают время для поездки в Москву. Темы ведь самые разнообразные, и зачастую необходимых источников нельзя найти даже в богатейших фондах библиотеки МДА. Я уже не говорю об архивной работе.

Сретенские студенты находятся в Москве и благодаря всемерному содействию ректора — архимандрита Тихона (Шевкунова) — могут заниматься в столичных книго- и документохранилищах. Без всякого сомнения, в Сретенской семинарии созданы идеальные условия для тех, кто хочет учиться.

Разумеется, в Московских духовных школах все пропитано многовековой традицией. Семинаристы и академисты учатся в стенах, где до них получали образование будущие святители и мученики. Ощущается некая ответственность, настраивающая человека на более серьезный лад.

Но Сретенская школа тоже находится в стенах монастыря, и ее воспитанники органично включены в жизнь обители. Хотя жизнь в мегаполисе подвергает молодых людей серьезным искушениям и может расслабить в духовном плане. Но опять же эти вопросы каждый человек решает для себя сам, соизмеряя свои решения совестью и душой.

Поэтому сложно ответить, где человеку лучше учиться. При горячем желании можно учиться везде. И учиться хорошо.

– А что касается уровня знаний, получаемых в Сретенской семинарии по сравнению с Московской?

– Здесь, думаю, нужно говорить не об оценке образования, а посмотреть на тех выпускников, которые учились в упомянутых семинариях. Из Сретенской семинарии многие поступали в МДА. Нацеленность на продолжение образования серьезно мотивирована и формируется постепенно, осознанно. А семинаристы из лавры зачастую просто хотят еще на три года продолжить свое пребывание в ней.

– Отец Александр, что вы можете рассказать о епископе Амвросии (Ермакове), который был проректором Сретенской духовной школы?

– Собственно говоря, он и пригласил меня преподавать в Сретенскую семинарию, за что я ему очень благодарен. И рад, что он сейчас возглавляет Санкт-Петербургские духовные школы. Надеюсь, там его деятельность выкристаллизуется в хороший синтез между двумя столичными духовными заведениями. Поэтому могу сказать только самые добрые слова о владыке Амвросии.

– Как складываются ваши отношения с другими преподавателями Сретенской духовной семинарии?

– Сейчас я в семинарии являюсь заведующим кафедрой общегуманитарных дисциплин. Несмотря на большую занятость, мои сотрудники, которых я очень уважаю, откликаются на любые просьбы, в том числе и относительно студенческих сочинений, курсовых и дипломных работ. Это серьезная нагрузка, и я рад, что коллеги подходят к ней ответственно и неформально.

– Отец Александр, что бы вы пожелали воспитанникам Сретенской духовной школы?

– Нужно, чтобы студент использовал свои возможности на все сто процентов, поскольку одного желания и подготовки преподавателя мало — необходимо усилие воли воспитанников. Поэтому еще раз призываю: пользуйтесь теми широкими возможностями, которые у вас есть, а педагоги всегда с радостью вам помогут, если у вас возникнут какие-то вопросы, проблемы, сложности. Нельзя терять время, поскольку вы не знаете, как сложится ваша дальнейшая жизнь. Может получиться так, что не у кого будет спросить совета. И конечно, учащиеся должны помнить о цели своего поступления в духовную школу. Да, не каждый выпускник семинарии принимает сан, не каждый готов на этот путь встать. Но семинария воспитывает прежде всего смирение и отчетливое понимание того, что учеба не заканчивается с последней лекцией. Богословие — это знание, которое человек получает всю жизнь. И всю жизнь сдает непростой экзамен. Да, никакое знание не застрахует вас от трудностей. Но при всех искушениях не теряйте веры! И помните, что Церковь тратила эти годы на вас не для того, чтобы вы ушли в совершенно другие области деятельности, а посвятили себя именно церковному служению.

«История – это не только даты и события, но и мудрые уроки»

Преподаватель Дмитрий Владимирович Сафонов

Дмитрий Владимирович, расскажите, пожалуйста, о том, как вы пришли к вере.

– Будучи еще школьником — в двенадцать-четырнадцать лет, я слушал радиопрограммы, которые вел владыка Антоний Сурожский. В 1988 году — в год тысячелетия Крещения Руси — я на Кузнецком мосту купил Библию. Накопил пятьдесят рублей, большие деньги по тем временам. Продавец, опасаясь быть пойманным, завел меня в какой-то подъезд, мы поднялись на последний этаж. Так я купил мою первую Библию. И я начал изучать Священное Писание. Я увлекся церковной историей в школе, в старших классах, у нас в десятом-одиннадцатом классе было углубленное изучение истории, которую нам преподавали великолепные специалисты, в том числе кандидаты наук. Учился я в школе № 884, которая теперь называется гимназией № 1552 и в которую в этом году пойдет мой сын, старший из моих троих детей. Мы с моими одноклассниками с 1989 года начали работать в Исторической библиотеке, где мне удалось ознакомиться с большим количеством религиозной и церковно-исторической литературы. 14 августа 1990 года, в день тысячелетия крещения Киева, которое произошло, по мнению многих историков, 1 августа 990 года, я принял крещение в Богоявленском кафедральном соборе — в одном из немногих храмов Москвы, где была крещальня с полным погружением. И началась моя церковная жизнь.

– Расскажите о вашем образовании.

– Я окончил Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета. Слушал многие курсы в МГУ и ПСТБИ. Будучи студентом, я ходил на специализацию, посвященную церковным источникам и архивам. К нам постоянно приглашали замечательных специалистов, имеющих непосредственное отношение к Церкви. Так, каноническое право преподавал протоиерей Владислав Цыпин (тогда, в 1992 году, я с ним и познакомился).

Параллельно в начале 1990-х годов я слушал лекции о. Глеба Каледы и других священников.

И мой интерес к истории Церкви становился все более и более крепким. Тогда это была история Русской Церкви XVI века. Я писал дипломную работу, посвященную митрополиту Макарию, изучал в Ленинке подлинные рукописи, связанные с деятельностью святителя, работал в архивах. И я очень благодарен член-корреспонденту Академии наук Сергею Михайловичу Каштанову, ныне здравствующему, у которого имел возможность учиться столько лет. Он — источниковед, специалист в области дипломатики. По окончании вуза в 1996 году я поступил в аспирантуру, где проучился до 2000 года, параллельно работал, в течение года с небольшим, в архиве, затем, с 1998 года, преподавал в нескольких православных школах Москвы.

– Скажите, а почему, получив основательное светское образование, вы решили пойти учиться в семинарию? И как началась ваша работа в духовных учебных заведениях?

– Как и многие преподаватели Московских духовных школ, я окончил Московскую духовную семинарию и академию, будучи ее преподавателем. Нужно сказать, что я с 1999 года преподавал историю Русской Церкви в семинарии при Николо-Угрешском монастыре, куда мне посоветовал пойти ныне покойный о. Димитрий Румянцев. В 2000 году профессор Алексей Константинович Светозарский, с которым мы вместе читали исторические курсы в православной гимназии во имя прп. Серафима Саровского, порекомендовал меня в Сретенскую духовную школу. Тогда из-за загруженности приходским служением на первом курсе перестал читать общецерковную историю прот. Валентин Асмус, и меня пригласили его заменить. До этого я несколько лет слушал курс лекций о. Валентина, который он читал в ПСТБИ. До 2005 года я читал этот курс на первых двух курсах семинарии, затем только на первом. Помимо этого, сначала я вел на первом курсе историю Русской Православной Церкви. Затем, когда семинарию покинул проф. А.Ф.Смирнов, я стал читать с третьего по пятый курс историю России. Сейчас за мной закреплены третий и четвертый курсы, т.к. на пятом курсе историю России XX века читает проф. О.Ю.Васильева. Я также читал спецкурс, предметом которого была история и нынешнее состояние расколов и псевдоцерковных, антииерархических движений в нашей Церкви.

В первые годы семинария располагалась не в монастырском корпусе, а в арендуемом здании неподалеку. Было всего три маленьких аудитории. Непростое, но насыщенное время. Считаю, что очень многое для Сретенской семинарии сделала заведующая канцелярией Татьяна Анатольевна Хайдина, которая выполняла значительную часть административной работы в те годы. В прошлом году, 13 ноября, она преставилась ко Господу, приняв постриг с именем Христина. Нужно сказать, что ее преемник, наш выпускник Д.В. Дементьев, также много делает для учебного процесса, благодаря его усилиям в семинарии не существует «пропавших часов», все лекции, на которые не могут приехать преподаватели, благодаря его усилиям, заменяются. Мне, в частности, таким образом удается достаточно полно изложить свой курс истории России, хотя по плану ему отводится только один урок в неделю.

А в МДАиС я пришел шесть лет назад. Тогда в рамках реформ духовных школ академия перешла на новую систему обучения. Первоначально меня пригласили читать для академистов курс религиоведения и источнико- архивоведения. Я читаю эти курсы до сих пор. С 2004 года я стал вести на первом курсе МДС общецерковную историю.

– Как вы мыслите задачи преподавания общецерковной истории и истории России?

– Очень важно, на мой взгляд, прививать студентам традиционно православные взгляды, избегать каких-то непроверенных или излишне либеральных воззрений. Семинаристы должны получать навык изучения традиций Православия, впитать опыт святых отцов, жизни Церкви, причем жизни сложной. Были святые, но были и ересиархи. Но святость всегда побеждала. Церковь достойно выходила из самых драматических ситуаций. Сегодня перед нами стоит сложнейшая задача — вынести уроки из церковной истории. Уверен, свои курсы преподаватели общецерковной истории должны строить на основе достижений современной науки и богословия. Много полезного в этом смысле можно почерпнуть из «Православной энциклопедии», материалы которой я активно использую в своих курсах. В своей

практике я активно использую также и лекции отца Валентина Асмуса. Внимание к общецерковной истории в рамках духовного образования традиционно высокое, чего нельзя сказать об истории России. Зачастую эту дисциплину в семинариях относят к второстепенным предметам. Я стараюсь преподать историю России как историю Промысла Божия о России. История — это не только даты и события, но и мудрые уроки. Для нас, православных людей, это еще и продолжение Священной истории. И будущие пастыри должны научиться осмысливать прошлое в контексте нашей русской православной историографии. Без осмысления истории Отечества мы не сможем осознать себя православными людьми. На нас обрушивается пропаганда, ложная информация, часто нас убеждают, что прошлое было не таким, как мы его представляем. Но мы должны быть стойкими, знать прошлое и отстаивать свою точку зрения. Поэтому нужно изучать свою историю и уметь смотреть на нее через призму Православия. При этом очевидно: история гражданская неотделима от церковной. Это единое целое. В общем, я убежден, что российская история должна быть одним из приоритетных предметов в духовных школах, обязательным для всех студентов, т.к. в том виде, в котором она преподается в нашей семинарии и в МДС, она является неотъемлемой частью духовного образования.

– Что вы можете сказать о студентах Сретенской духовной семинарии? Чем они отличаются от воспитанников Московских духовных школ?

– Студенты разные бывают. Если говорить о воспитанниках Сретенской духовной семинарии, для начала нужно сказать об уникальном свойстве пастырей Сретенской обители. И прежде всего выделить наместника ректора — архимандрита Тихона (Шевкунова), который обладает исключительным духовным чутьем. Я бы так сказал, что у него уникальная способность видеть человеческую душу. И поэтому в Сретенской семинарии никогда не задерживаются циники, карьеристы, те, кто пренебрегает святыней или просто не уважает окружающих. Да, встречаются слабые студенты, у которых может быть плохая школьная подготовка. Но если у них есть желание учиться, все у них получается. Уровень преподавания в Сретенской школе достаточно высок. Целая группа ее выпускников учится в Московской духовной академии: Юрий Филиппов, Максим Янышевский, которые пишут работы под моим руководством. Алексей Жамков сейчас учится на историческом отделении, хотя поступал сначала на библейское. Отец Ириней (Пиковский) — тоже академист, уже год преподает в Сретенской семинарии. Прошлогодний выпускник Павел Карев учится в МДА на богословском отделении, Владимир Хажомия — на церковно-практическом. Я имею возможность сравнения и вижу, что наши выпускники, попадающие в МДА, в исторической области подготовлены лучше других. Они хорошо знают историю России, им не надо ничего напоминать, они сразу приступают к изучению источников. Да, и в Сретенской семинарии я могу судить о взрослении учащихся, поскольку преподаю на 1-м, 3-м и 4-м курсах. Так что, оставляя студентов на 1-м курсе, я вновь принимаю большинство из них на 3-ем. Часто я вижу очевидный рост — духовный и научный. Поэтому я всегда поощряю студента, если он старается, делает усилие, хочет повысить свой результат. Вот, допустим, пришел в семинарию со слабыми школьными знаниями Василий Ануфриев (сейчас монах Питирим), не сразу у него стало получаться, но он много занимался и закончил изучение истории России с отличным результатом. Вместе с тем не могу не сказать следующее: да, многие с огромным интересом слушают лекции, все записывают, пытаются уловить каждое слово, поскольку они понимают, что такой уникальной возможности у них больше не будет. Многие, но не все. Иные студенты, к сожалению, думают так: «Ну, вот к нам приезжают профессора, преподаватели, они должны нам все рассказывать. А мы, если у нас будет желание, будем слушать, запоминать, а нет настроения, то и не надо». Вот это очень огорчает. Студенты, в том числе из далеких провинциальных городков, учатся бесплатно, слушают известных специалистов, занимаются в хорошо укомплектованной библиотеке, живут в благоустроенных корпусах — это очень много в наше коммерциализированное время. И семинаристы не должны просто отсиживать занятия — они обязаны стремиться к духовному, научному совершенствованию.

В паломничестве со студентами Сретенской семинарии по Святой Земле

– В Московской епархии существует не одна семинария. В чем заключается специфика Сретенской духовной школы?

– Сретенская духовная семинария быстро заняла особую нишу — очень важную. Главнейшее ее отличие заключается в уникальной духовной атмосфере — в семейном единстве. Здесь к людям относятся с христианской любовью, без формализма. К тому же студенты, как я уже говорил, живут в хороших бытовых условиях. Немаловажно и то, что студенты-москвичи имеют возможность регулярно бывать на своих приходах. Многие из них, такие как Тихон Кречетов и другие, достаточно духовно зрелые люди, им нет необходимости постоянно жить в семинарии, как это делают, скажем, студенты МДС. Они имеют возможность участвовать в приходской жизни, работать в архивах и библиотеках. Повторю снова: Сретенская семинария заняла свое прочное место в системе духовного образования.

– Дмитрий Владимирович, расскажите о вашем знакомстве с отцом Тихоном.

– Познакомился я с батюшкой летом 2000 года, во время вступительных экзаменов. Это был второй набор. И я, в хорошем смысле слова, был просто заворожен обаянием его личности: его добротой, любовью, которую он испытывает ко всем нам. Я очень благодарен ему за доверие, ведь я пришел в Сретенскую духовную школу начинающим преподавателем, не имея еще духовного образования и научной степени, и мне было поручено сразу несколько курсов. Привлекал отец Тихон меня к работе на сайте Pravoslavie.ru — в качестве редактора. Надо сказать, что мои первые большие статьи, посвященные патриарху Тихону, увидели свет именно на сайте Сретенского монастыря. Потом я уже их дорабатывал, чтобы опубликовать в печати. Делали мы и передачу «Церковь и мир» для радио в 2003 году. Тогда же была задумана книга «Русская Православная Церковь. XX век», которая увидела свет в 2007-м. Для нее я написал несколько разделов. Считаю своим долгом поблагодарить отца Тихона, который включил меня в группу паломников, посетивших в прошлом году Святую Землю. Для меня это было чрезвычайно полезно, поскольку я интересуюсь историей и настоящим Святой Земли, на которой русские люди появились здесь еще в начале XI века. Я являюсь членом Императорского Православного Палестинского общества, но у меня не было возможности побывать на Святой Земле. И вот благодаря семинарии и монастырю я посетил те святыни, о которых я много читал и мечтал их увидеть воочию. Это, конечно, бесценно для меня! Я всегда поражаюсь энергии отца Тихона и его способностью «заразить» своими творческими, или, как сейчас говорят, креативными, задумками окружающих и побудить их к плодотворной работе.

– Изучение всех предметов заканчивается экзаменами и зачетами. Что вы можете сказать о них?

– Надо сказать, я всегда к этому достаточно принципиально относился. Мне кажется, что в процессе образования нет места какой-то лжи,

После ночной литургии на Гробе Господнем. Иерусалим

фальши. Если я замечаю шпаргалки, человек отправляется на пересдачу. В последнее время меня все больше и больше огорчает следующее обстоятельство: к сожалению, у некоторых студентов сложилось спокойное отношение к плагиату, отсутствует уважение к интеллектуальной собственности. И вот с этим нужно жестко бороться. И я всегда своим студентам говорю, что реферат или диплом не должен содержать чужого текста или мыслей без ссылок.

– С каким багажом Сретенская духовная семинария подошла к своему десятилетнему юбилею?

– Сделано немало, но все-таки больше предстоит сделать. Успехи в основном касаются духовного воспитания и обучения, но очень важно также повышать научный уровень. У нас есть практика защиты курсовых работ на четвертом курсе, что помогает студентам перед дипломным сочинением. Но мне кажется, нужно выработать более серьезные требования к семинарскому диплому. Руководитель должен представлять отзыв, касающийся больше студента, смог ли он выполнить задания руководителя. А оценивать саму работу должны независимые оппоненты, которые могут быть нелицеприятны, могут выявить возможный плагиат, какие-то ошибки. Уровень письменных работ, в том числе и выпускных, должен соответствовать вузовскому. Необходимо издавать сборники трудов преподавателей и студентов, хотелось бы, чтобы семинария заказывала и издавала учебные пособия своих преподавателей.

– Дмитрий Владимирович, вы работаете в Сретенской семинарии почти девять лет. И, судя по интервью, знаете всех ее воспитанников…

– Да, я преподавал у всех выпускников семинарии. И мне посчастливилось преподавать на курсе, который у нас обычно называют «монашеским» или «легендарным». Там учились нынешний проректор — иеромонах Иоанн (Лудищев), отцы Арсений (Писарев), Лука (Ауле), Д.В.Дементьев и другие. Все они с большим вниманием относились к моему предмету, и у меня не было никаких проблем. По окончании преподавания с некоторыми из них я познакомился поближе. Очень меня поддержал отец Лука. Я помню, как он, жертвуя силами и временем, по первой моей просьбе поехал причащать моего сына, которому был тогда год и ему должны были делать тяжелую операцию. С отцом Арсением мы вместе работали при подготовке радиопрограммы «Церковь и мир». Наши выпускники растут, становятся руководителями, занимают церковные должности, принимают священный сан. Но они сохраняют уважение по отношению к своим бывшим преподавателям. И это очень радует и вдохновляет!

«Богословское образование – это разъяснение для себя серьезных вероучительных вопросов, оно помогает жизнью познавать глубокие истины веры»

Священник Александр Тимофеев

Отец Александр, расскажите, пожалуйста, о вашей семье.

– Я из потомственного учительского рода, преподаватель в четвертом поколении. Мой прапрадед еще до революции окончил учительскую семинарию, тем самым положив начало династии. Преподавателями являются мои отец и мать, бабушка и дедушка, прадед.

– И они все жили в Москве?

– Нет, в разных местах. В основном корни у меня с северо-запада, из Тверской области. Отец у меня вообще из Эстонии. Я родился на Кольском полуострове. Переехал в Москву, а образование получал в Петербурге.

– Вы тоже хотели идти по учительской стезе?

– Первоначально совсем нет. Знаете, в нашей семье много учителей истории: мама, папа, дедушка окончили исторический факультет. И они мне рекомендовали именно туда идти. Но я решил пойти своим путем — меня интересовали естественные науки. Я поступил в свое время в специализированную физико-математическую школу при Петербургском университете. Там был биологический класс. Потом учился в Петербургском университете. Во время обучения в университете — на геологическом факультете — после второго курса я принял крещение. Мне было девятнадцать лет — все-таки серьезный возраст. И я начал постепенно втягиваться в церковную жизнь, ходил на службы и т.д. Большое влияние на меня оказал Псково-Печерский монастырь — здесь промыслительна связь со Сретенской обителью, на территории которой находится семинария, куда меня впоследствии пригласили работать. Я практически сразу попал к отцу Иоанну (Крестьянкину), окормлялся у него и состоял с ним в переписке. В сборниках его писем опубликовано три письма, адресованных мне. Псково-Печерский монастырь сильно повлиял на мое избрание пастырского служения. Итак, я окончил университет и получил благословение на учебу в Петербургской семинарии.

– Сразу же после университета?

– Нет, год я был просто алтарником на приходе. Расстроил своего научного руководителя из университета, поскольку должен был летом ехать в длительную экспедицию. Я решил сказать ему о том, что поступаю в семинарию, в последний момент. Он, наверное, счел меня религиозным фанатиком. А я уже внутренне избрал духовный путь, и тогда мне стало неинтересно заниматься чистой наукой, хотя первоначально, когда я поступал в университет, такое желание было. Крещение и воцерковление открыли для меня совсем другие перспективы. Я понял, что есть вещи гораздо серьезнее, вещи, которым можно посвятить всю свою жизнь. Важнее, чем геология и палеонтология, которой я занимался. Кстати, потом оказалось, что многие, с кем я учился и кто мне преподавал, были людьми верующими. Более того, двое из преподавателей геологического факультета сейчас имеют священный сан. Один и во время моего обучения был диаконом — отец Михаил Преображенский, он преподает на кафедре исторической геологии. Второй, сейчас уже доктор наук, заведующий кафедрой кристаллографии, а тогда аспирант — Сергей Владимирович Кривовичев, ныне также служит диаконом. О том, что меня в университете окружали православные люди, я узнал уже после поступления в семинарию. И был очень рад, поскольку одно время казалось, что вокруг меня религиозный вакуум, но на самом деле это было не совсем так. Ну вот: семинарию я окончил в Петербурге и неожиданно получил от отца Иоанна благословение поступать в Духовную академию... в Москве. Хотя естественнее было в Петербурге поступить. На четвертом курсе — перед окончанием семинарии — приехал в Печоры (раз в год я всегда приезжал, пожить, помолиться, на послушаниях поработать). И мне батюшка сказал: «Поступай к преподобному Сергию в академию».

– А вы не можете сказать, почему было именно такое благословение?

– Сейчас я понимаю, что отец Иоанн был абсолютно прав, хотя тогда я принял это нелегко. Но я послушался совета старца. Я хорошо окончил Петербургскую семинарию, с именной стипендией, и в академию меня взяли бы без экзаменов. А в академию у Троицы нужно было все экзамены сдавать. Кроме того, было не принято, чтобы из Петербургской школы в Москву поступали, такого не случалось до меня лет двадцать, как мне сказали потом. Положившись на волю Божью, я поехал в МДА, все экзамены сдал на «пять», некоторые, надо сказать, чудесным образом. Помню поразительное чувство, которое охватило меня, когда выходил с последнего экзамена, к которому я не успевал хорошо подготовиться (но надеялся на хорошее знание курса в семинарии), — по догматике. Сдал, несмотря ни на что, успешно. Принимал у меня догматику профессор Михаил Степанович Иванов: он поставил мне «отлично». Так вот, когда я выходил с экзамена, вдруг всплыли в памяти слова из повествования аввы Дорофея о послушном ученике старца: «Кто обязался послушанием, тот никогда не умрет»... Конечно, то, что я поступил в академию в Москве, а не в Петербурге, это Промысл Божий. Это стало мне понятно уже после окончания, когда я стал преподавателем и открылись широкие перспективы работы по созданию новых учебных курсов в реформированной академии. В первую очередь много сил было мною положено для организации учебного и научного процесса на кафедре библеистики.

– Отец Александр, как долго вы преподаете в Московской духовной академии?

– В академии я начал преподавать после выпуска, с 2003 года. А со Сретенским духовным училищем (таков был первоначальный статус этого духовного заведения) я начал сотрудничать с 2000 года — фактически с самого основания.

– А как вы попали в Сретенскую духовную школу?

– В Сретенскую духовную школу меня Алексей Ильич Осипов порекомендовал. Он познакомил меня с ректором — архимандритом Тихоном (Шевкуновым). Я тогда еще учился в академии — окончил 1-й курс. Алексея Ильича о. Тихон просил читать лекции по апологетике, но он из-за занятости мог приезжать только иногда. Тогда Алексей Ильич пообещал о. Тихону: «Я тебе дам человека, моего ученика». И я начал преподавать в Сретенской школе и апологетику, и основное богословие. Учил я все курсы, начиная с первого — монашеского — набора.

– У вас есть возможность сравнения воспитанников Московской, Санкт-Петербургской и Сретенской духовной школ…

– В Сретенской семинарии много позитивного. Она маленькая. У студентов есть возможность факультативных занятий. Ребята живут в хороших условиях. Четыре человека в комнате все-таки не двадцать (как в МДС). Преимущество еще заключается в том, что Сретенская духовная школа находится в центре Москвы — все библиотеки рядом. Кроме того, студентам Сретенской семинарии преподают в основном сотрудники Московской академии, а не семинарии. Работают здесь и великолепные специалисты из светских вузов. Если обратиться к Петербургской семинарии, то там у студентов больше свободного времени. Данное обстоятельство на моей учебе сказалось положительно. Я, например, мог много времени проводить в библиотеках, читать богословские книги, писать научные работы. Я уже в семинарии имел несколько публикаций.

– А по какому принципу вы проводите экзамены, опросы?

– Я преподаю на 5-м курсе, и стандартных опросов на каждом занятии у меня нет. Но у нас есть семинары, на которых мы обсуждаем определенную тему: студенты самостоятельно что-то обдумывают, готовятся, мы устраиваем дискуссии, и они достаточно осмысленно отвечают на вопросы. Меня больше это интересует, а не механическое воспроизведение моих лекций. Воспроизведение, возможно, и в чем-то полезно, но только на первых курсах. Да и предмет, который я преподаю, — апологетика, — требует соображения, а не зазубривания. Я как преподаватель учу методу, а не сумме знаний. Апологетика подразумевает использование информационного объема, который уже есть у студента, хотя, конечно, в курсе есть и совершенно новые сведения. Что же касается библейской археологии (второй предмет, который я преподаю в семинарии), это вспомогательный курс, который позволяет лучше и глубже изучить Священное Писание. Полагаю в связи с этим, что данную дисциплину надо читать на 2-м или 3-м курсе, то есть пораньше, чтобы она действительно позволила погрузиться в жизнь Священного Писания, в его обстановку и среду в то время, когда студенты изучают курс Писания. Археология будет способствовать и историческому толкованию Писания. Как говорил святитель Иоанн Златоуст: «Нужно представлять себе обстановку событий Священного Писания, для того чтобы лучше их понимать».

– Отец Александр, что бы вы посоветовали молодым людям, которые хотят поступить в семинарию?

– Посоветую не тратить время зря. Семинарское время — золотое. Оно во многом определяет настроение верующего человека вообще и настроение будущего священнослужителя в частности. Мы можем посчитать какие-то знания временными, ненужными, схоластичными, но, поверьте мне, верный в малом будет во многом верен. По большей части люди, которые хорошо учились в семинарии, это люди, серьезно смотрящие на свое призвание, на выбранный путь. А те, кто проводил время праздно, к несчастью, так же легко относятся и к священнослужению. Богословское образование — это разъяснение для себя серьезных вероучительных вопросов, которое помогает жизнью познать глубокие истины веры. Учащийся должен понять многие начальные вещи — и в теории, и на практике. Семинаристы обязаны копить багаж богословских знаний, которые непременно будут востребованы. В свое время протоиерей Александр Ельчанинов говорил так: чем менее духовен священник, тем большее значение имеет его богословское образование. Безусловно, выпускник семинарии, ставший священником, еще не может претендовать на серьезный духовный опыт. Но при этом он должен уметь решать духовные вопросы. И здесь он неизбежно должен — поначалу теоретически — обращаться к опыту Церкви. А для этого необходимо ориентироваться

в писаниях святых отцов, в понимании учения о спасении, в вероучительных вопросах, в догматическом, в аскетическом богословии. Если выпускник семинарии не способен объяснить прихожанам основы святоотеческого учения о борьбе со страстями (применительно к их возможностям), не способен раскрыть в проповедях и беседах вероучительное содержание праздников или убедительно и интересно истолковать слова апостола Павла — грош цена его образованию. Основная перспектива нашего богословского образования — сотериологическая. То есть в основе всего — учение о спасении. Если человек в правильной перспективе рассмотрит все эти предметы, они не будут для него мозаикой из разных, не связанных друг с другом дисциплин, не будут театром, где одно действие сменяется другим и где за одним профессором выходит другой. Еще раз повторю: семинаристам нужно старательно и систематически копить багаж богословских знаний. Нужно ставить себе задачи, например: прочитать полностью все Писание, прочитать все творения свт. Василия Великого, свт. Григория Богослова, свт. Афанасия Великого, прп. Иоанна Дамаскина — и выполнять их упорно и систематически. Сам я, во всяком случае, поступал именно так.

– А как вы можете напутствовать поступающих в академию?

– Академия — это не просто какое-то продолжение семинарии. Она готовит церковных ученых, будущих преподавателей духовных дисциплин семинарий или других учебных заведений. И человек должен сознательно к этому подходить. Очень хорошо, если он заранее наберется педагогического опыта. Я позитивно отношусь к тем студентам, которые, будучи семинаристами, начинают преподавать в воскресных школах. Значит, человек стремится принести пользу Церкви, жить церковной жизнью, — жить практически, а не только теоретически. И в академию должны идти те, кто настроен на научную и преподавательскую деятельность. При этом человек не должен думать: наука — одно, а жизнь Церкви — совершенно другое. В подобном разрыве кроется трагедия Запада: там теология оторвана от реальной жизни церковных общин. У нас, слава Богу, этого никогда не было (хотя тенденции — особенно в восемнадцатом и девятнадцатом столетиях — намечались). Более того, XX век — век гонений, наоборот, сблизил богословскую деятельность в академиях с приходской повседневностью. То, что многие преподаватели академии являются священниками, очень правильно, поскольку это оживляет и теорию, и практику. Хотя тут уже другая проблема встает: как совместить преподавание и священнослужение, как все успеть. Сам я, например, не могу доносить абстрактные богословские истины, сухой материал, который воспринимается только на рациональном уровне. Учение Церкви должно для нас быть образом бытия. Ведь что такое Православие? Ортодоксия — «иметь правильное суждение». Это правомыслие: ортогномия — «правильно, здраво мыслить»; и праводелание: ортопраксия — «правильно, честно делать». Правомыслию должны учиться в семинарии, а праводелание придется постигать на практике, используя правомыслие, заложенное в духовных школах. И эти вещи нужно воспринимать как взаимосвязанные. Богословская наука, оторванная от жизни, не учитывающая реальные потребности Церкви, не имеет права на существование. Задачи, которые перед нами стоят, не абстрактные, схоластические, а реальные сотериологические. И надо пройти между Сциллой и Харибдой: не раствориться в требоисполнительстве, с одной стороны, а с другой — не потонуть в науке, которая, будучи оторванной от жизни, не имеет никакого значения. Я считаю, что из-за большой раздробленности предметов семинарской и академической программ нашему школьному богословию не хватает христоцентричности. А значит, надо стремиться к ее достижению.

– Как можно определить, есть ли у молодого человека призвание к священству?

– Многие опытные пастыри и богословы пытались это определить. Можно вспомнить и о. Киприана (Керна), и митрополита Антония (Храповицкого). Это труднейшая задача. На меня еще до моего крещения произвело огромное впечатление житие Амвросия Оптинского. Оно первым стало мне доступным тогда, в конце 80-х годов: он, будучи тяжело больным, практически парализованным, лежа на кровати, принимал тысячи людей и всем уделял внимание. За какие-то минуты, на которые люди приходили, он пытался разрешить вопрос, то есть полностью прожить жизнь этого человека,

чтобы ему помочь. Я помню внутренний голос: «А ты так смог бы?» Тогда, конечно, я не задумывался о священстве, не был крещен, редко заходил в храм — и испугался этого вопроса, ответил: «Нет». Но величие подвига преподобного Амвросия Оптинского меня потрясло. *Для всех сделаться всем, чтобы спасти хотя бы некоторых* (1Кор 9,22), сопереживать человеку и участвовать в его жизни. Впоследствии для меня это стало определяющим — просто хотелось помогать людям. Хотя я несколько лет откладывал крещение, боялся поступать в семинарию, так как остро сознавал, что недостоин пастырского призвания. Но вскоре понял, почувствовал: здесь есть другая закономерность. Ты недостоин, но ты должен. И это стало для меня главным, решающим, хотя я и сейчас понимаю, что недостоин. *Жатвы много, а делателей мало* (Лк 10,2). Хоть недостоин, а кто тогда будет делать, церковь строить, помогать людям спасаться? И я понял, что должен положить руку на рало и не оглядываться назад. Помогли также молитвы и советы о. Иоанна (Крестьянкина). Могу привести его письмо — может быть, будет полезно молодым людям. Я спрашивал о. Иоанна о выборе жизненного пути. Он ответил так:

«Дорогой о Господе Александр! А ведь нужна решимость твоя при выборе жизненного пути. Вот твое сердце склоняется к семейной жизни — и это подвиг, как и монашество, если еще не сложнее. Ведь ответственность здесь не только за себя, но и за супругу, за чад. Но надо решаться. Без подвига жизни нет спасения. И выбирать надо подругу по сердцу своему и хорошо зная, на какой подвиг жизни берешь помощницу. А если женишься и она будет помехой, то это гибель для священника. Молись Господу и проси даровать для жизни, для служения Церкви помощницу. И благословение владыки надо выполнить. Умудри тебя Бог!»

А как определиться другим людям? Нужно прежде всего забыть о самом себе — вообще. Священство — это тяжело, даже физически. Нужно иметь большую решимость. Если она есть, если есть твердый, несгибаемый стержень, тогда Господь все управит. Если этого стержня нет, убежден: выпускнику семинарии не надо принимать священный сан. Есть масса других возможностей для церковного служения: преподавание, миссионерство, пение и проч. Но нужно уметь отличить решимость от самоуверенности, решимость связана с упованием не на себя, а на Господа.

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин)
Художник А.С.Нуракишева

– Отец Александр, какими будут ваши пожелания воспитанникам Сретенской духовной семинарии в преддверии ее десятилетнего юбилея?

– Мне бы очень хотелось, чтобы Сретенская духовная школа продолжала — прежде всего с помощью своих выпускников — приносить пользу Церкви и людям еще не одно десятилетие.

«Наше богослужение надо любить, чтить и хранить»

Диакон Павел Бобров

Отец Павел, расскажите, пожалуйста, о ваших студенческих годах в Московских духовных школах.

– Наверное, прежде чем говорить об учебе в Московских духовных школах, несколько слов надо сказать о том, что мое решение поступить в семинарию было личным и осознанным, и принял я его в 14 лет. Никто, конечно, в семье против не был, но родители убеждали меня окончить сначала какой-нибудь светский вуз. Но в итоге мама сама поехала в семинарию и переписала все условия поступления. И после школы, когда мне было 16 лет, я отправил необходимые документы. Но, приехав... в семинарию, я обнаружил, что ни одного документа в канцелярии нет — все они куда-то пропали. Кроме того, мне сказали, что они бы мне и не понадобились, поскольку мне не исполнилось 18 лет. Тогда руководство Московской семинарии считало, что абитуриенты должны были достичь именно этого возраста. Но каким-то чудесным образом документы все-таки нашлись и были приняты — по прошению, на котором стояла резолюция почившего ныне святейшего патриарха Алексия. И я сдал вступительные экзамены и стал семинаристом.

Не могу сказать, что литургика с первых моих учебных дней была для меня любимым предметом, — тогда меня очень интересовали другие дисциплины: история Церкви, Священное Писание Нового Завета. Хотя, конечно, литургике мы с друзьями-одноклассниками уделяли много времени, потому что хотелось вместе разобраться в службах, научиться их составлять. Уже в первом классе я был уставщиком хора — на время (ровно месяц), когда курс поет на каникулах свои выпускные службы. А с начала третьего класса я нес послушание уставщика семинарского хора, регентом которого был отец Амвросий (Ермаков), ставший позже проректором Сретенской духовной семинарии (ныне епископ Гатчинский, ректор Санкт-Петербургских духовных школ).

– А кто у вас преподавал литургику?

– На 1-м и на 4-м курсах преподавал отец Василий Воронцов, на 2-м — отец Сергий Маратканов, на 3-м — отец Тихон (Зайцев), который тогда был благочинным Покровского храма и с которым у меня сложились дружеские отношения. Потом он нес послушание начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме, а на последнем заседании Священного Синода назначен председателем Финансово-хозяйственного управления Московской Патриархии с возведением в сан епископа Подольского.

Потом в академии на 1-м курсе у нас преподавал литургику легендарный отец Матфей (Мормыль), на 2-м — Алексей Мстиславович Пентковский, а на 3-м — отец Сергий Правдолюбов. К периоду, с которым он нас блестяще знакомил, и относится тема моей кандидатской диссертации — «Литургическая тематика Богослужебного отдела Поместного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 годов». С этой темой связано много перипетий, поскольку она была формально закреплена за одним иеромонахом, который нес послушание... в Панаме.

– Отец Павел, когда вы стали преподавателем Сретенской духовной школы?

– В 2001 году, когда я окончил 2-й курс академии, иеромонах Амвросий предложил мне преподавать литургику в 3-м классе Сретенского духовного училища (таков был тогда статус Сретенской школы). Я пришел в сентябре читать семинарскую программу 3-го курса: двунадесятые праздники, Постная и Цветная Триодь. И понял, что за партами у меня сидят довольно взрослые люди — в основном насельники Сретенского монастыря. Наш первый замечательный набор: отец Иоанн (Лудищев) — нынешний проректор, отец Арсений (Писарев), отец Лука (Ауле), Саша Стародубцев, который у меня впоследствии писал дипломную работу, он был моим первым дипломником...

– Вы получили указ Учебного комитета о распределении в Сретенскую духовную семинарию?

– Да, в 2003 году, как выпускник Московской духовной академии, я был направлен на церковное послушание преподавателем в Сретенскую духовную школу, которая на тот момент была уже семинарией. Благодаря кипучей энергии ректора — архимандрита Тихона (Шевкунова) — удалось набрать коллектив сильных преподавателей, сформировать отличную библиотеку, создать для воспитанников прекрасные бытовые условия.

– Отец Павел, в чем вы видите задачи своего предмета в рамках семинарского курса?

– Вы знаете, в любом вузе есть профилирующие предметы. И если говорить, что семинария готовит образованных пастырей для Русской Православной Церкви, то такими фундаментальными дисциплинами, безусловно, нужно считать Священное Писание, догматику и литургику. Поэтому у преподавателя литургики получается сверхответственное послушание — научить совершать богослужение, руководствуясь Уставом, с одной стороны, и современной богослужебной практикой — с другой. Есть такой горький анекдот: в качестве подсказки на вопрос о вечерне семинаристы используют карандаши двух цветов. Когда надо петь стихиры Октоиха — отвечающему показывают красный карандаш, а когда стихиры Минеи — зеленый. Задача преподавателя состоит в том, чтобы студент не по цвету определял, как строится богослужение, какова его композиция и содержание. Научить любить церковную службу — цель непростая...

– Известно, что на своих занятиях вы большое внимание уделяете исторической части литургики. С чем это связано?

– Да, я сознательно уделяю внимание исторической литургике, тому, как в разные периоды формировалось наше богослужение. Я хочу, чтобы студенты не просто запоминали схему, шаблон, а чтобы они понимали внутреннюю и внешнюю литургическую динамику. Убежден, нельзя механически резать скальпелем наше веками складывающееся богослужение — его надо любить, чтить и хранить.

– Какой, по вашему мнению, должна быть преимущественная направленность преподавания в духовных школах: научно-богословской или практической? Каким предметам надо уделять больше времени?

– Семинария, прежде всего, готовит священнослужителей. И конечно, она должна научить доброте, смирению и послушанию. При этом она закладывает твердые научно-богословские основы, которые пригодятся в пастырской практике. И без знания Священного Писания, святых отцов и богослужения здесь не обойтись. В последнее время много учебного

времени — и это неплохо — отводится на преподавание древних и новых языков, философии. Несомненно, будущим пастырям нужна сейчас практическая психология, чтобы священник мог различать душевно и духовно больных людей. Думаю, общая направленность должна определяться актуальными потребностями современной пастырской повседневности.

– Отец Павел, можете ли вы сравнить Сретенскую семинарию с другими учебными заведениями, в которых вы преподаете?

– Последние три года я преподаю литургику еще и в Перервинской духовной семинарии. Отличия, безусловно, есть — это объективная вещь. В Сретенской духовной семинарии очень многое делается для разноплановой реализации миссионерских проектов: студенты преподают в воскресной школе, ездят в детские дома, выступают с концертными программами. Для них организуются великолепные паломничества, у семинаристов есть счастливая возможность прикоснуться к величайшим христианским святыням. К тому же руководство Сретенской духовной школы очень бережно относится к жизненному выбору своих воспитанников, всячески содействует рукоположению, не оставляет в сложных житейских ситуациях.

– Вы долгое время несли послушание уставщика. Скажите, возможно ли в современных условиях максимально исполнять предписания Типикона? И стоит ли задумываться над созданием единой формы, в рамках которой отправлялось богослужение хотя бы в Московской епархии?

– Этот острый вопрос, как известно, поднимался не раз. Конечно, строгая унификация, как, впрочем, и пестрая вариативность, не всегда приемлема. Нужно понимать, что люди сейчас хотят зайти в любой храм и услышать одну и ту же вечерню — с единой композицией и логикой. А уж количество стихир, тропарей, кафизм для них непринципиально. То есть Устав соблюдается по своей общей структуре, а детали зависят от приходской практики и традиции.

Но и здесь возникают проблемы. Например, в храме священномученика Антипы на Колымажном дворе, где я служу, около 70 лет не совершались богослужения. Понятно, что традиция прервалась. И вот настоятель — протоиерей Владимир Волгин — дал мне послушание уставщика (тогда я еще не был диаконом). И вскоре мы стали петь полностью утренние хвалитные и вечерние псалмы с припевами, затем, на воскресной утрени, — непорочны с припевами. Причем инициатором выступал не я, а прихожане, многие из которых только пришли в Церковь: они сами прочитали богослужебные указания и заинтересовались этим. Это ненамного увеличивает время богослужения, и главное — мы не выдумываем новых решений, а следуем Типикону. Еще могу сказать, что 5 ноября 2008 года в нашем храме по благословению святейшего патриарха служилась литургия апостола Иакова. Так постепенно, изнутри, и складывается приходская традиция.

– Отец Павел, какие напутственные слова вы могли бы сказать учащимся Сретенской духовной семинарии в связи с ее десятилетием?

– Я желаю семинаристам Сретенской духовной школы сохранить любовь и уважение к священноначалию, к отцу ректору и ко всем, кто трудится на поприще их воспитания и просвещения.

«Постоянное развитие духовных школ – это наша общая задача»

Священник Алексий Лымарев

Отец Алексий, расскажите, пожалуйста, о том, как вы пришли к Богу.

– Человек приходит к Богу поразному. Мое обращение произошло в юношеские годы, которые вообще отличает довольно резкая смена ценностей: кажется, что перед тобой открываются новые, неизведанные дороги и нет никаких препятствий, которые ты не можешь преодолеть. И тут мне попалась в руки Библия, но не традиционное синодальное издание, а детская Библия, выпущенная в Брюсселе. Замечательная книга, которая и сегодня пользуется огромной популярностью не только у детей, которым предназначена, но и у взрослых. Мой папа, когда ее открыл, сказал: «Даже неверующий человек поверит, когда возьмет в руки эту книгу...» Меня очень поразила тогда заповедь Спасителя о молитве: «И затворив дверь твою, помолись Отцу Твоему тайно...» Эта заповедь была о молитве «Отче наш». Именно ее я так долго искал, поскольку во времена моего юношества купить молитвослов было крайне сложно. И я стал утром и вечером читать эту молитву, и ее слова все глубже укоренялись в моем сердце. Немаловажным для моего духовного становления явилось то, что мамины родственники были верующими людьми. Живя в деревне, они собирались в одном из домов, где древние бабушки, собрав уцелевшие церковные книги и иконы, проводили богослужения «беспоповским» чином, пели всенощные, служили обедницы. Таков мой первый опыт религиозного воспитания. Пусть это всего лишь детские впечатления, но они запечатлелись в моем сердце и сохранились до сегодняшнего дня. Очень хорошо я помню и свое крещение, которое совершилось в храме Святителя Николая, в Бирюлеве, задолго до моего прихода в Церковь. Мне тогда было 8 лет. Обычный деревянный храм на окраине Москвы. То есть место было мало посещаемое, где можно было договориться с батюшкой, чтобы сведения о новокрещеном не вписывать в особые книги для дальнейшей

передачи в компетентные органы. Здесь нужно сказать, что мой папа в то время состоял в партии, более того — занимал высокую должность, да и мама работала в системе здравоохранения по линии «Интуриста», поэтому мои крестины могли составить им много хлопот. Разумеется, внешние детали ушли из памяти, а вот состояние нескончаемой радости, желания всех любить, быть со всеми вместе в единстве чувств и мыслей я помню до сих пор. Вскоре, по совету мамы, я начал посещать воскресную школу, чтобы узнать азы Православия. Однако о священническом сане не помышлял. Но Господь судил иначе... Дальше была Духовная семинария, академия.

– Вспоминая годы своей учебы и сравнивая их с нынешними временами, какие сходства и различия вы могли бы отметить?

– Мое обучение проходило в Московских духовных школах, которые, несомненно, являются родоначальницами всех современных богословских учебных заведений. Поскольку практически все ректоры, преподаватели были выпускниками академии у Троицы. Конечно же, есть многое, что связывает сегодняшнюю семинарию с дореволюционной. Это помнят старейшие педагоги — К.Е.Скурат, А.И.Осипов, уже покойный И.А.Глухов, и мы на педагогической стезе стараемся подражать их любви к студенчеству и к науке. Но самое главное достоинство семинарии заключается в том, что она находится на территории обители Преподобного Сергия. Он, пожалуй, главный педагог — причем не только для студентов, но и для преподавателей. Один семинарист, который не поражал педагогов своими способностями и, однако, весьма преуспевал в богословских науках, часто повторял очень простую, но мудрую вещь: «Экзамены мы сдаем у Преподобного». И на самом деле это так, поскольку связь студента с аввой Сергием является важнейшим мерилом его внутреннего мира и его

устремленности к Богу. Поэтому нахождение духовных школ на территории лавры создает определенную атмосферу. Неизмеримо много дала мне и знаменитая академическая библиотека. Один замечательный священник говорил мне, когда я уходил с прихода на обучение в семинарию: «Знай три дороги: в храм, в библиотеку и в аудиторию». Наверное, это завет для каждого студента. С большой радостью и теплотой вспоминаю я своих семинаристских друзей. Многих из них я бы назвал даже наставниками. Наши студенческие спальни были похожи на большой плацкартный вагон. В одной келье жило от 20 до 50 человек. Я поступил в семинарию после празднования 1000-летия Крещения Руси. Это были годы, когда в Церковь приходило много молодых людей, — и семинарии были переполнены. На нашем курсе было четыре первых класса, и всех надо было разместить, поэтому и комнаты были такие большие. Но несмотря на стесненные бытовые условия, мы чувствовали братское единение. Вспомнил я сейчас такую историю. У нас был студент, его звали Вениамин, он жил в десятой, конечной комнате на выходе, за которой располагались все остальные кельи. В нее вела дверь на мощной пружине. Не знаю, откуда ее взяли, думается, от какого-нибудь мощного трактора. Так вот: каждый раз, когда кто-то выходил, раздавался такой хлопок, который мог разбудить всех студентов. А Вениамин просил, умолял, чтобы ему разрешили спать именно у этой двери, там, откуда все норовили убежать. И на протяжении трех лет обучения в семинарии он выбирал это самое неудобное место, чтобы облегчить жизнь своим братьям по семинарии и приобрести то замечательное качество, которое должен приобрести каждый христианин, то доброе смирение, которым входит в наше сердце Сам Христос. Мы всегда помогали друг другу и знали, что можем рассчитывать на своих однокашников. И сейчас, когда мы, спустя более чем 10 лет, встречаемся — к сожалению, не часто, — осознаем: чувства братской любви и взаимовыручки никуда не исчезли, а, напротив, окрепли. Вот это чаще всего вспоминается, это очень дорого... Мыслями я неизменно обращаюсь к лаврской братии. Они преподавали воспитанникам семинарии уроки духовности, снисходительности, терпимости к другим и требовательности к себе. Разумеется, вспоминаю я наших замечательных профессоров: А.И.Сидорова, Б.А.Нелюбова, А.К.Светозарского и многих других. Их отличало то, что они всегда в своей педагогической деятельности видели студента, любили свой предмет и могли эту любовь донести до каждого из нас.

– А какие положительные изменения произошли в духовных школах за последнее время?

– В первую очередь отмечу возможность пользоваться книгами, которые были нам недоступны. Ну и, конечно, Интернет. Он очень экономит время и существенно расширяет источники информации. Очень отрадно, что в Сретенской духовной семинарии прекрасно оборудованный компьютерный класс и студенты могут пользоваться интернет-ресурсами. Принципиально важным достижением для духовных школ я считаю повышение их статуса. Теперь наши выпускники получают высшее образование и имеют полное право преподавать в вузах и школах. Это значительно расширяет возможности миссионерской деятельности.

– Что, на ваш взгляд, отличает Сретенскую семинарию от остальных духовных школ?

– По моему убеждению, любая духовная школа обладает теми положительными качествами, которые хотелось бы видеть в каждом учебном заведении. В отношении Сретенской семинарии мне нравится прежде всего тот факт, что наша педагогическая корпорация постепенно становится единой, дружной семьей. В этом, конечно, огромная заслуга нашего ректора — архимандрита Тихона (Шевкунова). Несмотря на большую занятость, он находит время для общения с преподавателями, мы вместе решаем научные, учебные, дисциплинарные проблемы. Да и просто собраться по-дружески, встретить светлый церковный праздник, пообщаться по душам — это очень важно... С отцом Тихоном я познакомился, когда он был насельником Донского монастыря, а я — студентом. Он тогда занимался изданием литературы, и я приезжал к нему, чтобы приобрести по льготной цене книги для своих друзей. Отец Тихон был строгим, сосредоточенным, но при этом очень хорошо понимал проблемы студенчества. Его искренность, простота и деятельность помогают нашим соотечественникам обрести веру.

– Батюшка, не могли вы сказать несколько слов о каких-то занимательных эпизодах из вашего преподавания в Сретенской духовной школе?

– Знаете, к занимательным историям и курьезам надо очень серьезно относиться. Ведь как отметил один историк: все доброе уходит, ибо оно естественно, а остается как камень преткновения то зло, которое совершает человек. Но, слава Богу, никакого зла в стенах семинарии мне не встречалось. Просто неизменно остается одно общее доброе впечатление. У нас не бывает такого, на что жалуются преподаватели других духовных школ, где студенты приносят вместо тетрадки подушку — и засыпают, да, такое тоже бывает. Наши студенты оставляют очень отрадное впечатление.

– Отец Алексий, в чем вы видите перспективы богословского образования?

– Господь говорит: жатвы много, делателей мало. Поэтому каждый человек, который хочет послужить Церкви, будь то священник, педагог, воспитатель или любой гражданин, может принести ей свои — достойные — плоды. Даст Бог, этих плодов с каждым разом будет все больше. Постоянное развитие духовных школ — это наша общая задача. И ее мы должны решать постоянно. Жизнь меняется, а значит, меняется и отношение к ней Церкви. Но духовные основы остаются незыблемыми. Следовательно, мы должны блюсти эту необходимую стабильность, а вместе с тем проявлять гибкость в решении насущных задач. Для того чтобы церковная жизнь, основываясь на прочном фундаменте, развивалась, будущим священнослужителям нужно овладеть широкими знаниями, — знаниями, которые, поверьте мне, всегда востребованы в ежедневном служении на приходе.

«Без осознания призвания к служению Церкви учиться в духовной школе нет смысла»

Священник Игорь Якимчук

Отец Игорь, расскажите немного о себе.

– Я родом из Сергиева Посада, родился в семье священника — преподавателя Московской духовной семинарии. Интересно, что моим первым местом жительства был дом знаменитого отца Павла Флоренского, где мои родители тогда снимали квартиру. Супруга отца Павла даже называла меня одним из своих внуков. У меня есть младший брат, сейчас он протоиерей, настоятель одного из приходов в Московской области. Все наше детство и юность были связаны с лаврой и академией. Помню, что у детей в академическом храме было особое место в ризнице, откуда все было хорошо видно и слышно. Отец был регентом академического хора, поэтому с ранних лет мы имели навыки церковного пения. Я близко знал многих преподавателей из старой корпорации. Ректором МДА был тогда нынешний Блаженнейший митрополит Киевский и всея Украины Владимир. Он сам очень любил детей, и дети его очень любили. Теплые воспоминания у меня сохранились о наместнике лавры того времени, архимандрите Иерониме, ее экономе — нынешнем архиепископе Владимирском и Суздальском Евлогии и многих других. Яркие воспоминания остались о наших с братом выступлениях на рождественских елках, на которые ежегодно приезжал святейший патриарх Пимен. Мы были еще совсем детьми, но тем не менее старательно готовили свои номера. Хотя, конечно, не обходилось и без казусов. Однажды мы подготовили номер с музыкальными инструментами, причем я играл на скрипке в сопровождении фортепиано. Выйдя на сцену, я так сосредоточился на исполнении, что забыл повернуться лицом к зрителям. Отец, сидя в зале, тщетно пытался как-то исправить ситуацию, привлечь мое внимание, но я так и исполнил всю программу, стоя спиной перед патриархом.

– Какое образование вы получили?

– Я получил медицинское образование. Окончил Дмитровское медицинское училище,

фельдшерское отделение. Пошел учиться туда после восьмого класса. Хотя в школе я учился на «отлично», поступить в институт в то время шансов у меня было мало: сын священника, не комсомолец, не был ни пионером, ни октябренком. И вот это обстоятельство вынудило меня покинуть школу и идти овладевать какой-то профессией. Я выбрал медицину и окончил училище с отличием. Впоследствии я работал в бригаде «Скорой помощи» фельдшером. Очень любил свою работу, она мне казалась чрезвычайно интересной, романтичной, ответственной, важной — помогать больным, спасать людей. Ну а после этого принял решение идти в семинарию, поскольку все равно не мыслил жизни без служения Церкви.

– Что вам запомнилось во время обучения в семинарии более всего?

– Наиболее яркие впечатления остались, конечно, от наших преподавателей. Особенно от тех профессоров, которые пережили самые тяжелые годы атеистических гонений. Очень яркие, живые, интересные лекции были у профессора Алексея Ильича Осипова. С благодарностью вспоминаю профессоров Константина Ефимовича Скурата, Владимира Дмитриевича Юдина, Ивана Васильевича Воробьева и многих других. Во время обучения я нес певческое послушание в братском хоре Троице-Сергиевой лавры под управлением архимандрита Матфея. Многолетнее общение с отцом Матфеем стало для меня великолепной школой не только пения, но и жизни в Церкви, должного отношения к богослужению, к порученному тебе делу.

– А как возник интерес к ныне преподаваемой вами общецерковной истории?

– Интерес к истории у меня возник с самого раннего детства. Я очень рано научился читать и в детстве много читал. Так получилось, что в мои руки еще до школы попал том из серии «Всемирная история». Это была толстая книга, там, наверное, было больше тысячи страниц, но я просто зачитывался ею. Очень любил читать художественную литературу на исторические темы и, конечно же, «Жития святых» святителя Димитрия Ростовского, которые тоже связаны с церковной историей. История всегда была одним из любимых моих предметов и в школе, и в семинарии, и в академии. Моя работа в Отделе внешних церковных связей оказалась связанной с Поместными Православными Церквами. А их современная жизнь — это опять-таки продолжение все той же церковной истории.

– Отец Игорь, расскажите, пожалуйста, как вы стали преподавателем Сретенской духовной семинарии.

– Почти пять лет проректором Сретенской духовной школы был мой близкий друг и однокурсник владыка Амвросий (Ермаков). Первоначально я бывал в монастыре и духовной школе, посещая отца Амвросия. Он показывал мне классы, спальни, рассказывал, как устроена жизнь студентов. Были и разговоры о том, чтобы преподавать, но сотрудничать со Сретенской духовной семинарией я стал уже после того, как отца Амвросия рукоположили в архиереи. Общецерковную историю здесь вел один из сотрудников ОВЦС — отец Николай Данилевич. После того как он уехал в Киев, освободилась вакансия, и мне предложили читать эти лекции. Я с удовольствием согласился и не жалею о своем решении.

– А что вы можете сказать конкретно о студентах-сретенцах, сравнивая их, например, со своими однокурсниками: уровень знаний, отношение к учебе и т.д.?

– Учась в духовных школах, я часто ловил себя на мысли о том, как отличаются современные мне студенты от, к примеру, однокурсников моего отца. Но это объективные различия, они обусловлены той или иной эпохой, которая накладывает свой отпечаток на всех людей, в том числе и на семинаристов. Что касается уровня знаний и прилежания, то во все времена были и остаются как отличники, так и те, кто недостаточно успевает в учебе. Нужно также отметить, что каждая семинария, несмотря на то, что везде учатся по единой программе, имеет свою специфику. Если говорить о Сретенской духовной семинарии, то по сравнению, например, с Московской, она небольшая, потому и атмосфера здесь более доверительная, семейная.

– А были ли студенты, которые писали у вас курсовые или дипломные работы? Может быть, какой-то семинарист заинтересовал вас как исследователь той или иной проблемы?

– Всегда на каждом курсе находятся один или два человека, которые выделяются своими знаниями, своей подготовкой, своими интересами к этому предмету. Так, в прошлом году студент Валерий Мешалкин, которого

Рождественское богослужение в Сретенском монастыре

привлекла предложенная мною тема сочинения об Афоне, написал по ней основательную курсовую работу. В этом году весьма порадовал Антон Поспелов, написавший хорошее сочинение о Флорентийской унии, которое уже вполне отвечает уровню курсовой работы.

– Отец Игорь, какой вы видите методику преподавания своего предмета? Интересно узнать, как вы проводите экзамен.

– По моему мнению, задачей преподавателя является пробудить интерес воспитанников, построить изучение своего предмета так, чтобы студенты полюбили его. В меру своих сил и дарований стараюсь следовать этому принципу. На экзамене не стремлюсь относиться к студентам излишне строго, зная, что мой предмет у них не единственный, а жизнь заставит их рано или поздно вспомнить о том, что они изучали, поднять какую-то литературу, освежить знания...

– Отец Игорь, как вы считаете, может ли юноша, поступающий в семинарию, понять, есть ли у него призвание к священническому служению?

– Желание стать служителем алтаря открывается у разных людей по-разному, в различные периоды жизни. Некоторые уже с детства готовятся быть священниками, другие пришли к этому позже, в подростковом возрасте или в зрелые годы. Думаю, что у тех, кто принял решение поступать в семинарию, уже должно быть полное понимание того, что ты призван Господом. Без осознания призвания к служению Церкви учиться в духовной школе нет смысла.

– Отец Игорь, каковы, по-вашему, итоги десятилетнего существования Сретенской духовной семинарии?

– Десять лет — это период, по которому можно оценивать целесообразность какого-либо начинания. Если говорить о Сретенской семинарии, то за эти годы она состоялась как добротное духовное учебное заведение. Ее преимуществом является местонахождение, с одной стороны, в центре Москвы, что позволяет привлекать сюда высококвалифицированные преподавательские кадры, с другой — в стенах обители с ее благотворным воздействием на воспитанников. В семинарии неплохо налажен учебный процесс, заложены хорошие традиции общей богослужебной жизни с основания Сретенского монастыря. Хотелось бы пожелать тем, кто здесь учится, ценить эти годы и не тратить их напрасно.

«Семинаристы должны научиться жить православно»

Протоиерей Стефан Жила

Отец Стефан, где вы учились?

– Не считая среднего образования, я сначала выучился на фармацевта. Потом окончил Киевский университет, получив специальность химика. Я очень любил химию, но Господь судил иначе. Еще учась в университете, я встретился с людьми, которые пробудили во мне интерес к философии, к искусству, и я стал искать истину. Тогда же я познакомился с серьезными книгами, например «Свет невечерний» Булгакова и др. Я осознал: мне нужна не просто наука — для меня важнее найти смысл жизни, докопаться до истины. И я начал ходить в храм. Но у меня не было Евангелия. Его мне дали батюшки, и я его переписал от руки.

– Батюшка, когда вы решили учиться в духовной семинарии?

– Со временем у меня появились верующие друзья, мы обсуждали вместе религиозные темы. До сих пор помню, что Церковь нами тогда воспринималась как красивый цветок, который все проходящие стараются схватить, надломить. А нам хотелось Церковь защитить и потрудиться на ее благо. Так вот: зрелое решение учиться в семинарии для того, чтобы получить богословское образование и принять сан, у меня появилось в студенческие годы.

– Отец Стефан, а чем запомнились годы учебы в духовной школе?

– Когда я учился, все студенты были охвачены вдохновением: кто-то постоянно разучивал ноты, кто-то вел богословские диспуты. Мы вместе вечерами читали Библию, ходили к отцу Кириллу (Павлову) — лаврскому духовнику, чтобы послушать чтение правила и Евангелие. Обязательно ходили по утрам к преподобному Сергию. Вот такая была увлеченность, потому что в семинарию по преимуществу поступали уже взрослые люди. Они вы́носили свое решение, они были готовы ко всем трудностям служения, ко многим испытаниям. Они приготовили свою душу к искушению. Время-то было непростое, все вольно или невольно думали:

«Господи, с кем я буду служить, кто меня поддержит?..» И потому искали себе спутницу жизни такую, которая стала бы правой рукой. Все хотели, чтобы жена вела не только дом, но и помогала на приходе. А главное — могла разделить труды и скорби своего мужа.

– Как вы познакомились со своей матушкой?

– Я, как и мои товарищи, понимал, что матушка будет мне первой помощницей на приходе. Моя будущая жена пела в церковном хоре.

– Батюшка, что вы можете посоветовать семинаристам по поводу выбора будущей жены?

– Очень непростой вопрос. Сейчас ведь много девушек невоцерковленных и неверующих. И если возникают чувства, то семинарист может привести свою избранницу к Богу, если, конечно, она сама проявит любовь и послушание. Но, к сожалению, бывают случаи, когда невеста, будучи нецерковной, показывает видимость церковности, чтобы добиться своей цели — выйти замуж. И в дальнейшем она не будет надежной помощницей батюшке, не сможет дать детям православного воспитания. Иначе говоря, будущий священнослужитель должен все-таки жениться на верующей и воцерковленной девушке. Супруги должны взаимно обогащать друг друга и идти по одному пути. И здесь нельзя полагаться на авось — это очень чревато. Отец Кирилл говорил на исповеди студентам: «Ребята, не забывайте, что есть огонь и порох. Вот вы — огонь. Если его донести до пороха, он воспламенится. Потому будьте осторожны в своих отношениях с женским полом».

– Отец Стефан, кто учил вас в Московских духовных школах?

– У нас было много видных преподавателей, представителей старой школы. Отец Александр Ветелев — очень интересный педагог. Он вел живое общение со студентами. Преподавал гомилетику и любил заинтересовывать аудиторию вопросами. Очень большое влияние на меня оказал преподаватель догматического богословия монах Василий (в миру Дмитрий Савичев). Это настоящий профессор. И стиль его преподавания — академический. Минут двадцать мы с ним всегда повторяли пройденный материал, а затем он начинал новую тему. Он читал цитаты и очень тонко и точно их изъяснял. Профессор Алексей Ильич Осипов — очень увлеченный педагог, глубоко знающий Православие. Особо запомнилось мне, как он соотносил философию со святоотеческим пониманием святителя Игнатия Брянчанинова.

– А кто были вашими однокурсниками?

– Назову отца Германа (Чистякова), архимандрита Дионисия (Шишигина).

– Когда состоялись ваши хиротонии?

– В семинарии на 2-м курсе. Это был 1975 год. На Преображение я был рукоположен в диакона, а 30 ноября — в иереи, ректором семинарии, тогда архиепископом Владимиром (Сабоданом).

– Батюшка, а потом вы сразу начали служение на приходе или были оставлены в лавре?

– Мне дали послушание экскурсовода в церковно-археологическом кабинете в МДА. Был также помощником инспектора. А потом мне предложили преподавать в семинарии Священное Писание Нового Завета на 4-м курсе. Я очень любил этот предмет и серьезно изучал Послания апостола Павла.

– А как началось ваше служение на приходе?

– Сначала я был назначен в храм Петра и Павла на Новобасманной. И мы многое там сделали. Нам удалось убрать оттуда институт, мы восстановили церковь из разрухи. Потом меня перевели в храм Пантелеимона. Сейчас я являюсь настоятелем храма Рождества Христова в Митине.

– Батюшка, как вы начали сотрудничать со Сретенской духовной семинарией?

– Конечно, я много слышал и о Сретенском монастыре, и о его наместнике, ректоре Сретенской духовной семинарии — архимандрите Тихоне (Шевкунове), а также о крупном православном издательстве при обители. О семинарии я узнал от своего сына Никона, который начал петь в монастырском хоре. Потом Никону предложили руководить хором и преподавать. А затем пригласили и меня.

– Батюшка, какие предметы вы преподаете в Сретенской семинарии?

– Я преподаю Новый Завет на 4-м курсе — Послания апостола Павла и Апокалипсис. То, чем я интересовался, еще будучи семинаристом.

– А как, с вашей точки зрения, необходимо преподавать Священное Писание Нового Завета? Что нужно делать, чтобы материал усваивался лучше?

– Конечно, я стараюсь, чтобы студенты лучше усвоили материал. В этом году мы на каждое

Послание пишем по одной или по две домашние работы. В них семинаристы, с опорой на толкования епископа Феофана Затворника, излагают и иллюстрируют главные темы. Послания апостола Павла требуют вдумчивого разбора. Да, мы должны принять их буквальный смысл, но мы обязаны дать и критический анализ — объяснить, истолковать. Необходимо показать исторические условия, текстологические особенности и проч.

– В связи с этим расскажите, пожалуйста, о том, как вы проводите экзамены.

– На экзаменах надо рассказывать то, что осталось в душе. Ведь когда студенты готовятся, они все еще раз переживают, припоминают. На экзамене я задаю конкретизирующие вопросы, позволяющие выяснить, как семинарист понимает то или иное место из апостола Павла, какие он может сделать практические выводы.

– Отец Стефан, чему нужно научить современных семинаристов?

– Я бы так сказал, семинаристы должны научиться жить православно. Чтобы их молодые силы не тратились попусту, а уходили на воцерковление. Кроме того, воспитанникам духовных школ просто необходимы практические навыки. И хорошо, что сретенские семинаристы имеют возможность общения с широкой аудиторией, например в Политехническом музее. Уверен, если молодой человек живет подлинной церковной жизнью, то он сумеет понять и разрешить те проблемы, которые неизбежно возникают в дальнейшей жизни, в том числе при пастырском служении.

– Какие проблеммы семинарской жизни вы можете отметить?

– Это сейчас беда всей молодежи, а не только семинаристов — отсутствие заинтересованности в знаниях. Нет огонька. Вроде и Интернет, и книги доступны, а очевидно остывание. Когда мы учились, книги, учебники были дефицитом, да и стоили они дорого. Мы много занимались в библиотеках, читали периодику, например «Богословский вестник». За каждой контрольной работой, которую мы писали, просиживали очень много времени, и это обогащало. А сейчас время другое... Но все же студенты очень чистые, непосредственные, правдивые. И это так радует! Они как губка впитывают знания, ведь они потом будут служить, нести народу слово Божие.

– Батюшка, скажите несколько слов о выпускниках Сретенской духовной школы

– Я вспоминаю нашего выпускника, а сейчас уже преподавателя, отца Иринея (Пиковского). Очень поражал своей серьезностью. Диакон Александр Слесаренко оканчивает в этом году, олицетворяет трудолюбие. Диакон Антоний Новиков — очень внимательный студент.

– Отец Стефан, что вы можете сказать в качестве своего напутствия учащимся по случаю десятилетия Сретенской духовной семинарии?

– Я очень хочу, чтобы наши воспитанники достойно несли звание студента Сретенской семинарии. Ведь в Сретенском монастыре покоятся мощи святителя Илариона, нас всех вдохновляют его творения. Учащиеся должны понимать: семинария существует десять лет, и она уже известна не только в России, но и за ее пределами. Такая популярность накладывает большую ответственность. И, наконец, повторю, что семинаристам нужно помнить: если их жизнь воцерковлена, если она действительно отдана Богу и Церкви, они непременно сумеют доказать свою правоту и защитить свою веру.

«Семинария должна быть школой благочестия»

Иеромонах Иов (Гумеров)

Вы раньше преподавали в Московской духовной академии и семинарии. Что привело вас туда?

– В течение 15 лет я работал старшим научным сотрудником во Всесоюзном научно-исследовательском институте Академии наук СССР. Мой первый духовный наставник священник (сейчас — протоиерей) Сергий Романов, с которым я тогда общался не только в храме, но и нередко дома, мне однажды сказал (происходило это летом 1989 года): «Вам надо преподавать в Духовной академии». Такая мысль никогда не могла прийти мне в голову. Но поскольку я с полным доверием относился к своему духовному руководителю, то я согласился. Все произошло довольно быстро. Я вспомнил, что отец Владислав Цыпин, с которым я был хорошо знаком, преподает в лавре. Я сказал ему, что у меня есть намерение стать преподавателем. Через некоторое время, а дело было в августе, мне позвонил проректор академии профессор М.С.Иванов и пригласил приехать в академию. Он попросил подготовить к встрече программу годового курса «Христианство и культура». С ней я приехал к нему в назначенный день. Вопрос, по-видимому, был предрешен. Михаил Степанович говорил со мной весьма доброжелательно, как с будущим преподавателем. Затем он повел меня к владыке-ректору архиепископу Александру (Тимофееву). Войдя к нему, я подошел под благословение. Мы сели. Он очень приветливо стал говорить. Но начало беседы я не помню. Увидев у меня в руках листки бумаги, он спросил: «Это у вас программа? Можно посмотреть?» Прочитав вслух один из пунктов, он попросил раскрыть его. После моего ответа он, обращаясь к М.С.Иванову, решительно сказал: «Готовьте к Совету».

– Какие дисциплины вы преподавали?

– В течение 1989/90 учебного года читал лекции по теме, по которой мною была подготовлена упомянутая выше программа. Лекции проходили по четвергам раз в неделю

в актовом зале. Посещать должны были студенты всех курсов академии и семинарии. Приходили на лекции и некоторые преподаватели. Помню, приходил и садился в заднем ряду архимандрит Венедикт (Князев), который тогда был первым проректором по воспитательной работе.

– Был ли интерес у студентов к темам лекций?

– Мне трудно ответить на этот вопрос. Люди молча слушали. Некоторые посылали записки с вопросами. Помню, очень много записок вызвала лекция против эволюционизма. Вопросы не были полемические. Просто людям что-то хотелось узнать подробней.

– Как в дальнейшем проходило ваше преподавание?

– Владыка Александр требовал, чтобы преподаватели, приглашенные из светских институтов, обязательно окончили экстерном семинарию, а затем академию. Мне пришлось сдавать экзамены и зачеты сначала за семинарию. Окончил я семинарский курс в мае 1990 года, а экзамены за академию сдал в следующем учебном году. Осенью 1991 года защитил диссертацию на степень кандидата богословия. В конце первого года преподавания архимандрит Георгий (Тертышников), которого многие знают по его исследованию творений святителя Феофана Затворника, сказал мне: «Вам будут предлагать преподавание Ветхого Завета в академии. Не отказывайтесь». Он занимал должность помощника инспекторов академии и семинарии. Сначала я читал лекции по Ветхому Завету на 1-м курсе академии, а потом и на 2-м.

– А в семинарии?

– Также мне было поручено вести «Основное богословие» на 3-м курсе. На 4-м этот предмет вел Алексей Ильич Осипов. Отношения между нами всегда были ровные, но однажды возникло такое «недоразумение». Раньше (не знаю, как сейчас) он был строгим, почти беспощадным экзаменатором. Я же студентов всегда жалел. Знал, что это им очень неполезно, но ничего с собой поделать не мог. Приезжавшие сдавать экзамены заочники шли сдавать ко мне, когда Алексей Ильич был в отсутствии. Узнав об этом, он высказал недовольство. Я обещал ему не экзаменовать учащихся 4-го курса.

– Вы уже давно не преподаете в академии. Кого вы наиболее часто вспоминаете из тех, с кем вас объединяли совместные труды?

– Наиболее дорогими воспоминаниями для меня является все, что связано с владыкой Александром. Я чувствовал его постоянную любовь. Хотя он был старше меня всего на пять месяцев (родился в августе 1941 года), я относился к нему как к заботливому отцу. Помню такой эпизод. Лекции по «Основному богословию» читались в большом актовом зале, потому что на третьем курсе было четыре класса, что составляло около 120 человек. Однако в первую седмицу сентября эта аудитория предоставлялась для только что набранного первого курса. Им читались различные лекции общего характера. Об этом я забыл и пришел читать лекцию третьему курсу. Увлекшись, я не смотрел на сидящих и только в конце лекции понял, что в зале сидят неизвестные мне люди. Я дочитал лекцию. А потом узнал, что мои студенты все это время дожидались меня в малом актовом зале, который находился за центральным археологическим кабинетом. Произойти это могло потому, что преподаватель, чья лекция была назначена на первом курсе, приехать не смог. Об этом стало известно ректору. Он

С братией на Афоне

сказал проректору М.С.Иванову: «Спросите отца Афанасия, почему он не явился на лекцию. Только мягко, без выговора».

– А еще кто вам особо запомнился?

– Архимандрит Кирилл (Павлов). Он был общим духовником не только в лавре, но и в академии. Если был какой-либо вопрос, можно было пойти к нему и спросить. Но один случай дал мне возможность узнать в нем настоящего любящего пастыря. Рукоположил меня Владыка Александр в день Святой Троицы 3 июня 1990 года. Накануне я исповедался, но почему-то мне не сказали, что это надо было сделать у отца Кирилла. Он должен был дать документ о том, что у меня нет канонических препятствий к хиротонии. Через несколько дней стали готовить документы для утверждения хиротонии Патриархом (такой был порядок). Обнаружилось отсутствие справки духовника лавры. Мне сказали, что надо идти к архимандриту Кириллу, чтобы он в тот же день принял у меня исповедь. Я пошел к нему в келью. Он сказал, что вечером будет читать Ветхий Завет для желающих. «Ты приходи, а потом я тебя исповедаю». Читал он в хибарке, которая находилась под Трапезным храмом. На чтение собралось несколько человек, в числе которых я запомнил студента и рабочего. Отец Кирилл читал книгу пророка Исаии. В это время наверху в Трапезном храме шли выборы Патриарха на Поместном Соборе 1990 года. Чтение Писания прервал колокольный звон. Кто-то сказал: «Избрали». Отец Кирилл послал одного из сидящих у входа узнать, кого избрали. Тот вскоре вернулся и сказал: «Митрополита Алексия». Отец Кирилл широко осенил себя крестным знамением и произнес: «Слава Богу!» Затем он сказал: «Надо идти поздравлять. Пойду одену мантию и клобук». Такой ход событий для меня был непредвиденным. Исповедь моя откладывалась. И я вдруг принял решение идти за ним. Он, как оказалось, хорошо помнил о том, что

обещал мне. Увидев, что я иду за ним в келью, он сказал: «Ты меня не теряй». Он быстро поднялся на второй этаж. Одел мантию и клобук и быстрым шагом (ему был тогда 71 год) пошел к входу в Трапезный храм, весь плотно заполненный людьми. Стояло несколько тысяч человек. Отца Кирилла пропустили, и он оказался среди тех, кто стоял на солее. Я внимательно следил за его перемещениями. В это время начался благодарственный молебен. Кто-то из священноначалия увидел отца Кирилла и позвал к новоизбранному патриарху. После молебна патриарх Алексий благословлял всех присутствовавших. Длилось это несколько часов. Отец Кирилл не уходил. Он вышел из храма, когда все стали расходиться. Мне удалось пробиться к нему. Увидев меня, он сказал: «Идем». Мы пришли к нему в келью. Хотя уже была ночь, он не сказал мне: «Приди завтра». В его настроении не было никакого недовольства и нетерпения. Он прочитал все положенные по чину молитвы, и началась моя исповедь за всю жизнь. Вышел я от него во втором часу ночи.

Хорошо помню протоиерея Бориса (Пушкаря), который вскоре стал Вениамином, епископом Приморским. Приглашенный на Синод, он долго отказывался принимать это назначение, что побуждало членов Синода проявить большую настойчивость. Когда меня рукополагали в диакона, я перед всенощным бдением впервые одел подрясник. Как мог, завязал плетенный из черного суташа пояс. Отец Борис увидел и завязал его на мне заново. Потом продел один конец через петлю и сказал: «Так не развяжется».

Вообще отношения между преподавателями были простые и доброжелательные.

В день моей дьяконской хиротонии после обеда встретил в палисаднике архимандрита Иону (Карпухина), ныне архиепископа Астраханского. Он искренне поздравил меня и сказал: «Рад, что вы теперь с нами».

С теплотой вспоминаю спокойного и доброжелательного архимандрита Сергия (Соколова), который в декабре 1995 года стал епископом Новосибирским. В первый год моего преподавания я сдавал экзамены за весь курс

семинарии. Отец Сергий преподавал тогда Ветхий Завет. Я пошел к нему для сдачи экзамена. Ставя в ведомости оценку, он прибавил: «Это моя первая подпись в качестве архимандрита». В сан архимандрита он был возведен к празднику Святой Пасхи в 1990 году.

Часто вспоминаю дружеское общение с архимандритами Венедиктом (Князевым) и Платоном (Игумновым). Их расположение позволило мне приобщиться к традициям академии.

– Вы много преподавали в духовных школах. Расскажите о том, где вы учились?

– Я отношусь к числу «вечных студентов». Моя учеба началась в школе, когда мне было 7 лет, а в 49 лет я еще сдавал экзамены по академическим предметам. В школе меня интересовала философия и физика. Но Господь направил мои познавательные интересы по тому руслу, которое меня привело к священству и богословию. Мы жили на окраине Уфы. Недалеко от нас находилась библиотека, в которой я обнаружил классические труды Р. Декарта, Г.В.Лейбница, Г.Гегеля и других философов. Эти книги я брал домой. Окончив среднюю школу, я хотел поступить на философский факультет Московского университета, но туда принимали только с трудовым стажем не менее двух лет. Мама не хотела, чтобы я откладывал продолжение учебы. Она уговорила меня поступить на исторический факультет Башкирского государственного университета. Там я окончил четыре курса, перешел на пятый. Но мое желание оставалось неудовлетворенным. Неожиданно для меня ректор университета, который знал о моем увлечении философией, предложил попробовать перевестись на философский факультет Московского университета: «У меня хорошие отношения с начальником управления университетов и гуманитарных институтов Министерства высшего образования Н.В.Пилипенко. Я напишу ходатайство о приеме в МГУ». Действительно, все прошло без затруднений. Я был принят на третий курс. Началась сверхнапряженная жизнь: декан факультета профессор В.Молодцов мне строго сказал: «Принимаем на третий курс, но в течение учебного года вы должны сдать все экзамены за два первых курса». Тяжелая это была задача — за год окончить три курса. Сдать все я успел, но чувствовал огромную усталость.

— Кто запомнился вам на философском факультете МГУ?

– Тогда еще преподавал профессор Валентин Фердинандович Асмус, но у нас он ничего не вел. Больше всех мне запомнилась Пиама Павловна Гайденко. Молодая, увлеченная немецким экзистенциализмом, она вела у нас семинары. Как-то мы встретились у входа в здание факультета на Моховой. Она сказала, что хочет поговорить со мной. Затем она спросила, кем я хотел бы стать. Не помню, что я тогда ответил. Сейчас этот случай дает повод к размышлениям над тем, как неожиданно может измениться течение жизни человека. Мысль о том, что я буду священником и монахом, тогда была абсолютно фантастичной.

По окончании Московского университета я вернулся в Уфу. В Башкирском университете преподавал философию и логику. Через несколько месяцев моя учеба продолжилась в другом необычном учебном заведении — училище жизни. Я попал солдатом в армию. Служил чуть меньше года. Совершенно не жалею о времени, проведенном в армии. Открылись новые грани жизни. Это мне потом пригодилось.

После армии я поступил в аспирантуру Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР, который тогда возглавлял академик А.М.Румянцев. Там мною была подготовлена диссертация на тему «Системный анализ механизма изменения социальной организации». По окончании аспирантуры стал работать в Институте научной информации по общественным наукам. В декабре 1973 года в Институте философии мною была защищена диссертация. С 1975 по 1990 год я работал старшим научным сотрудником во Всесоюзном научно-исследовательском институте Академии наук, о чем уже говорил.

– Что же повлияло на то, что вы стали православным священником и монахом?

– Вера рождалась постепенно. В одно время я вел дневник. Я никогда не перечитывал, а недавно заглянул в него и прочитал: «14.XI.1976 г. Эти записи я решил вести с одной определенной целью: путем постоянных раздумий преодолеть душевную раздвоенность. Я остро, почти болезненно, чувствую необходимость веры и не могу ее обрести. Я жду, что она придет сама. Но для этого нужно, чтобы совершилось чудо, было откровение. Наверно, у каждого свой путь к вере. Одних обращает к вере приближение к смерти, другие ищут спасения во время тяжелой болезни. Я хочу начать свой путь. Хочу постепенно перейти к христианской морали, жить как христианин, и тогда, может быть, придет и вера. Начать, мне кажется, нужно с того, чтобы изжить наиболее зримые пороки: недостаток спокойствия, односторонность и узость в оценках. Затем я собираюсь дать несколько обетов, чтобы испытать свою готовность принять веру. Наконец, необходимо постоянно читать различные писания на христианские темы, чтобы не быть профаном в случае обращения... 18. XI. 1976 г. Приобрел Новый Завет. Карманное издание форматом с записную книжку». Поскольку невозможно научиться плавать, не входя в воду, я начал ходить в храм на службы и соблюдать пост. 25 января 1983 года была сделана запись: «Вторник. День св. Татьяны. Еще один день рождения. Проходят они сейчас спокойно. Середина жизни! Неудовлетворенность прежних лет прошла. Обретена вера — самый значительный дар, после стольких лет блужданий». Полное воцерковление всей нашей семьи произошло в апреле 1984 года.

– Вы имеете опыт преподавания в различных семинариях (Московской и Сретенской). Какие проблемы в жизни духовных школ вы считаете наиболее серьезными?

– Самая болезненная проблема связана с духовным воспитанием. У некоторых учащихся семинарии нет подлинного благоговения и страха Божия. Часть студентов заражена мирским духом. Этого трудно избежать. В духовные школы юноши поступают не из какого-то особого племени. Их поставляет наше нравственно больное общество. В 18 лет человек имеет уже вполне сформировавшийся духовный облик. За пять лет учебы его нелегко перевоспитать. Это тревожно, потому что вскоре после выпуска многие становятся священнослужителями. Какими? Все зависит от их благочестия, а это закладывается с детства. Поэтому иные становятся недостойными служителями, о которых сказано в одном из гимнов св. Симеона Нового Богослова:

Входя в Мой Божественный двор с дерзновеньем,
Бесстыдно стоят в алтарях и болтают,
Не видя Меня и не чувствуя вовсе
Моей неприступной Божественной славы,
Ведь если бы видели, так бы не смели
Всегда поступать, не дерзнули бы даже
Войти и в притвор православного храма.

(Гимн 58)

– Как избежать этого?

– Жизнь духовной школы должна быть неотделима от жизни Церкви. Уже само название ее — семинария (лат. seminarium — рассадник) ясно выражает ее назначение. Цель ее одна: воспитывать священнослужителей и пастырей, т.е. людей Церкви. Поэтому церковность в самом высоком и глубоком значении должна пронизывать духовные школы. Достигается это, прежде всего, чутким отношением к прошлому опыту, преемственностью, верностью многовековой традиции, в которой скристаллизовался лучший опыт предшествующих поколений.

Не нужно стремиться к внешней научности, вводя различные светские дисциплины в ущерб богословским. Святые отцы считали богословие наукой из наук. Если в семинариях преподавание богословских дисциплин поставлено грамотно и если учащиеся стремятся с любовью и усердием обогатиться из этой сокровищницы, то такая духовная школа может быть поставлена выше любого светского учебного заведения. Не должно быть никакого чувства неполноценности.

Весь творческий и административный потенциал руководителей духовных школ должен быть направлен на то, чтобы семинарии и академии стали подлинными рассадниками людей с твердым православным мировоззрением и глубоким богословским образованием.

«Многое зависит от педагогов и воспитателей, которые трудятся в семинарии»

Священник Андрей Рахновский

Отец Андрей, как вы пришли к вере?

– К вере пришел я где-то лет в 14–15. Был тогда интересный случай. Мы с друзьями занимались восточными единоборствами, все были крещеными... Я крестился в тринадцать лет, но не воцерковился. Просто на этом тогда настояла мама. Я не хотел сначала ехать на крещение, но мама мне сказала, что уже записала меня, и мы поехали. Крестился в храме Покрова Пресвятой Богородицы. Но духовные поиски начались с другой стороны — с «восточной». Мы с друзьями прочитали книжку священника Родиона Мороза «Люди и демоны» — она тогда только появилась. Мы с ней ознакомились, и это поколебало нашу уверенность в том, что мы не нуждаемся в духовной безопасности. Мы долго думали, и наш тренер, который и дал нам труд отца Родиона, посоветовал поехать в Троице-Сергиеву лавру и взять у монахов благословение на занятия единоборствами. Мы направились туда, — было это зимой. Приехали и подошли к одному монаху, он вообще нам ничего не сказал и пошел в другую сторону. Второй монах прогнал нас, сказав, что мы занимаемся какой-то бесовщиной. Мы не хотели несолоно хлебавши уехать оттуда, пошли и предложили свою помощь в работах по реставрации храма возле лавры — в честь Параскевы Пятницы. Его тогда освобождали от мусора. В конце дня к нам подошел человек, возглавлявший реставрационные работы, как оказалось потом, заведующий архитектурным отделом: «Ребята, почему вы приехали? Захотели помочь монастырю в реставрации? Я вам сейчас расскажу об истории храма». И очень долго разговаривал со мной и моими друзьями. И мы, увидев, что нами интересуются, прямо сказали о цели нашей поездки. Он удивился, но обрадовался, повел нас в лавру. Пришли мы в келью к его знакомому монаху — отцу Варнаве, там еще был батюшка какой-то, иеродиакон из Польши, мы стали пить чай и беседовать. В конце

они предложили нам почаще приезжать в лавру, сначала на экскурсию, которую согласился провести один иеромонах. Так получилось, что после этой встречи мы стали бывать в лавре каждое воскресенье — на протяжении лет двух-трех. Это были 1992–1994 годы. Мы, естественно, познакомились со многими батюшками, на службы стали ходить — в общем, начали воцерковляться, читать Евангелие. В ходе этого процесса мы отбросили наши занятия восточными единоборствами, увлечение восточной философией и т.д. Но это произошло не насильственно, а очень естественно — как будто скорлупа, шелуха отскочила. Мы сами убедились, что все наши прошлые привязанности уводят человека куда угодно, но не к Богу. Очень примечательный факт: когда я стал читать «Добротолюбие» (ну что еще читает неофит!), то, конечно, понимал не все, но чувствовал, что эти люди знают, о чем они пишут, в то время как восточные философы оставляли ощущение тумана и неясности.

– Расскажите о том, как созрело ваше решение получить духовное образование.

– Вообще-то собирался я поступать сначала не в семинарию, а в медицинский институт. Я два года занимался на курсах, даже получил специальность младшего медбрата. Но к концу одиннадцатого класса у меня созрело желание поступить в семинарию. Я все-таки решил сдать экзамены в Первый медицинский институт, так как они проводились в июле, а в семинарию поступают в августе. Я сказал об этом своему духовнику — он из лавры, иеромонах. Он мне ответил: «Так не делают: реши — или туда, или туда. Идти в семинарию в качестве запасного варианта неправильно». Я решился, поехал в семинарию и неожиданно поступил с первого раза.

– Вы учились в Московских духовных школах более десяти лет назад. Как вспоминаются те годы?

– Как самые счастливые и беззаботные годы, причем тогда я это не вполне осознавал. Да, было немного трудно, приходилось адаптироваться к семинарской обстановке. Домашний мальчик, единственный сын в семье, попал в общежитие с жесткой дисциплиной... Мы застали то время (я поступил в девяносто четвертом году), когда ректором МДАиС был владыка Филарет. Это была старая духовная школа, традиционная, но на ней лежала еще печать советских лет. Конечно, запомнились преподаватели, которые нас учили, сотрудники инспекции. Все были яркими личностями... Как ни странно, наиболее теплые воспоминания вызывают у меня сейчас самые строгие преподаватели. Алексей Константинович Светозарский у нас в первом классе преподавал. И требования у него были достаточно высокими. Владимир Дмитриевич Юдин, тоже преподаватель истории Русской Церкви, — один из самых требовательных наших учителей. Сейчас я испытываю по отношению к ним чувство благодарности за то, что они заставляли заниматься, ставили плохие оценки... На 3-м курсе семинарии я женился, стал жить в Москве и ежедневно ездил на занятия в Сергиев Посад.

– По окончании семинарии вы сразу поступили в академию?

– Нет, я окончил семинарию в 1998 году, затем год послужил на приходе и только потом поступил в академию на заочный сектор.

– А как получилось, что вы стали преподавать в Сретенской духовной семинарии Священное Писание Нового Завета?

– Дело в том, что я преподаю в Российском государственном социальном университете на кафедре теологии. А сюда меня пригласил один из преподавателей, который знал, что я преподаю в университете, и предложил читать курс по Новому Завету в Сретенской духовной школе. Священное Писание Нового Завета — очень важная дисциплина. Я сейчас участвую в написании семинарского учебника по книге Деяния святых апостолов.

– Есть ли у вас какие-то особые подходы в преподавании? Как вы проводите экзамен?

– Закон очень простой: студента спрашиваешь, он учит, студента не спрашиваешь, он не учит. Я считаю, что в последнее время очень не хватает требовательности в оценке знаний. Поэтому я спрашиваю как можно чаще и всех без исключения по каждой теме. К моменту аттестации, как правило, уровень знаний каждого уже очевиден, поэтому экзамен — это возможность повысить свою оценку для тех, кого она не устраивает.

– Является ли, на ваш взгляд, замкнутость семинарской системы фактором, который не позволяет позднее найти выпускникам духовных школ общего языка с паствой?

– Во-первых, я бы не преувеличивал эту замкнутость. А во-вторых, не стал бы называть ее ключевым фактором, который мешает полноценному пастырскому служению. Убежден, многое зависит от педагогов, от воспитателей, которые трудятся в семинарии. Они должны подавать пример. Я, например, считаю, что любое заискивание, равно как и высокомерие по отношению к студентам недопустимо. Нужно помнить: наши воспитанники волей-неволей копируют наше поведение и переносят его в свою жизнь, в том числе и в приходскую практику.

– Вы ученик Московских духовных школ. Могли бы их сопоставить со Сретенской духовной семинарией?

– По моим наблюдениям, в Сретенской семинарии обстановка более домашняя. И в этом есть и позитивные, и сложные моменты. С одной стороны, отношения внутри Сретенской семинарии более теплые и человечные, с другой — такая уютная атмосфера меньше располагает к собранности и подтянутости.

– Отец Андрей, а поменялись ли со временем учащиеся духовных школ?

– Мне кажется, да. Когда мы поступали, рядом с нами, вчерашними школьниками, учились люди, уже получившие высшее образование, и их уровень осведомленности и культуры нас в какой-то мере подстегивал. Нынешние студенты не столь азартны в получении знаний.

– То есть вы констатируете снижение общего уровня подготовки семинаристов?

– Нет, скорее речь идет о самом настрое на учебу.

– Отец Андрей, что бы вы пожелали нашим студентам накануне десятилетия их духовной школы?

– Прежде всего, важно, чтобы у студентов и выпускников семинарии оставалось живое чувство причастности к альма-матер и осознание себя частью единого братства. Пусть воспоминания о неизбежных в процессе обучения трудностях не смогут ослабить стремления поддерживать после выпуска духовную и дружескую связь с однокашниками и с семинарией. Еще хотелось бы пожелать христианской трезвости — чтобы на смену юношескому восторгу не пришел видавший виды цинизм, а зрелая рассудительность.

Воспоминания дежурных помощников

«Опыт внутренней дисциплины»

Монах Николай (Муромцев)

Отец Николай, расскажите, как вы пришли к Богу.

– Крестился я неосознанно. Это произошло по «воле» моего друга Дмитрия Дементьева, который сейчас работает в канцелярии Сретенской духовной семинарии. 5 сентября 1993 года мы пришли к нему на день рождения, и его мама решила сделать Диме и его младшей сестре подарок — покрестить их. Все, включая его друзей, пошли в храм. Перед крещением Дмитрий походил по храму, посмотрел и сказал, что здесь ему ничего не понятно и креститься пока он не будет. Решили, что покреститься надо кому-то из нас. Я должен был через полтора месяца идти в армию, поэтому решили крестить меня. Основы веры мне были незнакомы, и вскоре я забыл об этом событии. О Боге сознательно я в первый раз вспомнил, когда служил в армии (ФСБ в городе Москве, 1993–1995 гг., в период первой Чеченской войны). За два дня до выпуска из сержантской школы было объявлено о начале военных действий в Чечне. На общем построении нашего подразделения тем, кто готов отправиться в Чечню, предложили выйти на шаг вперед. Вышли все, объединенные единодушным чувством искреннего патриотизма. Ночью я стал размышлять о принятом решении. Вспомнились военные действия в Афганистане, откуда ребята возвращались ранеными, контуженными или вовсе не возвращались... Тогда я в первый раз помолился. Попросил у Бога, чтобы принятое мною решение не привело к роковым для меня и моих родных последствиям. Ведь мама сама меня отпустила, и мне не хотелось, чтобы она винила себя потом. Я дал обет: если благополучно вернусь из армии, буду вести жизнь православного христианина.

Четырежды нас должны были отправить в Чечню, но каждый раз находилась причина, препятствующая этому. В конце концов я был уволен в запас. Но весь наш гарнизон

через несколько дней расформировали, и все 2000 человек были отправлены в Чечню. Тогда я понял, что меня защитило от Чечни, и, приехав домой, в Петрозаводск, я обошел все храмы. О церковной жизни, таинствах я не имел ни малейшего представления. В моем понимании вести православную жизнь — это значило прийти в храм, поставить свечку, постоять несколько минут и уйти. Через полтора месяца я устроился на работу в милицию и обо всем забыл. Только через три года, когда я уже жил в монастыре, вспомнил ту ночь и тот обет, который дал Богу, находясь в армии.

– Расскажите о том, как вы пришли в монастырь.

– После окончания школы милиции я вернулся к себе в подразделение. Вскоре мы решили отпраздновать мой выпуск — поехали за город на шашлыки. По дороге водитель не справился с управлением, машина перевернулась. Авария произошла ранним утром, поэтому в это время я спал на переднем пассажирском сиденье и ничего не видел. А когда очнулся, уже не мог двигаться и самостоятельно выбраться из машины. Только к полудню приехала «скорая помощь», меня привезли в больницу, а когда собрались делать операцию, шанс на успешный исход не превышал 4-х процентов. Определили вывих 5-го шейного позвонка и защемление спинного мозга. Сначала мне не хотели делать операцию, не веря в ее успешность, к тому же в больнице не было нужных медикаментов. Мое руководство достало лекарства, и мне сделали операцию. Трое суток я был в реанимации. Когда меня привезли в палату, я был полностью парализован и чувствовал лишь одно лицо. На вопросы моих близких о перспективах врачи ответили, что чудес не бывает и я останусь в таком положении на всю жизнь. Поднять меня смогут лишь в Японии или Китае при очень дорогом лечении.

Мое восстановление началось через значительное время. Мне помогло изобретение одного из профессоров, который жил у нас в Карелии. После 10-й процедуры у меня начался процесс восстановления — через год смог сам держать ложку. Но тогда я это не связал с тем, что мне помогает Господь, и все приписывал случаю. Для меня главной целью было восстановление, и я для этого использовал все возможные способы. Одним из таких средств стало лжеучение Порфирия Иванова. Еще в больнице мне кто-то из больных дал почитать его брошюрку. Так как его учение на первый взгляд носит оздоровительный характер, то я решил этим заниматься. Когда пришел в монастырь, мне объяснили, что учение Иванова ложное.

В монастырь я попал также при участии своего друга, о котором уже упоминал, Дмитрия Дементьева, который в то время уже был в монастыре. В один из своих отпусков он рассказал мне о монастыре и предложил приехать и посмотреть самому. Меня привез в монастырь на машине отец Анастасий, который в то время находился в отпуске в Петрозаводске. Приехав

Отец Анастасий и монах Николай со своей племянницей

в монастырь, я месяц работал на вахте в административном корпусе у отца Тихона. Жизнь в монастыре мне понравилась. Возвратился домой за вещами и с тех пор живу в монастыре вот уже одиннадцать лет.

– Что вы можете вспомнить об отце Анастасии?

– С отцом Анастасием нас связывало многое. Он родом из одного города со мной, поэтому мы иногда вместе с ним ездили в отпуск домой. Он хорошо знал моих родителей. Когда моя мама приезжала ко мне в монастырь, то единственным, у кого она исповедовалась в то время, был отец Анастасий. Может быть, из-за этого он чувствовал на себе ответственность за меня и оберегал меня. Когда случались между братьями ссоры, он молча подходил ко мне, разворачивал и буквально отталкивал в противоположную сторону, чтобы я ничего не видел. Я очень рад, что Господь свел меня в монастыре с таким человеком во время моего становления на путь христианской жизни.

– Как восприняли родные и друзья ваш уход в монастырь?

– Друзья восприняли это по-разному. Одни не поверили, зная мою прошлую жизнь, мою жизнерадостность, веселость характера, и не могли себе этого представить. В их понимании это было не похоже на мой подход к жизни. Другие же восприняли спокойно, с пониманием того, что человек что-то ищет в жизни и это, возможно, его путь. Сейчас друзья уважают мой выбор, многие задают вопросы о вере. Очень влияет на них тот факт, что мы с Димой окончили семинарию и имеем богословское образование.

Что же касается родителей, то отец воспринял это очень спокойно. Мама же смирилась не сразу. Через год она приехала ко мне и, пока мы шли от вокзала до монастыря, постоянно говорила, что мне надо вернуться, жениться и вообще ей хочется уже нянчить внуков. Спорить с ней в тот момент было бесполезно, я шел и молча слушал. Когда же мы оказались в монастыре и она увидела, где я живу, работаю, пообщалась с насельниками, то сказала мне: «Ты знаешь, Валера (до монашества меня звали Валерием), оставайся-ка здесь, сколько тебе надо будет. На мой вопрос, почему она так решила, она ответила: «Все ваши ребята прямо любовью светятся, и между вами такие отношения, которые я всегда хотела создать у себя в семье. Чего-то я достигла, но в идеале я их увидела только у вас здесь. Таких условий я никогда не смогу создать тебе дома, поэтому живи здесь, но в монахи пока не постригайся». Моя младшая сестра, когда узнала, что я остаюсь в монастыре, сказала маме: «Оставьте его в покое, вместо него детей вам нарожаю я», — что она и сделала, сейчас у нее трое детей — две девочки и один мальчик. Вторая из племяшек очень похожа на меня, такая же веселая, жизнерадостная и боевая. Так Господь через внучку смог утешить маму за то, что я ушел в монастырь. Когда же через 7 лет наместник отец Тихон предложил мне постричься в монахи, то мама уже полностью смирилась с мыслью, что дальнейшая моя жизнь будет связана с монастырем, поэтому спокойно разрешила мне постригаться.

– Расскажите, как вас постригали в монахи.

– Наш постриг с Ильей (Чернышуком), будущим иеродьяконом Серафимом, состоялся в период, когда в монастыре шла большая стройка, в храме реставрировались фрески, поэтому внутри все было уставлено лесами, и, чтобы мы не испачкались во время пострига, нам постелили дорожки. А на улице в то время был декабрь, кругом слякоть. Когда переходили из храма в трапезную, нам пришлось одеть на ноги пакеты, которые используются для мусора, так как во время пострига на нас были летние сандалии. Представьте себе такое зрелище: идут двое со свечами в монашеских облачениях с подобранными полами, из-под которых торчат мусорные пакеты. Очень сильное впечатление на меня произвело то, что, когда мы выходили из храма, я услышал вопрос: «Кто это идет?» Ответ был: «Это идут ангелы». В тот момент я осознал, как нас люди воспринимают, и мне стало понятно, какая на мне лежит ответственность.

– Что вам запомнилось за период обучения в Сретенской духовной семинарии?

– Жизнь в то время была немного другой, чем сейчас. Семинаристов было не так много, почти вся братия тоже училась. Мы жили одной жизнью, все беды и радости были для нас общими, и послушания мы выполняли вместе, это было радостно и весело. Сразу вспоминаю нескончаемые тиражи книг, когда все курсы снимались с занятий, а иногда даже с экзаменов на их разгрузку. Склады находились

Постриг отца Серафима и отца Николая

далеко, и ребята сразу после лекций в три часа уезжали и возвращались часам к одиннадцати-двенадцати. В монастыре постоянно что-то строилось, менялось. Снималось асфальтовое покрытие, вместо него укладывались плиты — это все происходило и днем и ночью, так что спать приходилось под шум экскаваторов и отбойных молотков.

Учиться было сложнее, чем сейчас, из-за того, что сначала было создано училище, так что на 4-м и 5-м курсах, когда сформировалась семинарская программа, мы были вынуждены изучать предметы за предыдущие курсы. Экзаменов из-за этого было гораздо больше, поэтому и учиться было труднее, но мы помогали друг другу готовиться к экзаменам и лекциям. Собирались в келье по 6-7 человек, один кто-то читал, а другие слушали. Эта теплая обстановка была отражением церковного единства, которое существует в Церкви между молящимися, когда они делают одно дело.

– Отец Николай, какие послушания вы несли за время жизни в Сретенском монастыре?

– Сразу, как только приехал в монастырь, я нес послушание в административном корпусе — дежурил на вахте у отца наместника. Были и небольшие отдельные послушания. С будущим отцом Клеопой мы красили монастырскую стену, и он рассказывал мне жития святых.

Очень запомнилось, как мы собирали гуманитарную помощь в Чечню. Я должен был вставать в 6.00 утра и организовывать рабочие места для людей, которые будут осуществлять сбор пожертвований, и, пока они не придут, сам это делать. Работа состояла не только в приеме, но также и в записи имен жертвователей для будущего поминовения их в монастыре. Я воспринимал эту работу как необходимую для моего духовного роста и выполнял ее с особым воодушевлением.

А еще я работал в издательстве монастыря и в библиотеке, когда ее заведующими были сначала о. Арсений, потом о. Адриан. За это время произошло формирование основного ее фонда. Теперь библиотека имеет книги не только нашего издательства, но и все, необходимые студентам для обучения в семинарии. Они закупались по прошению преподавателей. Иногда приходилось покупать очень дорогие книги в единственном экземпляре для работы только в читальном зале. Также в этот период на базе нашей библиотеки начиналось дистанционное обучение, то есть лекция проходила у нас в библиотеке, а преподавателя снимали три камеры, и изображение транслировалось через спутник в другие семинарии. Трансляция проходила в прямом эфире, и в конце лекции те, кто смотрел нас, могли задать вопросы и получить ответы.

Когда же семинария разрослась, то были введены должности дежурных помощников проректора по воспитательной работе, семь человек из братии были поставлены на эту

должность на каждый день недели, в их числе и я. Я до сих пор несу это послушание и еще являюсь помощником благочинного.

– Каким правилом нужно руководствоваться в работе с семинаристами?

— Нет однозначного ответа на этот вопрос. Каждый человек — это личность, и к каждому требуется свой подход. С одним можно пообщаться в неофициальной обстановке, и он это оценит и сделает правильные выводы, а другой может не понять и попытается перейти на панибратские отношения. Важно относиться ко всем хорошо, сохраняя нужную дистанцию.

– Было ли у вас когда-нибудь желание отпроситься с какого-нибудь послушания?

— Такой мысли не возникало, так как не первый год нахожусь в монастыре и каждое послушание воспринимаю как необходимое для монастыря, и если мне доверили его выполнение, то я должен выполнить его до конца.

– Отец Николай, какие положительные и отрицательные моменты есть в послушании дежурного помощника?

— Наверное, есть плюсы в том, что в Свято-Троице-Сергиевой лавре дежурные помощники все являются священнослужителями, у них есть большой жизненный опыт общения с людьми, который помогает им в этой сложной работе.

А позитивное в послушании дежурного помощника я вижу в том, что мы можем проследить, как меняется молодой человек за период обучения в семинарии, взрослеет и становится священнослужителем. Я вижу в этом и заслугу дежурного помощника.

– Сколько времени занимает послушание дежурного помощника?

– 24 часа в сутки. Так как можешь понадобиться в решении различных вопросов как днем, так и ночью.

– Какие интересные случаи из жизни семинарии вам запомнились?

– Очень запомнился первый футбольный матч между командами Сретенского монастыря и Институтом пограничников. Когда мы приехали к ним в институт, на нас смотрели с немым вопросом в глазах: кто это такие, что здесь делают люди в подрясниках? Но вот часть из нас переоделась в спортивную форму, и мы вышли на стадион, где у них проходили не только спортивные мероприятия, но где они занимались рукопашным боем, тренировались в метании ножей (как нам потом объяснили, эти ребята готовились для поездок в горячие точки). Настоящим шоком было для них, когда через полторы минуты после начала матча в их ворота залетел первый гол. И первый раз в этих стенах прозвучал победный клич команды Сретенской семинарии, а в небо взвился флаг с процветшим крестом — символом нашего монастыря. И когда через пару минут в их воротах оказался еще один забитый гол, то этим мы привлекли внимание всего стадиона. Состав команды пограничников сразу поменялся, они поняли, что сначала недооценили нас, и выставили игроков посильнее. Но через некоторое время к ним в ворота залетело еще несколько мячей. К концу первого тайма счет был 6:0, а в глазах у пограничников читался вопрос: «Неужели всухую?» Они снова поменяли состав команды, и им удалось забить один гол. И все же конечный счет был 10:3. После матча нас радушно угощали в столовой, и мы договорились о проведении дружеских соревнований в дальнейшем. Сейчас эти ребята, уже офицеры различных военных структур, вместе со своими семьями приезжают на большие праздники, такие как Рождество и Пасха, в монастырь и помогают в храме: делают проходы на Причастие, помогают раздавать прихожанам разговение и таким образом участвуют в этих праздниках. Многие из них, когда уезжают в горячие точки, просят помолиться, исповедуются, причащаются, испрашивают благословения и со спокойной душой едут выполнять свою работу.

– Что семинария может воспитать в семинаристе?

– На мой взгляд, семинария должна дать семинаристу как будущему пастырю опыт внутренней дисциплины и самоконтроля. Также молодой человек воспитывается как личность и учится церковному общению. Это не только запас теоретических знаний, которые он получает во время лекций, но именно практический опыт, полученный через различные богослужебные послушания.

– Отец Николай, ваши пожелания студентам.

– Желаю им не забывать эти годы, которые они провели в стенах Сретенской семинарии, потому что именно в ней они получили своих будущих друзей, незабываемый опыт общения как с преподавателями семинарии, так и с братией Сретенского монастыря.

«Я отчетливо замечаю, как ребята взрослеют и постепенно вырастают в достойных служителей Церкви»

Секретарь семинарии Дмитрий Дементьев

Дмитрий Владимирович, расскажите о том, как вы пришли к вере и попали в Сретенский монастырь?

– Приходу к православной вере предшествовал долгий путь поиска: я увлекался психологией, состоял в одной из сект, наводнивших в 1990-е годы страну. В итоге, бросив работу, я приехал из Петрозаводска сперва в Санкт-Петербург, затем в Москву. Там меня готовили на «пастыря», и в Петрозаводске меня уже ожидала «паства». А затем я понял, что там совершенно нет того, что я ищу…

В Сретенском же монастыре я оказался в 1997 году, именно сюда мне посоветовали обратиться в одном из храмов Москвы. В обители я встретился с отцом наместником — архимандритом Тихоном (Шевкуновым). Он, выслушав меня, сказал: «Поживи пока у нас». Так, пожив некоторое время в монастыре, пообщавшись с монашествующей братией, открыв для себя богатейший мир духовной литературы, я принял Таинство святого крещения. И вот уже более десяти лет я подвизаюсь в Сретенской обители…

Представляете, в Петрозаводске буквально в трех минутах от моего дома находится храм, однажды я даже собирался креститься, но, посчитав, что это очень серьезно, а я еще недостаточно знаю о Православии и не готов к такому ответственному шагу, отказался. Вместо меня крестился мой друг, как раз перед уходом в армию. Кстати, теперь он уже монах Сретенского монастыря — Николай (Муромцев).

– Вы были студентом первого набора Сретенской духовной школы. Как же все начиналось?

– Высшее духовное училище при Сретенском монастыре открылось в 1999 году. До этого отец Тихон благословил несколько насельников, в том числе и меня, на учебу в Университете святого Иоанна Богослова, на факультете журналистики, некоторые тогда заочно учились в Свято-Тихоновском богословском институте, в Московской духовной семинарии. Учиться и совмещать многочисленные послушания,

связанные преимущественно с активным восстановлением монастыря, было непросто. Тем не менее мы делали успехи, а главное — у нас было желание. И отец Тихон, очень ревностно относясь к тому, чтобы насельники получили богословское образование, решил открыть духовное училище в стенах Сретенского монастыря. Таким образом, проучившись два курса в университете, я оказался на первом курсе Сретенской духовной школы.

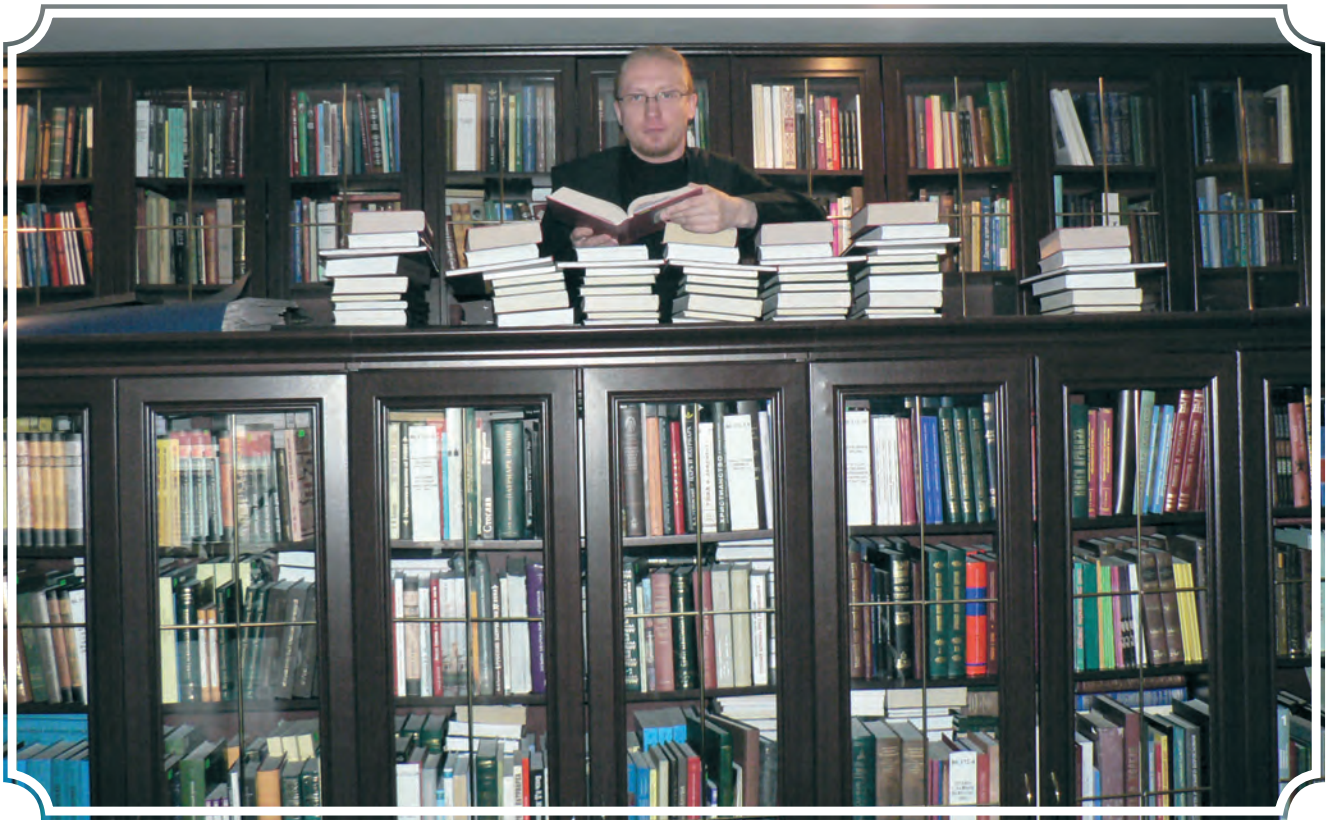
– Скажите, сильно ли изменились учебный график и жизнь нынешних семинаристов по сравнению с наборами первых лет?

– Нынешним семинаристам можно только позавидовать. Во-первых, в то время учебный процесс лишь формировался, и поэтому были различные накладки, в частности, менялись преподаватели. Во-вторых, и сам монастырь только восстанавливался, строились новые корпуса, реставрировались старые. Семинаристы тогда много трудились вместе с монашествующими на общих послушаниях. Например, разгружали многотысячные тиражи книг нашего издательства. В годы моей учебы, в годы первых трех наборов, все — и администрация, и преподаватели, и студенты — создавали семинарию и восстанавливали обитель. Нынешние воспитанники, и это вполне закономерно, пользуются тем, что для них уже сделали.

Кроме того, наш курс, как я уже говорил, в основном состоял из братии монастыря, а уже второй набор включал в себя большое число светских молодых людей, пришедших извне. Несмотря на все трудности учебного процесса, без которых не обходится поначалу любое начинание, и семинаристам, и преподавателям в наше время учебы было, на мой взгляд, гораздо интереснее, чем сейчас. Для многих наших педагогов было непривычным читать лекции монашеской аудитории. С нами общались не как со студентами, а как с равными.

– Вы являетесь автором нескольких книг, выпущенных издательством Сретенского монастыря. Как родилась идея их составления?

– Первый сборник назывался «Чтение на каждый день Великого поста». Помню, когда монастырь в 2000 году открыл в Интернете сайт Pravoslavie.ru, отец Тихон благословил меня на подготовку материала, посвященного Великому посту. Публикации должны были выставляться на сайте каждый день — беспрерывно. Я тогда учился на втором курсе духовной школы, и батюшка руководил моей

работой, давал много советов. Великим постом следующего 2001 года материалы публиковались вновь, но уже с дополнениями. Таким образом, за два года удалось собрать сборник «Чтение на каждый день Великого поста», и в 2002 году он вышел в печатном виде.

Затем, также при поддержке отца Тихона и братии, трудящейся в издательстве монастыря, иеромонаха Симеона (Томачинского), иеродиаконов Никона (Париманчука) и Матфея (Самохина), увидели свет книги «Пребывающим в унынии» и «Православный пост».

– Дмитрий Владимирович, где еще вы учились помимо Сретенской духовной семинарии?

– По благословению отца наместника я окончил факультет журналистики Российского православного университета святого Иоанна Богослова. Прошел курсы повышения квалификации по программе «Референт руководителя». В настоящее время учусь в заочной аспирантуре Российской академии государственной службы при Президенте РФ на кафедре государственно-конфессиональных отношений, а также заканчиваю обучение в Московском государственном психолого-педагогическом университете.

– Почему вы заинтересовались психологией и для чего, получив семинарское образование, продолжаете свое обучение?

– Дело в том, что психология меня привлекала и раньше. И вообще я считаю: каждый священник в некоторой степени должен быть психологом. В моем образовании все складывалось логично. Благодаря знаниям, полученным в семинарии, и писательским навыкам, приобретенным на факультете журналистики, мною было составлено несколько сборников. В настоящее время я работаю над очередной серией брошюр. Для этого мне нужны знания, которые я получаю в психологическом университете и в Академии госслужбы. Полученные знания на курсах «Референта руководителя» я применяю в моей работе секретаря семинарии. Помимо этого, обучаясь в различных учебных заведениях, я обзавелся обширным кругом знакомых, причем как из студенческой, так и из преподавательской среды. Я приобрел бесценный опыт — профессиональный, администраторский и житейский.

– Наряду с послушанием секретаря семинарии вы занимаетесь еще и преподавательской деятельностью…

– Я окончил семинарию, РПУ, обучаюсь в МГППУ и РАГСе. И то, что начал преподавать религиоведение в Сретенской духовной школе, вполне естественно. Вообще же, надо сказать, меня привлекает религиозно ориентированная психология. Читая лекции студентам, я большое внимание уделяю именно этой составляющей дисциплины.

– Дмитрий Владимирович, как вы все успеваете?

– Только благодаря помощи Божией. Каждый год планирую остановиться: «Вот только закончу начатое». А на следующий год опять открываются новые заманчивые перспективы. Я вспоминаю времена, когда трудился вместе с братией на книжном складе монастыря. К нам приходили устраиваться на работу и мирские, по найму. Это были здоровые мужчины, однако, увидев, как приходится в монастыре «пахать», не выдерживали и увольнялись. Не останавливали их ни хорошая зарплата, ни дополнительные премии. Мы сами тогда удивлялись, как выдерживаем такие нагрузки. Понятное дело, только благодатью Божией.

– Сретенскую семинарию, безусловно, от других семинарий отличает миссионерская направленность, которая

Благословение старца Феофана

ясно прослеживается прежде всего в характере летних практик. А как они проходили у первых наборов?

– Обычно учащиеся семинарии вместе с братией обители уезжали на некоторое время в монастырский скит, который находится в Рязанской области. Семинаристам там очень нравилось, и это была не утомительная практика, а благотворный отдых. Место уединенное, живописное: лес, земляничные поляны, пруд с рыбой. Некоторые оставались там на все лето. Вместе с тем ребят отправляли в колхоз, который был взят монастырем под опеку, на уборку урожая. Работая, семинаристы отвечали на вопросы, которые задавали им простые жители из глубинки. Так они приобретали навыки катехизации и учились общению.

– Кого бы вы могли назвать из людей, которые сыграли наибольшую роль в вашем личностном и духовном возрастании?

– В первую очередь, несомненно, это мой духовный наставник отец Тихон, наместник обители и ректор Сретенской семинарии. Батюшке я обязан тем, что он дал мне главное — смысл жизни, открыв его для меня в Православии. Поверьте, переход из сектантства в Православие был нелегкий, и отец Тихон меня не оставлял, помогал и наставлял. Кроме того, именно отец наместник в дальнейшем раскрыл во мне способность к писательской деятельности, редактировал мои первые сочинения и дал возможность учиться.

Могу рассказать о чудесной встрече со старцем Феофаном (Малявка) во время паломнической поездки с братией и семинаристами в Псково-Печерский монастырь, незадолго до кончины старца (почил в 2001 году). В то время я мучился над решением одного вопроса, очень для меня важного. Запутался, не мог определиться и подумал: «Вот бы мне встретить старца, про которых в житиях святых написано, и вот чтобы было так просто: он увидел бы меня, подошел и сказал, как мне быть». «Нет, — поймал я себя на мысли, — так не бывает, нафантазирую сейчас себе». И вот приехали мы в монастырь, причастились на службе, посетили Богом зданные пещеры и в келье старца Феофана по очереди подходим к нему под благословение. Настала и моя очередь, охватило волнение, и в момент, когда я прикладывался к руке старца, он мне шепотом произнес один из предполагаемых мной вариантов решения. Я опешил, а старец Феофан, проницательно взглянув на меня, еще раз благословил и, сделав утвердительный знак головой, повторил. Надо заметить, что виделись мы впервые, я про отца Феофана слышал, но он про меня, естественно, ничего не знал. И такое чудо!

Незабываемой остается и моя встреча с владыкой Василием (Родзянко). Я провел с ним несколько дней, ухаживая, когда он находился на лечении в больнице Святителя Алексия. Помню, я задал владыке тогда вопрос, очень

Первый выпуск Сретенской семинарии

для меня актуальный, — относительно семьи и брака. И он отвечал мне в течение полутора часов! В ходе беседы я задал второй вопрос — и вновь последовал ответ, еще часа на три. Это было потрясающе: владыка так основательно освещал интересующую меня тему. Было ощущение, что он читал мне, человеку, которого впервые видел, поучительную лекцию... В последующие дни было так же. Кроме того, он много рассказывал и о своей жизни, о своем жизненном и пастырском опыте до принятия монашества, трепетно вспоминал почившую супругу, говоря, что всегда ощущает ее присутствие... Владыка сказал, что будет молиться за нас, когда покинет этот мир.

Многое дало во время моих первых дней жизни в обители знакомство с почившим архимандритом Анастасием (Поповым). Дело в том, что мы с отцом Анастасием, как оказалось, родом и из одного города — Петрозаводска. Это нас как-то сближало, и я с первых дней обращался к отцу Анастасию за наставлениями и советом. Мы вместе ездили на родину в Петрозаводск. Смерть отца Анастасия — большая утрата, он был очень близок мне по духу.

В плане образования хочу отметить профессора Александра Александровича Волкова — преподавателя риторики, с которым мы занимались и во внеурочное время, индивидуально, замечательного профессора древнерусской словесности Александра Николаевича Ужанкова, к мнению которого я всегда прислушивался и давал свои труды на рецензию. То же могу сказать и о профессоре Ларисе Ивановне Маршевой и Галине Ивановне Трубицыной, преподающих стилистику русского языка и церковнославянский язык, отца Владимира Вигилянского, читавшего в первые годы существования Сретенской семинарии факультативный курс православно ориентированной журналистики, о профессоре Васильевой Ольге Юрьевне, у которой я учился в семинарии и сейчас продолжаю обучение в Академии госслужбы. Они многое для меня сделали. Вообще

у нас очень отзывчивые преподаватели, с ними легко и приятно работать. Их можно в любой момент о чем-то попросить, и они всегда готовы помочь и советом, и делом. И конечно, я очень рад работать под руководством моего непосредственного начальника и в прошлом однокурсника по семинарии — проректора, иеромонаха Иоанна (Лудищева). Слаженно работается с секретарем Ученого совета Сретенской духовной школы протоиереем Николаем Скуратом, дежурными помощниками — моими друзьями.

– Дмитрий Владимирович, а каким проректором был отец Амвросий (Ермаков) — ныне епископ Гатчинский, ректор Санкт-Петербургских духовных школ?

– В пору своего проректорства он преподавал нам литургическое богословие и церковное пение. Спрашивал он строго. У меня нет голосовых данных, и, разумеется, возникли определенные трудности. Могу сказать, что отец Амвросий понимающе и снисходительно отнесся к моей проблеме. Впоследствии я стал работать у него в проректорской.

– Поддерживаете ли вы в настоящее время отношения со своими сокурсниками?

– Моими сокурсниками, как я говорил, в основном были насельники Сретенской обители, где они подвизаются и ныне. Сейчас они уже все в священном сане, и я хожу к ним на исповедь. Что же касается выпускников последующих наборов, то и они не забывают свою семинарию. Ребята всегда приходят на престольный праздник обители. Практически все окончившие семинарию уже рукоположены и несут церковные послушания.

– Вы по работе тесно общаетесь с учащимися. Приходится ли вам разрешать конфликтные ситуации?

– Конечно, работать с людьми непросто, и конфликты порой случаются. Как правило, с учащимися первых курсов. Старшекурсники — ребята уже дисциплинированные. Скоро станут священнослужителями, а некоторые женаты и уже в сане. И если с ними и возникают трения, то они легко и безболезненно преодолеваются. Студенты переходят с курса на курс, и я отчетливо замечаю, как ребята взрослеют и вырастают в достойных служителей Церкви. Бывает, я могу и вспылить, закрутившись в водовороте дел, неадекватно что-то оценить. Но зла никто ни на кого не держит — это самое важное. В прошлые годы мне помогали несколько семинаристов — сейчас они уже выпускники. Могу сказать о них только самое хорошее. В этом году мы взяли в канцелярию семинарии новых помощников — из числа первокурсников. Старшие товарищи успешно передали им эстафету, ввели в курс дел, и мы эффективно работаем.

– Дмитрий Владимирович, можете ли вы в заключение вспомнить какие-нибудь интересные, курьезные случаи из семинарской жизни?

– Трудно что-либо особо выделить, так как курьезы происходят практически каждый день. Со мной часто делятся своими впечатлениями — как студенты, так и преподаватели. Могу привести запомнившуюся фразу одной из наших преподавательниц: «Я поняла, *студент* — внеконфессионален». Без шуток и выдумок, безусловно, не обходится, но вместе с тем наших семинаристов отличает дисциплина и порядочность. За пять лет учебы случается всякое, но наши учащиеся сознают, что в будущем станут священнослужителями и уже сейчас должны стремиться соответствовать этому высочайшему званию.

«Семинария дала нам большой пастырский опыт, который мы надеемся использовать в дальнейшем служении»

Диакон Антоний Новиков

Отец Антоний, чем вы занимались до прихода в семинарию? Кто из священников повлиял на ваш выбор?

– До поступления в семинарию я учился в общеобразовательной школе. Лет с 14-ти я вполне осознанно, почти каждый день ездил в храм на вечерние богослужения, а по выходным и на литургии. Храм Богоявления Господня бывшего Богоявленского монастыря, что в Китай-городе, — это мой первый и родной храм, в котором некоторое время я был прихожанином, потом по благословению настоятеля стал пономарить и последние два года до поступления в семинарию являлся старшим пономарем. Там окончил воскресную школу, директором которой и по сей день является Юрий Николаевич Филатов, человек, который привел меня в храм. Особо вспоминается и священник храма Богоявления, отец Андрей Привалов, который от всего сердца помогал мне делать первые шаги в церковной жизни, священник, у которого я в первый раз исповедовался, священник, который терпеливо занимался со мной вопросами вероучения. В храм меня тянуло и еще по одной причине, там была Московская регентско-певческая семинария (МРПС), в которой было очень интересно, было много друзей и замечательных людей. Были мысли туда поступать, но после продолжительных раздумий я обратился за советом к настоятелю храма Богоявления и ректору МРПС протоиерею Геннадию Нефедову, который в долгой и исчерпывающей беседе подсказал мне мою дальнейшую дорогу. Он сказал, что для меня было бы лучше поступать к отцу Тихону (Шевкунову), в Сретенскую семинарию. Когда я спросил, почему к отцу Тихону, отец Геннадий ответил: «Там тебе будет лучше». И заулыбался. Конечно, я думал и о других семинариях, и даже о Свято-Тихоновском университете, но после разговора с отцом Геннадием я без смущения сделал свой выбор.

– Какое было отношение родителей и близких к вашему выбору?

– Мои родители и близкие поддержали выбор моего жизненного пути. Мнение мамы отчасти было первым толчком к принятию решения. И сейчас близкие всегда поддерживают меня.

– Как прошли вступительные экзамены?

– Я очень боялся вступительных экзаменов! Всю ночь молился в пустом храме Богоявления перед экзаменами. Незабываемые впечатления! До сих пор вспоминаю этот ночной полумрак в храме, эту абсолютную тишину и эхо от любого моего движения или звука. Кроме молитвы ничто не шло на ум, страшно было. Непосредственно перед поступлением я вообще ничего не учил. Все эти дни я только молился и молился. К поступлению в семинарию меня готовили преподаватель Певческой семинарии священник Андрей Привалов, проректор священник Андрей Нефедов, инспектор диакон Николай Нефедов и преподаватель диакон Иоанн Нефедов, — им нижайший поклон и отдельная благодарность за то, что они за короткий промежуток времени научили меня, тогда еще недостаточно воцерковленного молодого человека, любить богослужение, научили читать, пономарить и иподиаконствовать.

На собеседовании было не очень страшно. Спрашивали про светскую литературу, про мое отношение к армии, про то, чем я занимаюсь, пою или нет. Отец Тихон и отец Амвросий (Ермаков, ныне епископ Гатчинский, ректор СПбДАиС) что-то шутили... Потом сказали, что я «нефедовский», мол сосед, рядом. И, от души засмеявшись, сказали: «Иди отсюда!» Другие вступительные испытания дались мне гораздо трудней, так как я многого не знал, больше готовился к собеседованию.

– Как менялись отношения с вашими светскими друзьями в миру?

– Когда я учился в старших классах общеобразовательной школы, всем моим друзьям и сверстникам было известно, что после окончания уроков я сразу уезжаю в храм, что хочу в будущем поступать в семинарию, что хочу связать свою жизнь с Православной Церковью. Ничего этого я не скрывал, и когда спрашивали, открыто рассказывал. Когда друзьям, сверстникам и окружающим стало известно, что я

учусь в семинарии и после окончания стану батюшкой, отношения начали меняться только в лучшую сторону, уважение стало расти.

– Что для вас значил день, когда вас благословили надеть подрясник?

– Я долго ждал этого дня и еще до семинарии с некоторой завистью смотрел на моих коллег-пономарей, которые после семинарии и академии уже были в подрясниках. Подрясник на семинариста возлагает огромную ответственность — это лицо человека.

– Какие трудности были в начале обучения?

– Новый коллектив — это уже трудность, раньше никогда не жил со столь большим количеством людей, но привык быстро, так как уже заранее представлял, что меня ждет.

С духовной и житейской стороны все было нормально. А к учебе пришлось привыкать. Очень большие нагрузки тогда были. Много новых предметов. Не все давались легко, а какие-то стали очень любимыми. В учебе проректор отец Амвросий был очень требовательным. Конфликтов не было, все шло само собой.

– Какие были ваши любимые предметы и преподаватели?

– Таких много. Но особенно отмечу одного. Я очень люблю и искренне уважаю профессора протоиерея Максима Козлова. Я благодарен отцу Максиму за то многое, что он сделал для меня не только как блестящий преподаватель, но и как опытный и тактичный священник. Он всегда помогал и в настоящее время помогает мне по любым вопросам, связанным с обучением в семинарии. Его предмет «Сравнительное богословие» для меня был наиболее интересным, поэтому все свои научные работы я написал исключительно по сравнительному богословию, под научным руководством отца Максима.

Незабываемыми останутся потрясающие лекции по пастырскому богословию нашего дорогого отца наместника, архимандрита Тихона. Также мне хотелось бы особенно выделить профессора протоиерея Владислава Цыпина и его интереснейшие лекции по истории Русской Православной Церкви и церковному праву. Очень много дали уроки по новой и новейшей истории с доцентом Ниной Николаевной Коршуновой, интересны были лекции добрейшего священника протоиерея Стефана Жилы по Новому Завету и по-своему очень оригинальны лекции священника Александра Задорнова по нравственному богословию и истории русской религиозной мысли. Запомнились лекции по риторике с Анной Александровной Любимовой, лекции по философии с замечательным человеком и заслуженным профессором Геннадием Георгиевичем Майоровым.

Ну и, конечно же, нельзя обойти вниманием всеми любимого протоиерея Николая Скурата — думаю, что никто из студентов Сретенской духовной семинарии никогда не забудет контрольные по катехизису у отца Николая! По-своему любимы, уважаемы и незабываемы остались все замечательные преподаватели нашей семинарии.

– Какие письменные научные работы вы написали?

– И курсовую, и дипломную работу я писал по предмету «Сравнительное богословие» на тему «Обзор российских католических сайтов, созданных за последние 10 лет». По согласованию с научным руководителем работ профессором протоиереем Максимом Козловым и Ученым советом Сретенской духовной семинарии тема дипломной работы осталась такая же, как у курсовой, только задачи ставились более широкие. Я изучил и дал структурированный обзор избранным виртуальным трудам Римско-Католической Церкви на территории России.

Защиты курсовой и дипломной работ прошли спокойно, с большим количеством интересных вопросов. Курсовую работу защитил с оценкой «отлично», дипломная работа также с оценкой «отлично». Оппонентом дипломной работы был секретарь Ученого совета Сретенской духовной семинарии, преподаватель катехизиса, протоиерей Николай Скурат. Сейчас по мере сил и свободного времени продолжаю работать над дипломной работой, поддерживая ее в актуальном состоянии.

– Как вы проводили свободное время в семинарии?

– Довольно часто я отпрашивался просто походить вечером по соседним улицам, побродить часок-другой, я очень люблю старую Москву, особенно зимой. Такого рода прогулки помогали мне просто собраться с мыслями, помолчать и с новыми силами думать уже о следующем дне и последующих делах. Я и в настоящее время стараюсь больше ходить, как только выдается свободное время.

– Что вам дали годы, проведенные в стенах семинарии?

– Семинария дала очень много. Хорошее образование, коллектив, где мы жили и формировались, общение с самыми разными людьми, разного склада и характера, — все это дало нам большой пастырский опыт, который мы надеемся использовать в дальнейшем служении.

Особенность нашей семинарии в том, что она находится в Сретенском ставропигиальном мужском монастыре и студенты семинарии непосредственно участвуют в жизни монастыря, придерживаются не только семинарского распорядка, но и монастырского устава, попутно, кроме учебы, неся еще и монастырские послушания. Мы живем рядом с монахами, общаемся с ними, молимся, дружим.

Семинария — это серьезная школа, школа, которая учит молодого человека, будущего священнослужителя, учит жить. Среди моих однокурсников были и несколько человек из братии Свято-Успенского Псково-Печерского мужского монастыря. Стремление и желание к учебе самого старшего из них архимандрита Филарета (Кольцова) иногда просто поражало. И это его стремление, желание и живой интерес ко всему передавались и нам, его однокурсникам, и самые сложные лекции, страшные контрольные и опросы казались уже не такими сложными и страшными. Его бодрые и добрые слова: «Братцы, на все воля Божия. Молитесь!» — отсекали любое наше студенческое малодушие.

Также семинария дала мне серьезный богослужебный опыт, который стал основополагающим в моем будущем служении, богослужебный опыт не только в стенах монастыря, но и за его пределами. Пошел уже шестой год, как я по благословению отца Тихона был назначен иподиаконом митрополита Калужского и Боровского Климента. В течение всего времени обучения в семинарии являлся иподиаконом владыки, что придало определенный опыт не только богослужебный, но и опыт общения с людьми высокого ранга, как церковного, так и светского. После окончания семинарии и рукоположения в сан диакона я уже не являюсь иподиаконом митрополита Климента, но всячески поддерживаю общение с ним — когда

бываю в Московской Патриархии, то обязательно стараюсь заходить к нему, получить его архипастырское благословение.

– Из чего складывалась духовная жизнь в семинарии?

– У каждого студента семинарии есть свой семинарский духовник. Обычно он выбирается семинаристом в течение некоторого времени из числа духовников семинарии. Тогда духовниками были ныне покойный схиархимандрит Анастасий (Попов) и священник Афанасий Гумеров (ныне иеромонах Иов). Моим духовником стал архимандрит Тихон.

Отец Тихон — опытный духовник, мудрый наставник. Самые сложные жизненные вопросы решались его сугубой молитвой и советом. К моему духовнику мне было не страшно идти с любым вопросом — это для меня очень важно, я знал, что всегда уйду с мудрым советом или решением. Где нужно, отец Тихон всегда был строг и требователен. Меня он наставляет в духовной жизни, являя собой образец духовничества и священнослужения, образец жизни духовной и повседневной, преподавая мне уроки жизни.

– Какие у вас были послушания в семинарии?

– У каждого семинариста есть свои послушания, чаще всего они общие: уборка монастырского двора, монастырских помещений или работа на книжном складе, но есть и самые разнообразные индивидуальные послушания, как правило — они более серьезные и ответственные и на них назначают соответствующих послушанию семинаристов. Чаще всего индивидуальные послушания занимают либо большую часть свободного времени семинариста, либо занимают свободное время полностью.

За время обучения в Сретенской семинарии я успел понести несколько послушаний. На первом курсе я сразу был назначен на послушание в книжный магазин «Сретение», где доставлял недостающие книги, на том же первом курсе успел поработать в ризнице монастыря и в интернет-магазине «Сретение», где принимал заказы на книги и рассылал их не только по Москве, но и по всему миру. Также на протяжении трех лет являлся старшим пономарем семинарии и в течение всего пятилетнего срока обучения исполнял послушание иподиакона митрополита Климента. На 2-м курсе был назначен в бухгалтерию, помогать нашему казначею иеромонаху Амвросию (Конькову).

В казначействе я трудился около трех месяцев. Позже меня назначили на послушание к благочинному монастыря и проректору семинарии. Помощником отца Иоанна я был до окончания семинарии и остаюсь им по настоящее время.

– Отец Антоний, как вы встретили свою «вторую половинку»?

– Свою вторую половину я встретил на одном из воскресных богослужений в Сретенском монастыре. Это была одноклассница моего со-келейника, которая училась тогда в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете на регента церковного хора. Дело было Великим постом, Вера каждую субботу приезжала к нам на всенощную, так как ей очень нравилось пение нашего хора. И вот как-то раз мы с Верой и познакомились.

Она из музыкальной семьи, выросла, как говорится, на клиросе в ограде церковной. Имеет музыкальное образование, человек творческий. Я познакомил ее с родителями, вскоре с отцом Тихоном. И после знакомства с духовником мы уже договорились о времени венчания. Заранее расписались на Покров, а сразу после

Крещения Господня, 20 января 2008 года, отец Тихон нас повенчал в родном для меня храме Богоявления, что в Китай-городе. Я только мечтал, чтобы нас повенчал отец Тихон и чтобы в храме Богоявления. И действительно, Господь так устроил, что в храме Богоявления, да еще и сам отец Тихон! Сейчас у нас растет маленькая дочка Дарья.

– Какой был ваш путь к священнослужению?

– Все время моего обучения в Сретенской семинарии — это мой путь к священному служению. Я был рукоположен, когда учился на 5-м курсе семинарии, 22 мая 2008 года в большом Спасо-Преображенском соборе Новоспасского ставропигиального мужского монастыря.

Хиротонию совершил архиепископ Орехово-Зуевский Алексий в день памяти перенесения мощей святителя Николая Чудотворца. Указом почившего Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II я являюсь штатным диаконом Сретенского ставропигиального мужского монастыря с несением послушания на усмотрение отца наместника.

Сейчас я диакон, священнослужитель Русской Православной Церкви, и от этого я испытываю великую радость! Ведь это ни с чем не сравнимое и непередаваемое ощущение великой радости, великой радости стояния пред престолом Божиим! Священное служение Богу — это для меня абсолютно всё!

– Когда и как вы стали дежурным помощником проректора семинарии по воспитательной работе?

– Дежурным помощником я стал в конце сентября 2008 года. До этого, после окончания семинарии, я по распределению временно нес диаконское служение в Покровском ставропигиальном женском монастыре у Покровской заставы, также нес посильное послушание в Сретенской духовной семинарии в кабинете проректора. Где-то в конце сентября по благословению ректора архимандрита Тихона, в связи с увеличением числа студентов семинарии стал исполнять послушание помощника проректора семинарии по воспитательной работе. Благословение ректора было закреплено указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II от 03.12.2008 года с формулировкой «Выпускник Сретенской духовной семинарии диакон Антоний Новиков назначается штатным клириком Сретенского ставропигиального мужского монастыря с несением послушаний в Сретенской духовной семинарии на усмотрение ее ректора».

– Как вы смотрите на семинарскую жизнь в новом положении дежурного помощника проректора семинарии?

– Честно говоря, еще трудно свыкнуться с мыслью, что я уже не студент семинарии... В роли дежурного помощника появилась ответственность за людей. Для меня это груз ответственности, так как любой недостаток дежурного помощника по воспитательной работе может негативно сказаться на семинаристе.

– Как строите свои отношения с семинаристами?

– Я стараюсь поддерживать товарищеские отношения, а с некоторыми людьми даже дружеские. Но, как говорится, стараюсь не забывать, что дружба дружбой, а служба службой. Для меня главный принцип — это когда все студенты равны. Когда нет ярко выраженного приоритетного отношения к тем или иным людям. Дежурный помощник должен быть объективен в своих поступках. Не взирать на личные отношения с людьми, хотя в этом есть почва личных недоумений и обид. Я считаю, что главное в построении отношений с семинаристами — это меньше симпатий и считать, что все равны. В отношениях со студентами я стараюсь придерживаться не чего-то личного или более удобного, я стараюсь придерживаться принятого устава Сретенской семинарии.

– В чем задача дежурного помощника по воспитательной работе, и что он может дать семинаристу?

– Задача дежурного помощника по воспитательной работе — это обеспечить порядок и дисциплину в семинарии. Любая должность может быть плохо, может быть хорошо выполнена. Дежурный помощник должен быть примером внешней жизни и образцом христианского поведения для своих младших собратьев, не давая себе ни малейшего послабления в поведении или общении. Где можно, надо иногда простить, а где нужно, необходимо заслуженно наказать, провести разъяснительную братскую беседу.

Дежурный помощник обязан беспристрастно, добросовестно и достойно выполнять возложенное на него послушание, являя собой пример для окружающих его семинаристов как христианским отношением к ним, так и своим внешним поведением.

«Вспоминая духовную школу»

Игорь Максимов

Мой приход в храм состоялся в юном возрасте, но был совсем не простым. Окружающие меня люди были достаточно далеки от церковной жизни, родители в храм не ходили. Как-то раз один мой одноклассник, с которым мы по-приятельски делились своими юношескими размышлениями, предложил мне сходить с ним в воскресную школу.

И вот солнечным морозным утром, когда еще очень хотелось спать и у тринадцатилетнего парня была куча планов, я вспомнил, что дал слово пойти с товарищем. Быстро собрался и побрел со своим другом коротким путем, через глубокие овраги, к старому кафедральному собору в честь Архангела Михаила. Воскресная школа находилась тогда в старом, обшарпанном здании. Это была одна холодная комната с высокими сводчатыми потолками. В комнате было человек двадцать ребят примерно моего возраста. Я стоял молча, неловко подпирая какой-то угол. Минут через пятнадцать зашел священник. Это было мое первое знакомство с отцом Николаем. Он прочитал молитву «Царю Небесный...», все перекрестились и сели. Я не стал снимать шапку, так как в комнате было холодно, но кто-то из стоявших сзади с меня ее снял. Отец Николай рассказывал нам разные интересные истории и задавал простые вопросы. При этом я видел, что его глаза были наполнены любовью.

Занятие прошло быстро. Мы возвращались с другом домой теми же оврагами и катались с горок, но я почему-то молчал, внутри меня открывалось что-то новое, придававшее мне смелости на всю будущую жизнь.

Наступил новый этап в моей жизни. Первый раз я причастился только на Рождество Христово. И этот рождественский день 1995 года я не забуду никогда. Мы с ребятами сидели за праздничным сладким столом, пели колядки. Все ждали прихода правящего архиерея. Встреча прошла замечательно, владыка Петр

всех благословил и подарил нам по святыньке со Святой Земли. Владыка благословил своего иподиакона Александра (сейчас он уже протоиерей) подобрать двоих-троих ребят алтарничать на архиерейских службах. Я и мечтать об этом не мог и поэтому с радостью согласился.

Я старался приходить чаще. Приходил не только по воскресеньям, но и в будние дни. Вскоре владыка благословил нам носить стихари. Мой был самый старый, с дырками, но я был тогда самым счастливым человеком.

Этот период в моей жизни был очень непростым. Было много насмешек со стороны сверстников, друзей по двору. Чаще я терпел, но приходилось и постоять за себя. Я старался вести себя более достойно и быть примером, а не предметом для упреков. Меня тогда уже называли «попом». Некоторые учителя в школе даже задавали мне различные вопросы о церковной жизни. Многие вообще не могли поверить в то, что я, недавний хулиган, мог так измениться и начать ходить в церковь. Но мои родители были рады по-настоящему. Ведь некоторые мои друзья уже «пошли по наклонной», а у меня оставалось лишь немного свободного времени, которое я отдавал спорту.

Шло время. Я все чаще стал появляться на архиерейских богослужениях. Но настоящее понимание церковной жизни началось для меня с личного общения с владыкой. Никогда не забуду его слова о том, что в храме «все должно быть благообразно и по чину». Сам владыка Петр, до поставления его на кафедру, долгие годы был иподиаконом у святейшего патриарха Пимена. А потом был экономом Троице-Сергиевой лавры.

Я уже учился в Политехническом институте, куда поступил без благословения владыки. Первый год проучился хорошо, а остальные полтора были для меня уже в тягость, так как я окончательно для себя решил, что без служения Церкви моя дальнейшая жизнь невозможна. И долго не решался сказать об этом владыке. Наконец собрался с мыслями и пошел за благословением. Владыка советовал мне поступать в Санкт-Петербургскую семинарию, ректором тогда был архиепископ Константин, с которым я уже был лично знаком (я там работал в архиве по благословению владыки и собирал материал о храмах нашей епархии). Но и здесь я проявил своеволие. Захотел поступать в Почаевскую семинарию. Владыка и здесь не стал мешать моему выбору. Я получил рекомендацию, быстро собрал все необходимые документы и поехал. Пожил там месяц, поработал на кухне. Но все-таки в последний момент я решил послушать владыку и получить образование посильнее (Почаевская семинария была четырехлетней). Я приехал домой, когда у нас гостила монахиня Фомаида, в тот момент настоятельница Московского ставропигиального Крестовоздвиженского женского монастыря. Она настояла на том, чтобы я поехал с ней в Москву. Я больше не стал своевольничать.

В Москве я пошел к отцу Тихону в Высшее православное духовное училище, которое он организовал при Сретенском мужском монастыре. Я попал на собеседование к батюшке. Он долго расспрашивал меня о жизни, почему я решился обучаться духовной науке и стать священником. Рассказывал некоторые моменты из своей духовной жизни, о святых отцах.

Он меня направил к инспектору. Подал я документы и через некоторое время получил свой студенческий билет, который берегу до сих пор. Меня взяли с испытательным сроком на два месяца, так как вступительные экзамены я пропустил. Так началась моя новая жизнь далеко от дома.

Я старался во всем слушаться отца Тихона. Все возложенные на меня послушания я выполнял добросовестно, помня слова из Писания о проклятии тех, кто «творит дело Божие с небрежением». Не забывал я и наказ своего владыки. Учиться мне было не сложно. Тяжел был сам непривычный для меня ритм. Отец Тихон учил нас много трудиться. Успевать и учиться, и трудиться, и ходить на службы. Он прививал нам любовь к святоотеческому чтению и богослужению. Я полюбил утренние братские молебны, хотя, если честно, вставать было очень тяжело. Для семинаристов в монастыре были хорошие условия для жизни. В трапезной была всегда очень вкусная пища. Мы часто ездили в паломнические поездки. Я побывал в Бари, в Риме. Дважды ездил на Святую Землю.

Отец Тихон внимательно следил за нашей духовной жизнью. Давал ценные духовные советы. Учил молитве. Он научил меня по-настоящему любить Священное Писание. Учил нас тому, чему сам научился от великих старцев Псково-Печерского монастыря. Передавал

на лекциях по практическому руководству свой огромный священнический опыт. Учил самоотверженно любить Бога и каждую человеческую душу. Он много нам рассказывал об отце Иоанне (Крестьянкине), который благословил создание нашего монастыря и семинарии.

К нам всегда приезжали самые интересные люди для бесед. Много раз приезжал приснопамятный святейший патриарх Алексий. Он всегда говорил семинаристам теплые и назидательные слова, преподавая свое первосвятительское благословение. Очень сильное впечатление на меня произвел владыка Афанасий (Евтич) из Сербии. Это образованнейший богослов, известный во всем мире.

Все предметы были очень интересные. Сложно сказать, какая дисциплина мне нравилась больше.

Протоиерей Валентин Асмус у нас читал курс церковной истории. Когда я подошел после его первой лекции к преподавательскому столу, чтобы посмотреть пособие, по которому он читает лекцию (чтобы приобрести себе такое же), то на столе я увидел две книги. Одна была на греческом, другая на немецком.

Старенький профессор Анатолий Филиппович Смирнов — мой первый научный руководитель. Он привил мне любовь к отечественной и церковной истории. Это человек-эпоха. Меня он любя называл «белорусским партизаном». Сам он до войны уже преподавал в школе. Прошел всю войну и после войны изгонял из белорусских лесов интервентов. Затем он долгие годы работал в Академии наук БССР. Автор огромного количества работ. Историю нашего отечества он преподавал как историю православного люда. Никогда не отделял от России Беларусь и Украину. Всегда говорил, что у нас общая история, одни корни, православная вера и культура с некоторыми особенностями и местными традициями отдельных регионов. Я бывал у него в гостях. Дай Господь ему здоровья еще на долгие годы.

Профессор Алексей Константинович Светозарский читал у нас историю Русской Православной Церкви. Это его голос слышат по телевидению миллионы наших соотечественников на Святую Пасху и Рождество Христово, когда идет трансляция по телевидению праздничного богослужения. Эти лекции, на мой взгляд, уникальные. Я ни разу за пять лет не пропустил ни одной. Все тщательно переписывал от руки с аудиозаписи (на каждую лекцию у меня уходило по 4–5 часов). И до сих пор я их бережно храню дома. Сейчас я с большим удовольствием использую любую возможность побеседовать с ним.

Профессор протоиерей Максим Козлов читал курс сравнительного богословия и давал нам столько материала, что мне казалось, простому смертному не по силам его усвоить. Но мы старались. Когда он пришел к нам преподавать,

С профессором А.Ф.Смирновым

В Псково-Печерском монастыре

то ребята из Московской духовной семинарии нас сильно напугали. Говорили, что ему крайне сложно сдать экзамен. Но это напрасно. Конечно, мне было тяжело. Но ничего нет невозможного, когда делается все Богом и для Бога. Батюшка никогда никого не обидел, и вообще он добрейшей души человек. Мне всегда нравилось, как он выражал свои мысли, как себя вел. Его шутки заставляли меня смеяться над нашими молодыми глупостями и невежеством. Он пример для меня. Неустанный труженик на пользу Церкви.

Профессор протоиерей Владислав Цыпин — это вообще уникальная личность в области науки. Его учебники по церковному праву и церковной истории — дар православному семинаристу. Я думал, что он вообще знает все. Никогда у него не было никаких записей с собой на лекциях. Со звонком он начинал говорить, со звонком и заканчивал. Не прерывался и не отвлекался от учебного материала ни на секунду. Это меня никогда не переставало удивлять.

Профессор МГУ, доктор филологических наук Волков Александр Александрович преподавал у нас риторику. О таком учителе слова можно только мечтать. Он научил меня, безграмотного, говорить и писать. Огромное спасибо ему за это. Как искусно он владел языком, умением убеждать и переубеждать!

Заслуженный профессор России, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии МГУ Майоров Геннадий Георгиевич. Интересен тот факт, что он смог издать в советское время учебник по православной патристике с христианской символикой на обложке. Он известен во всем мире. Владеет множеством языков. Его лекции были очень увлекательные. Я добросовестно записывал за ним все. Как-то он посмотрел мой конспект и спросил, что это за записи. Я сказал, что это его лекции. Он поблагодарил меня за труд и сказал, что тоже хочет себе такой конспект. Мне было очень приятно.

Профессор Волков Сергей Владимирович преподавал у нас историю древнего Востока и историю средних веков. Человек с феноменальной памятью. Знает около десяти языков, в том числе и древнекитайский. Материал, который он успел нам дать, занимал невероятный объем. Во время лекции, бывало, переспросишь, как зовут какого-нибудь императора древнего Китая, а он с удивлением говорит: «Как же вы не помните? Я ведь рассказывал вам о нем несколько месяцев назад!» Я думал, что буду до конца жизни пересдавать его предмет.

Профессор, доктор исторических наук Васильева Ольга Юрьевна преподавала у нас историю Русской Православной Церкви XX века. У нее много трудов об этом самом тяжелом периоде в истории Русской Церкви. Она сыграла неоценимую роль в моем обучении. Сколько же она для меня сделала добра! По-матерински сопереживала моим трудностям и много мне помогала. Под ее руководством я написал дипломную работу «Вклад Русской Православной Церкви в дело победы в ВОВ на примере Белоруссии». И опять благодаря ей я защитил диплом в Московской академии образования Натальи Нестеровой. И сейчас она является моим научным руководителем в аспирантуре в РАГС при Президенте РФ, где заведующая кафедрой государственно-конфессиональных отношений. Там я сейчас продолжаю заниматься историей РПЦ в XX веке.

Мне совсем не давались языки. Это был мой бич. Некоторые из наших педагогов знали более десяти языков. Хочу отметить самую добрую преподавательницу — доктора филологических наук Маршеву Ларису Ивановну. Это, наверно, самый молодой доктор наук в России. Если бы не она, церковнославянский язык я никогда бы не сдал. А в древних языках я вообще ничего не понимал.

Какие были у меня интересы и желания во время учебы, я уже не помню. Помню только то, что долгими вечерами я любил поразмышлять о жизни, о будущем, что меня ждет дальше. Не всегда все получалось, и я очень сильно переживал. Помню еще, что я всегда мечтал выспаться. Домой я ездил очень редко, два-три раза в год. Быть воспитанником в духовной школе радостно и интересно, но все-таки очень нелегко. «Кто был — тот знает». В монастыре обостряются все человеческие чувства (особенно это заметно во время поста). Необходимо вести серьезную внутреннюю работу. Терпеть и смиряться.

Самым моим любимым послушанием была выпечка просфор для богослужения. В тот период старшим просфорником был мой однокурсник иеромонах Клеопа. Мы читали Псалтирь и святых отцов. Это были моменты для внутреннего размышления, молитвы и богомыслия. Это послушание отнимало много времени, но Господь помогал успевать в учебе.

Каждый год с братией мы выезжали на уборку картофеля, сбор ягод и фруктов в скит. Было очень весело. Мы жили одной дружной семьей: вместе разгружали огромные тиражи новой православной литературы и нескончаемые фуры кирпича для строящейся обители, вместе мели двор, убирали снег с монастырской территории. Особо запомнились моменты подготовки обители к Святой Пасхе. Как же дороги для меня эти времена! Они были самыми счастливыми.

Дорога́ моему сердцу память о приснопамятном схиархимандрите Анастасии, насельнике нашей обители. Он был постриженником Псково-Печерского монастыря. 25 лет он прожил в монашеском постриге. Он служил священником в Печорах, когда наш отец Тихон был там еще послушником. Добрейшей души человек. У него было огромное, любящее христианское сердце. Не помню, чтобы о нем кто-то сказал что-либо худое. Его все очень

На Святой Земле

любили — студенты, прихожане и братия. Он всегда был жизнерадостен, молод сердцем и душой. Когда у меня были тяжелые моменты, я всегда приходил к нему за утешением. И всегда уходил радостным. Я очень сильно его любил. Меня он мог и пожурить за проступки, подергав за кудри. Тяжелая болезнь за несколько месяцев свела его в могилу. Это была невосполнимая потеря не только для монастыря. Его кончина стала моей личной трагедией и утратой. Теперь мне очень его не хватает. Те личные вещи, которые мне остались от него, я храню с благоговением. Вечная ему память.

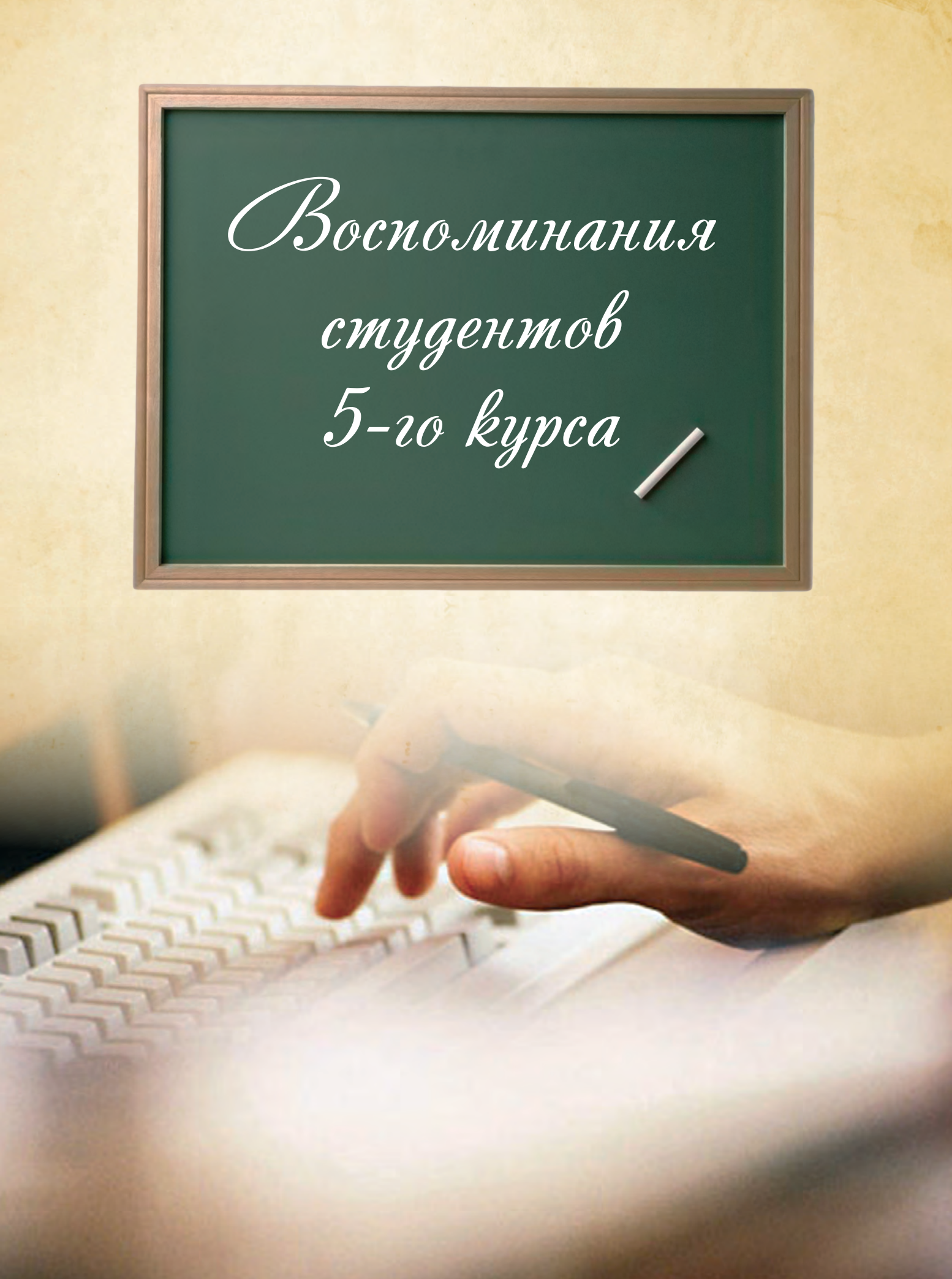
Все люди, о которых я попытался что-то рассказать, сыграли в моей жизни неоценимую роль. Они очень дороги моему сердцу, ведь каждый из них вдохновлял меня на труды и молитву. Я никогда не забуду того, что они для меня сделали. Низкий поклон им всем!

...После выпуска я ненадолго уехал домой к родителям. Когда я вернулся, ко мне стали подходить студенты и поздравлять с каким-то «назначением». Я ничего не понимал и думал, что ребята просто шутят. Но когда я зашел в семинарию и взглянул на доску объявлений, то увидел там распоряжение за подписью отца Тихона о назначении меня помощником проректора по воспитательной работе. Сам я узнал об этом в самую последнюю очередь. Пройдя небольшую назидательную беседу у батюшки, я приступил к своим обязанностям. Так наступил мой новый жизненный этап.

Свою работу с ребятами я строю на индивидуальном подходе к каждому, потому что все они очень разные. Разного сословия, воспитания, образования и возраста. Кто-то где-то слабее, кто-то в чем-то сильнее. Я стараюсь помогать ребятам. Да и мне их не хватает, когда они разъезжаются на каникулы. Послушание мое совсем непростое, так как требует постоянной внимательности и ответственности за живых людей. Во время дежурства находишься в постоянном напряжении, ведь из 150-ти молодых и полных энергии ребят кто-нибудь обязательно «нахулиганит». Поэтому я бываю и очень строгим. Могу наказать. Самая тяжелая сторона в моем послушании — это когда приходится выносить суд над конкретным учащимся и принимать решение об отчислении. Это огромная ответственность перед Богом за судьбу человека — но без этого, к сожалению, никак. Приходится так поступать ради общего блага. Пресекать дух бунтарства и ложного свободолюбия. Поэтому меня особенно радуют кроткие, смиренные и послушные ребята, которые пришли сюда с одной целью — послужить Богу и Святой Церкви. Которые не мечутся и у которых серьезные намерения. Я не выношу лжи и лицемерия. Люблю, когда говорят правду, и поэтому за «горькую правду» даже не наказываю.

Семинария должна привить воспитаннику любовь к богослужению, молитве, Священному Писанию, любовь к душеполезному чтению, снисходительность к человеку, искренность и послушание. Все это необходимо, чтобы стать настоящими пастырями стада Христова. Поэтому я хочу пожелать сегодняшним и будущим семинаристам быть послушными, честными, относиться к любому возложенному послушанию как к делу Божиему, не бояться трудностей и не лениться. А самому себе — мудрости, рассудительности и «не раздражаться!»

Воспоминания студентов 5-го курса

«Осознание того, что ты непосредственно участвуешь в совершении богослужения, дает особую духовную радость»

Алексей Васильев

До поступления в семинарию я учился, как и все, в обычной школе, поступал потом в университет, но не поступил и год проработал смотрителем в музее Волоколамского кремля. Тогда мне и повстречался человек, во многом благодаря которому я решился поступать в семинарию. Мама, узнав об этом, втайне была, конечно, рада, но внешне этого не показала; бабушки тоже были довольны. А отец сказал: «Смотри не пожалей потом об этом».

Мне кажется, многие ребята не из семей священников (я и себя имею в виду), которые собираются поступать в семинарию, все же не до конца осознают, что из себя на самом деле представляет семинария и что из себя на самом деле представляет священническое служение. И это понятно: ведь об этом судишь только с внешней стороны. И лишь попав в духовную школу, начинаешь понимать, что это не просто образовательное учреждение, но и духовно-воспитательное; что священство предполагает большой каждодневный труд и большую ответственность, а также высокие нравственные и духовные качества в священнослужителе. И когда узнаешь, насколько высоко и ответственно это служение перед Богом, невольно задумываешься: а достоин ли я, смогу ли с честью пройти это служение? Нелегко бывает ответить на такой вопрос.

Для поступления в Сретенскую семинарию нужно было написать изложение и пройти собеседование. Собеседование было, конечно же, самым главным. И самым волнующим. Помню, все долго готовились и очень переживали, читали Закон Божий, историю Церкви, учили тропарь священномученику Илариону — а вдруг спросят? «Завальным» вопросом оказалась просьба рассказать что-нибудь о пророке Аввакуме: нескольким поступавшим его задали, но они не смогли ответить. Не смог и я, в чем честно признался. Рассказал про трех отроков, про никоновскую реформу. Кажется, что-то прочитал из Псалтири. И ужасно спел тропарь

Преображению. После этого меня отпустили восвояси, и началось томительнейшее ожидание: сделано все, что можно, но понимаешь, что можно было и больше, но уже ничего не исправишь и от тебя ничего не зависит. Наконец в библиотеку, где ждали абитуриенты, пришел игумен Амвросий (Ермаков; ныне епископ Гатчинский, ректор Санкт-Петербургских духовных академии и семинарии) и объявил: «Вот люди, которые достойны стать пастырями». Все напряженно вслушивались, ожидая, что произнесут и их фамилию. Поступившие радовались, а непоступившие старались не расстраиваться: во-первых, без воли Божией ничего не бывает, во-вторых, есть возможность поступить в другие семинарии. Я оказался среди зачисленных.

День, когда меня благословили надеть подрясник, стал очень важным для меня.

Это был очень торжественный момент. Многие его ждали, волновались, порой даже слегка завидовали старшекурсникам, которые уже носили подрясники. Ведь подрясник — это символ ответственности, знак того, что Церковь тебе доверяет быть ее представителем. Подрясник — это одежда, которая носится вне богослужения; он свидетельствует, что человек, который его носит, не послужит соблазном для других людей, пришедших или еще не пришедших к вере. Подрясник означает и надежды, которые питает Церковь, что человек будет преданно служить Богу.

Учиться, конечно, нелегко, но очень интересно. Все наши преподаватели являются специалистами в своем деле и просто добрыми наставниками, к которым всегда можно обратиться за помощью. А.И.Сидоров, А.К.Светозарский, Г.Г.Майоров, протоиерей Максим Козлов... У таких преподавателей учишь не только предмет, который они преподают, но и учишься, глядя на самого человека, — учишься правильному поведению, разговору, образу мыслей. Из предметов мне больше всего нравились патрология, литургика, а также древнегреческий язык, который нам преподает замечательный педагог Н.К.Малинаускене.

Времени поначалу просто не хватало: постоянно надо было куда-то торопиться, что-то успевать сделать... Привыкал я и к более интенсивной духовной жизни и частой исповеди.

Конечно, пришлось привыкать и к семинарским порядкам: каждодневный ранний подъем, обязательное посещение трапез, отбой в строго определенное время, выход в город по благословению, самоподготовка, самые различные послушания — словом, жизнь по распорядку. Нельзя сказать, что подобные порядки были слишком уж обременительны, а игумен Амвросий, вызвав нас, новопоступивших, на беседу на первой неделе обучения, доходчиво и понятно рассказал о семинарской жизни и о том, для чего администрацией введены те или иные правила.

Будни семинарии обычно протекают так. Подъем в 6.30 или в 7.00; вставать тяжело — из-за постоянного недосыпания, но вставать приходится. Затем утренние молитвы или братский молебен, завтрак и утренние послушания. Потом начинаются лекции — до 15.00 или 16.00; послушания. Два раза в неделю — спевка семинарского хора. Время с 6 часов вечера до ужина обычно отводится для самоподготовки, но очень часто нужно петь службу, пономарить или присутствовать на всенощной или полиелее. После богослужения — ужин и обязательные вечерние молитвы. После молитв — свободное время, время дружеского общения, отдыха или чтения. В 11 часов вечера — отбой. В принципе большинство дней в семинарии очень похожи один на другой, поэтому неделя пролетает совершенно незаметно, так что порой даже забываешь, какое сегодня число или какой день недели.

Но вот начинаются экзамены, и появляется свободное время для подготовки к ним. Поэтому сессия для меня — время некоторого отдыха от каждодневной лекционной череды, возможность сосредоточиться. Конечно, тяжело бывает, так как экзамены могут следовать с промежутком в один день, а то и друг за другом. Подготовить годичный объем изученного материала в такой срок — задача чрезвычайно трудноисполнимая. И все равно время сессии лично для меня всегда было радостным временем. Особенно весенняя сессия, и не в последнюю очередь из-за времени года.

Там, где есть студенчество и экзамены, всегда будут шпаргалки. Отношение к шпаргалкам в духовной школе неоднозначное. Помню, отец Николай Скурат на уроках катехизиса поднимал каждого студента и предлагал обосновать греховность шпаргалок. Обосновывали все очень хорошо, но, увы, на следующей же контрольной шпаргалки появлялись и интенсивно использовались.

Свободное время в семинарии? Его всегда очень мало. Особенно на 1-м и 2-м курсах, когда все свободное время за день — это два часа от вечерних молитв до отбоя. Настоящее свободное время — это в воскресенье от обеда до вечера. Иногда в этот день стараюсь поехать куда-нибудь в парк, на природу, так как находиться все время в самом центре Москвы очень тяжело и физически, и психологически. Со школьных времен еще у меня осталось увлечение фортепиано, и я нередко что-нибудь играю, когда выпадает свободный вечер и есть соответствующее настроение. Еще мне нравятся иностранные языки; на их изучение я тоже иногда трачу не только учебное, но и свое свободное время. Люблю читать, иногда это может быть христианская литература, иногда просто хорошая художественная.

Праздники в семинарии — это всегда радостное и долгожданное событие. Прежде всего, это наши престольные праздники: дни памяти Владимирской иконы Божией Матери и священномученика Илариона. Этих дней мы долго ждем, много готовимся; как правило, на эти праздники в нашу обитель приезжает какой-либо архиерей или даже сам Святейший Патриарх. Торжественно отмечаем мы и двунадесятые праздники. В семинарии начинаешь ощущать даже воскресный день как настоящий праздник, а не просто как выходной, настолько торжественное совершается в этот день богослужение. С особой теплотой вспоминаю годовщины нашего семинарского хора — на день Архангела Михаила.

В последние годы появилась также традиция отмечать всей семинарией день именин или день рождения какого-либо студента. Семинаристы собираются за общим столом в одной из аудиторий, приходят дежурные помощники, иногда и отец проректор, и все молитвенно желают имениннику многих лет и благополучия.

Свою первую проповедь (это был день памяти святого Дионисия Ареопагита) я плохо помню. Волновался, краснел, читал по бумажке, словом, впечатлений осталось мало, все словно в каком-то тумане. Помню только, как ребята после поздравляли (я произносил в трапезной после вечерних молитв), и это мне было очень приятно.

А первыми опытами научной работы были семинарские сочинения. Всего их было одиннадцать. Опыты эти, конечно, были разными: какие-то сочинения писались за несколько дней с привлечением большого количества источников, какие-то приходилось дописывать уже в последнюю ночь. Наиболее серьезным опытом стала курсовая работа по литургике на тему «Формирование чина великого входа и его богословское осмысление». Всегда интересно проследить формирование важнейших элементов нашего богослужения на протяжении веков, прикоснуться к сокровищнице святоотеческого их истолкования. Эту тему, с Божией помощью, я намерен продолжить и в дипломной работе.

Семинарский хор — это, пожалуй, целая страница в жизни каждого его участника. В хор

меня взяли на 1-м курсе, тогда еще регентом был И.В.Тымуш. С хором связано очень много воспоминаний: наши службы, спевки, наши поездки. Осознание того, что ты непосредственно участвуешь в совершении богослужения, дает особую духовную радость.

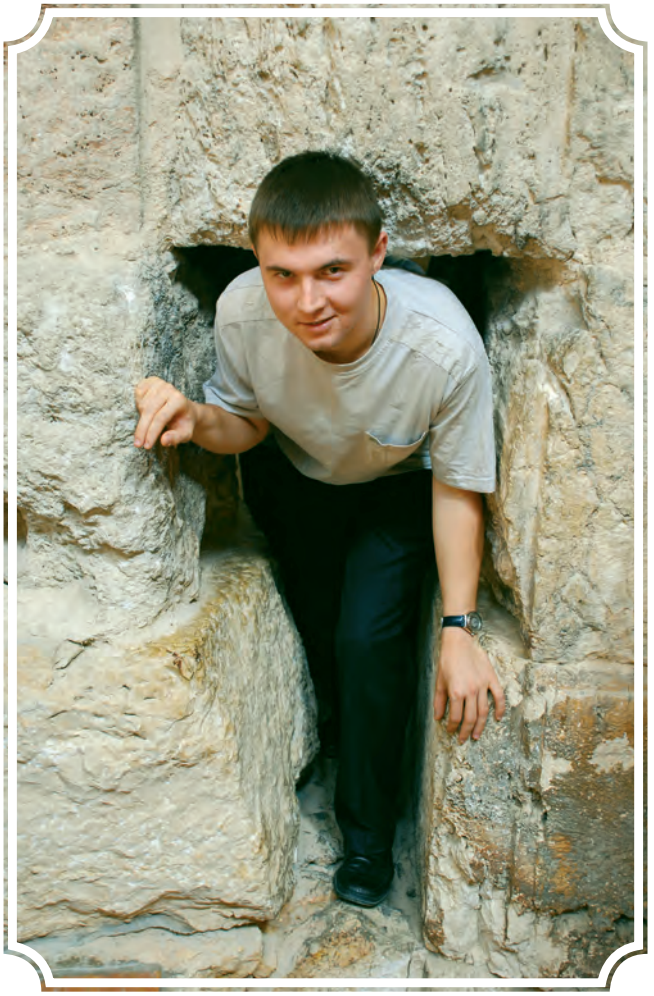
Конечно же, хор — это не только поездки и праздничные службы. Это, в первую очередь, напряженная работа. Два раза в неделю спевка и два-четыре раза в неделю службы — это хорошая и полезная практика для будущего священнослужителя.

Из чего складывается в семинарии духовная жизнь? Прежде всего, это богослужение. Сретенский монастырь в этом отношении являет собой образец благоговейного благолепно совершаемого монастырского богослужения, что, конечно же, очень важно для обучающихся здесь будущих пастырей и богословов. Каждый день студенты вместе совершают утренние и вечерние молитвы, а три раза в неделю участвуют в братском молебне священномученику Илариону, что, несомненно, вместе с ночным чтением Псалтири и молитвой за других людей доставляет огромную духовную пользу.

Значение еженедельной исповеди также неоценимо для духовной жизни и духовного возрастания. Мой семинарский духовник — отец Иов — очень мудрый пастырь, имеющий за плечами опыт и семейной, и монашеской жизни, разумно сочетающий в духовном окормлении строгость и милосердие.

Много дают семинаристам и паломнические поездки. Из всех паломнических поездок, в которых я принимал участие, именно как паломничества, как духовные путешествия, принесшие пользу душе, лично мне запомнились две. Первая — это поездка в город Бари к мощам святителя Николая. Мы служили литургию в крипте, на престоле, под которым почивают мощи святого. Собралось огромное количество людей, было множество причастников, явно чувствовалась общая горячая молитва.

Вторая особенная поездка, конечно, на Святую Землю. Это совершенно удивительное, ни с чем не сравнимое место. Думаю, впечатления об этой поездке сохранятся у меня на всю жизнь. Хотя Иерусалим и разорили римляне, некоторое время город был чисто эллинским, потом здесь опять поселились евреи, его завоевали арабы (и теперь еще арабское влияние

здесь очень сказывается на общей атмосфере; чего стоят только муэдзины в 5 часов утра!), затем крестоносцы то брали, то теряли власть над городом, но все равно, несмотря ни на что, всей душой ощущаешь, что здесь пострадал и умер Христос, здесь Он проповедовал. После паломничества все евангельское повествование воспринимается совершенно по-другому. Незабываемой стала и ночная литургия на Гробе Господнем, которую совершал греческий архиерей. Вообще было удивительно своими глазами увидеть все эти места: вот озеро, где апостолы ловили рыбу и где Господь ходил по водам; вот река, в которой Он принял Крещение от Иоанна; а вот гора, на которой Он преобразился перед апостолами; вот место Его вознесения; а вот монастырь Святого Саввы Освященного, богослужебным уставом которого мы пользуемся до сих пор и откуда вышло столько святых, гимнографов и песнотворцев нашей Церкви...

Слава Богу, благословившему наши студенческие путешествия!

«Священник должен иметь широкий научно-богословский кругозор и чуткое сердце»

Георгий Бабаян

До прихода в семинарию я, как и миллионы подростков, учился в школе и даже не задумывался над тем, что мне предстоит. Решение поступить в семинарию возникло не сразу, где-то к одиннадцатому классу. До этого времени я даже не думал об этом — только встреча с схиигуменом Илием на подворье Оптиной пустыни в храме Живоначальной Троицы в Останкине натолкнула впервые меня на эту мысль. На мой вопрос о выборе дальнейшего жизненного пути он благословил поступать в семинарию. Тогда я не очень-то обрадовался, поскольку священническое служение казалось мне абсолютно непосильным. Вскоре мамина подруга предложила съездить отдохнуть в летний лагерь Сретенского монастыря. Мне там настолько понравилось, что я решил пойти в воскресную школу при обители, а позже стал пономарить в храме Владимирской иконы Божией Матери. Я полюбил церковную жизнь, службы, все больше возрастал интерес к православному вероучению. Под духовным руководством о. Тихона и его пастырским примером во мне утвердилось и окрепло желание посвятить свою жизнь служению Церкви.

Родные отнеслись к моему выбору неоднозначно. Мама у меня верующая, она всячески поддерживала мое решение и приветствовала его. Дедушка у меня армянин, он недоумевал, почему нельзя поступить в Эчмиадзине, ведь Армения первая приняла христианство как государственную религию, обещал во всем помочь и все устроить. Остальные родственники сначала пожимали плечами, такого не ожидали, но сейчас страсти улеглись полностью.

В течение последнего школьного года я скрупулезно готовился к вступительным экзаменам, читал каждый день Евангелие. Больше всего меня пугало изложение, но и с ним я справился успешно. Не менее трудным было и собеседование, поскольку на нем не знаешь, что тебя могут спросить. Слава Богу, все прошло хорошо, я ответил на все предложенные

вопросы и до сих пор вспоминаю ту радость, которую я испытал, услышав свою фамилию в списке зачисленных в семинарию.

После поступления в духовную школу отношения со светскими друзьями у меня практически не изменились. Неверующие приятели сами как-то отошли от меня, а остались только те, кто мне на самом деле был дорог, — а это верующие люди, живущие церковной жизнью.

Первое время обучения в семинарии было достаточно трудным. Главным образом сказывалась адаптация в новых условиях. Помимо этого, еще приходилось привыкать к жесткому ритму графика семинарской жизни. С утра ранние подъемы, братские молебны, утренние молитвы, затем послушания, учеба — все это казалось непомерно тяжелым. Но со временем начинаешь привыкать к такому ритму, начинаешь жить по графику, и это даже нравится. В связи с этим скажу несколько слов о подряснике. Интересно, но он таинственно остепеняет, делает статнее, важнее. Когда его надеваешь, выправляется даже походка, начинаешь чувствовать многократную ответственность за свое поведение: «Ты церковный человек, на тебя смотрят». Любопытное ощущение...

Да, в семинарии жесткая дисциплина, строгий порядок, во главу угла поставлены наши обязанности, а не права. Но без этого, на мой взгляд, невозможен ни нормальный процесс обучения, ни тем более подготовка будущих священников.

Поначалу проблемы еще были во взаимоотношениях с ребятами, не со всеми удавалось сразу найти общий язык, особенно со старшими курсами. Но постепенно все решилось. Уже ко второму курсу я начал чувствовать себя в семинарии почти как дома.

В духовной школе я нашел много единомышленников, людей, понимающих тебя. Мои друзья в основном являются моими однокурсниками, с которыми всегда интересно и легко общаться.

Удавалось находить мне общий язык и с дежурными помощниками. Признаться честно, я не хотел бы оказаться на их месте. Это очень тяжелый и изнурительный труд. Они оказываются между молотом и наковальней. С одной стороны, администрация требует от них дисциплины и порядка в семинарии, с другой, им постоянно приходится иметь дело с юношеским запалом наших студентов. Несомненно, я буду вспоминать отца Николая (Муромцева) за его юмор и помощь. Игорь Максимов — очень коммуникабельный. Его неизменно отличает непринужденность в общении, добрый, веселый нрав. Нельзя не сказать об отце Антонии Новикове, с которым мы недавно вместе учились — только на разных курсах. У нас всегда были хорошие отношения, он готов пойти навстречу и понять.

Основная трудность пребывания в духовной школе все-таки заключалась, конечно, в том, чтобы не расслабиться и добросовестно выполнять все возложенные на меня послушания.

При этом с учебой особенных проблем у меня не возникало. Хотя часто приходилось учиться ночью.

Из преподавателей мне особенно запомнился Олег Викторович Стародубцев. Его манера преподавания просто незабываемая и оригинальная, он не перегружает информацией, все дает в увлекательной форме. Он очень расположен к общению со студентами, с ним можно посоветоваться, поделиться личными переживаниями. Конечно, стоит упомянуть Алексея Константиновича Светозарского, преподавателя истории Русской Православной Церкви. Мне всегда было приятно видеть этого представительного человека. Он мог привести интересную историю из своей жизни, что было очень поучительно. Это было на первом курсе. На втором — запомнились занятия иерея Вадима Леонова, преподавателя догматического богословия. Он систематично и понятно излагает материал, поскольку догматика — предмет не из легких и требует довольно серьезного подхода. Запомнился и отец Андрей Рахновский, он вел у нас Новый Завет. Его лекции пролетали незаметно — так было интересно! Правда, он строго спрашивал, но отвечать ему было не страшно, поскольку требования его были четкими. Старался я никогда не пропустить лекции Ольги Юрьевны Васильевой по истории Русской Церкви XX века и истории России. Безусловно, она хорошо осведомлена в преподаваемых дисциплинах.

Все семинаристы, начиная с третьего курса, готовятся к проповедничеству. Я уже не помню, в какой день была моя первая проповедь, но могу сказать точно, что это было в трапезной и я читал с листа. Сейчас я могу признаться:

Труды на пономарском послушании

проповедь была нелепой, насыщенной высокопарными фразами, ненужным пафосом, заставила меня волноваться. Со временем стало получаться лучше, но волнение сохранялось. Страшно было проповедовать в храме — с амвона. Уткнувшись носом в листок, я пытался обратиться к прихожанам. В конце они даже сказали: «Спаси, Господи!» Спасибо им за терпение! Но после этого я пообещал себе, что такого больше не произойдет. Конечно, я еще не раз читал проповеди с листа, придерживаясь одного правила: поменьше пафоса, надо говорить простым, доступным, понятным языком. И стало выходить неплохо, так что однажды я вышел на амвон без листа. Сначала жутко испугался, но дороги обратно не было, и вдруг обнаружил, что говорить без шпаргалки проще и интереснее, главное — преодолеть психологический барьер.

Письменные работы для меня, признаюсь, были непростым испытанием. Первые три курса мы писали сочинения — четыре раза в год. К сожалению, как и все студенты, я откладывал все до последнего момента, последней ночи. Подобные работы, я теперь понимаю это, приносили безусловную пользу, так как мы учились излагать свои мысли. На четвертом курсе я писал курсовую работу по обновленчеству в Русской Церкви начала XX века. Надо сказать, что это очень увлекало меня, поскольку я раскрывал актуальную тему. И на пятом курсе я развернул ее до дипломного сочинения.

Исключительное место в жизни семинарии занимает богослужение и молитва. Авва Евагрий как-то сказал, что кто как молится, тот так и богословствует! Невозможно получение богословского образования без живой веры и молитвы. Как можно учить о Боге, когда не знаешь, как общаться с Ним? Ведь именно молитва является лакмусовой бумажкой нашей веры. Вера является живой лишь тогда, когда молитва есть не просто произнесение слов впустую, а становится разговором с реальным, живым Богом, Которого мы не видим, но Который незримо стоит перед нами и слышит все лучше, чем люди вокруг нас. Если молитва наша формальна, то и вера такая же. Одно является следствием другого. Поэтому замечательно, что у нас есть храм, где мы можем открыть душу свою пред Богом. Признаюсь честно, я высоко рассуждаю о молитве, но сам нередко во время молитвы блуждаю своими мыслями где-то в другом месте, значит, по-настоящему молиться еще не умею. В Сретенском монастыре, на территории которого находится наша семинария, есть замечательная возможность помолиться на ночной литургии, которая совершается в крипте, где хранится Святая Плащаница. Сама крипта сделана по образу римских катакомб, где служили первые христиане. К своему стыду, на ночной литургии я был всего один раз, но впечатление осталось неизгладимое!

По поводу послушаний могу сказать следующее. Первые три года они были самые обыкновенные: это уборка улицы, мытье полов в корпусах, котлов — в трапезной. Несомненно, именно эти каждодневные, достаточно монотонные дела приучали преодолевать собственную лень, воспитывая навык делать то, что не всегда хочется. А это качество является золотым в человеке, оно учит смирению, которое является необходимым для будущего пастыря. Скажу больше: если человек не научится переступать свою лень и эгоизм, он не сможет стать настоящим священнослужителем!

В конце третьего курса произошло то, что встряхнуло мою спокойную и размеренную жизнь. На летнюю практику я был назначен старшим вожатым в палаточный лагерь для детей из дома-интерната города Михайлова. Вожатыми взяли семинаристов и девушек-волонтеров из нашей воскресной школы. Не знаю, как я согласился, но меня впереди ждали большие приключения.

Сам лагерь проводился недалеко от скита в честь преподобного Серафима Саровского, в селе Красном Рязанской области. К нам приехали сложные подростки, у многих из них была сильно искалечена судьба. В жизни они мало видели добра, авторитет взрослого для них ровно ничего не значил. Поначалу они смотрели на меня и на других вожатых как на надзирателей, которые поставлены мешать им «отрываться» на природе.

Нередко бывало, что на наши замечания и просьбы ребята совершенно не реагировали. Дисциплина была нулевая. Сначала мы думали покончить с этим путем закручивания гаек, но, увидев совершенную безрезультатность, оставили эту идею. В таких условиях многие из нас уже хотели опустить руки и, бросив все, уехать домой. Но даже в такой ситуации мы не переставали надеяться на помощь Божию и, как никогда раньше, усердно молились о наших ребятишках. Постепенно, потихоньку ситуация незаметно даже для нас самих начала выравниваться. Мы поняли, что этих детей можно завоевать только добротой и лаской, жесткой дисциплины им и без нас хватало по жизни. И авторитет у них тоже можно завоевать, если заниматься вместе с ними каким-нибудь интересным делом, играть в игры, а то и просто искренне поговорить о жизни. Этих детей можно взять только добротой и искренним к ним расположением, без этого даже и браться за такое дело не стоит. Время шло, и уже через неделю неподъемный камень тронулся — дети сами к нам подходили, спрашивали, советовались, делились впечатлениями и даже открывали свои сокровенные переживания. Мы жили одной жизнью — вместе кушали, работали, играли, строили, переживали неудачи и радовались победам.

К концу смены наши детки уже не хотели уезжать, что, конечно, они старательно скрывали, но это было видно невооруженным глазом. Даже самые отъявленные хулиганы, прежде игнорировавшие презрительно всякие мероприятия, теперь уже проявляли завидную инициативу и заинтересованность. Нас просили продлить смену, обещая беспрекословно исполнять все, что мы ни скажем, соглашались даже сразу вставать с первым ударом лагерного колокола.

Летняя практика в детском лагере

Было отрадно и приятно видеть, что мы смогли вложить частичку добра в израненные души наших детей, что для них мы смогли стать уважаемыми людьми, с которыми можно посоветоваться и открыть душу. Но главное, мы стали для них во многом примерами, а значит, и наши ценности, наша вера для них приобрели немаловажное значение.

При Сретенском монастыре уже несколько лет действует воскресная школа. За это время был получен немалый опыт организации и проведения работы с детьми и молодежью. Одна из форм такой работы — проведение уроков Закона Божия. Два года назад мне довелось быть преподавателем этого предмета.

Получилось это очень просто: директор нашей воскресной школы о. Ириней предложил

В детском доме

мне вести уроки Закона Божия у детей младшего возраста. Поскольку меня как семинариста давно интересовала педагогика, я согласился.

Предстояло продумать план занятий и форму их проведения, что было немалой проблемой, так как однотипные занятия в воскресной школе, если не вносить никакого разнообразия, для многих детей становятся немного скучными. И главный вопрос и острая проблема современных воскресных школ: как сделать изучение Закона Божия не занудством и переливанием из пустого в порожнее, а действительно увлекательным предметом.

Конечно, на этот вопрос существует масса ответов. Но для себя я вывел основную причину: дети получают ответы на вопросы, которые перед собой еще не ставят. Получается, работа ведется в одностороннем порядке: преподаватель читает лекцию, а она пролетает мимо ушей скучающих учеников.

Второй важной причиной провалов уроков иногда является и разный уровень подготовки детей. Сильные ученики, в частности, не удовлетворяются уже историями из детской Библии, им нужно что-то новое и более серьезное.

Признаться честно, на первый урок было страшно идти — шел в неизвестность. На этом уроке удалось провести зондирование уровня подготовки детей, и оказалось, что большинство уже наизусть знают учебник Закона Божия. Неожиданно пришла интересная мысль: а что, если изучать с детьми Евангелие, ведь мало кто из детей его читал в оригинале, а не в пересказе, а если и читали, то перед ними встало множество вопросов. Это и явилось благодатной почвой для интересных занятий.

Дети по своей натуре подвижны, они требуют динамики, живости, мало кто из них будет ровно сидеть и слушать лекции. Лекционная форма работы, приемлемая для взрослых и студентов, бывает, вгоняет в скуку детей. Поэтому мною была выбрана другая форма занятий — беседа. Я читал своим ученикам маленький отрывочек из Евангелия, просил пересказать, а потом задавал им вопросы, нередко это тянуло за собой обсуждения и даже дискуссии. Главной трудностью было говорить на языке детей — простом и ясном, без особо заумных фраз и выражений. И по сей день продолжаю над этим работать: это великое искусство.

Участники соревнования «Покровские старты»

Но одни беседы не могут полностью удовлетворить кипучее воображение ребенка, ему нужно проявлять себя творчески. Признаюсь, я начал уделять этому внимание довольно поздно. А зря! Это очень интересно и увлекательно и удваивает, если не утраивает, плодотворность занятий. И самое главное — то, без чего никогда никакое занятие не пройдет, — это интерес к своей деятельности и не бояться экспериментировать и делать ошибки.

Обучение детей Евангелию — величайшее дело! От того, как преподается предмет, во многом зависит восприятие и отношение детей к религии и Церкви. Если занятие скучное, то оно бесполезно. Детей можно завоевать только интересом!

А теперь о молодежи. В начале прошлого года о. Ириней предложил мне проводить встречи с молодежью. Для меня это было большой неожиданностью, поскольку до сих пор считал, что подняться выше уровня детей мне не дано. Но любопытство взяло верх, и я согласился. На мой взгляд, работа с молодежью является сейчас приоритетным направлением в миссионерском служении нашей Церкви. И такое послушание для меня — большая честь.

Для начала надо было продумать план занятий и темы бесед. Выбор опять пал на Евангелие, и я не пожалел. Молодым людям очень интересно Евангелие, но, к сожалению, не все могут сразу, без подготовки самостоятельно начать изучать слово Божие. Молодой человек открывает Библию, начинает читать, ничего не понимает и, как правило, откладывает ее до лучших времен. Лишь немногие имеют такое упорное желание, что идут в церковь и приобретают толкование. А с толкованиями нередко возникает еще больше вопросов, тем более что большинство из них написаны изрядно устаревшим языком. Вот и возникает потребность в человеке, который смог бы простым, доступным, современным языком разъяснить смысл Священного Писания. За дело я взялся с большим энтузиазмом.

Помню свою первую лекцию. На нее пришло, кажется, четыре человека. К ней готовился целый день, выписывал необходимое в блокнот, что-то заучивал наизусть. Тема была про то, что Христос пришел в мир не спонтанно, что

Он пришел в то время, когда люди созрели для принятия благой вести, в своих религиозных и духовных поисках ждали Его, как пишет ап. Павел: *Когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего Единородного* (Гал 4,4). Тема была очень сложной, мне приходилось подглядывать в свои записи, переволновался настолько, что даже горло пересохло и руки тряслись. Но со временем с каждым разом становилось все легче и легче, так что вскоре позволил себе совсем отказаться от шпаргалок.

Для меня было очень важно видеть, что эти занятия действительно нужны и интересны ребятам, что они приносят пользу. Когда видишь отклик в аудитории, горящие, сосредоточенные глаза, начинаешь работать с удвоенной энергией, занятия становятся уже не столько тяжелым трудом, сколько удовольствием.

Мне это послушание принесло огромную пользу. Оказываешься в ситуации, когда тебе могут задать абсолютно любой вопрос и ты уже не можешь полезть в карман и подсмотреть в шпаргалку. Ответ нужно давать здесь и сейчас. Помочь могут тебе только твои знания. С этих пор у меня совершенно изменилось отношение к учебе, я стал намного серьезнее относиться к подготовке и домашнему заданию. Это послушание послужило мощным стимулом для моего самообразования.

С чувством глубокого воодушевления, неизбывной радости я вспоминаю наше особенное — миссионерское — послушание: первые три дня Страстной седмицы Великого поста 2008 года мы, по благословению почившего патриарха Алексия II, раздавали в метро подарочное Евангелие от Марка. Никогда не думал, что милиция и служащие метрополитена встретят нас так доброжелательно: нам позволили встать не только в переходе метро, но запустили за фуникулеры к эскалаторам! Женщина, сидевшая на пропускной, когда мы спросили у нее, где можно добыть стул, предложила свой.

В первый день Евангелия мы раздавали в обычной одежде, не надев подрясников. Народ брал, но косился: многие видели в нас сектантов. Подрясник помог снять это недоразумение.

Пачки у нас расходились моментально, так что скучать не приходилось. В основном люди с интересом и благодарностью принимали наши подарки, но были и те, кто отказывался: одни со злобой бросали на пол, другие, и к этим людям я испытываю искреннее уважение, признавались, что им это неинтересно, но выбрасывать Евангелие они не хотят, чтобы не обидеть нас. Кто знает, у каждого человека свои времена и сроки, может, и им Господь даст веру.

Во время этой акции меня очень поразило то, как музыка зомбирует людей. Проходящие мимо молодые люди в наушниках просто не замечали меня, будто находились в другом мире, у них даже взгляд был отсутствующий! С уверенностью могу сказать, что для некоторых музыка — болезнь!

И вообще меня очень интересовало отношение к Евангелию именно молодежи. Честно говоря, наш подарок брали немногие, большая часть отказывалась. Почему? Сложно сказать, но, думаю, потому, что перед ними не стоит так остро вопрос жизни после смерти, они о ней пока не думают.

Главнейшим результатом миссионерской акции Сретенского монастыря стало то, что обычные москвичи увидели: Русская Православная Церковь вышла из стен храма к тем, кому нужно помочь придти к Богу! Теперь не секты путано говорят о своих еретических воззрениях, а православные проповедуют слово Божие. Уверен, это принесет свои плоды.

О послушаниях в целом могу сказать так: все они доставались не случайно, Господь посылал мне их для собственного воспитания, приобретения важных навыков и бесценного жизненного опыта.

Семинарские будни мне вначале казались серыми и скучными, невозможно тоскливыми. Каждый день было одно и то же: встаешь рано, молитвы, послушания, учеба, опять послушания, затем домашнее задание. Такое однообразие вызывало хандру, и нужно было найти выход из этого кольца. Отдушиной для меня стало чтение, я особенно полюбил Шекспира, Золя, Дюма, Лондона, О'Генри и многих других. Я был рад, что в семинарии есть свободное время. Я старался использовать его с максимальной пользой, всесторонне развивая себя, потому что чем образованнее пастырь, тем легче ему будет в служении и общении с людьми.

Чтение классики было для меня неким развлечением, пищей для души. Оно позволяло отвлечься и в то же время приносило немалую

пользу, расширяя кругозор, позволяя пополнить лексический запас, многое узнать из окружающего мира, о людях, их отношениях. Но художественная литература никогда не заменит святоотеческую письменность.

Читать святых отцов не всегда просто. Естественно, попробуйте дать трехлетнему дитяти «Войну и мир», да еще и без картинок. Поэтому читаю святых отцов выборочно, читаю о том, о чем хотя бы имею представление. Надеюсь, потихонечку, постепенно, шаг за шагом буду осваивать духовный мир святоотеческой письменности. Очень понравились Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник, авва Дорофей, Варсонофий и Иоанн, Иоанн Златоуст, Никодим Святогорец. А вот Макарий Великий… чувствую, еще рано. Из современных проповедников и подвижников благочестия очень нравятся Паисий Святогорец, митр. Антоний Сурожский.

Говоря о семинарской жизни, нельзя не упомянуть и о студенческих праздниках. Студент, а особенно семинарист, может устроить праздник на пустом месте, без причины и даже повода, просто по настроению. В какую-нибудь келью набивается 10 человек, и начинаются разговоры про жизнь, летят шутки, раздается смех, и так до отбоя.

Но особенно вспоминаются праздники, тем более если это Пасха. Помню, несколько раз мы собирались компанией и отправлялись на Светлую неделю в скит. Здесь царило раздолье и праздник души. Ребята вырывались из бетонных коробок города на волю, на природу. В скиту можно найти все: здесь тебе и зеленые луга, и засеянные пшеницей поля, и сказочный лес, и баня, и катание на моторной лодке, и плавание в пруду, и рыбалка, и езда на орловских рысаках.

Помню, со своим сокурсником, ныне уже диаконом Алексеем (Поповым), мы отправились в поход — куда глаза глядят. Проходя лесами и полями, набрели мы на деревню Слободка. Перекусывая там мороженым, вдалеке мы увидели храм на горе с золотым куполом и решили идти прямо к нему. Шли мы час, второй, а храм все так и не приближался… Начали уже уставать. И вот позади нас послышался рев мотора — это местные рабочие и доярки из колхоза ехали на работу. Нас пригласили в кузов. Ехали мы долго, от колес пыль клубами поднималась и забивала глаза, так что к концу поездки мы мало чем отличались от афроамериканцев. На повороте нас высадили, до храма оставалось рукой подать, мы ощущали себя счастливчиками, которым так мило улыбается удача. До храма оставался километр — ничтожный пустяк, мы, как победители, шли чуть ли не маршем. Но, как оказалось, храм стоял на берегу реки, а мы были на противоположном. Плыть мы почему-то не захотели, и оставалось только сесть на берегу и любоваться недосягаемой церковью. Просидели мы долго, говорили о жизни, просто молчали, время текло незаметно. Вдруг кто-то из нас вспомнил о грузовике, что он вот-вот должен отправиться обратно. Было уже не до романтики, взяв ноги в руки, мы рванули что есть сил к грузовику. Слава Богу, мы успели, а то мог бы в тот вечер стать для нас недосягаемым даже родной скит.

Из последних событий, произошедших в семинарские годы, мне больше всего запомнилось паломничество в Иерусалим. Конечно же, я долгое время мечтал поклониться Гробу Господню. Такая возможность у меня была на первом курсе, но тогда я не успел оформить заграничный паспорт. Долго жалел об этом, и вот, слава Богу, удалось побывать на Святой Земле. В начале октября 2008 года мы всей семинарией поехали в Иерусалим. Это незабываемые впечатления: посещение тех мест, где жил и проповедовал Господь Иисус Христос. Начинаешь все живо представлять и живописно понимать, о чем написано в Евангелии. И это переворачивает твое воображение — все воспринимается по-новому. Мы посетили и поклонились множеству святынь: это и Гроб Господень, и Голгофа, и Гефсиманский сад,

и Елеонская гора, и Сионская горница, и Русская миссия. Мы едва успевали приходить в себя от впечатлений. Побывали во многих монастырях: Марии Магдалины, Герасима Иорданского, в лавре Саввы Освященного и других. Окунались в воды Иордана, купались в Генисаретском озере, заедая все это удовольствие рыбкой ап. Петра.

Поразительно, как на этой земле уживаются вместе и арабы, и евреи, и греки, и русские, и многие другие. Иерусалим — котлован цивилизаций, город, где, попадая в новый квартал, оказываешься в совершенно другой культуре. Интересно понаблюдать за местным населением. Евреи со снобизмом посматривали на нас, одетых в подрясники, но плюнуть или обозваться боялись, еще бы — попробуй обидеть такую армию, даже смирившись, уступали дорогу. Арабы очень забавные, как дети. Очень забавно с ними торговаться, для них это азарт, весело наблюдать, как загораются у них глаза, когда требуешь от них скидки для студента. На улицах Иерусалима царит настоящий восточный базар, тебя облепляют со всех сторон торговцы разных безделушек и на своем языке пытаются красноречиво доказать тебе, что этот товар необходим. Многие из них говорят неплохо по-русски, это отрадно слышать. Впечатлений от этой поездки осталось на всю жизнь, так что будет о чем вспомнить.

Меня вскоре ожидает постриг во чтецы, к этому событию я отношусь очень серьезно. Конечно же, чтец — это первая ступень священнического посвящения. Если подрясник свидетельствует о некоторой мере ответственности, которая на нас возложена, то здесь эта ответственность обретает полноту. Служить надо каждый день, независимо от того, устал ты или нет. Тяжело? Да! Но служить всегда тяжело.

В заключение скажу следующее: в наше время под словом «образование» подразумевается набор каких-либо знаний в той или иной области, но упускается из виду, к сожалению, главная составляющая — воспитание. Если внимательно посмотреть на школьное и вузовское образование в России в наше время, можно обнаружить драматичное отсутствие какой-то общей идеи, правильных, солидарных ориентиров. Редко когда ученикам или студентам

На Святой Земле

прививается любовь к Родине и готовность работать на общее дело.

В этом отношении Церковь во многом подает пример. Я не призываю, конечно, снимать кальку с семинарий и переносить ее на школы и вузы, однако некоторые вещи вполне можно было бы позаимствовать.

При произнесении слова «семинария» у людей возникают разные ассоциации, но наиболее живо и образно оно звучит для тех, кто в ней учился и знает ее изнутри. Это незабываемые страницы жизни. Именно здесь воспитанию студентов уделяется такое же, если не большее, внимание наравне с образованием. Еще бы: роль семинарий в жизни Церкви ключевая. Это место, откуда должны будут выйти люди, служащие самому главному и ответственному делу на земле — попечению душ человеческих и их спасению. Святитель Иоанн Златоуст в «Шести словах о священстве» говорит, что пастырство куда более высокое и ответственное служение,

чем царское и военачальническое. Последние отвечают за земную жизнь и благополучие граждан, а священники — за вечную жизнь или смерть вверенных им Богом душ. Ужасающие картины битв только лишь слабое подобие того, какая борьба идет в духовном мире за душу человека. Пастырь в ней полководец, на нем вся ответственность. Лишь учитывая это, можно понять смысл системы духовного образования.

Каковы результаты моего пятилетнего обучения в семинарии? Для меня духовная школа стала прежде всего школой жизненной. Семинария сформировала правильное, взвешенное отношение к происходящему, научила доброму отношению к людям, уважению, взаимопониманию. Я приобрел умение уступать, ориентируясь в сложившихся обстоятельствах. Мы все вместе живем большой семьей, от каждого было чему поучиться, что почерпнуть, каждый мог показать положительный пример. Я научился лучше понимать других — как известно, это одно из главных качеств будущего священника. Убежден, что лучше, чем в семинарии, личность не воспитывается нигде. Духовная школа вырабатывает в своих воспитанниках такие качества, как пунктуальность, ответственность, умение принять решение, поставить цель и добиваться ее. Духовное учебное заведение — это место, где Господь при твоем желании и содействии кует из тебя пастыря. Здесь также стараешься получить максимум знаний, необходимых для дальнейшего служения. Но при этом, оканчивая семинарию, начинаешь понимать, что учиться придется всю жизнь, поскольку священник должен быть всесторонне развитым и эрудированным человеком. В духовной школе мы получаем лишь необходимую базу, на которой надо будет строить свое самообразование. Но важнее всего для меня стало непротиворечивое понимание того, что священнослужитель должен иметь не столько широкий научно-богословский кругозор, сколько чуткое сердце. Мне так понравилось учиться в семинарии, что я даже не хочу уходить, но ведь надо двигаться и вперед. И я надеюсь, у нас получится оправдать ожидания наших наставников, мы будем очень стараться достойно служить нашей Церкви.

Священство — особое служение. Оно радостно, но в то же время и тяжко. Не всякий выдерживает эту тяготу. Семинария как раз закаляет людей, способных понести это служение, и для нас, ее выпускников, как никогда, актуально звучат слова апостола: *О сем радуйтесь, поскорбев теперь немного, если нужно, от различных искушений, дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота, к похвале, чести и славе в явление Иисуса Христа* (1 Пет 1, 6-7).

Обучаясь в семинарии, я понял, что такое Промысл Божий. По мере накопления жизненного опыта и общения с людьми стал понимать, что ничего случайного не бывает, все закономерно и посылается Богом для нашего же назидания. «Слава Богу за все» — вот главный урок, который я вынес, учась в семинарии.

«Семинария — важный этап духовного взросления»

Георгий Битбунов

До поступления в Сретенскую духовную семинарию я получил высшее юридическое образование, параллельно неся клиросное и пономарское послушание в московском храме Преподобных Зосимы и Савватия Соловецких. Его настоятель — протоиерей Владимир Тимаков, умудренный жизненным и духовным опытом священник — уже 16 лет является моим духовником. Именно он стал ключевой фигурой в формировании моей личности, моего жизненного пути. Отец Владимир предложил мне поступать в семинарию сразу по окончании средней школы, но я тогда не был готов к этому.

В детстве я мечтал об иноческой жизни в обители Преподобного Сергия, куда часто совершал паломничества вместе с мамой, которая позже больше других радовалась моему поступлению в семинарию: наверное, в известной степени я реализовал и ее мечту тоже. Как и для многих, эти путешествия запомнились торжественными богослужениями, которые неизменно сопровождались пением замечательного хора лавры под руководством архимандрита Матфея (Мормыля). Хор, состоящий преимущественно из воспитанников Московской духовной школы, привлекал мое внимание больше всего, и потому, вероятно, самым заветным, окрыляющим желанием для меня было тогда стать учащимся семинарии у Троицы. Правда, думал я об этом как о том, что может случиться лишь в далеком будущем.

Мое желание получить богословское образование укрепляли и прекрасные встречи с удивительными людьми, которыми щедро одарил меня Господь. Все они, будучи в преклонном возрасте, смогли пронести веру в Бога через страшные годы атеизма. Эти люди, родственники которых приняли смерть за Христа, пережили десятилетия ссылок и лагерей, а ныне являются украшением русских святцев, пронизаны истинной церковностью, традицией и культурой. Я до сих пор стремлюсь к общению

с этими подвижниками, стараюсь провести с ними как можно больше времени, узнавая драматичные, но интересные и поучительные истории из их жизни, — жизни людей, ставших для меня близкими. Они всегда разделяли мои чаяния о духовном образовании, дарили ценные книги, давали мудрые советы в минуты сомнений.

Все годы учебы в институте я постоянно испытывал себя, проверяя свое желание поступить в семинарию. Кстати говоря, мои сокурсники почти с первых дней обучения в вузе знали, что я воцерковленный человек. К этому относились очень уважительно. Хотя, конечно же, встречались «персонажи», которые удивлялись: как это в XXI веке люди получают высшее образование и разделяют интересы бабушек? Но они со временем осознали свою неправоту. До сих пор мы сохраняем самые тесные, доверительные отношения.

Годы пролетали быстро, а я все отчетливее понимал, что непременно должен осуществить мечты детства и юношества. В этом я видел свою жизненную цель, начертанную Богом.

В 2000 году в моей жизни появился мудрый наставник-архипастырь. Он с радостью воспринял мое желание обучаться в духовной школе, стал помогать в преодолении искушений, возникающих на моем пути, в формировании правильных человеческих взаимоотношений.

Помоги, Господи, всем моим наставникам!

Итак, в 2005 году я окончил институт. К этому времени мой выбор был уже вполне осознанным. Я твердо знал, что должен поступить в семинарию, чтобы получить высшее богословское образование, а главное — пройти один из самых важных этапов своего духовного становления, который окончательно сформирует мое религиозное сознание.

И здесь мне следует рассказать о том, что вступительные экзамены я сдавал совсем не в ту духовную школу, о которой мечтал в далеком детстве. Как я уже говорил, я часто бывал в Троице-Сергиевой лавре. И там постепенно познакомился со многими священнослужителями, а также с воспитанниками семинарии. И к моменту окончания моего обучения в институте у меня уже образовалась большая компания приятелей в лавре, которые ожидали моего поступления в Московскую духовную семинарию. Мы строили планы, а я все мечтал попасть в хор к отцу Матфею, которого уже к тому времени хорошо знал.

И вот наступил июль 2005 года — время, когда все желающие поступать в духовные учебные заведения должны подать документы в Московскую Патриархию для последующего обсуждения на епархиальном совете. Там и выносится вердикт: годен или нет претендент для духовного образования. Я постарался сразу же подать эти документы и томительно ждал, когда же мне сообщат дату совета. Позвонили накануне праздника Тихвинской иконы Божией Матери и сообщили, что святейший патриарх Алексий II, упокой, Господь, его душу, благословил проводить совет 14 июля. С этого времени я не находил себе покоя. Ожидая сложных вопросов, я опасался своей некомпетентности, но мои переживания, к счастью, не оправдали себя. Члены совета предложили мне поступать в Сретенскую духовную семинарию, что, конечно же, смутило меня, поскольку я и не помышлял о другой духовной школе, кроме Московской.

Но все разрешилось так, как и должно было разрешиться. Я сдал вступительные экзамены в Сретенскую духовную семинарию. Особенно волнительным, напряженным было собеседование, которое, помимо широкого спектра богословско-практических знаний, выявляет воцерковленность человека. Божией милостью экзаменационные испытания я выдержал успешно и был зачислен на 2-й курс.

Несомненно, во всем этом виден Промысл Божий! За четыре года обучения в Сретенской духовной семинарии, слава Господу, я ни разу не пожалел о сделанном тогда выборе.

Так начался новый этап моей жизни, богатый на новые встречи и разнообразные события.

Серьезных трудностей в обучении я не испытывал. Скорее, было сложно войти в ритм духовной школы, который кардинально отличается от светского графика. День студента начинается рано утром. И далее переплетаются лекции, послушания, богослужение, подготовка к грядущим опросам и аудиторным работам...

Искренние слова благодарности хочется сказать всем членам профессорско-преподавательской корпорации нашей духовной школы. Нам посчастливилось обучаться у высокопрофессиональных педагогов, которые

Молебен у мощей свт. Киприана (600-летие со дня преставления)

неизменно ревнуют о духовном благе. Это архимандрит Тихон (Шевкунов) — ректор, иеромонах Иоанн (Лудищев) — проректор, протоиерей Владислав Цыпин, протоиерей Максим Козлов, протоиерей Олег Корытко, священник Вадим Леонов, священник Андрей Рахновский, священник Николай Данилевич, иеромонах Иов (Гумеров), диакон Павел Бобров, профессора Алексей Иванович Сидоров, Алексей Константинович Светозарский, Лариса Ивановна Маршева, доцент Надежда Касимовна Малинаускене и многие другие, чьи имена не менее достойны.

Предметами, представляющими наибольший интерес, стали: сравнительное и догматическое богословие, история Русской Церкви, Священное Писание Ветхого и Нового Заветов, патрология, церковное право, византология, церковнославянский язык. С преподавателем церковнославянского языка нам удалось создать гимнографический кружок; главной задачей для нас является редактирование богослужебных текстов, а также их грамотные переводы на русский язык, имеющие важные миссионерско-катехизаторские задачи.

Наша деятельность оказалась органично связанной с областью моего давнего интереса. Мне всегда хотелось больше узнать об этапах формирования богослужения. Именно поэтому литургика стала для меня особым предметом. Наш преподаватель старался донести до нас правильное понимание богослужения, фазы его становления, а главное — привить нам бережное отношение к Типикону.

И совсем не случайно моя курсовая работа посвящена формированию Триоди Постной. А сейчас я готовлю дипломное сочинение, связанное с динамическим складыванием двунадесятых праздников.

Разумеется, студентам бывает непросто написать работу на заданную тему. Однако подобная форма позволяет в рамках определенной проблематики глубже рассмотреть тот или иной церковный вопрос либо историческую личность, познакомиться с интересными авторами. Ведь все это исподволь формирует арсенал знаний, необходимых для защиты истин Православной Церкви.

В таком же духе, наверное, надо воспринимать и экзаменационные сессии. Хотя, не скрою, это чрезвычайно напряженное время для студентов. В весеннюю сессию обычно бывает по восемь-десять экзаменов, а времени на подготовку совершенно не хватает. К тому же в данный период никто не отменяет послушаний, богослужений, спевок.

Если говорить о наиболее ярких семинаристских эпизодах, с особым чувством вспоминается день, в который нас благословили на ношение подрясника. В нашей семинарии это приурочено к окончанию первой сессии, которое совпадает с днем памяти покровителя нашего монастыря — священномученика Илариона. Обычно благословение на подрясник новичкам преподают за всенощной во время благословения на «Блажен муж». По традиции в этот праздник вечернее богослужение в Сретенском монастыре возглавляет один из викариев Святейшего, а литургию — сам предстоятель нашей Церкви, но в 2005 году всенощную служили «своими силами», и благословение мы получили от наместника монастыря и ректора семинарии архимандрита Тихона, что стало для нас знаменательнейшим событием. Получили благословение того, кто является нашим отцом, наставником и воспитателем... Спаси его Господи!

Очень ярко запечатлелась моя первая учебная проповедь. Это был волнующий момент для меня. Хотя моя светская специальность предполагает публичные выступления, но церковный амвон не адвокатская трибуна: иные задачи, иное восприятие.

Огромной радостью для меня стало осуществление моего желания — попасть в семинарский хор. В нем я несу послушание уставщика. Это очень ответственно и отрадно для сердца. Совершенно по-другому переживаешь смысл песнопений, ведь они много раз репетируются, прочитываются в процессе компьютерного набора. Это позволяет за богослужением более осознанно вникать в глубину и красоту церковной гимнографии.

Кроме того, я несу послушание в канцелярии семинарии и исполняю различные поручения нашего проректора, который проявляет к студентам исключительное терпение.

Главнейшее место в воспоминаниях о моих семинаристских годах занимают паломнические поездки. Они всегда удивительны и трепетны! Господь сподобил меня за время обучения в семинарии побывать в различных местах. Особо памятными оказались паломничества к мощам святителя Николая в Бари в дни его памяти, весной и зимой, и на Святую Землю. Спаси, Господи, всех вдохновителей, организаторов и устроителей этих душеполезных поездок!

Конечно, за время моего пребывания в семинарии возникали и отдельные трудности. Семинаристы проживают в общежитии, где заселяются в одну комнату люди совершенно незнакомые, с разными представлениями

В монастыре прп. Саввы Освященного на Святой Земле

о порядке и дисциплине, этикете и свободном времени. В таком тесном соприкосновении открываются наши слабости и немощи, что зачастую, к несчастью, оборачивается трениями, впрочем преодолеваемыми, во взаимоотношениях.

Но все равно Сретенская духовная школа подарила мне новых замечательных друзей. Доброй традицией семинарии стали чаепития в дни памяти небесных покровителей и дни рождения студентов. Это теплые и дорогие минуты общения с отцами, наставниками, дежурными помощниками, с которыми у меня, вопреки расхожему мнению, с первых дней установились прекрасные, доверительные отношения, с семинарской братией. Вспоминаем радостные, курьезные, а иногда и грустные события, исполняем русские народные песни, романсы. Трогательные мгновения, которые останутся в памяти на всю жизнь. Мы настолько сроднились, что без натяжек можем считать друг друга братьями. Непросто осознавать, что в этом году мы завершаем обучение и станем встречаться только лишь иногда...

Оглядываясь назад, я отчетливо понимаю: годы, проведенные в семинарии, сеют в будущем пастыре те зерна, что станут плодами для окормления чад Церкви, для ее бескомпромиссной защиты.

Вся жизнь человека направлена на нравственное совершенствование и духовное обогащение. В семинарии крайне чутко начинаешь относиться к духовным проблемам, возникающим на жизненном пути, более строго анализируешь личную духовную жизнь. Священное Писание, святые отцы, богословско-историческая литература, истолкованные квалифицированно и с церковной точки зрения, добросовестное исполнение послушаний, возлагаемых на студента, — все это побуждает по-иному взглянуть на многие проблемы современной Церкви.

Согласно уставу нашей семинарии, каждый студент должен еженедельно приступать к Таинству исповеди. Моим духовником стал отец Тихон (Шевкунов). Его советы, наставления явились весомыми и значимыми для моего духовного взросления.

Я очень много думаю о предстоящей хиротесии во чтецы. Мы все скоро встанем на первую ступень служения Церкви. Это чрезвычайно важный момент и ответственный. Мы официально становимся клириками Русской Православной Церкви. Мы пойдем по пути служения, заповеданного Христом, — пути, который не знает безопасных поворотов и не дает времени на отдых.

Помоги нам всем, Господи!

«Семинарское домоправление»

Алексей Хомутов

Когда я поступил в семинарию, мне исполнилось всего шестнадцать лет и я только окончил общеобразовательную школу.

Почти сразу после моего рождения мои родители начали воцерковляться. Поэтому уже с младенчества меня приносили в храм. В моей памяти навсегда сохранятся яркие детские впечатления, связанные с величественным храмом и с красивым богослужением.

С самого раннего детства у меня появилось сильное желание стать алтарником в моем родном Спасо-Преображенском соборе города Кимры, в который мы всегда ходили с семьей. У меня даже вызывало зависть то, что многие мои друзья уже ходили в алтаре в стихарях, а я все никак туда не попаду. И вот однажды, в момент, когда я и не ожидал, меня пригласили в алтарь и сразу же благословили на стихарь. Произошло это, кажется, когда мне было девять или десять лет.

То, что я с детства посещал храм, а затем поступил учиться в воскресную школу, возможно, было главной причиной моего отдаления от друзей, которые были у меня в школе и во дворе. Но меня буквально захватила церковная жизнь. Лет с девяти, когда я начал посещать воскресную школу, я поступил и в музыкальную школу — на отделение церковного пения и фортепиано.

С возрастом, когда разум начинает все испытывать и искать доказательства всему, во что ты по детской простоте верил, я начал серьезно осмыслять свою веру в Бога и думать о своем будущем, о жизненном пути. В отрочестве практически все из нашей компании алтарников мечтали стать священниками или епископами, но когда дело дошло до реального выбора, каждый из нас выбрал для себя путь, который, возможно, был далек от детских мечтаний, но который был для нас приемлемым.

В подростковом возрасте я начал посещать ОРЮР (Организацию российских юных

С воспитанниками детского дома

разведчиков), стал участвовать в лагерях и походах, которые организовывались силами приходов моего родного города.

Обучение в музыкальной школе, участие в концертах и спектаклях на праздничных концертах — все это наполняло впечатлениями мое детство и отрочество.

Жизнь на приходе, видение проблем и радостей этой храмовой семьи всегда только утверждали во мне любовь к церковной жизни. Я видел близко жизнь священников на приходе и кому-то стал даже другом. И мне очень хотелось стать как они, подражать им.

При этом конкретного человека, который повлиял на мой выбор духовного образования, мне сложно выделить. Когда я оканчивал общеобразовательную школу, настоятель моего собора протоиерей Евгений Морковин поинтересовался, чем я собираюсь заниматься после выпуска. Я тогда сказал ему, что хотел бы отдохнуть годик, подрасти, подучиться и поступить в семинарию. Но он посоветовал мне не ждать и походатайствовал перед нашим епископом о рекомендации меня к поступлению в духовную школу. О Сретенской семинарии я узнал от одного моего земляка — Сергея Архипова, который к тому моменту уже учился здесь на 4-м курсе. Я приехал посмотреть на семинарию, и она мне очень понравилась. Было только одно смущение — больно уж маленькая площадь занимается монастырем, не будет ли мне тут скучно. Но, как показали годы, проведенные в этом небольшом монастыре, эта тесная обстановка, наоборот, располагает к более тесному сплочению. И вот после выпуска из стен общеобразовательной школы летом 2004 года меня приняли в Сретенскую духовную семинарию.

Мои родители работали при храме. Поэтому мое решение поступить в семинарию они восприняли серьезно и радостно. А вот родные отнеслись к этому по-разному: верующие родственники уважают выбор, хотя и удивляются, а нецерковные — относятся с сожалением. Подобное произошло и с оценкой моих друзей.

Самой сложной частью вступительных экзаменов для меня было, конечно, собеседование. Помню, как дрожал голос, когда епископ Амвросий (Ермаков) — тогда еще проректор Сретенской духовной семинарии, просил меня спеть «Царице моя Преблагая». Помню, как с волнением читал перед экзаменационной комиссией Псалтирь, как сбивчиво я отвечал на вопросы. Но тогда произошел и забавный случай: отец Тихон, наш ректор, поинтересовался, почему в моем школьном аттестате все четверки, а пятерка только по биологии. Я ответил, что любил этот предмет и очень интересовался им. Тогда отец ректор сказал: «А расскажи-ка

мне тогда о кровеносной системе кольчатого червя»! Этот вопрос меня так потряс, что я начал выдавать самые странные теории: и что у червя нет кровеносной системы, и что она у него такая же, как у человека. В общем, получилось, что на вступительных экзаменах в семинарию биологию я завалил. А если говорить о серьезном, меня попросили рассказать из Ветхого Завета о пророке Илье, а из Нового Завета — истолковать одну из заповедей блаженства.

Как бы то ни было, но я думаю, все мы, учащиеся Сретенской духовной школы, пришли сюда с желанием послужить в будущем Церкви и обучиться тем предметам, которые будут потом помогать в этом. Но если судить по себе, то полная обдуманность этого решения ко мне пришла только ближе к концу обучения. Возможно, это и из-за достаточно юного возраста, в который я решил поступать в духовную школу. Сейчас принятие сана стало осмысливаться не как наличие каких-то привилегий и облачение в красивые одежды для совершения грандиозной службы, но как взятие креста, причем очень тяжелого, как наличие огромного числа обязанностей. Но несмотря на то, что полное осознание произошло, желание стать священником у меня не исчезло.

Мой юный возраст во многом сказался и на том, как я воспринял благословение на подрясник. Помнится, как еще до этого благословения я пробовал примерять чужие подрясники, но почему-то всегда был страх, что я делаю это незаконно, поэтому снимал быстро и вешал обратно. И я ждал назначенного дня, когда я надену свой подрясник, с нетерпением. Это благословение на ношение духовной одежды понималось мной как знак доверия Церкви — мне видимым образом теперь разрешено представлять себя члена Церкви Христовой. Какой это был таинственный и торжественный момент! Я даже решил сфотографироваться в начале службы — последний раз без подрясника и после благословения — первый раз в нем. Я считал, что с этого момента начнется какая-то особая жизнь, когда мне даже одежда будет напоминать, к чему я призван. Но, к сожалению, время делает новинки привычками.

Трудностей за время пятилетнего пребывания в стенах духовной школы было много! Были и проблемы со здоровьем — я постоянно болел, возможно, это было связано с резкой переменой распорядка жизни и климата. Первые года два я просто не мог стоять на утренних молитвах, а особенно на братских молебнах: я спал стоя, прижавшись к какой-либо поверхности.

Конечно же, трудно было что-то начинать учить. Дело в том, что в старших классах школы я, к сожалению, почти не делал домашних заданий, я запоминал все на уроках и получал неплохие оценки. То есть учебный навык я утратил, и его надо было восстанавливать.

Непростой для меня была и самоподготовка, так как, откровенно говоря, она не всегда отвечала своему названию.

Поскольку все первое время хотелось спать, то трудно было выходить на послушания. Перед лекциями еще хотелось спать, а после лекций и обеда уже хотелось спать. Особенно тяжелым занятием была для меня уборка снега и льда. И вообще выполнять послушания не просто. Ведь в детстве с поручениями дома или в храме не возникало проблем, потому что их преподносили больше как просьбу, а здесь послушание стало нашей обязанностью. И мы полностью ответственны за его исполнение, за качество работы. Это обязательство, которое нужно научиться воспринимать адекватно.

Самыми благодатными послушаниями для себя я считаю послушания ризничего и пономаря, потому что я тогда часто мог находиться в алтаре. Полезным для меня стало и преподавание в воскресной школе при Сретенском монастыре. Я рассказывал ребятам о богослужении, о том, что сам знал, что трогало лично меня. Теперь уже нет послушания ночного дежурства по храму, но я помню такие ночи на 1-м курсе. Хоть очень клонило в сон и спал в храме в середине ночи, но большую часть времени можно было сидеть или ходить по храму и спокойно, например, молиться, когда ты в церкви один. Мне запомнилось, что в одно из таких дежурств мне удалось залезть на реставрационные леса и походить посмотреть вблизи фрески, которые написаны в самом верху на потолке храма. Я даже сумел прикоснуться к самой высокой точке храма — потолку подкупольного барабана, о чем я потом хвастался друзьям.

И еще об одном послушании. На Страстной седмице 2008 года мне довелось участвовать

в миссионерской акции Сретенского монастыря — на самых многолюдных станциях метро раздавали москвичам красочно иллюстрированное Евангелие от Марка. Это издание стало пасхальным подарком приснопамятного святейшего патриарха Алексия. Тогда три дня я раздавал Евангелие от Марка на станциях «Тушинская», «Кузьминки» и «Новослободская». Самым трудным оказался первый день, в который мы вдвоем раздали всего 75 пачек из 150. На второй день я был на точке всего до десяти часов утра, потому что при большом потоке людей необходимо было говорить громко о подарке, и скоро я потерял голос. Но вскоре к ребятам подъехал ученик из пономарской группы нашей воскресной школы и удачно заменил меня. Под конец второго дня оставшиеся там ребята сообщили мне, что раздача была успешнее, чем в первый день. В среду нас было уже четверо на одной станции («Новослободская»), но примерно до восьми утра поток людей из метро был очень невелик, и мы очень огорчились. Также на этой станции не удалось договориться с дежурной по станции. Она хоть и произвела впечатление доброго человека и положительно отнеслась к нашей акции, но не позволила нам стоять в здании на выходе, так как не было разрешения от ее начальства. Тем не менее среда оказалась самым успешным днем, и примерно за полтора часа мы втроем (четвертый занимался распаковкой) раздали на выходе около 75 пачек. Нужно отметить, что в целом москвичи тогда отнеслись к раздаче Евангелия позитивно. Многие просили передать святейшему патриарху слова благодарности. Но, к сожалению, некоторые принимали нас за сектантов, прикрывающихся именем святейшего. Я заметил, что многие боялись брать, потому что все равно не доверяли слову «подарок» и думали, что это Евангелие продается. Пользуясь моментом, когда брал хоть один человек, я громко объявлял, что это пасхальный подарок от патриарха Московского Алексия, и поздравлял всех с наступающей Пасхой. И люди начинали подходить к нам. Отмечу особо: у них вызывало доверие именно имя патриарха. Многие из тех, кто даже не брал подарок, все равно отвечали на слова поздравления с наступающей Пасхой взаимным поздравлением и улыбались...

Как я уже упоминал, очень трудно было снова настроиться на учебу из-за расслабленного состояния, которое я приобрел в старших классах школы. И было непросто выучить много материала и отвечать его. Особым пунктом стоит отметить написание сочинений. Их я откладывал на самый последний момент. До сих пор проблемно для меня и ведение каких-либо конспектов, так как человек я по природе рассеянный.

На курсе у нас всегда была хоть и не совершенная, но все-таки приятная атмосфера взаимопонимания и взаимовыручки. Но, конечно, как и везде, люди собираются в компании близких им по духу людей. Слава Богу, и я нашел здесь за время учебы много добрых товарищей. Кто-то из них уже отучился в семинарии, а с кем-то я до сих пор вместе учусь и живу. Вот уже к завершению подходит время обучения, но только теперь начинаешь понимать, сколько прекрасного, и серьезного, и смешного мы пережили здесь с ребятами. В компании, членом которой я являюсь, все мы очень отличаемся друг от друга, и, разумеется, неизбежны ссоры и обиды, но все это временно и проходит, и я надеюсь, ничего плохого не запомнится. Сохранятся только самые лучшие воспоминания.

Скажу так: семинарские порядки научили некой взрослости, дисциплинированности и ответственности.

Немало поспособствовали этому наши дежурные помощники. Всякие случаи бывают в семинарской жизни, и хочется выразить благодарность тем дежпомам, которые действительно бывают в нелегкие для студентов моменты не просто раздатчиками послушаний, но мудрыми домоправителями в семинарии.

Еще со школьной скамьи мне очень нравились преподаватели, которые с интересом относились к своему предмету и видели в учениках людей, которым хотели показать не только сложность и важность своего предмета, но и пытались научить их чему-то в жизни, рассказать что-то, посоветовать, порассуждать о насущных проблемах.

И в семинарии уже на 1-м курсе я увидел таких педагогов. Это и веселый, интересный преподаватель библейской истории и церковного искусства Олег Викторович Стародубцев, и преподаватель общецерковной истории отец Николай Данилевич. Своей особой добротой и интересом к предмету привлек всех нас преподаватель Нового Завета — отец Андрей

На 1-м курсе

Рахновский. На 5-м курсе очень понравился преподаватель церковной практики отец Алексей Круглик. Увлекательно рассказывал нам об истории Русской Церкви Алексей Константинович Светозарский, о сравнительном и пастырском богословии — отец Максим Козлов, о пастырской психиатрии — Григорий Иванович Копейко. Особо зажигательные рассказы из истории философии слышали мы от профессора Геннадия Георгиевича Майорова. Из женщин-преподавателей навсегда запомнятся Надежда Касимовна Малинаускене, Лариса Иванова Маршева, Ольга Юрьевна и Ирина Юрьевна Васильевы.

Конечно же, все предметы нужны и интересны по-своему, но, как я уже писал, — преподаватель должен суметь зажечь учеников интересом и часто «пересыпать» материал своего предмета интересными размышлениями и беседами на жизненные темы.

Семинарские будни бывают самыми разными, и это зависит прежде всего от настроения. Иногда они серые, порой летят быстро, зачастую вечер рождается уже утром и день мельком заканчивается. Но более всего в буднях семинарии мне нравится то, что удается чередовать многое: и молитву, и послушания, и учебу, и трапезу, и сон, и прогулки.

Свободного времени в семинарии не так и мало, но главная моя проблема заключается в том, что я так до сих пор и не научился полезно расходовать свое свободное время. Замыслов на выходные обычно много — хочется сделать что-то полезное всем и себе, но, к сожалению, планы часто так и остаются планами. Из интересов сложно что-то выделить, но много времени у меня уходит на чтение светской и духовной литературы. Люблю я и прогулки: мы собираемся с ребятами и гуляем в центре столицы или же уезжаем поближе к зелени и спокойствию — на окраины. Иногда я предпочитаю гулять в одиночестве.

Вспоминаю сейчас, как произносил свою первую проповедь сразу с амвона в храме за литургией, и поэтому особенно волновался. Но знаю точно: после выхода и начала проповеди первый страх отступает, голос крепнет, и ты уже произносишь с осознанием слова, которые говоришь. Помню и то, что решил просфору, врученную мне после первой проповеди, сохранить навсегда.

А теперь о моих семинарских сочинениях. Они, безусловно, не претендуют на звание научных работ. Так же как и моя курсовая работа по истории Русской Православной Церкви в XX веке. Я решил написать ее о сталинском послевоенном периоде в жизни моей родной Тверской епархии. Неоценимую помощь в создании работы мне оказал один из моих семинарских друзей Алексей Жамков (ныне студент Московской духовной академии), за что ему огромное спасибо. А совсем недавно я написал и защитил уже дипломную работу.

Не могу не сказать о семинарском хоре. В нем я пел только на первых трех курсах обучения. Но от тех лет воспоминаний тоже хоть

отбавляй. Это и спевки, и великопостные службы, и ранние литургии. С хором мне довелось поучаствовать в исторических событиях — возвращении останков великих русских эмигрантов генерала Деникина и философа Ильина и их жен на Родину.

И вообще за пять семинарских лет я накопил большой опыт по части пения церковных служб. Еще в музыкальной школе мне предлагали посещать уроки вокала, но из-за юношеского смущения я так никогда и не смог петь один. С учебой в семинарии связаны многие случаи, подвигавшие меня к тому, чтобы одному петь и вычитывать церковные службы. Наверное, первым таким эпизодом можно считать одну праздничную всенощную, когда монастырский хор уехал на какой-то концерт и на клиросе не оказалось совершенно никого. Отец казначей увидел меня в алтаре и благословил идти петь. Помню, как я дрожал, поднимаясь на пустой клирос, каким срывающимся голосом и совершенно диким напевом один спел предначинательный псалом в храме, полном народа. Эти ощущения посильнее! Слава Богу, что к малому входу моя сольная деятельность завершилась — пришли другие поющие семинаристы. Кроме того, к сольному пению меня привели и ночные литургии, о которых я скажу ниже, и службы в монастырском скиту. Позапрошлым летом эта практика мне очень пригодилась: я весь август послушался на Трехсвятском подворье в Париже — там приходилось петь и вечерни службы, и всенощные, и литургии.

Таким образом, и детский церковный хор, и хор семинарский все-таки помогли мне переступить через себя.

Да, годы, проведенные в стенах семинарии, дали, несомненно, многое. Во-первых, дали фундамент богословских знаний. Именно только фундамент, ибо в течение этих пяти лет ты все-таки выбираешь для себя то, что тебе более всего необходимо. Фундамент и потому, что в дальнейшем нужно заниматься самообразованием. Во-вторых, я все-таки немного повзрослел вдали от дома, привык к некой самостоятельности.

Важным достоинством нашей семинарии является то, что она находится на территории Сретенского монастыря. Я действительно считаю, что монастырь, наравне с братией, и студенты могут назвать своим. И братию и студентов сюда призывает Господь через Пресвятую Богородицу, иначе мы бы чувствовали себя здесь приемными нелюбимыми детьми, которые только в тягость. И вот, когда ты чувствуешь себя именно сыном, приглашенным сюда, — тогда только и почувствуешь себя родным этому месту и нужным Церкви. А место это — Сретенский монастырь — действительно чудесное. Все мои знакомые, которые хоть когда-либо побывали здесь, говорили все одно и то же: «Когда приходишь к вам в монастырь, то попадаешь из

Братский молебен

шумного и суетного города как будто в райский сад».

Молитвенная жизнь в Сретенской обители представлена во всей полноте — это и молитвенные правила, и братские молебны, и литургии, и вечерние богослужения.

Благодарю Бога и начальство за то, что здесь студентов стараются сосредоточить на Таинствах покаяния и Евхаристии, ведь без постоянной работы над собой трудно воспитать в себе любовь к священнослужению, любовь к Таинствам. Конечно же, порой эта работа тяжела. Часто чувствуешь себя не готовым ни к исповеди, ни к Причастию, но когда все-таки сподобишься Таинств, то с благодарностью понимаешь, что даже порой через твое нежелание Бог призывает тебя и любыми путями Сам хочет быть ближе к тебе. С большой досадой понимаешь теперь, что неправильно поступал, ленясь ходить на утренний молебен Пресвятой Богородице и священномученику Илариону. Упустив много случаев спокойно побеседовать с покровителем нашей обители, теперь с горечью осознаешь: уже совсем скоро уйдешь из этого чудного места, уйдешь от раки со святыми мощами владыки Илариона, так и не выполнив долг благодарности нашему святому покровителю.

Конечно же, столкнулся я и с духовными проблемами, вызванными переходным возрастом. В душе происходят большие перемены, возникали многие вопросы. Поэтому, чтобы не заблудиться и не отойти от правильного пути, я искал советов духовно опытных людей. На приходе в родном городке у меня так до сих пор и не появилось духовника. Я считаю этот выбор очень серьезным и ответственным, равным принятию решения о браке или иночестве. Очень сложно найти настолько родного по духу человека, чтобы доверять ему всю твою духовную жизнь. Пока я учусь здесь, я доверяюсь многим пастырям. И всегда я ощущал заботу о себе со стороны исповедующего священника. Стараясь исповедоваться непосредственно перед литургией или накануне, я подхожу к священнику, которого мне подскажет сердце.

Совершенно особая страница в жизни семинаристов — это самые разнообразные поездки. Недавно мы с друзьями совершили поездку в город Истра, в Новоиерусалимский монастырь. Поездка как поездка, если бы не воспоминание о том, что наша учеба начиналась с поездки именно сюда. Мы вспомнили наше первое фото с первого курса, когда мы тут стояли вместе на Иордане. И вот прошло уже четыре календарных года, но как же мы все поменялись и внешне, и духовно.

Зарубежные поездки тоже наполнили меня впечатлениями на всю жизнь. Благодаря учебе в семинарии мне удалось побывать и в США, и во Франции, в Италии и на Святой Земле. Во всех местах мне довелось увидеть истинную веру. И это осознание дает радость: христианство действительно имеет мировой масштаб. Никогда не забыть ощущения от встреч с русскими эмигрантами. Они сохранили ту настоящую православную традицию, которая поистерлась у нас за семьдесят лет.

А прикосновение к святым местам, напоминающим о жизни нашего Спасителя, и вовсе воспринимаешь как чудо — ты видишь не просто материальное подтверждение твоей веры, ты видишь место, где был Сам Господь. Самое яркое впечатление осталось, конечно, от Иерусалима — от Гроба Господня, а во Франции — от тернового венца Спасителя, который хранится в Нотр Дам де Пари.

Кроме духовных переживаний и внешних впечатлений, нельзя не упомянуть и некоторые забавные случаи. Во Франции, во время прогулки по Парижу, мы с ребятами поднялись на Эйфелеву башню. Я был так поражен чудесным видом, открывшимся с первого этажа башни, что не заметил, как отстал от ребят и потерялся. И вот, один среди незнакомого города, я решил, что придется самому искать место нашей встречи — египетский обелиск на площади Конкорд, кажется. Я увидел эту площадь с башни и пошел по направлению к Лувру, перейдя через реку Сену. Конечно, я заблудился, но хоть и с опозданием, но прибыл на место встречи благодаря подсказке какого-то француза, с которым мы друг друга так и не поняли. Помню, как тогда я своим опозданием ввел в негодование наместника и хористов, которые из-за меня опоздали на вечернее богослужение. Когда уже в Москве была официальная встреча самолета с останками наших великих эмигрантов Деникина и Ильина, я, подойдя под благословение к владыке Арсению Истринскому, беседовавшему с отцом Тихоном,

услышал от него: «Это ты, что ли, в Париже-то потерялся?»

Семинарские праздники можно поделить на официальные праздники и на личные в компаниях студентов.

Из первой группы самые радостные всегда престольный праздник, а также зимняя память священномученика Илариона — именно в этот день мы празднуем и разъезжаемся на рождественские каникулы, чтобы с семьей встретить зимние праздники. День памяти владыки Илариона радостен еще и потому, что мы почти каждый год в этот день имеем возможность помолиться на литургии с предстоятелем нашей Церкви.

Остальные семинарские праздники, которые оставляют много хороших воспоминаний, это именины и дни рождения кого-нибудь из твоих друзей. Мы собираемся либо в аудитории в широкой компании, либо в келье узким кругом. Конечно же, позволяем себе порадоваться яствам и по ходу незатейливого застолья вспоминаем что-то веселое из нашей жизни и поем любимые песни.

Что касается хиротесии, то к ней я хотел начать готовиться еще с конца 4-го курса, но както не получилось. Я хотел прочитать на церковнославянском языке всю книгу Апостол, чтобы во время пострига прочитать не запинаясь отрывок из Писания. Конечно же, хочется подготовиться и духовно, ведь для меня это будет очень серьезным событием в жизни. В конце 4-го курса мне попалась в руки книга митрополита Антония Сурожского «Пастырство», и там я прочел мысль владыки о том, что означает личность чтеца в Церкви: чтец — не просто голос молитвы и Священного Писания Церкви, но он должен и жизнью уже доказывать то, о чем доверяет теперь читать ему Церковь на своих собраниях. Для себя я понимаю это посвящение в церковнослужители как знак доверия ко мне со стороны Матери-Церкви. И конечно же, ответственность, которая будет на церковнослужителе велика, но я желаю этого шага и с Божией помощью постараюсь нести послушание в Церкви как чтец и прислужник при Божественных Таинствах. На хиротесии епископ как условие ставит посвящаемому чтецу ежедневное чтение Священного Писания. Чтец должен это делать, чтобы жизнь его стала соответственной заповедям и учению Христа. Ведь, как пишет митрополит Антоний, чтец должен воплотить каждое слово, которое он провозглашает, в собственной жизни, как это должен сделать каждый христианин со словом молитвы, с которым он обращается к Богу. Еще примечательна мысль святого Иоанна Лествичника о соотнесении нашей жизни с читаемым нами Писанием и нашей проповедью. Он говорит: как бы стрела ни была пряма и остра, она будет лежать бесполезной, если не будет лука и тетивы, руки и глаза и твердого намерения стрелка пустить эту стрелу в самую цель.

...Еще на 1-м курсе я услышал о том, что в нашем монастыре каждую неделю бывает ночная литургия. По детским впечатлениям ночные службы на Пасху и Рождество остались самыми яркими воспоминаниями для меня. Я по возможности стал посещать ночные службы. Попытаюсь немного объяснить, почему именно ночные богослужения больше всего привлекли меня. Евхаристия — на Пасху ли, в будний день или в воскресный — всегда одна и та же. Но насколько ты сосредоточишься на молитве, настолько мысли отдалятся от мира — вот что влияет на личное восприятие богослужения. Студенты семинарии вынуждены исполнять на богослужении те или иные послушания, и это порой не дает душе полностью сосредоточиться на молитве. Но на ночной литургии, где присутствует совсем немного людей, где каждый может взяться и помочь в богослужении по своим силам, не напрягаясь, в полумраке и спокойствии чувствуешь себя как бы среди тайного собрания первых христиан, которые они устраивали для совершения Евхаристии. При небогатом свете свечей и лампад, в тишине, среди спокойного пения душа может отдохнуть молитвой, и, несмотря на то, что это ночное время, чувствуешь себя бодро.

Через Причастие Христу все мы соединяемся в одно Тело, в одну Церковь. Существует много практик частоты причащения, в нашей обители семинаристам благословляют причащаться не реже раза в две недели, но для желающих Причастие позволено и чаще.

Раз в неделю, в ночь на субботу, казначей нашего монастыря игумен Амвросий (Коньков) совершает Божественную литургию для желающих из братии и студенчества, а также работников монастыря, для всех, кто хочет

помолиться и причаститься. Начинается литургия в полночь, и радостно видеть, что на ней практически все причащаются, то есть становятся одним Телом во Христе. После службы мы продолжаем молитвенную радость уже за короткой ночной трапезой. Это также напоминает о тех временах, когда христиане собирались на агапы, где и совершали Евхаристию.

Конечно же, нас собирается немного, присутствуют лишь желающие из живущих в монастыре. Порой на ночном богослужении бывает всего два или три человека. Но это не та малочисленность, которая наводит на грусть, а наоборот, это даже приносит радость в осознании того, что Христос, как Он обещал, пребывает там, где двое или трое собраны во имя Его.

Пройдут годы, каждый из нынешних семинаристов встанет на путь, который уготовал ему Бог. Каждый вышедший во взрослую жизнь студент духовной школы станет нести свой посильный крест. Одни из нас станут священнослужителями, другие церковнослужителями, а кто-то пойдет по другой стезе, оставаясь добрым христианином. Но по опыту многих поколений известно, что не будет уже того спокойствия и свободы, с которой живет человек в юности. Эту же мысль высказывают нам и многие наши семинарские преподаватели.

Вскоре вчерашний семинарист обзаведется семьей, а кто-то и примет подвиг монашества. Он будет все свои силы отдавать служению или работе, семье или послушанию, и не будет уже свободного времени, чтобы в спокойствии помолиться, чтобы почитать что-то для души. Поэтому именно здесь, пока мы учимся, у нас есть возможность свое свободное время употреблять для развития своей души.

Не знаю, какой крест пошлет мне Господь и какое время Он отведет мне для жизни, но каждый день этой жизни я буду вспоминать то главное, что приобрел в семинарии.

Конечно же, будут помниться те друзья, которых я тут нашел, буду вспоминать замечательных преподавателей и братию монастыря, будут помниться и паломничества, и многие-многие истории, которые происходили с нами за время жизни в стенах духовной школы. Но самым главным сокровищем, вынесенным мною из стен Сретенского монастыря, останется то, что за время учебы в семинарии я более глубоко сосредоточился на главном Таинстве Православной Церкви — Евхаристии. Именно тут, взрослея телом и духом, я глубже понял, что именно Евхаристия является той самой силой, которая поддерживает жизнь христианина. Совершение этого Божественного Таинства, на мой взгляд, является главным для священника, и уже вокруг Евхаристии строится вся духовная жизнь священника и членов христианской общины.

«Правильное направление духовных ориентиров»

Евгений Романцов

Не могу сказать, что у меня было что-то особенное до прихода в стены семинарии.

Больше всего, конечно, вспоминаю свое детство — это были золотые годы. Учась в восьмом классе школы, я впервые, пусть еще тогда из любопытства, переступил порог храма. Его настоятель, молодой священник, встретил меня так, как будто я ходил туда много лет. И на следующий день (это было зимнее воскресное утро) я уже стоял в алтаре, облаченный в стихарь. С тех пор моя жизнь оказалась связанной с Церковью.

Сначала к моему пономарству родители отнеслись довольно спокойно. Помнится, даже были рады, надеясь, что это может повлиять на меня в положительном направлении. В тот период я был особенно резвый — во многих смыслах этого слова. И потому мама с папой надеялись, что тяга к храму остепенит меня. В принципе так оно и вышло. Но они и подумать не могли, что я пойду учиться в семинарию. И вот тогда они запротестовали, но, увидев, насколько твердо я стоял на своем, дали свое благословение.

Что касается друзей, то с ними проблем вообще не было — они отнеслись к моему решению с пониманием и... большим любопытством. Мое глубокое убеждение заключается в том, что если люди друг другу нужны, их отношения с годами становятся все крепче и солиднее. И специфика образования здесь не играет никакой роли.

Разумеется, я со всей серьезностью готовился к вступительным экзаменам, так как слышал, что отбор ведется с особой тщательностью. Помню, как, уже сидя в автобусе, направляющемся в Москву, продолжал дочитывать учебник по истории Русской Православной Церкви. На самом собеседовании отвечал довольно уверенно, правда, помню, не смог тогда толком дать определение церковного таинства.

Конечно же, я осознанно сделал свой выбор в пользу духовного образования, так как был

укоренен в своем желании в дальнейшем стать клириком Православной Церкви. Поэтому день своего зачисления в состав студентов Сретенской духовной семинарии считаю одним из самых радостных в моей жизни.

Если говорить о трудностях пребывания в стенах духовной школы, то они имеют, скорее, бытовой характер. Но также сложно было привыкать к непривычно плотному графику расписания. Порой тяжелы были переселения из кельи в келью — ведь все это сопряжено с определенной психологической встряской: ты отрываешься от людей, к которым прикипел всей душой. Так или иначе, но к распорядку семинарского времени я постарался привыкнуть как можно быстрее, поскольку понимал, что в этом режиме мне жить не один год.

В нашей семинарии созданы великолепные условия для получения качественного и глубокого церковно-богословского образования. А потому мне бы не хотелось делить наших преподавателей на любимых и нелюбимых.

Сессия... С одной стороны, нужно в короткие сроки освежить накопленный учебный материал. А с другой стороны — это предвкушение грядущих каникул.

Что мне дала семинария?.. Думаю, помимо образования, — правильное направление духовных и житейских ориентиров. Духовная школа — важнейший этап взросления. Именно здесь я понял: без взросления, без возмужания можно навсегда остаться в состоянии инфантилизма. Чтобы этого не случилось, необходимо научиться делать правильные выводы из ошибок и неудач, научиться их преодолевать и ничего не бояться.

Во главе духовной жизни в семинарии стоит богослужение. Наши семинарские праздники — это, в первую очередь, день Сретения Владимирской иконы Божией Матери (8 сентября) и память священномученика Илариона Верейского (28 декабря).

Кроме того, за пять семинарских лет я осознал огромное значение личной молитвы — то, что со временем становится большим подспорьем

в нашей непростой жизни, необходимейшим утешением...

Много пользы приносят и паломнические поездки. Самая яркая из них — наше путешествие (по окончании 3-го курса) в Санкт-Петербург. Давно мечтал посетить этот прекрасный город.

Говоря о послушаниях, нужно отметить довольно щадящее отношение к нам руководства Сретенской духовной школы. По крайней мере, за все годы моего обучения в семинарии я не столкнулся со сверхсложными задачами. Наверно, определенную роль играют в этом дежурные помощники. Они также осуществляют контроль — иногда довольно суровый — за дисциплиной на богослужениях и в повседневной жизни нашего общежительного быта.

«Пять лет, проведенные в семинарии, останутся в моей памяти на всю жизнь»

Алексей Власов

После 9-го класса я поступил в Промышленно-экономический техникум. Параллельно пономарил при храме в нашем поселке Первомайске (Тамбовской области) в течение трех лет. С детства мечтал стать милиционером. По мере воцерковления я понял, что без Церкви уже не мыслю своей дальнейшей жизни.

Не могу сказать, что кто-то из священников конкретно повлиял на мой выбор жизненного пути. Безусловно, невозможно было не обратить внимания на духовную и нравственную жизнь священнослужителей, находившихся рядом со мной, они являли пример истинного благочестия.

Родители и близкие (в большинстве своем) благосклонно отнеслись к моему поступлению в духовную школу. Хотя были и такие, которые, узнав о моих намерениях, крутили указательным пальцем возле виска. Буквально год назад мама мне рассказала, как ее встречали на улице и говорили: «И куда он поступил?! Кто из него будет? Вы что — никак на его решение не отреагировали?» Теперь, когда мама мне это рассказывает, я только улыбаюсь.

Первоначально я собирался поступать в Московскую духовную семинарию, о Сретенской семинарии даже и не знал. Когда приехал в лавру подавать документы, мне сказали: «Молодой человек, вам нет еще восемнадцати лет, подождите годик». Все мои надежды рухнули, и я не знал, что мне дальше делать. А ведь так готовился!

Слава Богу, мне подсказали, что существует Сретенская духовная семинария. Как сейчас, помню тот день, когда я принес документы в канцелярию. Нас очень дружелюбно встретила Татьяна Анатольевна. Я отдал все необходимые бумаги и отправился домой готовиться к экзаменам.

Они начались 1 августа. Уже подробно не помню, как мы поступали, но навсегда остался в памяти день, в который мы проходили собеседование. Нас было много (если память не

изменяет, около 60 человек), поэтому нас разбили на две группы. Помню, мы стояли возле трапезной (собеседование проходило в нижней трапезной), и все пытались в последние минуты что-то доучить, что-то повторить, спрашивали выходящих: «Ну, как? Сильно “валят”? Чем интересуются? Долго мучили?» — ну и другие подобного рода вопросы.

Мое собеседование было недолгим, минут 5–10. Отец Иона (в то время еще Владимир) завел меня в трапезную: передо мной сидели отец Тихон и отец Амвросий (теперь уже епископ Гатчинский, ректор СПбДСиА). Проверили мое чтение на церковнославянском языке, знание библейской истории, истории России. Потом попросили прочитать некоторые молитвы наизусть. Я все их знал! Но почему-то не смог прочитать без ошибок: «Благаго Царя, Благая Мати...». Отец Тихон говорит: «Ну, давай еще раз». Я начинаю — и... снова забыл. Отец Тихон: «Ну, еще раз давай». И я опять забыл, стало очень стыдно... В третий раз я начал читать, и в тот момент, когда у меня произошла запинка, отец Тихон исправил меня и продолжил эту молитву, вместе с ним мы ее прочитали до конца.

Через несколько дней нас собрали в зале библиотеки. Все волновались. Сколько же было радости и благодарности Богу, когда услышал свою фамилию среди поступивших! Эти моменты останутся в памяти на всю жизнь.

После поступления в духовную семинарию я стал меньше общаться со своими светскими друзьями, но не из-за того, что мы стали другие и наши жизненные приоритеты изменились, нет. Общаться мы стали реже лишь потому, что находились далеко друг от друга. Когда приезжал домой, я всегда старался встретиться и пообщаться со всеми друзьями. Мои старые друзья, хотя и были далеки от Церкви, но всегда относились с уважением ко мне и к выбору моего жизненного пути.

Зачем я пришел в семинарию? Чтобы, если Господу будет угодно, получить богословское образование и стать священнослужителем. *Не вы Меня избрали, а Я вас избрал* (Ин 15, 16), — говорит Христос. Поэтому будем уповать на волю Божию.

День, когда меня благословили на подрясник, запомнил на всю жизнь. Это была великолепная, торжественная архиерейская служба. Я долго мечтал об этом, и наконец этот день настал: получил благословение на ношение подрясника. Но, помимо радости, понял, что подрясник налагает на человека и некие обязанности. Это та одежда, которая воспитывает в учащемся духовной школы строгость, сдержанность, дисциплинированность, ответственность. Вместе с тем подрясник является и формой учащегося семинарии, за которой нужно регулярно следить и стараться выглядеть безупречно во всех отношениях.

Обычно когда человек меняет свой привычный образ жизни, он сталкивается с определенного рода трудностями в новой среде. Похожая ситуация была и у меня в семинарии, но эти трудности сейчас, спустя пять лет, кажутся незначительными. Было трудно, наверное, первое полугодие: новая обстановка, новые люди, новые правила, ко многому нужно было приспосабливаться. По мере привыкания к семинарской жизни приходилось сталкиваться с различными бытовыми проблемами. Как правило, это были типичные споры относительно порядка в келье: «Кто не выбросил мусор?», «Кто не заправил постель?» или «Чьи вещи разбросаны по комнате?» Нужно прилагать немало усилий, чтобы понять друг друга, считаться с образом жизни твоего соседа по комнате, при недоразумениях стараться находить компромиссы, ведь это своего рода маленькая семья.

В семинарии появились новые предметы, новые преподаватели. Все они были мне интересны. Были и любимые: история Ветхого и Нового Заветов, общецерковная история, история Русской Церкви, церковное право. Не забуду лекции профессора Александра Николаевича Ужанкова, преподавателя древнерусской литературы. Помню, с какой любовью и увлечением он рассказывал нам о героях тех или иных произведений, и мы все с интересом его слушали. Вообще очень трудно выделять из множества интересных и познавательных лекций любимые. Каждый предмет в семинарии был и познавателен, и интересен, каждый преподаватель добросовестно и терпеливо объяснял нам изучаемый материал.

С течением времени мое отношение к возложенным на нас обязанностям изменилось. Теперь понимаю, что все то, чему нас учили и к чему приучали, является тем необходимым минимумом, который помогает преодолевать

жизненные трудности и справляться с суровыми условиями этого мира.

С поступлением в семинарию появились и новые друзья. На 1-м курсе совсем незаметно у нас образовалась «своя группа». Мы дружим до сих пор, будучи уже студентами 5-го курса. Нас семь человек, мы друг с другом тесно общаемся, вместе учимся, вместе проводим свободное время и вместе готовимся к лекциям. Двое «наших» ребят уже женились, один из них — священник. Встречаемся с ними, конечно, реже, но наша дружба от этого только укрепляется.

Свободного времени в семинарии не так много, но это не проблема, потому что всегда можно найти свободный часик для своего любимого увлечения. Когда я учился еще в школе, увлекался волейболом, а зимой с друзьями катался на лыжах. На 1-м курсе меня очень тянуло к спорту, по вечерам бегал. На 3-м курсе появилась возможность ходить на занятия по рукопашному бою. Иногда с ребятами играли в футбол, в волейбол.

У каждого студента семинарии, начиная с 3-го курса, появлялась возможность выступить в роли проповедника. На 3-м курсе мы проповедовали в нашей трапезной (вечером, после вечерних молитв), а на 4-м и 5-м курсах мы могли проповедовать в храме. К своей первой проповеди я готовился долго и тщательно, естественно, немного переживал; произнес почти наизусть (пару раз заглядывая в свою шпаргалку). Имея уже небольшой опыт, хочется отметить, что проповедовать среди студентов семинарии в трапезной тяжелее, чем в храме.

С 1-го курса у нас было предписание в определенный срок сдавать сочинения по разным предметам. Это первые попытки изложения той или иной темы, ее исследование, наши первые небольшие научные работы. На 4-м курсе мы писали курсовые работы. Я писал по церковному праву на тему: «Духовное родство как препятствие к браку». Курсовые работы мы защищали перед преподавателями нашей семинарии. Сейчас я на 5-м курсе, пришло время работать над дипломной работой.

«От сессии до сессии живут студенты весело» — можно часто услышать в учебных заведениях светского типа, но этого нельзя сказать про духовную семинарию. В течение учебного семестра пропустить лекции без уважительной причины практически невозможно, да и постоянное присутствие на занятиях значительно облегчает в дальнейшем подготовку к экзаменам. Поэтому сессия — это самое интересное и легкое время. Как правило, она у нас идет две-три недели, в это время можно позволить себе немного отдохнуть, сдача экзаменов не составляет особого труда.

Духовная жизнь воспитанника семинарии — один из основополагающих моментов. Как она формировалась? Она еще не сформировалась, и думаю, формироваться будет в течение всей жизни. Конечно, зачатки ее мы получаем здесь, в стенах духовной школы, а что в дальнейшем будет твоим жизненным приоритетом — решать тебе самому. Только на старших курсах начинаешь понимать, что духовная жизнь (каждого христианина) — это основа дальнейшего духовного развития и совершенствования. В семинарии есть возможность выбора духовника — того священника, с которым ты можешь поговорить о своих проблемах, о своей духовной жизни и который всегда поможет тебе советом в трудную минуту.

В семинарии для нас часто организовывают паломнические поездки. За время обучения мы посетили множество монастырей и храмов, побывали во многих городах, посещали Владимир, Ярославль, Суздаль, Ростов Великий, Псков,

На Святой Земле

Санкт-Петербург, Сергиев Посад, Звенигород. Путешествия не ограничивались только пределами нашей страны, многие из ребят объездили весь мир (в самом прямом смысле этого слова). Например, я побывал в Италии, в Бари. Мы летали туда в мае, как раз на день памяти перенесения мощей святителя Николая. В минувшем году мы посетили Святую Землю, это незабываемое место. Буквально за три дня мы объехали половину страны, посетили многие места, о которых повествуется в Евангелии. После такой поездки воспринимаешь по-новому Новый Завет. Подобного рода путешествия обогащают наш кругозор и дают возможность более ярко воспринимать многие исторические события. Эти поездки надолго останутся в моей памяти.

Семинарские послушания... На 1-м курсе были общие послушания. Помню, мы убирали тротуар возле монастыря. Интересно было: утро, люди бегут на работу, каждый как бы внутри себя, и никому до тебя нет дела. Зимой убирали снег: ломали лед, посыпали его реагентом, иногда даже по вечерам выходили на уборку. Следили за порядком не только на улице, но и в помещениях: подметали, мыли лестницы, коридоры. Помимо общих послушаний были и богослужебные: кто-то читал, кто-то пел, кто-то пономарил, кто-то молился. Я часто пономарил как в будние дни, так и на праздничных службах. В семинарии есть особый график чтения неусыпаемой Псалтири: каждый студент в назначенное ему время должен прочитывать одну кафизму и синодик о здравии или о упокоении.

У нас в семинарии есть дни, которые отмечаются особенно: праздник Владимирской иконы Божией Матери (в сентябре и июне), память священномученика Илариона, ну и, конечно, Рождество Христово и Пасха. Перед этими днями весь монастырь готовится к предстоящему торжеству. Мы все вместе (и братия монастыря в том числе) подготавливаем храм, убираем территорию монастыря, приводим в порядок корпуса семинарии. Все это делаем вместе, каждый думает о предстоящем празднике, и это очень сближает всех. Помимо общих богослужебных праздников, в семинарии отмечаются еще дни рождений и дни тезоименитства учащихся. Когда есть возможность, мы собираемся в тесном кругу (в келье или в какой-либо аудитории), чтобы пообщаться со своими друзьями в дружественной обстановке.

За порядком в семинарии следят наши дежурные помощники. Дежурный помощник — это некий посредник между студентами и руководством, он глубже вникает в атмосферу студенчества и может регулировать взаимоотношения и поведение ребят.

Пять лет, проведенные в семинарии, останутся в моей памяти на всю жизнь.

«Нет ничего выше, чем стоять у престола Самого Бога!»

Священник Александр Косых

С шести лет я посещал занятия в воскресной школе при Преображенском храме своего родного города Липецка. Когда мне было семь, иеромонах Стефан благословил меня помогать в алтаре храма Архангела Михаила в селе Сселки. Он научил меня практически всему, что должен знать и уметь алтарник.

По окончании девяти классов я с благословения епископа Никона (Васина) поступил в Липецкий медицинский колледж. В то время мой отец, оставивший светскую карьеру, уже принял сан и служил в кафедральном соборе Липецка. По благословению ныне покойного протоиерея Андрея Воронко я с Божией помощью начал нести послушания в соборе. Благодаря этому священнику я твердо решил, что по окончании колледжа буду поступать в семинарию.

К моему выбору родители и близкие отнеслись с пониманием. Все были очень рады, что я пойду по дороге своего отца.

Никогда я не забуду минуты, часы вступительных экзаменов. Конечно, я очень переживал. Больше всего я боялся за собеседование. Помню, во время экзаменов я только просил Господа и святителя Тихона Задонского о помощи!

Когда я узнал о своем зачислении в семинарию, моей радости не было предела. Но, надо сказать, мои друзья и знакомые отнеслись к этому по-разному: были и такие, кто посмеивался надо мной.

Осознанно или неосознанно я пришел в семинарию? Я считаю, что Господь меня вел изначально. Ведь всё по Промыслу Его. Поэтому, конечно, я пришел в семинарию осознанно.

Никогда я не забуду день, в который нас, первокурсников, благословил на подрясник владыка Евгений (Решетников). Я как-то сразу почувствовал себя настоящим семинаристом.

Трудностей в духовной школе — особенно поначалу, конечно же, хватало! Житейских проблем я не помню. Наверное, потому, что

был, как мы шутили, «волшебный» склад, где можно было спросить все необходимое.

Какое-то время трудно было привыкнуть, что нужно всегда отпрашиваться у дежурного помощника и что существует фиксированный отбой. Но все как-то наладилось, и время полетело очень быстро…

Непросто давалась учеба, нелегко было понять иные предметы, что-то тяжело запоминалось. Но нас учили замечательные преподаватели, которые прилагали все свои профессиональные и человеческие усилия к тому, чтобы мы лучше усваивали учебный материал. Моими самыми любимыми предметами стали Священное Писание Ветхого Завета и Священное Писание Нового Завета, которые преподавал у нас Олег Викторович Стародубцев. Много ярких впечатлений у меня осталось от таких педагогов, как отец Николай Данилевич, отец Павел Бобров, Лариса Ивановна Маршева, Геннадий Георгиевич Майоров.

Вспоминаю экзаменационные сессии в семинарии. Несмотря на то, что они проходили для учащихся очень напряженно и не всегда удачно, считаю, что это, наверное, самое веселое время в студенческой жизни. Все чего-то суетятся, волнуются, зубрят, пишут шпаргалки, кто на руках, кто на кусочках бумаги. А потом с трудом разбирают, что же там написано…

Много сил и времени уходило на письменные работы, среди которых более всего запомнилось, безусловно, курсовое сочинение.

Не сотрется из памяти и первая учебная проповедь на 3-м курсе.

Будни в семинарии проходили очень весело и интересно. С раннего утра либо братский молебен, на который, чего и скрывать, было не всегда просто вставать, особенно зимой, либо утренние молитвы. Потом учеба, а после — послушания. Их я нес в медицинском кабинете Сретенского монастыря. Там я познакомился с замечательной женщиной и прекрасным врачом Натальей Николаевной, с которой сразу же подружился.

С моим послушанием связана история знакомства с будущей женой. Наш проректор и заведующий медпунктом — иеромонах Иоанн (Лудищев) — отправил меня в больницу к одному нашему студенту. Когда я зашел в палату, увидел там посетительницу. Оказывается, она немощного студента знала уже давно, поэтому и пришла проведать его. Ну а дальше все пошло своим чередом! Самое главное для меня — то, что наш брак состоялся с благословения духовника и родителей с обеих сторон.

В свободное время я уходил гулять по городу. Я из Липецка, и столица была мне очень интересна. В основном я ходил пешком. Мог и заблудиться, тогда спрашивал дорогу у прохожих — и ни разу не слышал грубого отказа.

Семинария сформировала из меня самостоятельную личность. Здесь я научился жить без помощи родителей и близких родственников, полагаться на собственные силы, распределять время.

За пять семинарских лет я очень многое узнал. Прежде всего я получил богословское образование. Я занимался у известных преподавателей, которые относились ко всем студентам с чутким пониманием. Также, послушаясь в медпункте, я познакомился с высококвалифицированными врачами и значительно пополнил свои медицинские знания.

Я нашел много новых друзей и знакомых, которые мне очень дороги. Хотя, не скрою, сначала меня раздражало, что студенты ходят по коридорам и очень громко поют. Но это можно было и потерпеть, и простить. Достаточно лишь однажды услышать, как прекрасно поют они на службах в монастырском храме!

С улыбкой вспоминаю, как отмечали мы дни рождения. Все собирались у именинника в келье, поздравляли виновника торжества, веселились до тех пор, пока не переполнится чаша терпения дежурных помощников. С ними, кстати, я всегда находил общий язык. И они всячески помогали мне преодолевать возникающие трудности, за что я им очень благодарен!

Наконец, я обрел в семинарии опытного и мудрого духовника — нашего ректора, наместника Сретенского монастыря, архимандрита Тихона (Шевкунова). Я искренне уверен, что батюшка всегда направляет своих воспитанников на тот путь, по которому должен идти каждый семинарист — будущий служитель Церкви.

Благодаря стараниям отца Тихона за годы обучения мы побывали во многих паломничествах. Особенно запечатлелась в памяти поездка на Святую Землю. Поездка, о которой я мечтал с раннего детства!

В семинарии я стал глубже понимать наши православные праздники, острее чувствовать

их величие и красоту. Самый лучший, самый важный праздник для любого христианина — это Воскресение Христово, так как до этого идет долгий пост, в котором обильно подаются искушения и соблазны. Зато когда торжественно завершается ночное Пасхальное богослужение, вся семинария просто переполняется радостью — до краев! Один из студентов мне как-то сказал: «Наша жизнь в стенах духовной школы делится на первый семестр, затем Великий пост и Пасху». Может, он в чем-то и прав?..

А теперь расскажу о самом важном. Когда я узнал о своем рукоположении, я ликовал. Но когда мне сообщили, что хиротесию и диаконскую хиротонию будет совершать архиепископ Арсений (Епифанов), я немного испугался его строгости. Но с Божией помощью все прошло очень гладко, мои страхи оказались напрасными. Я очень хорошо запомнил все добрые наставления дорогого владыки Арсения.

Стать священнослужителем я мечтал уже тогда, когда ребенком пришел на послушание в Липецкий кафедральный собор. Семинария явилась закономерной ступенью в осуществлении этого замысла.

Я никогда ни понимал тех людей, которые оканчивали духовную школу и не собирались служить. Ведь нет ничего выше, чем стоять у престола Самого Бога!

«В Сретенском монастыре, в семинарии мы выросли»

Андрей Шаров

Пожалуй, как и большинство учащихся в нашей семинарии, я пришел в нее после школы. Будучи школьником, я мечтал, что поеду учиться в Московские духовные школы в лавру, к преподобному Сергию, особенно это желание утвердилось, когда я впервые с нашим настоятелем — отцом Евгением побывал там. Надо сказать, что именно батюшка Евгений был тем человеком, который повлиял на мой выбор. Увидев мое желание, он благословил помогать в алтаре во время службы, а немного позднее, когда я подрос, — петь на клиросе. Но поскольку я собирался в МДС, а сразу после школы туда не брали, пришлось ждать год. Но скучать не приходилось. Меня сразу взяли в штат собора, и весь этот год я работал — пел и пономарил каждый день, а потом, как правило, сидел с книгами или с детьми отца Бориса, который готовил меня к поступлению.

Поскольку с детства я буквально пропадал в храме, то родители встретили мое желание поступать в духовную школу как должное. Самое главное — в лице мамы я нашел поддержку, потому что были у меня еще и порывы идти в музыкальное училище, да и преподаватели нас уговаривали: они видели меня вокалистом или хоровым дирижером. Вовремя оказался рядом отец Евгений, именно он, как я уже говорил, дал нужный совет, видя мое желание и устремление. Выбор был сделан.

Светских друзей у меня практически не было. И понятно, что мой выбор духовного образования не мог стать препятствием к общению с верующими товарищами. Все они очень уважительно отнеслись к моему решению.

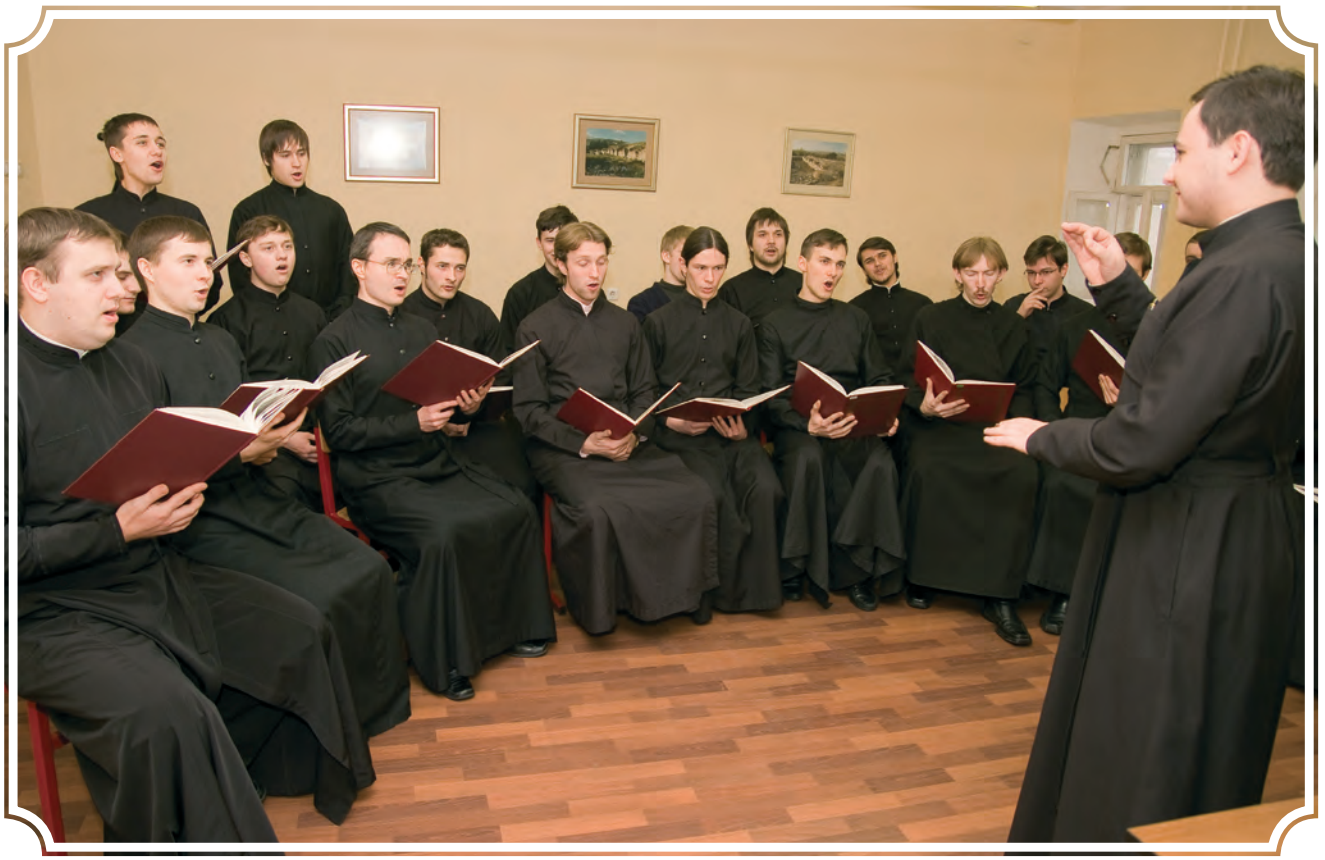
Больше всего переживаний было перед вступительными экзаменами. Когда мы с Алексеем Хомутовым — он тоже из нашего прихода — приехали в Сретенскую семинарию на вступительные экзамены (надо сказать, что мы уже здесь бывали: он хотел узнать подробности поступления, а я тогда поехал за компанию), то я увидел много молодых и очень умных ребят,

которые сидели и спорили на какие-то богословские темы. Мне стало страшно. Первым было изложение. Меня определили в группу, в которой текст читал отец Амвросий — проректор семинарии. Текст показался мне не особо сложным и, по моим ощущениям, был прочитан неторопливо — так, что я успел большую часть записать. Пару раз отец Амвросий подходил и смотрел, что я пишу, и даже указал на какую-то ошибку. На следующий день — собеседование. Вот здесь было как-то совсем не по себе. Все повторяли, пытались друг перед другом показать, кто что знает, кто-то просто бродил с книгой в стороне. А я ходил и... пел — повторять и спорить не было сил. И вот наступил момент, когда меня вызвали на собеседование. Я вошел в трапезную. Там сидели отец Тихон — наш дорогой ректор, отец Амвросий и монах Иона, тогда Владимир Кудряков. Сначала я читал Псалтирь, помню, это был сотый псалом, потом последовало несколько вопросов. Затем меня попросили спеть. Самым томительным было ожидание объявления результатов. Нас собрали в библиотеке. Пришел отец Амвросий, прочитал список принятых. Я не сразу сообразил, что меня приняли, так как моя фамилия была записана неточно. Когда все выяснилось, я, конечно, обрадовался, позвонил маме, она в это время лежала в больнице и очень переживала.

Здесь сразу хочу сказать о том дне, когда меня благословили на подрясник. Много было радостных переживаний тогда. Во-первых, от того, что подрясник — особенная одежда, которая налагает на семинариста некую ответственность, а во-вторых, в тот день мы стали, как все семинаристы, — настоящими студентами. Кроме того, благословение на подрясник подается в конце первой сессии, завершение которой было приятно осознавать.

Начальных трудностей пребывания в семинарии я почти не помню, из предметов многое было мне уже знакомо, поэтому легко давалось. Новые дисциплины вызывали у меня интерес. Я хотел учиться — и это очень помогало преодолевать неизбежно возникающие препятствия.

Конечно, было немного тяжело от того, что я почти никого не знал, но и это быстро решилось, буквально через пару недель мы узнали друг друга. Поначалу я боялся, что не смогу привыкнуть к новому распорядку дня, но, как

оказалось, он не сильно отличался от моего прежнего режима. Вставали мы обычно рано, по понедельникам, средам и пятницам — около шести утра, так как был братский молебен, и в семь — по вторникам и четвергам, на утренние молитвы. После молитв все шли на завтрак, а потом — на послушания. На первом курсе мы делились на две группы, которые по очереди убирали корпуса и территорию монастыря. Все это заканчивалось за пятнадцать минут до начала занятий.

И вот в девять утра звенит звонок. Лекции, которых в день насчитывается четыре или пять, прерываются обедом — в час дня (после третьей «пары»), затем, в тринадцать сорок, они продолжаются.

По окончании занятий мы снова выполняем послушания, которые для меня зачастую заменялись спевками семинарского хора. В шесть часов вечера начинается служба в храме. Тогда же студенты отправляются на так называемую самоподготовку.

Часов в восемь заканчивается служба. Звонит колокол — и мы идем на ужин, к которому примыкают вечерние молитвы. После них все расходятся по комнатам — до отбоя, в одиннадцать, свободное время. В одиннадцать звонит звонок и начинается вечерняя проверка: все студенты должны находиться в своих комнатах. А утром опять все сначала.

Скажу подробнее о наших послушаниях. Иногда за студентом закрепляется какое-то постоянное послушание: у меня это была работа в ризнице и пение в хоре. Туда я попал сразу, и уже 1 сентября 2004 года пел вместе с семинаристами литургию. Когда пришел наш курс, хором управлял Игорь Васильевич Тимуш. Поначалу было тяжело держать аккорд, и сердце наполнялось радостью, когда удавалось спеть просто одну фразу. Игорь Васильевич умел повести студентов за собой, с ним хотелось работать, хотелось приходить на эти спевки, он умел зажечь огонь в нас, и мы были готовы идти за ним вперед. Потом регентом стал Никон Степанович Жила. Но вскоре его сменил семинарист Максим Скворцов, ныне диакон. Под его руководством мы в начале 2-го курса пели службы в Соединенных Штатах Америки, когда в Россию были возвращены останки Деникина и Ильина. Потом наш хор пригласили в Страсбург. Там мы должны были спеть несколько служб и концерт в кафедральном соборе. Незадолго до этого регентом семинарского хора был назначен Александр Амерханов. Страсбургские концерты и службы стали первой серьезной проверкой для нас. Огромный храм, полностью наполненный людьми, многие сидели даже на полу — все это приводило меня в какой-то детский восторг... Наш хор постоянно участвует в монастырском богослужении, поет праздничные и ранние литургии в воскресенье, а иногда заменяет большой хор. В общем, мы не стоим на месте! Вместе с семинарским и так называемым правым хором я объездил почти весь мир, увидел много нового, набрался неповторимых впечатлений.

Что касается учебных предметов, то мне очень нравилась общецерковная история и византология, которые преподавал Николай Николаевич Данилевич (теперь — отец Николай). Его было интересно слушать. Позднее я полюбил лекции отца Максима Козлова — «Сравнительное богословие» и «Пастырское богословие». Особенно интересен был Геннадий Георгиевич Майоров, который преподавал историю философии. У него была оригинальная манера преподавания.

С самого начала, с 1-го курса, мы писали несколько сочинений в год, а на 4-м курсе пришло время курсовой работы. Сочинения давались легко, а вот с курсовой — было посложнее. Мне хотелось взять какую-нибудь необычную тему, чтоб не писать в сотый раз одно и то же, что писали студенты до меня. Долго не мог решиться и в результате выбрал историю философии. Сначала было тяжело, ведь это была первая подобного рода работа, а потом самому понравилось, даже жалел, что так мало времени уделял ей. И если сочинения мы просто сдавали преподавателю, то курсовую работу надо было защищать. От волнения я схватил не тот листок, на котором были записаны тезисы выступления, а часть своей работы. И пришлось импровизировать.

Помимо учебы и послушаний, как богослужебных, так и хозяйственных, мы должны были, начиная с 3-го курса, проповедовать. Написать первую проповедь было несложно. Непросто было выйти и произнести ее. В своей первой проповеди я говорил о любви. Мы тогда только приехали из тюрьмы, где наш семинарский хор неоднократно бывал, чтобы

поддержать находящихся в узах, и сразу с дороги, в трапезной, после вечерних молитв, я произнес свою проповедь. Она понравилась отцу проректору, и он благословил произносить ее утром на литургии — и это было еще страшней. Я волновался, боялся что-то забыть, но, слава Богу, все прошло спокойно, но помню: я взялся за аналой и не хотел его отпускать.

Самое интересное время в семинарии — это сессия. Лекции уже заканчиваются, и приходится дать ответ, что ты выучил и освоил за эти полгода. Если что не доучил, то пытаешься наверстать упущенное, и иногда в голове все от этого перемешивается. Как и любая сессия в любом вузе не обходится без шпаргалок, так и у нас. Порой сам удивляешься, куда только их не прячут: и в карманы, и в рукава, даже на подол подрясника крепят. Хорошо, если они напечатаны, а то и сам свои писания не разберешь. Но надо сказать, воспользоваться шпаргалками, как правило, не удается. Считаю, что они имеют определенную положительную сторону: когда пишешь шпаргалки, знакомишься с материалом, учишься находить самое важное и многое запоминаешь.

Свободного времени поначалу у меня было немного. Но по воскресеньям мы всегда вместе с моим другом Максимом Скворцовым бродили по Москве. Очень многое мне дало также общение с отцом Серафимом (Чернышуком), Максимом Янышевским, Ильей Косых, Александром Лисовским, которого недавно рукоположили в диаконы.

Конечно, учиться, работать и отдыхать необходимо, но нужно также обращать внимание на другую сторону жизни — духовную. Как, пожалуй, и везде, она в Сретенской духовной семинарии складывается из исповеди, Причастия, из чтения творений святых отцов. Уверен, их необходимо читать вдумчиво, а не только чтобы хорошо ответить на занятиях. И молитвы нужно воспринимать не как обязательное вечернее и утреннее «построение», а как беседу с Богом, в которой надо попытаться собрать себя.

Духовному возрастанию очень помогают паломнические поездки. Самые яркие впечатления остались у меня от посещения Святой Земли — на 1-м и на 5-м курсах. Хочется постоянно молиться, по-другому все осознаешь. Всех ощущений от этого паломничества не передать!

В семинарии у меня появился опытный духовник, к которому всегда можно прийти и услышать его совет. У каждого из нас, конечно, есть такой священник на приходе, где мы выросли, и мы верим ему как отцу. А здесь это отец Иов (Гумеров), который всегда готов помочь своим подопечным.

Как и в любой духовной школе, у нас есть дежурные помощники. Так получилось, что в нашей семинарии отношения складываются по-домашнему. И поэтому с нашими дежпомами, как их называют, мы общаемся просто, можно даже сказать — как друзья.

На 5-м курсе часто задаешься вопросом, что дала тебе семинария и что ты сделал за эти годы. Конечно, как учебное заведение духовная школа предоставила нам необходимый багаж знаний, навыков. И приучила всякое дело начинать с молитвы.

А теперь самое, на мой взгляд, главное. Я думаю, мои однокурсники со мной согласятся: в Сретенском монастыре, в семинарии мы выросли. И не случайно нас называют чаще не студентами, а воспитанниками. Потому что в духовной школе, помимо обучения, много внимания уделяется становлению человека, подготовке его к пастырскому служению.

Я благодарен Сретенской духовной семинарии за те уроки, которые получил здесь, и я постараюсь оправдать то доверие, те надежды, которые возлагают на меня мои дорогие воспитатели.

«Мы живем вместе с монахами, общаемся с ними, что придает нашей жизни особенный дух»

Илья Косых

Илья, расскажите, как вы пришли к решению поступать в семинарию? И повлиял ли кто-нибудь на ваш выбор?

– Окончив школу, я, как и миллионы других молодых людей — моих ровесников, оказался перед выбором, возможно одним из самых важных, — выбором жизненного пути. Правда, было то, что несколько отличало меня от других семнадцатилетних: я родился в семье священника. И человеком и священником, который, безусловно, положительно повлиял на мой выбор, был мой отец.

Я с самого рождения жил фактически в Церкви, в абсолютно церковной обстановке. Мой прадед закончил жизнь иеросхимонахом, дед — схиархимандритом, мой отец — протоиерей, и четверо моих дядей — священники. Я был окружен этим миром всю свою жизнь, и церковная жизнь сама собой стала для меня органичной. Особым пластом врезались в память воспоминания, как я в трех-четырехлетнем возрасте практически каждый день рано утром ходил с отцом (тогда еще ключарем кафедрального собора в честь иконы Божией Матери «Неопалимая Купина») в этот старинный храм, как мы стояли вдвоем в полумраке алтаря, когда в храме еще не было ни единого человека. Позже отец служил на разных приходах, а затем его назначили настоятелем прихода, которого просто не было. Выстроили храм, и мне посчастливилось пережить время зарождения прихода. На приходе собрались люди из разных концов Ульяновска, которые сумели стать настоящей христианской сплоченной общиной. И я прожил при этом храме, ставшем для меня домом, еще десять лет. Поступить в семинарию было бы для сына священника шагом естественным. Конечно, я думал и о других вариантах своей будущей жизни. Правда, все мои родные хотели, чтобы я пошел по стопам отца. После недолгих смущений я осознал, что это действительно единственный для меня возможный путь.

– Чтобы поступить в семинарию, нужно было сдать вступительные экзамены. Вы помните, как они проходили?

– Да. Нужно было написать изложение и пройти собеседование с ректором семинарии архимандритом Тихоном. После школы было непривычным видеть на преподавательском месте иеромонаха — отца Симеона, именно он проводил изложение. Текст для школьника тоже был несколько необычным — про афонские монастыри. Все это только обострило интерес к новому учебному заведению, о котором я столько слышал, но, как оказалось, ничего толком не знал. На следующий день нас ждало куда более волнующее событие — собеседование с ректором. Это было 2 августа, в мой день Ангела. Я причастился и отправился на собеседование. Что интересно, волнение настолько сконцентрировало меня в самом себе, что из тогдашних ребят-абитуриентов не запомнился почти никто. Собеседование прошло как-то беспорядочно, вопросы были на совершенно разные темы, причем почти не касающиеся экзаменационной программы. Мы поговорили о литературе, истории, я рассказал что-то об императоре Павле I, на чем мое собеседование и закончилось.

– Изменились ли после поступления в семинарию ваши отношения со светскими друзьями?

– Нет, отношения ни с кем не изменились, в том числе и с моими светскими друзьями. Я никогда не скрывал, из какой я семьи и кем собираюсь быть в будущем. Может быть, не все верили, что я действительно пойду в семинарию. Всем казалось, что это что-то настолько страшное и необратимое, что для того, чтобы осмелиться туда пойти, нужно быть совершенно не от мира сего. Мое поступление вызвало только одобрение и уважение со стороны моих друзей, ну и, может быть, удивление и некоторое непонимание со стороны других знакомых.

Во всяком случае, я ощутил то, что с помощью Божией я исполнил свою мечту, что реализовал единственную существовавшую для меня действительность.

А дальше началась повседневная жизнь со всеми ее трудностями и проблемами.

– К чему было труднее всего привыкнуть в семинарии?

– Труднее всего мне, как, думаю, и другим, было учиться жить в коллективе. Это проблема не коллектива, а личности, особенно если раньше не приходилось в коллективах жить. Легко было тем, кто прошел армию, но никак не тем «домашним» ребятам, которые всю свою жизнь прожили в семье.

Другим важным именно для меня вопросом был вопрос духовничества. Мне нужно было привыкнуть к новым духовникам, ведь до этого я исповедовался исключительно у своего отца. Правда, я довольно быстро справился с этой проблемой.

Что касается житейских проблем, то они в семинарии такие же, как и у «простых смертных». С кем-то мы уживались, с кем-то нет, но тогда приходилось переламывать свою гордость. Курс наш был очень дружным, и никаких конфликтов на моей памяти не было. Довольно быстро нашлись и новые друзья.

– А когда вы в первый раз надели подрясники?

– Через полгода после поступления, в день памяти священномученика Илариона, нашему курсу благословили носить подрясники. Благословляли архиепископ Арсений Истринский и архиепископ Евгений Верейский. Мне благословил носить подрясник владыка Арсений. Это было значимо для всех, поскольку не каждому из нас прежде давалось благословение на ношение подрясника, и это послужило своеобразным знаком того, что теперь мы все в одном коллективе Сретенской духовной семинарии.

– Какие преподаватели и предметы были особо любимыми?

– Как ни странно, но любимые предметы определялись по преподавателям. Так, весь курс полюбил предмет Олега Стародубцева — библейскую историю. Лично мне была очень интересна общецерковная история, интерес к которой привил замечательный преподаватель Николай Николаевич Данилевич.

Так прошли месяцы, а потом и годы: за монотонностью будней время летело незаметно.

– У семинаристов ведь не все учеба, есть и свободное время…

– Конечно. В свободное время я общался с друзьями, ходил в наш тренажерный зал… Но, знаете, нередко самым желанным способом провести свободное время было просто упасть в кровать и проспать как можно дольше.

– Одна из обязанностей семинаристов — говорить проповеди. Что вы чувствовали, когда произносили свою первую проповедь?

– Первая проповедь — это очень волнующий момент. Отчасти потому, что ты говоришь то, что ты думаешь согласно Священному Писанию и святым отцам, и не знаешь, как это воспримут слушающие, услышат ли они вообще то, что ты говоришь. С письменными работами куда проще. Мне всегда нравилось писать сочинения. Это очень интересно — самому перечитать кучу материала, а потом изложить его со своей точки зрения.

– Еще семинаристы поют в хоре.

– Да, еще семинаристы поют в хоре, правда не все. В хор я попал сразу после поступления. Помню, как еще на собеседовании мы вместе с отцом Тихоном и проректором семинарии отцом Амвросием пели тропарь пророку Илие. После меня взяли в хор, где, по сути, я и учился петь. Хор дал мне очень много. Во-первых, я действительно научился петь, что дает возможность потом красиво служить; во-вторых, я стал разбираться в церковной музыке; и наконец, с хором я объехал весь мир.

– А как семинаристы сдают сессии?

– Самое страшное время для семинариста, как и для любого другого студента, — сессия, кровожадное время бессонных ночей. Подготовка к экзаменам, как правило, проходит по ночам. Конечно, довольно трудно бывает вспоминать материал целого семестра по всем предметам. Тяжело, когда что-то забыл, и еще хуже, когда не знал.

– А какие у семинаристов послушания?

– В семинарии у каждого студента есть свои послушания. Это непосредственная потребность самого коллектива, а также служит уроком для личной дисциплины. На 1-м курсе моим практически постоянным послушанием был книжный склад, на который меня отправляли если не каждый день, то через день. Потом послушания были такие же, как и у всех. Послушания у нас существуют для всех студентов в независимости от курса, на котором они учатся. Это уравнивает студентов. Отчасти благодаря этому у нас отсутствует так называемая дедовщина.

– Не только занятия, послушания, но, вероятно, и праздники у семинаристов общие?

– Конечно! Ведь в семинарии мы все живем вместе. Вместе празднуем и церковные

В келье архимандрита Иоанна (Крестьянкина)

праздники, вместе празднуем и праздники каждого из нас — день Ангела или же день рождения. И что самое главное, приносящее некую моральную поддержку, так это то, что празднуем мы все свои праздники не только в студенческом кругу, но празднуем их со своим же священноначалием и братией.

Одним из самых главных праздников для студента Сретенской семинарии является день памяти священномученика Илариона, покровителя нашей обители, а еще это время окончания первого семестра и время, когда все разъезжаются, чтобы навестить свои семьи.

– В семинарии за жизнью семинаристов наблюдают дежурные помощники. Как складываются отношения с ними?

– Дежурные помощники являются частью «духоносного и несокрушимого» коллектива семинарии. Исторически этот элемент был противоречивой и всеми студентами не любимой частью духовной школы. Нелюбимой, но и незаменимой. Неизгладимы в памяти семинаристов студенческие бунты почти во всех дореволюционных семинариях именно из-за дежпомов. Но не все в жизни оказывается так страшно. У нас в Сретенской семинарии всё гораздо проще, поскольку все дежурные помощники являются выпускниками нашей семинарии, частью того же студенческого коллектива. И у студентов поддерживаются настоящие дружеские отношения с дежпомами.

– Илья, вы студент уже 5-го курса и можете осознать, какие качества сформировала в вас семинария.

– Подводя итоги своего пребывания в стенах семинарии, замечаешь, как много на самом деле получил. Семинария дает образование на самом высшем уровне; преподавательскому составу Сретенской духовной семинарии может позавидовать любой светский вуз. Но если даже не говорить об образовании, то семинария — довольно сильная школа жизни. Здесь мы живем 24 часа в сутки в коллективе, сталкиваемся с людьми разных характеров, учимся общению, учимся разбираться в людях. Это, быть может, самый главный семинарский урок для будущего священника.

Особенно важно то, что наша семинария располагается в монастыре. Мы живем непосредственно с монахами, общаемся с ними, живем монастырской жизнью, что придает нашей жизни особенный дух. Именно здесь предоставляются возможности развития не только умственного, но и духовного. Здесь у каждого из нас есть духовник, который и наставляет нас в духовной жизни и тем самым преподает урок духовничества для будущего пастыря.

Еще одно преимущество именно нашей семинарии — паломнические поездки. Это радость, которая дается далеко не каждому студенту духовных учебных заведений. Большинство из них не выезжают за стены своей семинарии на протяжении всего обучения. Лично я за пять лет, проведенных в семинарии, побывал в паломнических поездках по разным святым местам России, на Святой Земле, в Италии. И это не считая поездок с хором по всем континентам, за исключением разве что Антарктиды. Но Антарктиду предоставим грядущим поколениям, нам достаточно и того, что нам дали.

«В семинарии учатся быть священником»

Илья Матвеев

Главным моим занятием до семинарии была учеба в школе. Нес я и церковное послушание — я пономарил. Помню, когда пришел первый раз в свой Преображенский храм, первое, что мне понравилось больше всего, это был хор, который пел так вдохновенно, что сердце замирало от величественного пения. Постепенно стал чаще приходить в церковь. В то время в алтаре прислуживал один паренек, примерно одного возраста со мной (мне было тогда лет одиннадцать-двенадцать). Смотря на него, я думал: «Как это хорошо, алтарничать, находиться всегда рядом с престолом. В алтарь ведь не может заходить никто, кроме священников и пономарей». Алтарь для меня был местом настолько святым, что я даже и не мечтал туда попасть. Однако все-таки решил попытать счастья. И вот однажды по приглашению моей мамы к нам домой пришел отец Павел — настоятель храма Преображения Господня, для того чтобы освятить квартиру. Пользуясь случаем, я решил попросить его взять меня в алтарь. И, к моей большой радости, услышал положительный ответ. Он сказал мне, что уже в ближайший праздник я могу начать прислуживать в алтаре. Так началось мое первое маленькое, но в то же время очень ответственное церковное послушание.

Что же касается моего выбора поступать именно в семинарию, то я бы не сказал, что он сформировался под воздействием какого-либо одного священника. Просто в определенный момент я понял, что хочу свою дальнейшую жизнь связать с церковным служением, что это именно то, что мне нужно. Конечно, те священники, которые служили в моем храме, своим примером, своим ревностным служением и трепетным предстоянием перед престолом Божиим лишь укрепляли во мне уверенность в правильности выбранного пути.

Надо сказать, что близкие мне люди к моему решению поступать в семинарию отнеслись положительно. Мама позднее говорила, что,

когда мы жили еще в Самаре, она хотела отдать меня в какое-нибудь духовное училище, но тогда этой возможности не было. А теперь ее мечта наконец-то исполнилась. Сестра с братом также одобрили мой выбор.

Вступительные экзамены являются одним из тех запомнившихся эпизодов в жизни семинаристов, которые они частенько вспоминают за чашечкой чая, в дружеских и непринужденных беседах. Наши вступительные экзамены проходили в два этапа. Сначала экзамен по русскому языку, который проходил в форме изложения. Затем было собеседование. Если изложение прошло спокойно, то перед собеседованием пришлось поволноваться. Вызывали всех в алфавитном порядке, и так как моя фамилия начинается на букву «М», то я должен был идти где-то в середине. Постепенно волнение нарастало, выходивших ребят все сразу забрасывали вопросами: «Ну что? Как? Все ответил? Что спрашивали?» Кто-то выходил довольный — значит, почти на все вопросы ответил, а кто-то опечаленный — волнение победило самообладание, и не удалось показать всех знаний. Помню, как раз перед моим вызовом члены конкурсной комиссии решили немного перекусить. Ребята стали шутить, что сейчас подкрепятся, наберутся сил и с удвоенным пристрастием возобновят опрос. Собеседование проводили ректор семинарии — архимандрит Тихон (Шевкунов) и проректор — игумен Амвросий (Ермаков). В то время когда меня вызвали, отец Тихон был занят разговором по телефону и поэтому вопросы задавал в основном отец проректор. Сперва мне дали прочитать отрывок из Псалтири — на предмет знания церковнославянского языка. Были вопросы по библейской истории, по истории Русской Православной Церкви. Попросили прочитать наизусть по одной молитве из утренних и вечерних, спеть тропарь своему святому. Напоследок отец Тихон решил проверить мои познания в литературе, которые были далеко не блестящи. Не знаю, удовлетворился ли он моим ответом, но я был отпущен. Мне показалось, что собеседование длилось минут пять, хотя ребята сказали, что меня не было пятнадцать-двадцать минут.

На следующий день нас собрали в семинарской библиотеке для объявления результатов. Наверное, каждый из абитуриентов готовился к худшему, утешая себя сознанием того, что на все воля Божия. После того как я услышал свою фамилию в числе зачисленных, долго не мог прийти в себя. Радостные чувства переполняли. Напоследок нам сказали написать первое семинарское прошение с просьбой о зачислении в Сретенскую духовную семинарию и отпустили восвояси до начала учебы.

Мое поступление в духовную школу практически не изменило моих отношений с друзьями. Еще когда я учился в школе, все одноклассники знали, что я хожу в храм, и отнеслись очень спокойно к моему выбору. Однако в связи с тем, что учеба в семинарии подразумевает и проживание при ней, то встретиться с друзьями бывает довольно проблематично. Лишь только на каникулах есть возможность увидеться с ними и пообщаться, вспомнить школьные годы. Некоторые из друзей стали проявлять больше интереса к вопросам, касающимся жизни в Церкви, участия в таинствах и т.п.

Честно говоря, до поступления в семинарию я немного завидовал тем семинаристам, которые носили подрясники. Мне самому хотелось попробовать его примерить. Вскоре после зачисления в состав учащихся мое желание исполнилось. Это был особо торжественный момент. По традиции, существующей в Сретенской духовной семинарии, благословение на ношение подрясника всем новопоступившим дается в день памяти священномученика Илариона (Верейского) — 28 декабря. Происходит это на вечернем праздничном богослужении, которое обычно совершает архиерей. Именно он и благословляет подрясники всем первокурсникам. Помню, всенощное бдение тогда служили архиепископы Арсений Истринский и Евгений Верейский, которые и благословили весь наш курс на ношение подрясников. Надо сказать, что подрясник налагает на каждого семинариста определенную ответственность. Если раньше в общении с людьми ты мог как-то вольно себя вести, то теперь такого быть не может. Стараешься, чтобы никаким словом или поступком не соблазнить другого человека, так как теперь он видит в тебе члена Церкви и ты являешься для него авторитетом.

Что касается трудностей, то они, конечно, на протяжении пяти семинарских лет были. Непросто мне было войти в ритм семинарской жизни. Каждый день — подъем в шесть или

семь часов утра. Потом послушания. Затем занятия, длящиеся до трех-четырех часов дня. Опять послушания (до пяти часов). С шести до ужина — самоподготовка к следующему учебному дню. В результате свободного времени почти не остается. Но если оно и появляется, все его используют по-разному. Я люблю поиграть в футбол или волейбол, просто пройтись с друзьями прогуляться, например на Чистые пруды, съездить в какой-нибудь парк. По воскресеньям и праздникам (благо есть такая возможность, так как я живу в Подмосковье) можно съездить домой.

Конечно, к размеренному семинарскому графику со временем привыкаешь. В этом есть несомненные плюсы. Человек учится дисциплине. У семинариста каждый день расписан поминутно. И если строго придерживаться распорядка дня, то жизнь покажется не такой уж и тяжелой.

Много переживаний и относительно будущей жизни. Если на первых курсах жизнь казалась беззаботной: учишься, ходишь на послушания, — то под конец учебы уже начинаешь задумываться о своей дальнейшей жизни. Каждый семинарист для себя решает, какой путь ему избрать. Быть монахом и уйти в монастырь или же выбрать удел семейной жизни и нести свое священническое служение на каком-нибудь приходе. В этом деле торопиться не следует. Нужно хорошо все обдумать и понять, что для тебя лично будет лучше. Хорошо, когда рядом есть опытный духовник, с которым можно посоветоваться, который может направить тебя на верную дорогу.

Житейские проблемы меня, можно сказать, обошли стороной. Надо отметить, что в нашей семинарии созданы все условия, в том числе и бытовые, для успешной учебы.

Были трудности, связанные с привыканием друг к другу. В семинарию поступают разные люди, разные по своим характерам, каждый со своими слабостями. Поэтому, находясь в духовной школе, учишься принимать людей

В скиту Сретенского монастыря

такими, какие они есть. В чем-то уступать, в чем-то ущемлять себя, носить тяготы другого, чтобы не возникало лишних раздоров.

В семинарии человек встречает много друзей, которые близки ему по мировоззрению, интересам, общему устремлению. Именно с ребятами, живущими с тобой бок о бок в течение пяти лет, завязывается самая крепкая дружба. Как известно, студенческие годы, — это лучшие годы в жизни каждого человека, которые он вспоминает только в самых ярких, радужных тонах. Тем более это можно сказать о годах в семинарии, где все трудности и невзгоды преодолеваются сообща.

Конечно, преподаватели занимают особое место в жизни семинарии и семинаристов. Это те люди, которые не только преподают какие-либо церковные или светские дисциплины, но и делятся со студентами своим жизненным опытом. В моей памяти особо запечатлелся преподаватель общецерковной истории Николай Николаевич Данилевич, сейчас уже священник. Каждую его лекцию было интересно слушать, и он всегда с пониманием относился к семинаристам. Олег Викторович Стародубцев — преподаватель Священной истории Нового Завета и церковного искусства. Его лекции всегда отличались живостью и были насыщены различными жизненными примерами и историями, что помогало удерживать внимание студентов. Отец Андрей Рахновский, Алексей Константинович Светозарский, Алексей Иванович Сидоров, Александр Николаевич Ужанков, Геннадий Георгиевич Майоров — все они внесли свой вклад в развитие и воспитание каждого обучающегося у них студента.

Когда я поступил в семинарию, даже и помыслить не мог, что смогу произносить проповеди. Но прошло два года, и настало время нашего учебного проповедничества. Не помню, на какую тему была моя первая проповедь, но зато помню, как было страшно ее говорить. Волнение овладело всем телом, и все, что, казалось, недавно учил почти наизусть, вылетело из головы. Поэтому пришлось подсматривать в листок. Но со временем, конечно, учишься контролировать себя, и последующие проповеди даются не так тяжело.

Как известно, к письменным научным работам относятся сочинения, курсовая и дипломная работы. Для меня создать их было очень непросто. Как и большинство студентов, я писал свои сочинения в последнюю ночь или за несколько ночей перед сдачей. Пойдешь, возьмешь в библиотеке с десяток книжек, уединишься в какой-нибудь аудитории — и всю ночь напролет пишешь. К утру сочинение готово.

Время сессии — особое время. Надо сделать последний рывок — и наступит долгожданный отдых. Сессии бывали разные. Одни — легкие, другие — потяжелей. К первым относят зимние сессии, так как они содержат в основном зачеты. Летом же приходится потрудиться немного больше. Помню, были сессии, на которых за один день приходилось сдавать по два-три зачета. В таких тяжелых ситуациях, что греха таить, выручали шпаргалки. Однако выручали они не всегда. Вообще не стоит полностью полагаться на них. Нужно иметь какие-то знания, а если уж тебе попался вопрос, на который ты затрудняешься ответить, вот тогда-то и

Праздник Крещения Господня

появляется потребность заглянуть в шпаргалку. В написании шпаргалок есть положительное зерно: человек, готовя подсказку, выучивает и материал.

За время обучения в Сретенской духовной семинарии мы побывали во многих паломничествах. Одним из самых ярких и запоминающихся эпизодов стало посещение Святой Земли, где когда-то ступал Сам Господь наш Иисус Христос. Такие поездки остаются в памяти на всю жизнь.

Пребывание в семинарии предполагает несение определенных послушаний. Они очень многообразны: уборка территории, работа в ризнице, на книжном складе, в библиотеке, канцелярии. Некоторые ребята преподают в воскресной школе. Как правило, это студенты старших курсов. Ну и, конечно, чрезвычайно важны богослужебные послушания: пономарство, чтение и пение во время богослужения. Я с 3-го курса начал петь в семинарском хоре. До этого приходилось только читать во время службы. Я считаю, что участие в хоре является большим опытом, который потом пригодится в приходской жизни, если Господь сподобит стать священнослужителем.

С большим воодушевлением до сих пор вспоминаю послушание, которое мы и братия Сретенского монастыря несли по благословению почившего патриарха Алексия в 2008 году. Мы раздавали в метро подарочное Евангелие. Отправляясь рано утром в понедельник Страстной седмицы на свою точку (метро «Белорусская»), я думал тогда, что раздать каких-то восемьдесят пачек не составит большого труда. Однако на деле вышло иначе. Первая проблема, с которой мы столкнулись, была милиция, которая была против того, чтобы раздача Евангелия велась в метрополитене. Но данное недоразумение удалось уладить. Другой проблемой было то, что около метро, помимо нас, стояло довольно много продавцов газет и раздатчиков объявлений, что очень сильно мешало раздаче Евангелия. Обидно было смотреть, когда народ предпочитал листовки с рекламой Священному Писанию. Некоторые люди подходили, смотрели, что за красочный журнал, и, поняв, что это Евангелие, отдавали его назад (скорее всего это было связано с тем, что народ заподозрил в нас сектантов). Были и недоброжелатели. В этот день уборщицы жаловались, что по метро разбросано много Евангелий. Молодые люди почти не брали. В общем, первый день оставил грустные впечатления. Совсем по-другому дело пошло во вторник и среду. Эти дни я провел на станции метро «Юго-Западная». За четыре часа мы раздали пятьдесят пачек. Это можно связать со следующим фактом: на нас были надеты подрясники, и в нас видели православных семинаристов. Люди с радостью принимали Евангелие, благодаря за подарок и говоря: «Наконец-то Православная Церковь, а не сектанты». Конечно, в основном брали люди среднего возраста — от тридцати до шестидесяти лет. Но Евангелием стали активно интересоваться и молодые люди (в основном девушки). Подходили люди и спрашивали, можно ли взять несколько штук на работу, в больницу, в школу. Последний день явился апогеем раздачи Евангелия. За два часа мы управились со всеми пачками. Казалось бы, наоборот, должны меньше брать (раздавали

уже третий раз на одном и том же месте), однако выходило совсем по-другому! Конечно, огромное влияние оказали СМИ. Люди, узнав по телевизору об акции, еще с большей охотой брали Евангелие… Та миссионерская акция, уверен, принесла пользу в деле просвещения народа христианским учением и повысила общественный авторитет Православной Церкви.

Разумеется, в жизни семинаристов есть место и праздникам. Они бывают очень веселыми. В основном это дни рождения и именины. На них приглашается руководство семинарии, а также друзья виновника торжества. В этот день разрешается даже посидеть после отбоя. Все поют имениннику «Многая лета», играют на гитаре или же баяне, поют хором. Тот студент, которого собралось почествовать семинарское братство, накрывает столы (обычно празднуют в аудитории какого-нибудь курса), на которых выставляются всевозможные угощения. После таких посиделок все уходят довольные и засыпают как младенцы.

Из церковных праздников особое место в жизни нашей семинарии занимает, конечно же, Пасха, а также память священномученика Илариона, празднование в честь иконы Божией Матери «Владимирская» и некоторые другие. Празднование их проходит очень торжественно. Особенно когда службы в эти дни возглавляет архиерей или Святейший Патриарх. После праздничного обеда в эти дни студенты отпускаются по домам на долгожданные каникулы, чтобы через некоторое время, набравшись свежих сил, продолжить свое обучение в своей любимой семинарии.

Я думаю, что в семинарии учатся быть священником, а это служение не столь легкое, как может показаться на первый взгляд. Пастырь должен быть всесторонне образован. Он должен быть готов дать ответ каждому, вопрошающему на любые вопросы, касающиеся духовной жизни, следуя увещанию апостола: *Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением* (1 Пет 3, 15). Именно семинария помогает накопить некоторый багаж знаний, который впоследствии может быть использован в пастырском служении. Помимо всего вышесказанного, в семинарии человек получает большой духовный опыт, без которого трудно обойтись в дальнейшем священническом служении.

«Дерзайте выступать инициаторами ответственных послушаний»

Священник Евгений Игнатов

С раннего детства я уже имел решимость посвятить свою жизнь священническому служению.

Я родился в городе Краснодаре, в семье священника, учился в православной общеобразовательной школе при строящемся храме Рождества Христова. Его настоятелем был мой отец. Жизнь прихода и храма проходила перед моими глазами. Выбегая на перемене из класса, я радовался, наблюдая за возведением стен церкви, установкой куполов, строительством богадельни. Эти детские впечатления сохранялись в моем сердце и преобразовались в мечту: «Когда вырасту, обязательно буду служить в этом храме и всеми силами начну помогать своему отцу в его нелегком служении на благо Русской Православной Церкви».

Окончив школу, я твердо решил поступать в семинарию. Следуя примеру отца, поехал в Троице-Сергиеву лавру — в МДС. Но документы мои в семинарию не взяли, так как не подошел по возрасту: мне не было восемнадцати. Помолившись у мощей преподобного Сергия Радонежского и испросив Божьего благословения, я отдал свои документы в Сретенскую духовную семинарию, о которой узнал совершенно случайно — из беседы с одним знакомым священником. Выдержал вступительные испытания и стал студентом духовной школы.

Главный итог прошедших пяти лет могу сформулировать так: жизнь в монастыре и учеба в семинарии помогли мне выработать ответственное отношение к самому себе и к поручениям, которые я исполнял.

Основным моим послушанием стало пение в семинарском хоре, благодаря которому мне посчастливилось побывать во многих странах, поучаствовать в событиях, значимых не только для Церкви, но и для всего нашего государства.

Говоря об учебе, хочется вспомнить время сессий. Когда оно наступало, мы забывали про сон, повторяя пройденный материал.

В свободное от учебы и послушаний время мы много общались с однокурсниками: рассуждали на духовные темы, говорили о житейских вопросах. И еще мы ходили в театры, на выставки, гуляли в парках.

Так, от лекций к экзаменам, от одного послушания к другому и прошло четыре года моего обучения в стенах Сретенской духовной семинарии.

Окончив 4-й курс, я женился на православной девушке — будущей преподавательнице иностранных языков. Мы переехали в Краснодар, где меня митрополит Екатеринодарский и Кубанский Исидор и рукоположил сначала в диакона, а по прошествии некоторого времени — и в иерея.

Моя мечта сбылась: я служу в родном храме, участвую в духовной жизни прихода, пою в хоре священнослужителей Екатеринодарской и Кубанской епархии, а также участвую во многих духовно-просветительских программах, которые осуществляет отдел образования и катехизации.

Вот так, по Промыслу Божию, я оказался в Сретенской семинарии, оканчивая которую в юбилейный для нее год, могу с радостью сказать: время, проведенное в стенах духовной школы и Сретенского монастыря, было очень счастливым и полезным. Я прошел школу жизни, узнал много нового, обрел верных друзей, с которыми, уверен, и после семинарии буду поддерживать тесные отношения.

А всем студентам, которые еще учатся в Сретенской духовной школе или только собираются поступать сюда, я желаю как можно больше участвовать в богослужебной, духовной жизни монастыря. Набирайтесь опыта общественной деятельности, дерзайте выступать инициаторами интересных и ответственных послушаний, занимаясь ими, вы приобретете для себя много практических навыков, которые помогут вам в дальнейшем.

«Годы, проведенные в семинарии, позволили мне понять, для чего я пришел в Церковь»

Роман Родионов

До поступления в духовную семинарию я окончил художественную школу, прислуживал в алтаре, пел и читал на клиросе. Одним словом, моя жизнь уже тогда была тесно связана с Церковью. С самого детства я мечтал поступить в духовную школу. Эта мысль меня посетила, когда я учился еще в начальных классах общеобразовательной школы. Я стал ходить в воскресную школу и начал прислуживать в алтаре. На мой выбор поступить в семинарию очень сильно повлияли семинаристы, которые приезжали на каникулы в родной храм в Орле. Я всегда гордился тем, что почти все пономари нашего храма поступали в духовные заведения. Видя подобный живой пример, я не представлял без Церкви и своей дальнейшей жизни. Родители и близкие всегда поддерживали и одобряли мой выбор. Когда я учился в седьмом классе, моего отца рукоположили в диакона, затем — во пресвитера. Эти события еще больше укрепили мое желание поступить в семинарию. Поэтому в духовную школу я пришел вполне осознанно, это была моя заветная мечта.

Вспоминаю вступительные экзамены. Первым испытанием было изложение. Затем самое важное и волнительное — собеседование с ректором, архимандритом Тихоном (Шевкуновым). Помню томительное и радостное ожидание своей очереди на крыльце трапезной монастыря. Никогда не забуду, как читал Псалтирь и отвечал на вопросы по библейской истории и богослужебному Уставу.

В начале обучения особых трудностей не возникало. Правда, очень хотелось навестить родных и близких мне людей. Еще учась в школе, я не раз говорил своим товарищам, что собираюсь поступить в семинарию, в этом выборе они всегда поддерживали меня.

Среди многих дней в семинарии с особым чувством вспоминаю тот, когда меня благословили надеть подрясник. Я осознавал всю

ответственность, которая возлагалась тогда на всех нас. Эта ответственность была связана с несением послушания на благо Церкви.

Наша студенческая жизнь в семинарии была неразрывно связана с жизнью Сретенского монастыря. Приходилось преодолевать лень и заставлять себя рано подниматься на братские молебны, быть собранным и внимательным на лекциях, добросовестно относиться к послушаниям.

Иногда возникали и житейские проблемы, они просто неизбежны, когда приходится жить вместе. Но мы довольно легко с ними справлялись. О семинарских буднях можно было бы написать целые мемуары. У нас был четкий распорядок дня, который, однако, мог меняться. Каждый день начинался с молитвы, затем шел завтрак, послушания, лекции, вновь послушания и свободное время. После вечернего богослужения мы снова собирались в трапезной, ужинали, читали вечерние молитвы и расходились по кельям.

Здесь, в семинарии, я встретил много замечательных людей — они стали мне хорошими приятелями. Друг в моем понимании — это тот человек, с которым у тебя есть общие интересы, человек, всегда готовый прийти и оказать помощь в трудную минуту.

Преподаватели нашей духовной школы — действительно высококлассные специалисты в своем деле. Особо мне запомнились лекции профессора Светозарского, священника Андрея Рахновского, священника Вадима Леонова. Любимый мой предмет, без сомнения, догматическое богословие. На мой взгляд, будущему пастырю необходимо безукоризненно разбираться в вопросах вероучения.

На младших курсах моими первыми научными работами были сочинения по Священному Писанию Ветхого и Нового Заветов, литургике, догматическому богословию, стилистике русского языка, истории Русской Церкви, общецерковной истории, церковному искусству. На четвертом курсе я писал курсовую работу по Новому Завету на тему «Жизнь первой Церкви по материалам книги Деяний». Эта книга мне особенно интересна, потому что повествует о событиях, произошедших вслед за евангельскими. Это проповедь апостолов среди языческого мира.

Во время сессий весь наш курс всегда легко и дружно сдавал все экзамены и зачеты. Не было пустого соперничества, ребята поддерживали друг друга и получали оценки в соответствии со своими стараниями. Что касается шпаргалок... Какой студент без них обходится?!

Помню и свою первую проповедь, я произносил ее после вечерних молитв в день памяти преподобного отрока Артемия Веркольского. Разумеется, немного волновался.

Помимо общих послушаний (уборка территории, корпусов), в монастыре я нес клиросное певческое послушание. В семинарском хоре пою с 1-го курса. С тех пор многое изменилось, но неизменным осталось одно — желание прославить Господа и помочь верующим в молитве во время богослужения. Начиналось все непросто. Спевки проводились несколько раз в неделю, все ребята очень старались. С каждым годом качество пения все улучшалось, это отмечали и братия, и студенты, и прихожане монастыря. В 2006 году состоялась поездка хора в Страсбург (Франция), где мы спели пасхальное богослужение, а затем и концерт в кафедральном соборе Страсбургской Богоматери, на котором мы исполнили песнопения всенощного бдения и литургии, а также русские народные песни. Эта поездка надолго осталась в моей памяти, ведь мы имели уникальную возможность не только побывать в другой стране, но и подарить нашим соотечественникам, проживающим во Франции, частичку Родины. В том же году была поездка в Италию, в город Бари, где мы спели литургию в крипте с мощами святителя Николая Чудотворца. Годы учебы в семинарии сопровождались и другими паломническими поездками. Мы посетили Святую Землю, Ростов Великий, Владимир, Санкт-Петербург, Новгород. Была интереснейшая экскурсия по храмам Москвы.

Наша духовная жизнь складывалась из того, что мы еженедельно исповедовались и причащались. Также мы регулярно читали неусыпаемую Псалтирь. Конечно, в семинарии

у каждого студента был свой духовный наставник.

Вспоминаются наши праздники. Пожалуй, самые важные — это престольные празднования Сретенского монастыря. Это дни памяти Владимирской иконы Божией Матери, священномученика Илариона, Марии Египетской. Также в нашей духовной школе сложилась добрая традиция собираться за большим столом в дни памяти наших небесных покровителей.

В свободное от учебы и послушаний время я всегда старался общаться с приятелями, гулял по городу, занимался спортом, разучивал с ребятами новые песнопения и т.д.

За годы учебы в духовной семинарии я почерпнул для себя много полезного: научился по-настоящему уважать своих товарищей, всем делиться с ними, преодолевать возникающие трудности, уповая на помощь Божию.

Годы, проведенные в семинарии, позволили мне прежде всего найти себя и понять, для чего я пришел в Церковь. В Сретенской духовной школе я получил ответы на многие вопросы о духовной жизни, приобрел ценный багаж знаний, который постараюсь применить на пользу не только себе, но и окружающим, и, конечно, Церкви Христовой.

Воспоминания выпускников прежних лет

«Знания — прочный фундамент для строительства спасения души»

Иеромонах Лука (Ауле)

Отец Лука, расскажите, пожалуйста, как вы оказались в Сретенском монастыре?

– Я пришел в Сретенский монастырь в 1996 году, в декабре. У меня здесь был друг Роман Данелян — сейчас иеромонах Клеопа, он за полгода до этого оказался в обители. Мы с ним дружили с самого детства и вместе, можно сказать, пришли к вере, стали ходить в храм, причащаться Тела и Крови Христовых, беседовать о Боге. Мы жили с ним в одном городе — в Адлере, в одном доме, в одном подъезде, только я жил на пятом этаже, а он — на первом. Когда Роман ушел в монастырь, я решил съездить к нему в гости, проведать его. Ну вот, проведал — и теперь живу в обители.

– Ваши близкие знали, что вы уходите в монастырь?

– Я ушел в монастырь в один день. Сказал своим домочадцам, что ухожу, что жить в миру больше не могу. Утром встал, купил билет, сел в поезд и уехал. Это было все в один день.

– Батюшка, а вы помните свой первый день в монастыре?

– Это незабываемый день! Было раннее утро. Я зашел в келью, отцы Клеопа (тогда еще Роман) и Нафанаил (тогда еще Давид) спали. Я оставил сумку в келье и пошел в храм. А там отец Тихон как раз вышел говорить проповедь. И первые его слова были: «Сегодня Святое Евангелие благовествует нам о том, как Господь вышел на берег, в страну Гергесинскую, и его встретил бесноватый». Я опустил голову и заплакал: «Это я — гергесинский бесноватый». Эту проповедь я запомнил на всю жизнь.

– Отец Лука, а чем запечатлелся в памяти ваш первый разговор с отцом наместником?

– Он сказал: «Приехал к нам — молодец! Куда же мы тебя определим на послушание? Давайка, иди посуду мой». Я сказал: «Батюшка, с радостью великой буду мыть посуду». — «А где ты остановился?» — «У Романа и Давида». — «А где ты спишь, на чем?» — «Это не важно, я и на полу посплю, мне все равно». А Роман начал

говорить: «Нет, нет, батюшка, он будет спать на кровати, а я буду — на полу». И мы начали с ним спорить. В конце концов отец Тихон нас остановил и сказал: «Я буду спать на полу». Мы все засмеялись. Это была первая моя с ним беседа.

– Сколько времени вы несли послушание в трапезной?

– В трапезной я работал где-то около полугода. С утра и до вечера, а иногда и до раннего утра приходилось готовить. Работало нас в трапезной совсем немного — по три-четыре человека. Было две смены, у поваров был отдых, и они чередовались — через два дня. А у нас, послушников, отдыха не было даже в воскресенье. Делали мы все: и посуду мыли, и продукты на следующий день заготавливали, и рыбу чистили, накрывали и убирали со столов, мыли полы... И я был бесконечно счастлив. Знаете, если бы наместник дал мне и сейчас послушание мыть посуду в трапезной, я бы с радостью согласился.

– Сейчас в храме прекрасная система озвучивания: каждое слово чтеца, каждый звук хора слышны в любом уголке храма. Как получилось, что вы стали на послушание радиотехника?

– Когда я пришел в монастырь, то хотел закопать свой талант в землю. Считал, что электроника — дело нехорошее, нечистое. А Господь меня смирил и дал это послушание, чтобы я больше глупостей не говорил и не думал. Если применять радиоэлектронику во благо, если это служит людям, которые благодаря хорошему звуку назидают свои души словом Божиим, ничего крамольного в таком умении нет.

Послушание свое я несу уже более десяти лет. Началось с того, что на прославление священномученика Илариона нужно было сделать трансляцию с колокольни. Туда, где находились часы, надо было поставить колонку, чтобы было слышно богослужение. И отец эконом заявил обо мне тогда в первый раз, сказав, что мы напрасно нанимаем каких-то специалистов, ведь у нас есть человек, который в миру занимался компьютерными системами. Ну и мне дали первое послушание — сделать «озвучку» на колокольне. Затем это дело потихоньку стало развиваться. Потом заболел инок Владимир, который занимался в монастыре телефонной связью. И мне поручили срочно решать вопрос с телефонной станцией. Я купил новую систему, все переделал. Сейчас у нас в монастыре очень мощная телефонная станция, которую можно считать одной из лучших систем. А главное — у нее большой потенциал.

– Отец Лука, расскажите, какой была жизнь братии, когда Сретенский монастырь только начал восстанавливаться?

– Конечно, раньше жизнь в обители была другой. Братии было немного. Мы вместе молились. У нас было правило в храме. В конце обязательно испрашивали друг у друга прощение. Служились ночные службы, по-моему, два раза в неделю: с трех до пяти ночи. Все послушания без исключения, в том числе и в храме, несли насельники. Это очень нас объединяло.

– Расскажите, пожалуйста, подробнее о вашей жизни в монастыре.

– Сначала мне было очень тяжело в монастыре, но я понимал, что другого пути к исцелению моей погрязшей в грехах души нет. Я не верил себе, когда появлялись помыслы: «Уходи из монастыря, здесь не надо тебе быть, иди в мир, там у тебя все хорошо будет». Не веря себе, я всецело предал себя и свою волю в послушание своему духовнику — архимандриту Тихону. Жил, как в огне, потому что мне было очень тяжело. Но спустя годы, в течение которых молился, трудился по силам, сколько мог, увидел, что моя душа постепенно отошла от этого огня, который во мне был, от этих мук. И пришла к спокойствию, к миру, который стал меня с каждым годом все больше и больше радовать. Также я понял, что лучше монашества, лучше пути познания Бога ничего нет в жизни. Что может быть радостней общения с Богом? Что может быть нужнее проповеди о Боге для людей, которым тяжело, которым надо помочь, протянуть руку?

– А когда вас благословили на подрясник?

– Это было в Вербное воскресенье, на Вход Господень в Иерусалим. Для меня это особый день, с которого начался мой осмысленный духовный путь к Господу, именно в Церкви, в храме Божием. Я очень рад, что именно в этот день Господь меня посетил, дал мне одежду воина Христова, которую нужно всегда носить, благодарить Господа и никогда ее не снимать.

– Расскажите о своем постриге.

– Меня постригли в монахи в день памяти священномученика Илариона, 28 декабря.

– Что вы подумали, когда услышали: «Постригается Лука»?

– Первая мысль: неужели в честь апостола и евангелиста Луки, иконописца? «Как удивительно», — думаю, ведь я действительно любил, тайно любил иконопись. Неужели мой покровитель теперь будет евангелист и иконописец Лука? Диаконского сана я удостоился примерно через полгода.

– Батюшка, какие у вас воспоминания о первом посещении монастырского скита?

– Полгода спустя после моего появления в обители мы летом поехали в Дивеево всей братией, с отцом Тихоном. И оттуда заехали в Рязань. Скита тогда не было, это были развалины, груда кирпичей, вот и все. Спали мы в стогу сена.

– А чем запомнилась та поездка в Дивеево?

– Замечательная поездка на самом деле была. Вообще путешествия с отцом Тихоном у нас всегда сопровождаются большой радостью: мы от него получаем и слово назидания, и молитву. Мы в Дивеево приехали, нам матушки предложили сами, чтобы наш братский хор пел — тогда он еще совсем маленький был, пять человек. Мы пели, старались, матушкам понравилось.

– В 1999 году вы участвовали в сборе посылок для воинов в Чечне…

– Эти сборы были у нас несколько раз. Это было радостное занятие, радостное послушание, несмотря на то, что мы уставали, потому что ящиков с продовольствием и вещами было очень много. Казалось, вещи для Чечни несет вся Москва, круглые сутки. Но как-то все, милостью Божией, управлялось, решалось. Главное — люди объединялись. Помню, приходило очень много москвичей, которые помогали во всем. Приходили даже те, кто не мог что-то пожертвовать, но они упаковывали посылки, подписывали их. Это было так замечательно, что люди с открытым сердцем отзываются на общее, нужное дело.

– Как вы восприняли тот день, когда всю братию благословили учиться в семинарии?

– Я ведь сначала учился в Троице-Сергиевой лавре, в семинарии, на заочном секторе. Мечтал о том, чтобы учиться очно. Очень переживал, что у меня не было времени на подготовку. И когда услышал, что у нас будет семинария, попросил отца Тихона, чтобы он благословил меня учиться на очном отделении. Считаю, любое дело должно исполнять серьезно, с любовью, со страхом, поскольку это дело Божие.

Относиться к чему-то кое-как — преступление. И когда отец Тихон дал мне это послушание, для меня это было большой радостью. «Теперь, — думаю, — наконец-то смогу учиться по-настоящему».

Конечно, при этом послушание по электронике с меня не снималось, приходилось тяжело, но я это все совмещал. Конечно, уставал, но получал большое утешение для себя. Когда получил образование, понял: какое великое дело, когда ты хотя бы понимаешь, где ошибка, где что-то неправильно. И ты знаешь, в каких книгах можно найти информацию по исправлению этих ошибок, как можно расширить свои знания.

– Как вы учились? Какие преподаватели у вас были?

– На протяжении всего времени у нас работали замечательные преподаватели. Было очень интересно. К каждому предмету я подходил с большой любовью и старался, насколько это возможно, максимально полнее его изучить.

Вспоминаю Александра Николаевича Ужанкова. Мы с ним друзья, встречаемся, беседуем, всегда находим очень много интересных тем для разговора. Это удивительный преподаватель, ходячая энциклопедия. Под его руководством я подготовил курсовое сочинение о принципе «умного делания» по одному из древнерусских источников.

Дипломную работу об Иисусовой молитве писал у Сергея Николаевича Говоруна — нынешнего архимандрита Кирилла из Киево-Печерской лавры.

С большой благодарностью вспоминаю тех преподавателей, которые были требовательны

к студентам. Например, протоиерей Максим Козлов. Он всегда очень строг, но со временем понимаешь, что преподанные им уроки тебе просто необходимы.

Кроме того, к нам — благодаря неустанным заботам отца Тихона — часто приезжали известные ученые, богословы. Так, я до сих пор с удовольствием слушаю лекции профессора Московской духовной академии Алексея Ильича Осипова.

– Священником вы стали, уже учась в семинарии?

– Да, я стал священником, когда учился на 3-м курсе.

– Что за случай произошел с вами перед рукоположением?

– Это на самом деле удивительный случай. Отец Тихон меня просил его как-то зафиксировать.

Я был в скиту Преподобного Серафима Саровского, и у меня возобновилась болезнь: я в армии как-то застудил себе лицевой нерв. И потом он у меня периодически болел, а это очень сильная боль. И вот у меня этот нерв снова начал болеть, мне нужно было поехать в Москву, чтобы полечиться. Незадолго до отъезда я разговорился с игуменом Пименом: у него друзья — врачи. И вот мы сидим и видим большое число летающих ос. Отец Пимен говорит: «Ты знаешь, мои знакомые врачи говорят: в этом году много людей умерло от укуса ос. Когда оса кусает человека в язык, человек мучается страшными головными болями, а затем умирает». На том мы и закончили нашу беседу.

И вот я сижу на трапезе, буквально через день после этого разговора, ко мне подлетает оса, кусает меня в язык и сразу же улетает. Действительно, голову опоясала страшная боль, и я почувствовал, что умираю. Предсмертное какое-то состояние, страшное. Я тогда, помню, встал из-за стола, говорю братьям: «Оса в язык укусила». Конечно, я тотчас вспомнил слова отца Пимена. Пошел по коридору и думаю: «Вот как все было: жил, жил — и вдруг помираешь. Быстро все случилось». И в этот момент ко мне приходит помысел, такой жуткий голос, который мне говорит: «Ты мой, потому что ты держишь зло на брата твоего и не хочешь его простить. Ты принадлежишь мне». Голос меня ужаснул, это было как ад. Думаю: «Господи, помилуй! Что ж такое? Как это, откуда это все?» Мне стало очень жутко, еще страшнее, чем было в самом начале.

И тут я перестал думать о смерти, пришла другая мысль: «А почему я умираю? Надо пойти сделать укол какой-то, найти противоядие». Побежал быстренько к отцу Серафиму: он все сделал, хотя это, как потом оказалось, было не нужно. Я вышел на улицу: во-первых, у меня болело плечо, в которое отец Серафим сделал укол, во-вторых, у меня сильно болел нерв, а в-третьих, у меня страшно болел еще и язык. Я сел.

Отец Тихон подошел ко мне, положил мне руку на голову и сказал: «Что, больно?» Я сказал: «Да ничего, батюшка, все нормально». «Да, нет, — говорит батюшка, — больно, больно! Ты знаешь, такие искушения иногда бывают перед рукоположением». А тогда и не знали о том, что меня рукоположат. Батюшка сказал: «Завтра уезжаем с тобой в Москву — подлечишься немножко». И мы поехали с утра в монастырь.

И вот по дороге в Москву у отца Тихона зазвонил телефон. Это была секретарь Надежда: «Отец Тихон, вас просят сделать звонок в Патриархию». Батюшка остановил машину у обочины пшеничного поля и стал звонить. Говорил, говорил, говорил... потом сел в машину, повернулся ко мне и сказал: «Лука, между прочим, из-за тебя звонили из Патриархии». Я в недоумении. Думаю: «Что же я наделал такого, что звонят оттуда». — «Да, да, — говорит, — из-за тебя. Слава Богу, что мы тебя забрали с собой в Москву, так как тебе надо завтра взять все необходимое и ехать в Хотьково: Святейший Патриарх вызвал тебя, чтобы рукоположить в иеромонахи».

И на следующий день я поехал рано утром в Хотьково, и меня приснопамятный святейший патриарх Алексий II рукоположил в иеромонахи — в день памяти преподобного батюшки Серафима Саровского.

А я-то, когда уезжал из скита, так жалел, что в престольный праздник его покидаю. И мысли были такие: «Это тебе по твоим грехам — батюшка Серафим тебя видеть не хочет».

– Батюшка, поменялось ли после священнической хиротонии ваше отношение к учебе?

– Считаю очень важным, что никогда не отказывался от данного мне послушания. Когда меня рукоположили в священники, учился на третьем курсе и имел возможность общаться с замечательными преподавателями. Были батюшки, которые преподавали непосредственно пастырское руководство. Например, совершение треб и таинств: на все вопросы, которые у меня возникали в процессе служения, я находил у них грамотные, глубокие ответы. Мог найти источники, из которых черпал недостающие знания. Во время учебы на четвертом, пятом курсах я получил именно то, что мне было нужно как священнослужителю.

– Часто вам приходилось пропускать занятия?

– Я никогда не прогуливал занятия просто так. Но, конечно, по послушаниям у меня были авралы. Ведь тогда строились монастырские корпуса, и я совместно с рабочими и инженерами участвовал в разработках всех систем связи и электрики. К сожалению, было и такое: один раз линию залили бетоном не в том месте. И ночью, взяв отбойный молоток, я разбивал все, чтобы исправить положение. Так вот иногда всю ночь работал с отбойным молотком, а утром шел на экзамены и думал: «Как буду сдавать?» Самое интересное, что сдавал, и мне даже преподаватель говорил: «Как замечательно, какой еще литературой, помимо той, что я давал, вы пользовались?» Как-то удивительно Господь покрывал мои пробелы в учебе.

– А экзамены тяжело давались?

– Да, очень тяжело, потому что я для себя решил: все учить и никогда не списывать. В продолжение ответа на вопрос о преподавателях приведу такую историю.

Первый и последний мои экзамены сдавал Алексею Константиновичу Светозарскому. В первый раз это была церковная история — тогда он оценил мой ответ как неудовлетворительный. А когда ему же сдавал последний экзамен, получил «отлично». И я ему сказал: «Алексей Константинович, вы знаете, первый экзамен мой был у вас, я получил двойку». Он засмеялся и говорит: «Вот видите — выросли». Это был очень отрадный для меня итог моей учебы. Ведь я очень любил русскую церковную историю, но Алексей Константинович на протяжении всех курсов ни одного раза не поставил мне «пятерку». В конце 4-го курса, на экзаменах, получив очередную «четверку», я с юмором обратился к преподавателю: «Алексей Константинович, у меня есть большая мечта». Недоумевая об этом, с улыбкой он посмотрел на меня и спросил: «Какая?» На что я ответил: «Получить хотя бы один раз “пятерку” по вашему предмету». Он пришел в восторг, засмеялся и сказал: «Это вполне возможно, только нужно подучить».

– Какое-то время вы были дежурным помощником проректора.

– Я был дежурным помощником, когда учился. Примерно года два. Следил за режимом студенческих послушаний, сна, выходов в город... Я очень сильно уставал тогда. Со студентами работать интересно, но непросто. Не могу этого объяснить, но за сутки дежурства я превращался в выжатый лимон.

На вручении дипломов об окончании семинарии

– Батюшка, расскажите о дне выпуска из Сретенской духовной семинарии.

– Это был замечательный день, незабываемый. Дипломы нам вручал владыка Алексий, архиепископ Орехово-Зуевский. Что-то тогда во мне такое даже произошло, настолько было радостно.

– Что вам дала семинария?

– Я благодарен Господу, Божией Матери и батюшке Тихону за то, что они мне дали такую радость и такое счастье — учиться. Знания — прочный фундамент для того, чтобы использовать его для строительства спасения своей души. Конечно же, духовное строительство основывается на твердой вере и исполнении евангельских заповедей. Для нас путь восхождения к Богу — это путь, который мы проходим под руководством святых отцов. Они учат, как правильно исполнять евангельские заповеди.

– Каким вам вспоминается почивший иеромонах Митрофан?

– Когда я пришел в монастырь, он уже был иеродиаконом. На него смотрели как на образец. Такой крепкий, состоявшийся монах. Все брали с него пример. Он работал казначеем и послушание свое исполнял блестяще. Был очень добрым, любящим, бесконечно всех прощающим.

Вспоминаю: на тот момент работал в ризнице, не было ни одной минутки свободной, мы трудились порой по нескольку суток. Не преувеличивая, говорю: даже невозможно было сходить сотворить келейное правило. Работы было очень много, тогда не было мозаичного пола, который не требует серьезного присмотра, не было каменного престола, который не надо переоблачать. Тогда нужно было постоянно переоблачать престол, приводить в порядок алтарь, пылесосить, выбивать ковры, которых было очень много. Когда у нас закончились праздники с перенесением мощей священномученика Илариона, я попросился съездить к матушке Матроне, которую только что прославили в лике святых. Пришел к отцу казначею и говорю: «Отец Митрофан, дай мне на дорогу немножко денежек, вот хочу съездить к матушке Матроне». И он, конечно, дал. А потом взял целую копилку, полную денег, высыпал мне в руки и говорит: «Возьми, купи что-нибудь в Покровском монастыре на эти деньги». И я купил такую большую икону матушки Матроны. Помню, освятил ее прямо на мощах и был очень рад.

– А что вы можете рассказать о скончавшемся схиархимандрите Анастасии?

– Батюшка Анастасий всегда был для меня большим утешением. Он никогда не говорил много, он говорил одно или два слова. Это был действительно монах до самых глубин своего сердца, подвижник, наставник. Человек удивительной доброты, который был готов помочь каждую минуту внимательно выслушать, дать дельный совет, разрешить от грехов. Когда он умер, это, конечно, для всех нас была большая потеря.

– Вы ведь с ним ездили на Афон?..

– Да, он был старшим у нас.

Братия Сретенского монастыря в паломничестве по Афону

Расскажу такую историю. Я большой любитель приключений. Большим счастьем для меня было полазить по горам Афона. Это увлечение у меня с детства — я вырос на Кавказе, среди гор. Ну и на Афоне полазил... Там такие отвесные скалы, по которым спускаются веревки к берегу моря. Однажды взял благословение у отца Анастасия: «Батюшка, пусти меня к морю сбегать». Пошел туда, смотрю, там обрыв — метров сто до берега моря. Спрашиваю у одного монаха: «Как вы туда добираетесь, если хотите на море сходить?» — «А побежали со мной». Он взял в руки веревку, которая была привязана: «Бери вторую веревку — и побежали». И он бежит в эту пропасть, туда, прямо вниз по этой веревке. Сначала последовал его примеру, потом остолбенел: «Господи, помилуй, если сейчас сделаю одно неточное движение рукой относительно веревки, разобьюсь. Там скалы, камни — от меня ничего не останется... Я так не могу». И спросил у него громким голосом: «Слушай, а еще есть какая-нибудь дорога — нормальная?» Он отвечает: «Надо обойти полкилометра». И побежал на этих веревках дальше. А я пошел в обход. Спустился к морю, побродил, полюбовался. Но подниматься обратно по этому обходному пути не захотел: «Я по веревке залезу, ведь залазить легче, чем слазить». И полез, преодолел половину расстояния и, естественно, устал, потому что нужно было постоянно подтягиваться по этой веревке на руках. Решил отдохнуть. Небольшой выступ там был — на него встал, держусь за веревку. И тут... посмотрел вниз, увидел метров пятьдесят крутого обрыва и скалы внизу. Мне стало плохо. Как дальше действовать? Слезать боюсь, лезть вверх — тоже. Что делать? Я был в отчаянии. Но потом взял себя в руки, пересилил, залез наверх и пришел как ни в чем не бывало в гостиницу.

На следующее утро опять обратился к батюшке Анастасию, ничего ему не сказав о случившемся: «Батюшка Анастасий, благослови еще раз сбегать к морю». И он так строго мне говорит: «Никуда больше не пойдешь. Останешься в обители. Я тебя не благословляю спускаться, не благословляю». Я понял: очевидно, отцу Анастасию о моих приключениях открыл Господь или Пресвятая Богородица. Он все почувствовал. Такой был человек — батюшка Анастасий.

«В храме стояще славы Твоея, на небеси стояти мним», или «Семинарские уроки»

Священник Петр Украинцев

Я родился в верующей семье. С самого раннего возраста мои родители прививали мне понятия о вере и Боге. Сквозь годы несу я детское чувство трепета и благоговения перед всем тем, что связано с храмом.

Значимым этапом моего духовного взросления явилось обучение в православной Свято-Владимирской гимназии. Здесь по милости Божией я обрел духовника, а также дорогих друзей. С большой радостью я стал нести послушание алтарника в храме Святого равноапостольного князя Владимира в Старых Садех. Более всего меня поражало самоотверженное служение приходского духовенства. Все это и повлияло на мой дальнейший жизненный выбор.

В Сретенскую духовную семинарию мы с другом поступали в так называемом втором потоке, поскольку из-за своей нерасторопности слишком поздно подали документы. Результаты традиционного вступительного собеседования оставляли желать лучшего, но ректор — архимандрит Тихон (Шевкунов) был милостив к нам и даже подбодрил нас, сказав: «Помните, как сказано в Евангелии: “И последние станут первыми”».

Итак, в 2000 году мы поступили в семинарию и стали в ней вторым набором. Первый же на три четверти состоял из монастырской братии. Жили мы в одном корпусе с насельниками монастыря. Точно так же, как и они, участвовали в богослужениях в качестве алтарников и чтецов, пели на клиросе, читали неусыпаемую Псалтирь, молились на братских молебнах, ежедневных утренних и вечерних правилах, участвовали в послушаниях, еженедельно исповедывались у духовника монастыря.

Иными словами, наша учеба была очень тесно связана с жизнью обители, что позволило нам прикоснуться к ее особенному укладу.

Будучи участниками богослужебной монастырской жизни обители, мы подкрепляли

свои теоретические знания, полученные за партой, живой практикой. Мы неплохо разбирались в том, что и когда читается, как составляются службы. Но все же еще более важным было именно воспитание благоговения и страха Божия при совершении литургии. Этому нас учили в первую очередь. И здесь следует высоко оценить личный пример о. Тихона и насельников монастыря. Монастырские службы во многом стали для меня тем образцом, к которому я стремлюсь, совершая свое служение на приходе. «В храме стояще славы Твоея, на небеси стояти мним». Этот стих очень часто приходит мне на память, когда я вспоминаю о литургиях и всенощных в Сретенской обители.

Как я уже писал, учащиеся семинарии, вместе с насельниками Сретенской обители, участвовали в разнообразных послушаниях: убирали монастырскую территорию, мыли полы в братском корпусе, разгружали тиражи книг монастырского издательства, чистили картошку на кухне и проч.

Кроме того, мы каждое лето выезжали на практику в монастырский скит, находящийся в Рязанской области, и участвовали в заготовке сена, прополке огорода, сборе земляники. Этот общий труд очень сильно сплотил нас. Меня он приучал к труду, дисциплине, послушанию, помогал переступить через свою лень и эгоизм. И, безусловно, он дал мне многие навыки, столь необходимые в повседневной жизни.

В первые три года нашего обучения все было рассчитано исключительно на нашу сознательность, и она действительно в нас присутствовала. Мы хорошо понимали, каких сил и средств стоило наше образование Сретенскому монастырю, и искренне не хотели никого подводить и разочаровывать. И потом: учиться было так интересно! И нередко за книжками мы засиживались далеко за полночь.

Я очень признателен всем своим преподавателям — специалистам самого высокого уровня, представляющим лучшие вузы и научно-исследовательские организации Москвы. Прежде всего, это, конечно, МДА, а также МГУ, Институт славяноведения РАН и др.

Больше всего мое внимание привлекали церковно-исторические предметы. Благо в нашем учебном плане их было немало. До сих пор помню, с каким интересом я слушал лекции по истории Русской Церкви А.К.Светозарского, О.Ю.Васильевой, погружался в мир философии с Г.Г.Майоровым... Но, пожалуй, самыми важными для меня были занятия по пастырскому богословию, которые проводил отец Тихон. Батюшка не только рассказывал нам материал, диктуемый программой, но щедро делился с нами своим духовным и жизненным опытом. Не раз в сложных ситуациях я обращался к этим трезвым наставлениям, пользовался мудрыми советами. Немыслимо образование будущего священнослужителя и без курса практического руководства для пастырей, который был преподан нам протоиереем Дамианом Кругликом. Не раз я обращался к конспектам его занятий перед совершением приходских треб.

Годы, проведенные в стенах семинарии, навсегда останутся в моем сердце. И конечно, я с чувством самой искренней благодарности буду вспоминать моих наставников и учителей.

«Благодатные плоды семинарского воспитания»

Диакон Павел Миронов

На мой жизненный выбор посвятить себя служению Церкви повлиял пример священников, с которыми я общался, особенно пример сельских батюшек. Сначала это было лишь восхищение внешними подвигами, хотелось, как они, уехать в глушь, там трудиться во славу Божию. Со временем юношеский максимализм исчез, но желание посвятить жизнь служению Церкви осталось. Наставником, принявшим участие в моей жизни, стал протоиерей Сергий Романов, настоятель храма в честь равноапостольного князя Владимира в Старых Садех. Пример служения отца Сергия с первых дней стал для меня надежным духовным ориентиром. Батюшка окончательно укрепил меня в мысли о необходимости получить высшее богословское образование.

Я мечтал поступить в Московскую духовную семинарию, но на момент окончания школы мне не было 18 лет (а именно с такого возраста брали в МДС). И я пошел учиться в Свято-Тихоновский богословский институт, на богословско-пастырский факультет. Но после 2-го курса, в 2000 году, твердо решил поступать в Сретенское училище, чтобы не только теоретически, но и практически пройти духовную школу становления, чему немало способствовало совместное обучение с братией Сретенского монастыря, а также прохождение послушаний, а главное — литургическая жизнь.

Мы были всего лишь вторым набором в нашей духовной школе. Поэтому атмосфера была неофициальной, теплой, практически домашней. С каким трогательным вниманием насельники обители обустраивали нам кельи, собирали мебель, делали все, чтобы мы чувствовали себя как дома! И так, рука об руку, вместе радуясь и печалясь, жили мы в монастыре почти три года — только после этого москвичи получили возможность переехать домой. Конечно, время, проведенное в монастыре, я вспоминаю с большой радостью, поскольку это была самая настоящая житейская и духовная школа.

Разумеется, чрезвычайно знаменательным для меня стал момент поступления в Сретенское училище. Мы с другом немного припозднились с подачей прошений, в результате сдавали экзамен отдельно от всех остальных абитуриентов. Тогда архимандрит Тихон (Шевкунов) — наш дорогой ректор, сказал нам: «Ничего, последние станут первыми». Имелись в виду и наше нелепое опоздание, и не вполне удачные ответы.

Вообще в период нашего обучения отец Тихон всегда был открыт для непосредственного общения с воспитанниками духовной школы. А самое важное — то, что мы имели возможность еженедельно исповедоваться у него и получать духовное руководство. Стоишь в алтаре храма, ждешь своей очереди на исповедь, волнуешься, трепещешь, вспоминая свои грехи, а отец Тихон примет с такой любовью, с отеческим пониманием, что сразу страх проходит, и ты понимаешь, что рядом с тобой любящий наставник. Такие эпизоды не забываются...

Пример служения отца ректора, братии, пение хора невольно заставляли стремиться к такому же благоговейному отношению к службе. Отец Тихон прививал нам богослужебную дисциплину. Он мог простить погрешности в занятиях, учебе. Но за нерадение, формальное отношение к Божественной литургии, сознательное непослушание взыскивал очень строго. При этом прощал, по Евангелию, до седмижды семидесяти раз, если видел, что человек искренне раскаивается. После бывало — даже люди, казавшиеся неисправимыми, обличаемые совестью, менялись в лучшую сторону.

От отца Тихона мы учились трудолюбию, а также бережному отношению к земле. Господь сподобил нас проходить летнюю практику в монастырском скиту в Рязанской области. Послушания у нас были самые разнообразные: и урожай собирали, и строили, и на ферме дежурили, и, конечно, участвовали в службах.

Мы жили полноценной монастырской жизнью. Для меня было огромной, ни с чем не сравнимой радостью вставать ночью на чтение Псалтири с поминанием имен из синодиков. Выходишь ночью из кельи, тихо ступаешь по монастырским дорожкам — и попадаешь в полумрак храма Сретения иконы Божией Матери. Незабываемое ощущение! Затем, в 6.30 — братский молебен. Такой режим, совпадающий с ритмом обители, очень дисциплинировал.

Еще вспоминается день, когда нас благословили на ношение подрясников. Этим было засвидетельствовано, что на нас возлагается особая надежда — как на будущих священнослужителей. В этот торжественный момент одновременно чувствовались и волнение, и радость.

А день, когда нас, пятикурсников, постригли в чтецы, поставив на первую ступень священнослужения, масштабностью сложных впечатлений никогда не сотрется из моей памяти. Совершал хиротесию архиепископ Орехово-Зуевский Алексий, который в своем напутственном слове подчеркнул, что мы теперь клирики и должны ответственно подходить к своему служению, с непротиворечивым пониманием того, что вверяет нам Церковь.

Хочется сказать, что семинария дала нам тот фундамент, на котором мы смогли в дальнейшем построить свое служение Церкви. Наша духовная школа привила нам правильное понимание церковной жизни. Особо я ощутил благодатные плоды семинарского воспитания с принятием сана. Появилась потребность совершенно другого — в первую очередь более внимательного — подхода и к службе, и ко всей своей жизни. Я начал понимать, что не только в храме я должен быть священнослужителем, но и в общении с близкими, друзьями, людьми, которые встречаются на моем пути, я обязан свидетельствовать о высоте своего сана. Во много раз возросла степень ответственности за свои слова, поступки. Я чувствую, что нужно постоянно себя дисциплинировать, держать себя в непрестанной готовности трудиться и достойно нести свое служение.

«Семинария поспособствовала возрастанию моей веры в Бога»

Священник Владимир Щетинин

Отец Владимир, что явилось причиной, которая побудила вас поступить в семинарию?

– В момент, когда я пришел в Сретенское училище, как тогда называлась наша семинария, я уже осознанно для себя сделал выбор найти свое служение в Церкви. При этом я, конечно, не знал, даст ли мне Господь послужить Ему священником, диаконом. Мне очень хотелось служить Богу. Уже за время учебы в семинарии это упование смогло выкристаллизоваться в то, что мы называем священническим служением: совпало и мое желание, и Божественное призвание. Я тогда хотел найти смысл жизни, как это ни высокопарно звучит, и в то же время осуществить волю Божию. Вот эти два желания присутствовали во мне постоянно. У меня до Сретенской школы были попытки поступления и в Коломенскую духовную семинарию, и в Свято-Тихоновский богословский институт, и в Николо-Угрешскую семинарию. Но что-то не получалось... В 1999 году я сделал очередную попытку поступления в духовную школу — в Сретенскую. И Господь почтил мое усердие в выборе и достижении цели и наградил меня тем, что я стал студентом высшего православного училища. Отчетливо помню период вступительных экзаменов, этот холод, который пробирает абитуриента, эти бессонные ночи, это штудирование, а иногда и зубрежка учебного материала. Этот курс истории России до семнадцатого года и, конечно же, собеседование, которое проводил наместник Сретенского монастыря — архимандрит Тихон (Шевкунов). Все эти моменты очень ярко запечатлелись в моей памяти, останутся со мной навсегда и будут согревать меня во все дни моего священнического служения. Моей учебе предшествовало послушание на приходе в городе Раменское в Подмосковье, откуда я родом и где начиналось мое церковное служение и как пономаря, и потом как помощника священника, который отвечал за взаимодействие с молодежью

Слово на вручении дипломов

в Раменском благочинии. По мере своих сил и возможностей нес это послушание и воцерковлял ребят из школ родного города. Мы с ними организовывали паломнические поезди и экскурсии и в Троице-Сергиеву лавру, и в Ново-Иерусалимский монастырь, и в Саввино-Сторожевский монастырь. Были и дальние поездки и в Санкт-Петербург, и в Серафимо-Дивеевский монастырь — многодневные.

– Как отнеслись ваши родные к тому, что вы стали студентом духовного учебного заведения?

– Довольно сложно складывались отношения вначале, когда я нес послушание на приходе с моими родителями. Я не вписывался в привычные схемы их жизни. Не могу сказать, что у меня родители неверующие, но, так скажем, в глубине души они верующие люди, искренне, очень доброжелательно относящиеся к Церкви. Но все-таки их жизнь не вполне совпадает с жизнью Церкви. Поэтому сначала были конфликты дома, которые неизбежны. Но примечательно следующее: когда я маме сообщил о своем намерении поступить, сделать очередную попытку, я внутренне был готов к этому противостоянию, к молчаливому несогласию. Но она меня с легкостью благословила, и это меня еще раз утвердило в том, что я избираю правильный путь. Господь расположил ее сердце, отец тоже одобрил мое решение. И эта моя попытка, в отличие от прошлых, прошла абсолютно безболезненно. И я даже получил от родителей поддержку, они были искренне заинтересованы в моем успехе. С друзьями получилась похожая история. Когда я стал прихожанином Троицкого собора города Раменское, стал алтарником, многие приятели просто отошли от меня, они не отвернулись, но сразу разность какая-то интересов появилась, мы не понимали друг друга. И мои школьные друзья, и друзья по институту, и дворовые друзья все — никто меня до конца не понимал, но это не удивительно. Главное — Господь давал силы все это перенести. Сфера моих интересов изменилась очень резко, и на тот момент я пытался как человек, испытывающий духовный голод, напитать свою душу с огромным желанием, с жаждой ко всем благам, которые до этого были сокрыты. И вот сейчас жизнь сделала маленький виток — мы общаемся, и я вижу, как Господь приобщает их потихоньку. Я не скажу, что благодаря мне они все пришли в храм, но по мере своих возможностей и сил стараюсь помогать их воцерковлению. Мы не прервали отношения, но эти отношения видоизменились, приняли другой ракурс.

– С какими трудностями вы сталкивались в духовной школе?

– Что касается именно церковной жизни, я очень долго, практически до 3-го курса, никак не мог научиться грамотно и бегло читать по-церковнославянски, потому что послушание чтеца для меня было закрыто на приходе, я все больше выполнял такие поручения, которые не были связаны с клиросом. Слабое знание церковнославянского языка сказывалось, я очень из-за этого переживал, много молитвенного труда приложил, много усилий сделал, старался много времени этому уделять. Господь давал мне потрудиться, давал все это со скорбью, с напряжением. В свое время все пришло — когда нужно было. Надо сказать, мне языки вообще очень тяжело даются. Я в свое время,

в детстве, этим не занимался, и сейчас наверстывать уже, наверное, поздно. Если с русским языком на базе школы еще можно что-то вытянуть, то греческий, английский, церковнославянский языки, латынь — мои слабые места. Были и чисто житейские сложности, поскольку я до прихода в училище вел довольно активный спортивный образ жизни. А в Сретенском монастыре, где находится наша духовная школа, территория маленькая, и мне не хватало обычной двигательной активности. Сразу переключиться с одного ритма жизни на другой трудно, но если хочет человек чего-то, то он себя заставит и добьется этого. Конечно, незабываем 1-й курс. Это новая волна религиозных впечатлений, которая остается в памяти на всю жизнь, которая выправляет душу и выхватывает ее из тех ощущений, которыми душа пропитывается, живя в миру. Тут человек соприкасается с монастырской жизнью изнутри. И это накладывает отпечаток на мировоззрение человека и на всю последующую его жизнь. Когда мы пришли в Сретенскую духовную школу, мы жили постоянно в каком-то строительном шуме, переступали через груды кирпичей, нас снимали часто с занятий на послушания, мы то разгружали машины, то загружали, собирали посылки для гуманитарной помощи воинам в Чечню, для жителей Чечни. В общем, жизнь была очень насыщенная, интересная, но я бы не сказал, что она была трудная. Вот этот дух, единство, которое образуется между людьми в общем деле — он всех мобилизует, он заставляет сердца людей биться в одном ритме. Это чувство участия в едином, большом, нужном и важном деле. Все эти обстоятельства, конечно, воспитывают и закаляют. В тот первый год — 1999/2000-й — училище еще формировалось, еще не было того педагогического коллектива, который есть сейчас, программа несколько раз менялась. Но опять-таки скажу: сложностей мы не испытывали. Наоборот, нас очень поддерживало и радовало тесное общение с братией. Мы, учащиеся — нас и было-то восемь человек — были с насельниками обители как одна семья. Мы вместе ходили на все братские молебны, на все службы. Послушания несли наравне с братией, очень старались. При этом было какое-то неописуемое чувство духовной свободы, я хорошо это запомнил. Было действительно братское общение. После долгих монастырских служб, после ужина можно было собраться в келье в неформальной обстановке за чашкой чаю, какие-то истории братия рассказывала о своих встречах с духовными людьми, очень это было интересно учащимся 1-го курса.

– Отец Владимир, можете рассказать о ваших любимых преподавателях и предметах?

– У нас каждый преподаватель — это просто неповторимая личность. Алексей Константинович Светозарский, например. Читал у нас историю Русской Православной Церкви. Геннадий Георгиевич Майоров — блестящий специалист по философии. Александр Николаевич Ужанков — преподаватель по древнерусской литературе. Все они профессионалы, поражающие глубиной познаний и педагогическим мастерством. Я останусь перед ними вечным студентом и просто преклоняю голову. Мои преподаватели очень много мне дали. Какие-то моменты из преподавания моих наставников я беру сейчас на вооружение в своей сегодняшней работе: манера общения с учащимися, интонация и проч.

– Расскажите о вашем пути к священству.

– Я уже немного об этом сказал. Я был прихожанином Троицкого собора города Раменское, в то время там был настоятелем протоиерей Владимир Бушуев. Это человек, который оказал на меня очень большое влияние. Сейчас он является настоятелем храма Покрова Божией Матери, что на Боярском острове в Измайлове. Это очень грамотный человек в богословском плане. Его проповеди, которые просто зажигали своим искренним желанием служить Богу, его слово, сказанное с духовным авторитетом, с духовной властью и в то же время с огромной любовью, его личный пример — все это повлияло на меня. И вот однажды, я тогда еще даже не окончил институт, я просто пришел в храм; был момент такой, у меня были какие-то недоумения, вопросы, мы побеседовали, он мне уделил время; это было, если не ошибаюсь, Великим постом, как раз храм убирали к Пасхе. И батюшка вдруг прерывает наш разговор и неожиданно говорит мне: «Слушай, иди в семинарию в Троице-Сергиеву лавру». Я был настолько поражен, что подумал: это невероятно. Так всегда происходит, когда у человека не хватает веры, он начинает искать оправдания, ему не хватает доверия к слову священника. Но

все-таки я задумался: видно, где-то в глубине души и сердца моего зарождалось это желание. Через несколько лет я поступил в Сретенскую духовную школу. И там впервые осознанно задумался о принятии священнического сана. Окончательно мое решение сформировалось на 3-м курсе. Уверен, это синергия воли человеческой и воли Божественной. Человек может надеяться, желать, но Господь управляет и дает все в тот момент, когда ты действительно уже созреваешь духовно. Конечно, батюшка Тихон потрудился над моим духовным состоянием, его подкорректировал, много советовал и своим духовническим талантом повлиял на мой выбор. Он же давал мне рекомендацию и в диаконы, и в священники.

– Вы на протяжении пяти лет являетесь директором школы-интерната в городе Михайлове Рязанской области. Как вы получили это послушание?

– Речь об этом шла даже не один год, а, по-моему, где-то на протяжении полутора лет, я еще даже диаконом не был. Отец Тихон со мной разговаривал на эту тему, предлагал, но все это во время учебы в семинарии казалось очень далеким — такая цель, которая еще не оформилась. Когда, по милости Божией, я стал священником, он мне предложил еще раз это послушание нести, зная, что у меня педагогическое образование, есть небольшой опыт работы в школе, до поступления в Сретенское училище я проработал пять лет учителем и во время учебы нес послушание преподавателя воскресной школы. Я окончил Коломенский педагогический институт в 1994 году по специальности «учитель физической культуры и воспитатель детских интернатных учреждений закрытого типа». Это колонии для трудных подростков. Да, практика в институте дала мне много, я пообщался с такими ребятами. Опыт работы был, я очень рано поступил в институт. Когда я подал заявление в институт, мне было шестнадцать лет. Практика в педагогических институтах начинается с 1-го курса, сначала пассивная, потом, со 2-го курса, — уже активная. Мы работали вожатыми в пионерских лагерях. Так что опыт общения с детьми — по большей части неформального — у меня был. Все это потом мне очень пригодилось, поскольку я работал в школе, которая находится в криминогенном районе, в ней училось много ребят, которые росли в ужасных условиях, обстоятельствах жизни, большинство — из неполных семей. Поприще для педагогической деятельности было очень обширным. Поступив в духовную школу, я обогатил свой педагогический багаж. И я принял предложение стать директором школы-интерната. У отца Тихона уже предварительно был договор с администрацией Михайловского района о том, что Сретенский монастырь будет помогать Михайловской школе-интернату.

– Какие трудности вы испытывали, начиная работать в интернате?

– Трудности, наверное, такие, как и у любого руководителя, который приходит на новое место. Меня сначала немножко пугала та ответственность, которую накладывает должность директора не просто школы, а именно директора интерната. Пугало недостаточное знание административной специфики. Серьезная трудность, с которой я столкнулся, заключалась в следующем: как сделать педагогический коллектив сплоченным, идущим к одной цели, решающим одну педагогическую задачу, чтобы все мы трудились в одном ритме, в одном порыве и решали общие задачи. Но и, конечно же, дети. Как их воспитывать, как их сделать христианами? Потому что воспитанники Михайловской школы-интерната основ нравственности в своей семье получить просто не могут. У нас все дети из социально опасных семей, из неполных семей, практически все семьи стоят на учете в комиссии по делам несовершеннолетних. Ребята лишены полноценного внимания, не имеют материального достатка. Родители, которые в социальном плане уже потеряны, не занимаются их воспитанием. У нас учатся дети алкоголиков, наркоманов, лиц, имеющих судимости. Нравственный уровень родителей очень низкий. То есть семья не только не учит хорошим примерам, она, напротив, развращает детей. И свою задачу я видел в том, чтобы изъять детей из этой среды и дать им возможность получить христианское воспитание в рамках школы. Сложностей было много. Так сложилось, что у педагогов на момент моего прихода вера в то, что они могут успешно решать сложные педагогические задачи, была на нуле. Они считали, что занимаются в общем-то бесполезной работой. И нужно было вселить уверенность в педагогов, дать им понять, что они могут справляться со

своей работой и могут увидеть положительные плоды своих усилий. Дети, выходящие из интерната, могут быть полноценными членами общества. Нельзя сказать, что сейчас все проблемы изжиты, но накопился положительный опыт, воспитатели видят результаты труда. А главное — очевидна приобщенность людей к христианской вере, к храмовой жизни. Церковь пришла в интернат.

– Расскажите, пожалуйста, подробнее о достижениях интерната.

– Нам удалось сделать небольшой ремонт, укрепить материально-техническую базу школы-интерната. В этом нет моей заслуги — просто так совпало с моим приходом, мне повезло, что администрация области по разным причинам обратила внимание на школу-интернат. Сейчас ребята живут в общежитиях в корпусе, где провели капитальный ремонт здания. Это всегда поднимает настроение, это создает особые нотки в отношениях, рождает особую радостную атмосферу. Ведь в здании больше пятидесяти лет не делали никакого ремонта. Что касается взаимоотношений в коллективе, сначала люди мне не слишком доверяли, потому что действия любого руководителя основываются прежде всего на авторитете. Авторитет — вещь наживная, его невозможно заполучить в одночасье, нужны реальные действия в определенной обстановке. Авторитет нарабатывается не словами, а поведением, делами, поступками, принятием каких-то решений, отношением к подчиненным, подходом к решению каких-то вопросов. Нехорошо себя хвалить, но я надеюсь, что у меня есть авторитет и среди педагогов, и среди сотрудников. Сейчас у нас нет каких-то тупиковых ситуаций во взаимоотношениях. Есть столкновения, есть противоречия, но мы их пытаемся решать. Несомненно, мне помогает мой священнический сан. Это помогает и в директорской, и в преподавательской работе (я веду основы православной культуры). Конечно, Господь дает силы и вразумляет, приводит к верному решению. Скорых решений в проблемных вопросах не бывает: нужно время, нужно терпение, нужно настроиться ждать. Быстрые решения недолговечны. Взаимоотношения с детьми... Вот я пять лет проработал, и сделано немало. А каждый раз приходишь к ребятам и понимаешь, как будто ты только сегодня начинаешь все сначала. Та боль, которую испытывает душа детей, живущих у нас в интернате, — она намного больше, чем наша помощь. Как достучаться до их душ? Опять же: здесь важен авторитет, и не столько мой личный, сколько авторитет священнического сана. Он удерживает меня во взаимоотношениях с ребятами, дает мне преимущества по сравнению с другими педагогами. Ребята, особенно сироты, хотят видеть во мне — я это вижу и знаю, особенно пока они маленькие — отца.

Директор школы-интерната со своими воспитанниками

Им не хватает любви и ласки, но они ждут — представьте себе, ждут — и отеческой строгости. Ищут не оправдания своих плохих поступков, а требуют наказания за них. Иногда они шалят или хулиганят, и я как педагог вижу, что только для того, чтобы на них лишний раз обратили внимание. Приходится быть и кротким, и в то же время строгим, применять те педагогические приемы, которые освоил в институте, школе, семинарии. Надеюсь, получается. Хотя знаю, что педагогическая деятельность не дает быстрых результатов. Плоды будут через десять, пятнадцать, а то и двадцать лет. Как бы то ни было, я стараюсь поступать по-евангельски. Это критерий безошибочный. Надеюсь, что мои труды увенчаются успехом, не пройдут для моих ребят бесследно и все равно повлияют на выбор жизненных позиций.

– Что вы считаете самым главным в работе с трудными подростками?

– Мне очень помогает то, что я раньше занимался спортом. Благодаря этому я сразу приобретаю авторитет у ребят, потому что среди трудных подростков в почете сила. Согласитесь, сила — это неплохо, но их надо научить правильно ее применять. Когда они видят, что я физически здоров, они ищут точки соприкосновения со мной. И я иду им навстречу. Моя задача — найти то, что им интересно, и через это подвести их к тому, что интересно мне. Это одна сторона. Кроме того, нужно всегда понимать, что трудные подростки — это жертвы, жертвы общества, жертвы нашего времени, жертвы тех обстоятельств, в которые они попали. Если бы у них были нормальные семьи, нормальные условия, не только материальные, но и духовно-нравственные, все бы было иначе. Ребеночек же не рождается таким вот злодеем, непослушным, нет. В хорошей семье он и вырастает хорошим. Иными словами, трудные подростки нередко имеют уже сформировавшуюся систему ценностей. Но не они ее сформировали. Просто они были среди людей с искаженным мировоззрением. Они общались где-то вне интерната, на улице, дома, что-то почерпнули, и этот авторитет силы очень на них повлиял. Авторитет силы с отрицательным вектором. А значит, что-то должно быть сильнее того, что они видели в своей трудной жизни. Поэтому очень важно быть показателем силы с положительным вектором. Чтобы они смогли пересмотреть свои взгляды, чтобы они смогли поверить, что добро сильнее, чем зло. Трудные подростки — это всегда личности, это всегда ребята, которые что-то в своей среде из себя представляют. И вот есть педагогическое преимущество: если найдешь подход к этому человеку, сможешь заразить энтузиазмом и всех остальных. Если у тебя будет общий язык с этим заводилой, который является неформальным лидером, значит, ты можешь рассчитывать на его поддержку и на его взаимодействие с другими людьми, которые более ведомы и менее агрессивно себя ведут. Такие вожаки, лидеры могут идти даже вразрез с педагогами, зачастую конфликтуют с ними. Это всегда дуэль, дуэль в поступках, дуэль в подходах, дуэль в самовыражении между учителем и учеником. Очень важно, кто эту дуэль выиграет. Потому так важно иметь авторитет: чтобы стать тем человеком, которому трудный подросток послушен, к мнению которого он прислушивается.

– Отец Владимир, каковы для вас уроки Сретенской духовной семинарии? Как вам помогает духовное, богословское образование в нынешнем служении священником и педагогом?

– Семинария способствовала возрастанию моей надежды и доверия к Богу. Это самое главное, тот внутренний движущий механизм, который помогает мне и сейчас преодолевать все трудности, все сложности, которые есть в моем пастырском служении и в служении директора школы-интерната. Духовная школа укрепила меня, открыв новый этап для моей христианской веры, повлияв на мою подготовку к священничеству, на формирование моего внутреннего мира.

Пожелания выпускников 2009 года студентам Сретенской семинарии

Бабаян Георгий

Какое бывает у человека чувство, когда он что-то безвозвратно потерял? Такое чувство я испытываю каждый раз, когда мне задают как будущему священнику религиозные вопросы и не всегда получается полно и внятно ответить. Начинаешь отвечать, помнишь, что этот вопрос разбирали на лекциях, но ты его не до конца, плохо изучил, и сейчас уже нет, к сожалению, в кармане той шпаргалки, которая была у тебя на экзамене. Знания никогда не бывают лишними, и то, что сейчас нам кажется бесполезным и никчемным, потом становится остро необходимым. Как известно, без шпаргалок не обходится ни один студент, это так. Но шпаргалки должны быть только подстраховкой. Сейчас жалею, что учился не так усердно, как мог бы, и вернул бы время вспять, чтобы исправить ошибку.

Доктор может помочь человеку, обладая знаниями в медицине. Но священник только тогда может действительно помочь советом, когда прежде он будет полагаться не на свои знания и опыт, а на молитву. С молитвой Господь вразумит и положит на сердце правильный ответ. Поэтому нам, как будущим священникам, нужно научиться молиться и полагаться прежде всего на молитву и помощь Божию.

В семинарии случается немало неприятностей и искушений. Подчас они так сильно напирают, что становится тяжко. Но не стоит унывать: не сейчас, но потом, когда мы сможем посмотреть со стороны, мы обязательно увидим, что все это случалось для нашего собственного блага, для воспитания и возрастания нас как личности.

Шаров Андрей

Незаметно пролетели пять лет нашего обучения в стенах Сретенской обители. Кажется, еще вчера мы пришли сюда, и уже настал тот момент, когда как птенцы мы должны покинуть родное гнездо. После нас придут такие же, как мы, будут учиться, взрослеть, набираться опыта.

И хотелось бы им пожелать, чтобы ту веру, то горение, с каким они приходят сюда, они пронесли через все то время, которое будут пребывать в стенах семинарии, через всю свою жизнь. Не забывали своей цели, помнили, зачем они пришли в семинарию.

Чтобы старались все то время, которое предстоит провести здесь, проводить с пользой, старались брать все, что дают им преподаватели, наши священники. Так как потом будет очень жалко, что не успели многое сделать.

Никогда не забывайте читать Священное Писание, святых отцов, художественную литературу не только при подготовке к лекциям, но для себя, для самообразования. Потом на это просто не будет хватать времени, так как, я надеюсь, мы все станем священниками и будем заняты на приходах.

Хомутов Алексей

Вот уже за плечами пять лет обучения в семинарии. И самое главное в этой ситуации, что ты можешь обернуться и посмотреть на достижения и ошибки. Своим коллегам, которые остаются еще учиться, и тем, которые поступят, конечно, есть что сказать. Главное во всех пожеланиях, конечно же, будет совпадать со словами классика — прожить жизнь так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы.

Во-первых, хотелось бы пожелать всем семинаристам не охладевать к богослужению, и особенно к литургии. Здесь создаются все условия для того, чтобы человек мог вести активную духовную жизнь, главной составляющей которой является Евхаристия. Можно заметить, что как только ты отходишь от частого общения со Христом в Евхаристии, наступает чувство духовного расслабления. Поэтому желаю воспринимать всем благословение нашего начальства на частую исповедь и Причастие как призыв Самого Христа к покаянию и освящению.

Еще одно из пожеланий будет — побольше читать и духовную и светскую литературу. На средних курсах я очень увлекся чтением, но потом наступил момент, когда я на время перестал читать, и теперь не могу снова начать активно читать книги. А ведь человек, желающий посвятить себя священству, должен быть образован и начитан. Если посмотреть на большинство святых отцов и нашей священной иерархии — то они глубоко образованные и эрудированные люди.

Наши годы еще юные и неопытные, поэтому желаю не огорчаться, если Бог не посылает пока спутницу жизни или твердое решение к монашеству, если Он пока не доверяет нам быть священнослужителями. Чем больше живешь, тем, по-моему, учишься больше терпеть. Так что желаю терпения, чтобы без проблем и с достоинством закончить духовное образование и со временем, если Богу будет угодно, встать в ряды служителей Церкви.

Власов Алексей

Дорогие друзья, обучение в Духовной семинарии — это самые запоминающиеся, самые светлые годы в вашей жизни. Сейчас вы все вместе учитесь, вместе трудитесь, вместе отдыхаете! Вам интересно и весело. Хотя, конечно, бывают и определенные трудности, но эти трудности не долговременны, они не продолжительны, поэтому старайтесь их с терпением преодолевать, без ропота и гнева. *Бог гордым противится, а смиренным дает благодать* (Иак 4, 6). Господь вам поможет, Он не оставит в трудную минуту.

Вы пришли в семинарию, чтобы получить богословское образование. Оно очень необходимо, тем более что у вас есть возможность обучаться в этой замечательной семинарии, где собраны одни из самых лучших преподавателей Москвы. Не теряйте времени зря, не старайтесь найти лишний повод, чтобы пропустить очередной опрос или семинар по

какому-либо предмету! Читайте больше книг, уделяйте больше времени написанию письменных работ! Конечно, всегда можно написать сочинение в последнюю ночь, но качество вашей работы будет намного выше, если вы уделите ей больше времени.

Всегда с уважением относитесь к старшим, всегда имейте чувство благодарности не только к тем, кто занимается вашим воспитанием, обучением, но и к тем, кто трудится в трапезной нашего монастыря, к тем, кто трудится в монастырском дворе, к тем, кто работает на книжном складе, — ко всем без разграничений! *Благотворите, и взаймы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая* (Лк 6, 35). Всегда оставайтесь благородными, добрыми и внимательными!!!

Косых Илья

Главная задача в семинарии — получить достойное образование. Учебой никогда нельзя пренебрегать, поскольку, как будущий служитель Церкви, каждый из нас ответит перед Богом за тот дар, который получил в стенах духовной школы. Учиться нужно продолжать на протяжении всей жизни, чтобы достойно послужить Богу и Церкви.

Учеба всегда должна быть сопряжена с молитвой. Это особенно важно осознавать будущему священнослужителю, ведь без помощи Божией мы не способны ни на что.

Учась в семинарии, мы всегда должны помнить, где мы находимся и для чего. Все мы призваны Богом на служение Церкви, но не все будут избраны. Надо всегда и везде вести себя достойно, чтобы быть достойным своего призвания.

Матвеев Илья

Проучившись в семинарии, под конец учебы начинаешь подводить некоторые итоги. Что дали тебе эти 5 лет учебы? Какую пользу ты извлек, проведя это время в стенах духовной школы? Общаясь с семинарскими друзьями, порой приходится слышать от некоторых из них, как надоела учеба, поскорее бы она закончилась и другие подобные возгласы. Казалось бы, целых пять лет — огромный срок! Но на деле получается иначе. Этот, кажущийся большим, период обучения в семинарии пролетает с такой скоростью, что и не замечаешь, как проходит курс за курсом. Вскоре ты начинаешь сознавать, что вот он, конец обучения, не за горами. И становится ясно, что есть моменты, которые тебе хотелось бы исправить, но уже поздновато.

Учеба в семинарии предполагает, прежде всего, получение знаний, которые будут нужны будущему священнослужителю. Но насколько хорошо эти знания будут усвоены, зависит от самого человека. Поэтому моим главным

пожеланием будет призыв использовать предоставляемые семинарией возможности для обучения на все 100 процентов. Пока есть возможность, надо больше читать. Читать как по учебной программе, так и просто русскую и зарубежную классику, развивая умение мыслить и правильно излагать свои мысли. Такая возможность и столько времени, которое можно посвятить чтению, навряд ли когда-нибудь еще представится. Не надо упускать знания.

Ни в коем случае нельзя упускать и духовную сторону обучения. Такую службу, как в Сретенском монастыре, редко где сейчас встретишь. Как-то жалко сознавать, что заканчиваются монастырские службы, на которых можно было спокойно помолиться (хотя иногда дежпомы напрягали), послушать торжественное пение, как-то поучаствовать в монастырском богослужении. Надо дорожить такой возможностью.

Напоследок хочется пожелать не тратить времени зря. В нашей семинарии созданы все возможности для учебы. Надо только их использовать.

Диакон Александр Слесаренко

В период учебы в семинарии, на 5-м курсе, рукоположен в сан диакона, сейчас прохожу сорокоуст и в связи с этим не могу не поделиться своими ощущениями. Служение Богу — особое состояние и внутреннее духовное чувство. Ничего в нашем мире не может сравниться с этим служением, так как духовное выше телесного. Все мирское отходит на второй план. Особый трепет вызывает, когда при причащении Святых Христовых Таин держишь в руках Тело Христово. Понимаешь, что Господь умалил Себя ради нашего спасения, дал нам Свои Тело и Кровь и от нас недостойных и грешных принимает наше служение.

При прохождении семинарской жизни не нужно смотреть на слова и поступки других окружающих нас людей, ведь семинарская жизнь — общежитие, где человек полностью раскрывается, каков он есть на самом деле. Необходимо идти вперед, совершенствуясь духовно, а также не забывать, что все мы — люди немощные, поэтому как встречаются люди, сильные духом, так же есть и люди слабые, на недостатках которых не стоит акцентировать свое внимание. Необходимо руководствоваться наставлением святых отцов о том, что надо внимать и выискивать недостатки и исправлять их в самом себе, не ища недостатков в людях, которые нас окружают.

Изучая семинарские дисциплины, в особенности Священное Писание Нового и Ветхого Заветов, нужно остерегаться формального подхода к их изучению. Необходимо, чтобы это изучение было не «из-под палки», а по душевному влечению, не забывая о том, что мы должны не только внешне изучать, но и проецировать полученные знания на нашу собственную жизнь. Если будет сильный разрыв между знанием и нашей верой и жизнью — то мы будем христианами только по названию, а не по содержанию, и спутником данного духовного состояния является циничное отношение к духовной жизни.

Диакон Александр Лисовский

Дорогие друзья! Берите все, что вам дает семинария, особенно в том, что касается учебы. Когда учишься, особенно на младших курсах, кажется, что некоторые предметы неинтересны, другие — не пригодятся, третьи просто не входят в число самых любимых. Это неправда! В жизни пригодится все, что вам здесь дают. Никогда не забывайте о том, что многие несчастья в Церкви происходят из-за недостатка образованности у священнослужителей.

Учитесь продуктивно и рационально распределять свое время. Если вы не научитесь этому, то проблем как с учебой, так и просто с дисциплиной вам не избежать.

Никогда не забывайте, зачем вы пришли в семинарию. У всех бывают непростые периоды — и с учебой нелады, и наказание получил, и просто устал. Все это можно преодолеть, если вы будете стремиться к поставленной цели.

Родионов Роман

Хотелось пожелать младшим курсам сохранить искру ревности и любви к Богу и искреннее желание послужить Церкви, то чувство, которое привело их в духовную школу. Несмотря ни на какие трудности во время обучения, всецело уповать на помощь Божию. Как можно активнее участвовать в жизни монастыря, слушать наставников и совершенствоваться в христианских добродетелях.

Романцов Евгений

Семинарист — во многом тот же студент, что и, если можно так выразиться, среднестатистический студент высших учебных заведений нашей страны. Если вкратце, главным образом это касается тех задач и нужд, которые, несомненно, предстоят (предстанут) перед лицом каждого студента. Поэтому, несмотря на всю кажущуюся банальность и общность пожелания, выражаю свою надежду на то, что каждый студент нашей семинарии будет заниматься в течение своего пребывания в этих стенах именно тем, во имя чего они сюда призваны, а именно: учиться, причем делать это как можно лучше. Всю ценность этого занятия, по принципу «учиться, учиться и еще раз учиться», обязательно можно будет заметить особо близко ко дню выпуска, и надеюсь — результат вас не разочарует.

Иеродиакон Матфей (Самохин)

Дорогой друг, желаю тебе полезно и радостно провести время учебы. Бери как можно больше от дарованной возможности учиться и для начала приими некоторые советы из пережитого семинарского опыта:

Пиши конспекты на уроках — на экзамене будешь спокоен и в уважении у преподавателя.

Спрашивай, что не понимаешь и что интересно, — преподаватели это любят, а тебя запомнят.

Пиши сочинения заранее, чтобы за неделю до сдачи закончить, — узнаешь много полезного и будешь спокойно спать последние ночи.

Ходи на богослужения при каждой возможности: практика — главная учеба. Но главное — увидишь, как это изменит и духовно преобразит тебя.

Самый лучший отдых от напряжения мозгов на учебе — физическая работа на послушаниях.

Ложись пораньше, вставай до подъема — успеешь все уроки сделать и весь день в бодрости проведешь. Сон с 10 до 12 — один час за два (архим. Иоанн (Крестьянкин)).

Важно! Определяйся сразу: есть два пути — семья и монашество. К концу 4-го курса уже принимай решение и выпускайся либо семейным священником, либо иеромонахом.

Следуй воле Божией, и Господь везде будет помогать — это полноценная жизнь.

Иерей Тимофей Готяшвили

Семинарское обучение — это долгий и сложный путь, идя по которому, не испытываешь недостатка ни в чем: бывает и неповторимая радость, и неожиданные разочарования. Но когда уже чувствуешь, что совсем недолго осталось быть членом этой единой большой семьи, в которой за пять лет появились родные тебе люди, а многие стали тебе близки, то не хочется верить в то, что времени непосредственного каждодневного общения с ними осталось не так уж много.

Я хочу пожелать всем, кто еще учится в Сретенской семинарии, и тем, кто только готовится к поступлению: цените все то, что вам дает ваша духовная школа, цените ее опытных преподавателей, радеющих о своих студентах и относящихся к ним действительно как к своим младшим братьям. Не ленитесь проявлять больше личного участия в службах и в семинарской жизни. Все то, к чему будут приложены ваши личные силы, время и старание, станет для вас впоследствии намного ценнее и

дороже. Хочу сказать большое спасибо отцу Тихону, потому что обучение в Сретенской семинарии было для меня делом не только серьезным, но и весьма интересным.

Антонов Павел

Уважаемые коллеги студенты, прошу вас задуматься о тех годах, что вы провели в стенах нашей духовной школы и что проведете, возблагодарить Господа, что именно в этих стенах вы получили тот бесценный опыт общения как с братией монастыря, так и с вашими товарищами по цеху студентами.

Прошу вас обратить внимание, что только здесь вы сможете в домашней обстановке пообщаться, получить добрый совет у такого человека, как наш ректор, отец Тихон, также вы сможете всегда получить квалифицированный ответ и поддержку как от преподавателей семинарии, так и от отзывчивой братии монастыря.

Возможно, осознание данного вопроса придет к вам несколько позже, но, пожалуйста, прошу уделять этим бесценным минутам общения с вашими коллегами студентами, преподавателями, братией монастыря, отцом Тихоном особое внимание.

Васильев Алексей

Выберите для себя в учебной программе какой-нибудь один предмет, который вам больше всего нравится, и начинайте изучать его самостоятельно — хотя бы в одной области будете специалистами.

Постарайтесь иногда в свободное время заходить в храм к священномученику Илариону. Он — покровитель всех студентов, всегда утешит и поможет.

Время — вещь, как известно, весьма драгоценная. Постарайтесь не растрачивать его попусту.

Фотогалерея

Сретенский монастырь

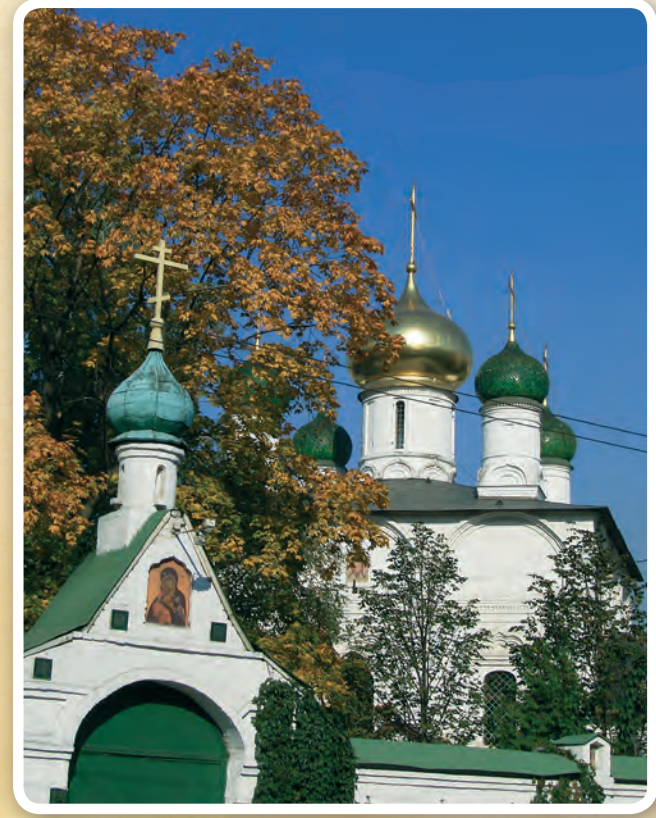

Сретенский монастырь. Художник С.Н.Ивлева

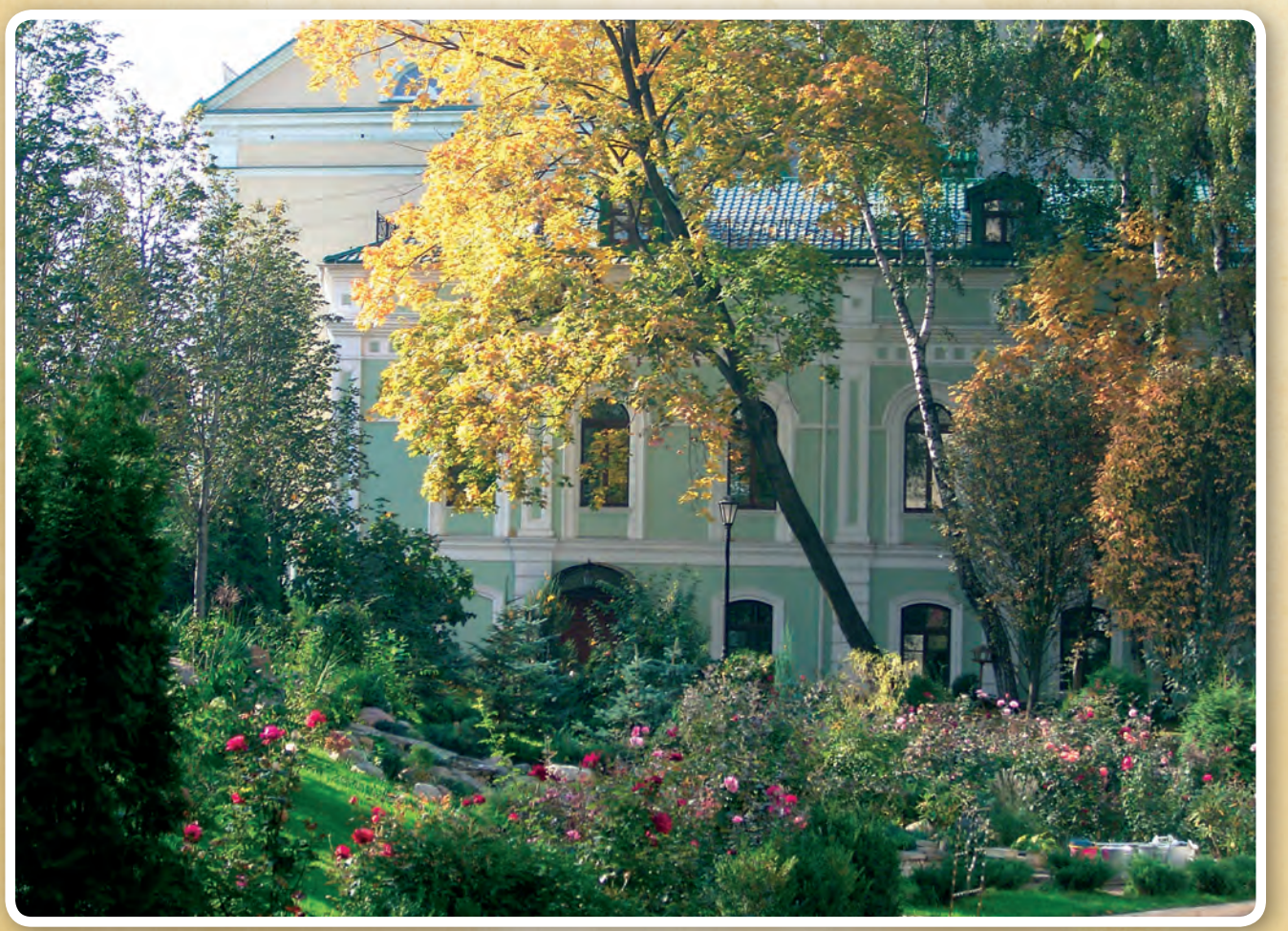
Соборный храм Сретения Владимирской иконы Божией Матери

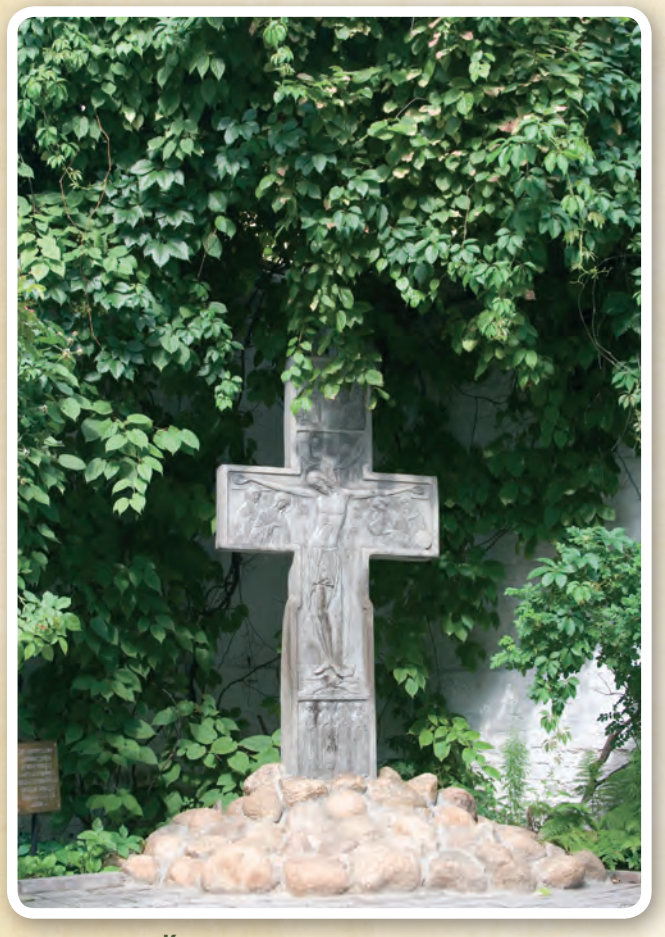

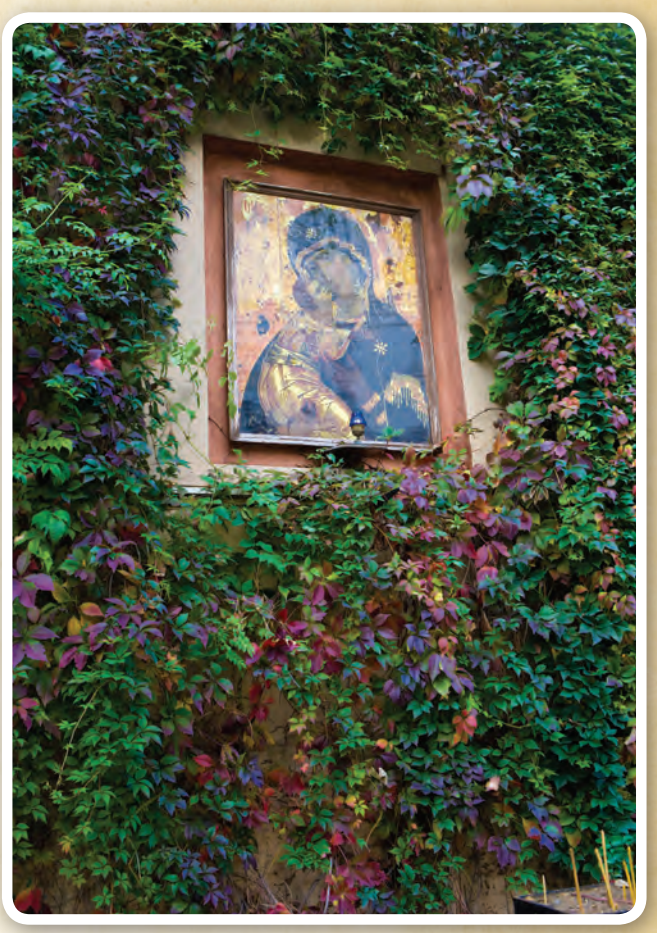
Семинарский и братский корпуса

Корпус наместника

Крест в память новомучеников

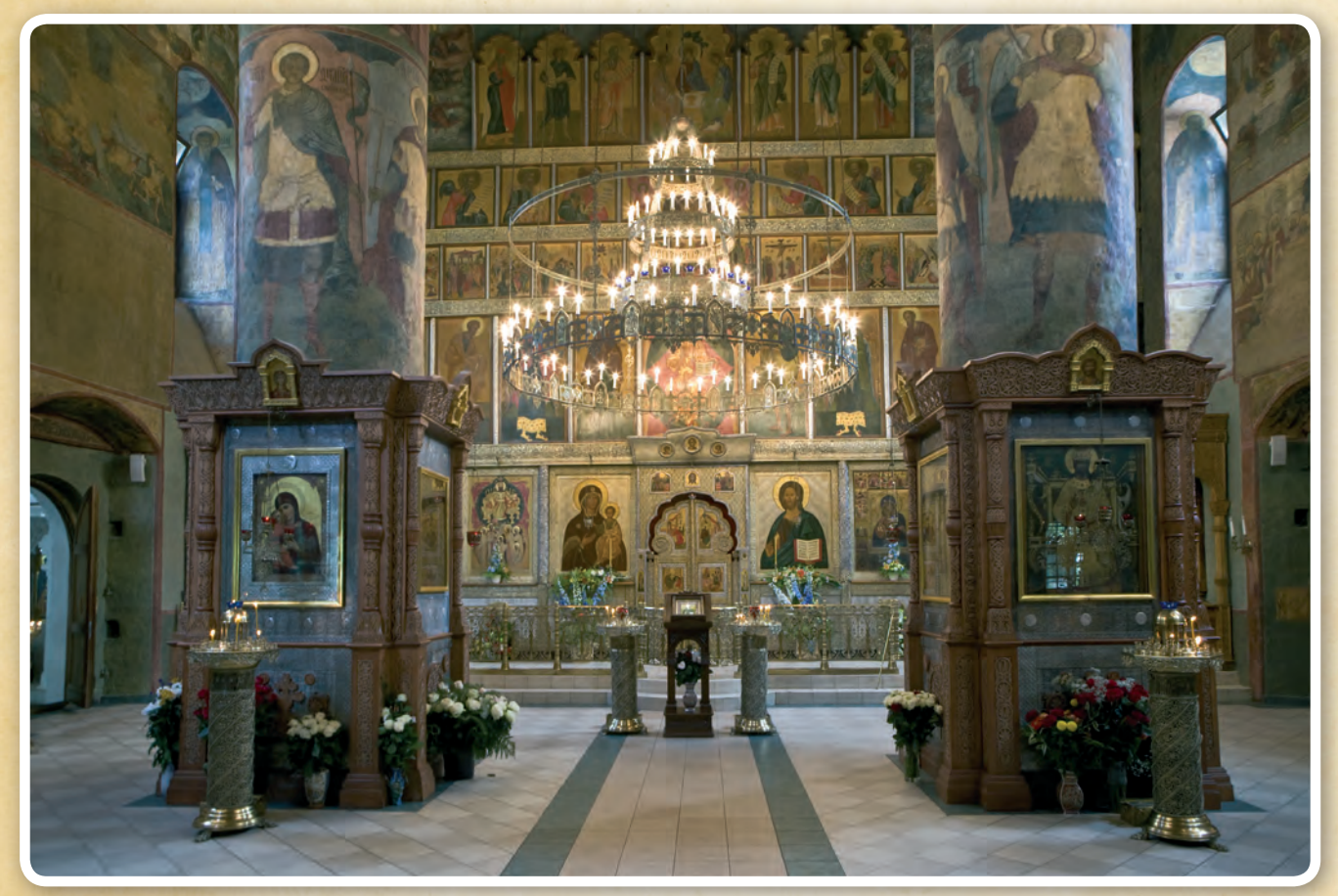

Икона Владимирской Божией Матери

Административный корпус

Монастырский храм

Центральная часть храма

Главный престол храма

Придел Рождества Иоанна Предтечи

Крипта Воскресения Христова

Придел прп. Марии Египетской

Служение Святейшего Патриарха Кирилла в Великую Среду

Служение Святейшего Патриарха Алексия в день памяти священномученика Илариона

Пасха Христова

Рождество Христово

Благословение на ношение подрясников

Хиротесия во чтеца

Хиротония во диакона

Хиротония во иерея

Учеба в семинарии

Послушания

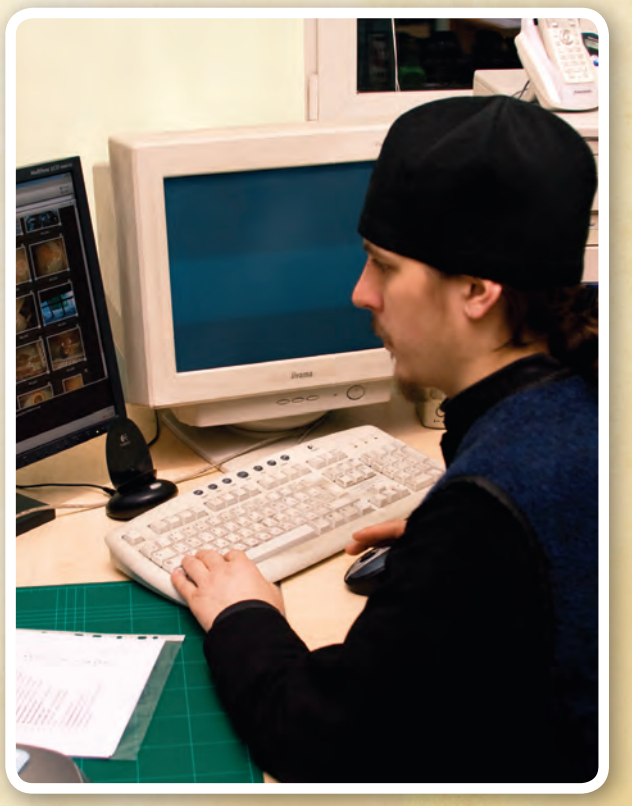
Медицинский кабинет

Интернет

Детский дом

Издательство

Воскресная школа

Пономарство

Семинарский хор

Паломничества

Святая Земля 2005

Святая Земля 2008

Святая Земля 2005

Италия 2004

Бари 2006

Псково-Печерский монастырь 2007

Выпуск 2004 года

Выпуск 2005 года

Выпуск 2006 года

Выпуск
2007 года

Выпуск
2008 года

Выпуск
2009 года

Выражаем благодарность

Трубицыной Галине Ивановне,
Толмачевой Ольге Ивановне,
иеромонаху Симеону (Томачинскому)
с сотрудниками издательства Сретенского
монастыря
и особенно Маршевой Ларисе Ивановне
за помощь в редактировании
и подготовке данного сборника.

Благодарим также сотрудников Сретенской духовной семинарии: диакона Антония Новикова и Дементьева Дмитрия и студентов: Бабаяна Георгия, Васильева Алексея, Власова Алексея, Матвеева Илью, Битбунова Георгия, Бажкова Степана, Коханова Ивана, Красикова Александра, Новикова Геннадия, Тихонова Андрея, Чистякова Кирилла, Павлушенко Владислава, Гольцова Вячеслава, Бровко Виталия, Маркова Евгения, Никитина Сергея, которые беседовали с преподавателями, а также Шахмирзояна Романа, Хохлова Ивана, Овчинникова Владимира, Шестакова Вадима, Ланцева Георгия, Щербенко Алексея, Михайлева Петра, Гринева Андрея, послушника Диомида (Митрофанова), Королькова Дмитрия. Фотографов: Балаянца Гурия и Родионова Михаила.